

ТРУДЫ

В. Г. ВАСИЛЬЕВСКАГО.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лпн., № 12.

1909.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1909 г.

За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ Князь *В. Голицынъ*.

Академическая Коммиссія по изданію трудовъ В. Г. Васильевскаго пользовалась при изданіи этого выпуска помощью академиковъ А. А. Шахматова и Н. Я. Марра (вошедшаго послѣ избранія въ Академію и въ составъ Коммисіи) и профессоровъ О. А. Брауна и В. Н. Бенешевича. Последнимъ, а также членомъ-корреспондентомъ Академіи профессоромъ Г. А. Воскресенскимъ и завѣдующимъ Московской Синодальной Библіотекой Н. П. Поповымъ исполнены были сличенія нѣкоторыхъ славянскихъ рукописей, потребовавшіяся при изданіи пятой статьи выпуска.

РУССКО-ВИЗАНТІЙСКІЄ ОТРИВКИ.

I.

ДВА ПИСЬМА ВИЗАНТІЙСКАГО ИМПЕРАТОРА МИХАИЛА VII ДУКИ КЪ ВСЕВОЛОДУ ЯРОСЛАВИЧУ¹⁾.

1.

На страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія²⁾ мы имѣли случай говорить о «Средневѣковой греческой библіотекѣ» (*Bibliotheca graeca medii aevi*), издаваемой ученымъ грекомъ г. К. Саѳою (*C. Sathas*), и въ частности о четвертомъ томѣ ея, особенно важномъ для русской исторіи. Припомнимъ, что въ этомъ томѣ въ первый разъ явилась въ свѣтъ «Исторія» (правильнѣе было бы сказать: мемуары) Михаила Пселла, которая доселѣ была извѣстна ученому міру только по краткимъ ссылкамъ и выпискамъ Дю-Канжа и Баронія, но давно возбуждала любопытство и пытливость ученыхъ, занимавшихся византійскою исторіей. Ея полное изданіе нѣсколько разъ было обѣщано французскими эллинистами и византинистами, — въ послѣдній разъ такимъ отличнымъ и опыт-

1) «Журн. Мин. Нар. Пр. Часть 182 (декабрь 1875 г.), Отд. II, стр. 270—315».

2) «Труды В. Г. Васильевского» I, 179 сл.»

нымъ знатокомъ дѣла, каковъ былъ К. Бенедиктъ Газе. Газе, какъ извѣстно, имѣлъ щедрого мецената въ лицѣ знаменитаго русскаго канцлера, графа Николая Петровича Румянцева. На счетъ Румянцева была имъ издана (въ 1818 г.) исторія Льва Діакона, рассказывающаго борьбу нашего Святослава съ Цимисхіемъ; матеріальное содѣйствіе того же русскаго сановника было обезпечено для изданія «Исторіи» Михаила Пселла. Но вслѣдствіе разныхъ случайностей этотъ важный и для русской исторіи памятникъ явился — въ видѣ неожиданнаго сюрприза — только въ 1874 году. Въ статьѣ о Византійскихъ Варягахъ мы привели изъ него нѣсколько отрывковъ; въ числѣ ихъ особен-
 271 наго вниманія заслуживалъ, конечно, довольно подробный разсказъ о нашествіи Руси на Константинополь въ 1043 году.

Точно такъ же давно было извѣстно о существованіи обширной переписки того же самаго Пселла; и опять по нѣкоторымъ указаніямъ мы знаемъ, что въ этой перепискѣ идетъ рѣчь иногда о русскихъ дѣлахъ и сообщаются новыя подробности относительно тѣхъ русско-византійскихъ событій, о которыхъ теперь можно читать въ «Исторіи» Пселла. Такъ, напримѣръ, только изъ ссылки Газе на переписку Пселла извѣстно, что Русскіе, при походѣ на Византію Владиміра Ярославича, проникли между прочимъ въ Никомидійскій заливъ: въ «Исторіи», или мемуарахъ, несмотря на значительную подробность разсказа, этой черты не отмѣчено. Послѣ этого понятно и то удовольствіе, съ какимъ мы увидѣли на обложкѣ IV-го тома «Греческой Библиотеки» объявленіе о готовящемся изданіи корреспонденціи Пселла, и то нетерпѣніе, съ какимъ всѣ интересующіеся русскою и византійскою исторіей ожидаютъ исполненія даннаго г. Саею обѣщанія. — Михаилъ Пселлъ былъ самымъ замѣчательнымъ человекомъ и полнымъ представителемъ византійской науки и образованности въ XI вѣкѣ, а также и политическимъ дѣятелемъ; онъ былъ всѣмъ: и философомъ, который своимъ поклоненіемъ Платону вызывалъ противъ себя угрозы патріарховъ, и монахомъ, профессоромъ, который училъ византійское юношество риторикѣ, и министромъ. Онъ былъ въ постоянныхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ цѣлымъ рядомъ императоровъ, съ нѣсколькими патріархами и со множествомъ византійскихъ сановниковъ и

полководцевъ и т. д. Въ его корреспонденціи, по словамъ г. Сасы, находится много писемъ, адресованныхъ отъ имени византійскихъ императоровъ къ различнымъ государямъ востока и запада. Изъ прежнихъ указаній г. Сааы мы знаемъ о существованіи письма императора Константина Мономаха къ печенѣжскому хану Кегену, — тому самому, который увелъ свою орду изъ русскихъ предѣловъ въ византійскіе. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти письма потому попали въ корреспонденцію Пселла, что онъ былъ ихъ авторомъ или редакторомъ — въ качествѣ императорскаго секретаря.

Въ <восьмой> книжкѣ Ежегодника, издаваемого французскимъ обществомъ поощренія греческихъ занятій (*Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France*, 8-e Année, 1874), г. Сааа напечаталъ <на стр. 193 — 221> два письма изъ приготовляемой имъ къ изданію корреспонденціи Пселла¹⁾, снабдивъ ихъ объяснительнымъ введеніемъ; все это явилось также и въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ. Такимъ образомъ мы теперь получили нѣкоторый образчикъ²⁷² того, чего намъ слѣдуетъ ожидать. Образчикъ не обманываетъ надеждъ на большой интересъ цѣлаго и еще сильнѣе возбуждаетъ ученое любопытство. Но изъ этого же образчика видно, что корреспонденція Пселла способна вызвать не мало трудныхъ вопросовъ, подлежащихъ спору, и во всякомъ случаѣ потребуетъ новыхъ изслѣдованій по византійской исторіи, а, можетъ быть, и по русской. Оба письма, изданныя Сааою, имѣютъ одно и то же содержаніе, но оба лишены всякаго надписанія, по которому можно было бы узнать, отъ кого и къ кому письма отправлены. Изъ содержанія писемъ легко и ясно обнаруживается только то, что оба писаны отъ имени императора Михаила VII Дуки (1071 — 1078): Пселлъ былъ его воспитателемъ, а потомъ, по вступленіи на царство, — главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ. Въ обоихъ письмахъ говорится о прежнемъ «совластителѣ» того императора, который отправляетъ посланіе; этотъ «совластитель» и соимператоръ не происходилъ

1) <Она вошла въ 5-й томъ изданія г. Сааы «*Bibliotheca graeca medii aevi*», выпущенный въ 1876 г. Два письма, о которыхъ идетъ рѣчь, помѣщены тамъ подъ № № 143 и 144 на стрр. 385—392.>

отъ законнаго царскаго рода, а «внѣдрился въ средоточіе имперіи отъ чужероднаго корня», получилъ власть «тираннически», то есть, незаконно, былъ «дикимъ приросткомъ» на царственномъ древѣ и по суду Божию былъ отъ него отторгнутъ и отсѣченъ, то есть, низвергнутъ и лишенъ власти. Очевидно, что рѣчь идетъ о несчастномъ Романѣ Діогенѣ. По смерти Константина X Дуки, власть переходила къ его сыновьямъ, но такъ какъ самый старшій изъ нихъ, Михаилъ, былъ еще малолѣтенъ, то за него должна была править мать его Евдокія. Вопреки обѣщанію, которое она дала умирающему мужу, Евдокія избрала себѣ новаго мужа — это и былъ Романъ Діогенъ — и провозгласила его императоромъ, не отнимая, конечно, этого титула у своего сына (1068 г.). Ея поступокъ оправдывался затруднительнымъ положеніемъ имперіи, съ которымъ не могла справиться женская рука, угрожающимъ разливомъ турецко-сельджукидскихъ завоеваній, который необходимо было остановить. Извѣстны неудачный турецкій походъ и трагическая судьба Романа Діогена. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ султаномъ Альпъ-Арсланомъ, потомъ освобожденъ на извѣстныхъ условіяхъ, но только для того, чтобы найти болѣе жестокихъ и безжалостныхъ враговъ въ своемъ отечествѣ. Во время его плѣна власть захватили родственники покойнаго императора Константина, дядя Михаила; самъ Михаилъ VII Дука, руководимый непріязненнымъ Діогену Пселломъ, не хотѣлъ болѣе дѣлиться престоломъ съ мужемъ своей матери. Романъ Діогенъ былъ встрѣченъ въ предѣлахъ 273 своей имперіи не какъ государь, а какъ соперникъ и врагъ законнаго императора, и былъ разбитъ; ему вырѣзаны глаза, и вслѣдствіе этой операціи, совершенной съ особеннымъ варварствомъ, онъ вскорѣ умеръ. Послѣ этого Михаилъ VII могъ говорить въ своемъ письмѣ «о принятіи отеческой власти во всей ея полнотѣ и совершеніи». — Далѣе, въ письмѣ идетъ рѣчь о порфирородномъ братѣ царствующаго императора, который носить имя Константина: Михаилъ VII дѣйствительно имѣлъ брата Константина, который родился въ порфирѣ, то есть, тогда, когда его отецъ былъ уже императоромъ. Такимъ образомъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что лицо, отъ котораго написаны посланія, есть Михаилъ VII Дука.

Но не так легко угадать и рѣшить, кому эти посланія предназначались. Г. Сава прежде всего подумалъ о Робертѣ Гвискарѣ и остановился на этомъ предположеніи, постаравшись подкрѣпить его нѣкоторыми доказательстами и соображеніями. Онъ счелъ свою догадку до такой степени несомнѣнною, что поставилъ имя Роберта Гвискара въ заглавіи изданныхъ имъ писемъ и объяснительной статьи къ нимъ¹⁾. Но, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакой возможности принять предположеніе, высказанное г. Савою. Только за неимѣніемъ ничего лучшаго и болѣе подходящаго, можно было на минуту подумать, что письма такого содержанія, какъ эти два посланія, могли быть адресованы къ норманнскому завоевателю, Роберту Гвискару. Въ своихъ письмахъ Михаилъ VII сватаетъ за своего брата Константина дочь того князя, къ которому адресовано письмо; но изъ другихъ источниковъ мы знаемъ только о бракѣ сына Михаила, по имени тоже Константина, на дочери Роберта Гвискара. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что дядя и племянникъ были женаты на родныхъ сестрахъ, какъ это думаетъ г. Сава. Притомъ, тотъ князь, дочь котораго сватается за Константина Порфиророднаго (брата Михаила), еще прежде былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ византійскимъ дворомъ и выдалъ, либо только сосваталъ другую свою дочь за одного изъ Діогеновичей, сыновей предшественника и бывшаго соимператора Михаила, Романа Діогена: на это есть прямое указаніе въ письмахъ. Ни въ византійскихъ, ни въ норманнскихъ источникахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека и на этотъ послѣдній бракъ, а есть только свидѣтельства о постоянно враждебныхъ отношеніяхъ Норманновъ и Византіи во все время правленія Романа 274 Діогена. Діогеновичи были родственны съ Русскими князьями. При большемъ знакомствѣ съ русскою исторіей, г. Сава могъ бы дать гораздо лучшее и болѣе подходящее объясненіе письмамъ Михаила VII. Они адресованы къ князю единовѣрному, то есть, православному, къ князю знатнаго происхожденія и притомъ извѣстному своимъ миролюбіемъ: ни одинъ изъ этихъ при-

1) Deux lettres inédites de l'empereur Michel Ducas Parapinace à Robert Guiscard, rédigées par Michel Psellus et publiées par Constantin Sathas. Paris 1875.

знаковъ не подходитъ къ Роберту Гвискару, и всѣ они отлично идутъ къ русскому князю, имя котораго мы поставили въ заглавіи. Дальнѣйшія и болѣе подробныя доказательства и объясненія читатель найдетъ ниже, вслѣдъ за самыми письмами, которыя мы сообщаемъ въ возможно близкомъ и точномъ переводѣ съ греческаго подлинника ¹⁾).

2.

Первое письмо.

«Три причины, благороднѣйшій и разумнѣйшій мужъ, пробудили во мнѣ дружественное и самое искреннее расположеніе къ тебѣ: единомысліе въ истинной вѣрѣ, благородство твоего образа мыслей и знатность твоего рода. Я подумалъ, что было бы умѣстно, чтобы тотъ, кто участвуетъ въ одномъ и томъ же съ нами обрядѣ, славится добродетелью души и украшается честію рода, сдѣлался также (для насъ) общникомъ любви и согласія.

«Будучи сыномъ миролюбивѣйшаго царя, благочестиваго въ отношеніи къ Богу, правдолюбиваго въ отношеніи къ друзьямъ и всегда доказывавшаго свою дружбу дѣлами, я поставилъ себѣ задачею быть наслѣдникомъ его правилъ, точно такъ же, какъ я сдѣлался наслѣдникомъ его власти, и прежде всего возлюбить миръ, привлечь къ себѣ болѣе разумныхъ и благородныхъ мужей и сдѣлать изъ нихъ надежныхъ друзей себѣ.

«Слыша отъ многихъ, близко знакомыхъ съ твоимъ образомъ мыслей, что ты положилъ основаніемъ своей власти прежде всего благочестіе и управлять своею областію въ духѣ правосудія и святости, и что ты не любишь кровопроли-

1) Французскій переводъ г. Саеи нельзя назвать особенно точнымъ и близкимъ къ подлиннику. Правда, и не легко передать въ хорошемъ переводѣ часто запутанную и неопредѣленную фразеологию византійскаго дипломатическаго языка; но мы думаемъ, что намъ не было нужды заботиться объ особенномъ изяществѣ рѣчи, котораго не представляетъ и подлинникъ. Неровность языка, смѣшеніе новыхъ терминовъ и выраженій со старинными должны быть поставлены въ вину не только нашему переводу, но и самому подлиннику, въ которомъ классическая *καλοκαγάρια* стоитъ на ряду съ выраженіями совершенно другой эпохи.

тія браней, но желашь совершить свои дѣла наиболѣе мирнымъ образомъ, я подивился такому расположенію и поставляю себѣ въ заботу заключить съ тобой дружбу.

«И что касается другихъ властителей народовъ, то, я полагаю, достаточно будетъ, если я засвидѣтельствую имъ любовь письменно; они должны почитать за великое счастье, что я захотѣлъ быть съ ними въ согласіи, такъ чтобъ относиться къ нимъ миролюбиво и не желать войны и раздора.

«Но относительно твоего благородства и разумности я рассудилъ сдѣлать нѣчто большее и устроить согласіе дружбы, которой никто не возможетъ разрушить; и не удивляйся, что я тебя возвышаю изъ среды другихъ властителей и удостоиваю бѣльшей чести, ибо тождество исповѣданія и вѣры божественной уже сдѣлало ту наиточнѣйшую гармонію въ нашемъ взаимномъ настроеніи, о которой было выше сказано.

«Итакъ, какой именно видъ достохвальнаго единенія (предполагается мною)? — Я хочу содѣлать своимъ сродникомъ по свойству и соединить брачнымъ союзомъ одну изъ твоихъ дочерей съ моимъ братомъ киръ-Константиномъ, порфиророднымъ царемъ, дабы посредствомъ ихъ священнаго союза нынѣшняя связь нашей дружбы сдѣлалась вполне неразрушимою.

«Тебѣ, конечно, безызвѣстно, что такое есть императорская власть у нашихъ Римлянъ и что даже тѣ, которые вступаютъ въ дальнее родство съ нами, почитаютъ такой союзъ величайшимъ благополучіемъ; а я сватаю твою дочь не за чужаго мнѣ родомъ и не за какого-нибудь родственника изъ дальнихъ, но за брата, родившагося отъ одного со мною сѣмени, произращеннаго однимъ естествомъ, рожденнаго въ царской порфирѣ, повитаго царскими пеленами и получившаго вмѣстѣ съ рожденіемъ царское достоинство отъ Бога. Вотъ мое благожеланіе, а твое благополучіе, вотъ верховное божественное домостроительство, обоимъ намъ полезное, ибо твоя власть сдѣлается отсюда болѣе почтенною и всѣ будутъ удивляться и завидовать тебѣ, получившему такое отличіе.

«Если такого рода соглашеніе и было у тебя заключено съ моимъ прежнимъ совластителемъ, и если сынъ его былъ обрученъ съ одною изъ твоихъ дочерей, то есть

все-таки большое различіе между тѣмъ и другимъ (женихомъ); ибо не одно и тоже — царь названный и царь прирожденный, 276 прямота царственная и самозаконіе тиранническое, и не одинаковы основанія власти. Я получилъ наслѣдство власти отъ законныхъ царей, а онъ вѣдрился въ средоточіе Римской имперіи отъ чужероднаго корня; самъ Богъ свыше произнесъ свой судъ, лишивъ власти того, кто получилъ ее тираннически, меня же еще совершеннѣе утвердивъ въ ней.

«Нынѣ брачный союзъ будетъ тебѣ въ похвалбу и гордость, пынѣ твоя дочь удостоится царской крови, получивъ законное достоинство и званіе.

«Итакъ, отнынѣ тебѣ, какъ удостоенному родства съ моимъ державствомъ, слѣдуетъ, во-первыхъ, радоваться и веселиться по этому поводу и считать соглашеніе по истинѣ совершеннымъ (состоявшимся) и (во-вторыхъ) быть стражемъ нашихъ границъ, шадить область, намъ подвластную, быть союзникомъ и быть за-одно противникомъ во всемъ и противъ всѣхъ, съ благорасположеніемъ относиться къ тѣмъ, кто къ намъ благорасположенъ, отвергать и ненавидѣть тѣхъ, кто намъ враждебенъ. Ибо таковъ законъ дружбы, что каждый изъ вступившихъ въ союзъ дружбы долженъ стоять за пользы друга какъ за свои собственныя.

«Вотъ что тебѣ съ нашей стороны сдѣлано извѣстнымъ и заявлено, и отнынѣ этому не быть иначе. Дай знать и ты самъ моему царствію, какъ ты относишься къ моему рѣшенію, — или лучше, такъ какъ я знаю, что ты примешь (мое предложеніе), объясни мнѣ письмомъ, какъ должно совершиться это дѣло».

Второе письмо.

«Во-первыхъ, поздравь меня, мудрѣйшій и разумнѣйшій изъ всѣхъ мужей, съ принятіемъ во всей полнотѣ и совершеніи отеческой власти, ибо такъ судилъ Богъ и голосъ всего архіерейскаго чина и синклита, и такъ же подтвердили другіе, можно сказать — всѣ наши подданные. Принявъ это какъ бы первое благовѣстіе отъ моего державства, узнай потомъ мое расположеніе, которое я питаю относительно дѣлъ (политическихъ).

«Я люблю миръ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ людей, и желаю править моимъ государствомъ не на основаніи какого-либо стремленія къ расширенію его, такъ чтобы ради этого враждовать съ правителями народовъ, но считая для себя достаточнымъ то царство, которое я получилъ отъ Бога, я хочу привязать къ себѣ посредствомъ дружбы наиболѣе властительныхъ и разумныхъ мужей, каковъ ты, и какъ бы укрѣпить ихъ и укрѣпить себя такимъ единомысленнымъ союзомъ и настроеніемъ. Отно- 277 сительно тебя это имѣетъ мѣсто даже болѣе, чѣмъ относительно другихъ правителей. Ибо союзъ съ тѣми, кто не имѣетъ одного съ нами благочестія, былъ бы неполнымъ, такъ какъ не доставало бы самаго существеннаго пункта; я разумѣю согласіе въ божественномъ обрядѣ. А тамъ, гдѣ положено такое несокрушимѣйшее и однороднѣйшее основаніе, какъ это у насъ обоихъ, тамъ домостроительство любви стоитъ на безопасномъ фундаментѣ; для насъ обоихъ, имѣющихъ соединиться дружбою, будетъ служить краеугольнымъ камнемъ самъ Господь, соединяющій прежде раздѣленное и связывающій единою средою въ самое точное скрѣпленіе.

«Ибо научаютъ меня священныя книги и достовѣрныя исторіи, что наши государства оба имѣютъ одинъ нѣкій источникъ и корень, и что одно и то же спасительное слово было распространено въ обоихъ, что одни и тѣ же самовидцы божественнаго таинства и вѣщатели провозгласили въ нихъ слово Евангелія. Итакъ, было бы нелѣпо и неразумно, чтобы тѣ, которые соединены и связаны по благочестію, были раздѣлены относительно общности рода и дружественности расположенія¹⁾, чтобы согласные между собою въ важнѣйшемъ разногласили въ маловажнѣйшемъ, чтобы спорили другъ съ другомъ объ ихъ (взаимныхъ) властяхъ тѣ, которые одного и того же Бога предпоставили (высшимъ) правителемъ въ собственныхъ государствахъ. Это было бы не что другое, какъ расщепленіе одного и того же тѣла, растерзаніе и раздробленіе наиблизайше соединенныхъ членовъ.

1) <«Соединены и связаны по благочестію и по общности рода, были раздѣлены относительно дружественности расположенія»? См. E. Kurtz, Byz. Zeitschr. 3, 632₁.>

«Итакъ, я, самымъ законнымъ образомъ пріившій царскую власть отъ Бога, дѣлаю самое законное и благочестивое начинаніе и, мало заботясь о другихъ правителяхъ, предпочитаю заключить союзъ съ тобою первымъ, прежде всего и болѣе всего ради тожества въ благочестіи, а не менѣе того по причинѣ сходства въ нашемъ образѣ мыслей. Ибо отъ весьма многихъ, близко тебя знающихъ, я слышалъ, что ты ненавидишь раздоры и битвы и любишь противоположное тому, то есть, миръ, благозаконіе и доброе согласіе. Прибавляю къ этому и третью причину, почему я особенно забочусь о твоей дружбѣ: это то, что тѣ, которые бесѣдовали и познакомились съ тобою, называютъ тебя самымъ разумнымъ человѣкомъ и утверждаютъ, что ты желаешь быть благочестивымъ не только одною точною правильностію вѣры, но и прямою дѣль своихъ, и что ты отличаешься умомъ самымъ твердымъ и дѣятельнымъ и въ то же время правомъ самымъ простымъ и пріятнымъ. Итакъ, 278 какъ бы узнавая себя самого въ твоихъ нравахъ и обычаяхъ, я ставлю передъ тобою чашу дружбы и желаю, чтобы въ ней слились мысли насъ обоихъ, и чтобы мы шли отъ одного и того же источника. А дабы это сліяніе сдѣлалось совершеннымъ и несмутимымъ, я придумалъ такой родъ смѣшенія, какой — знай это хорошо — я усумнился бы предложить всякому другому, но для тебя одного я предпринялъ и задумалъ и съ величайшею готовностію дѣлаю это соединеніе. Какой же (разумѣется) способъ сліянія, и въ чемъ будетъ состоять исходное начало (нашего) нерасторжимаго согласія? Я хочу вступить въ общеніе съ тобою чрезъ посредство родственной крови, дабы чрезъ посредство членовъ отъ обѣихъ (фамилій) скрѣпилось между нами самое прочное согласіе, и связался союзъ любви не на однихъ только пустыхъ словахъ и наименованіяхъ, лишенныхъ практическаго значенія, но чрезъ общеніе двухъ родовъ, чтó уничтожаетъ всякій споръ и разрѣшаетъ всякое несогласіе и противоположность.

«А что касается лицъ, имѣющихъ быть соединенными, то съ той и другой стороны я беру самыхъ близкихъ и любезныхъ намъ, происходящихъ отъ крови чистѣйшей и ближайшей къ первородному и начальному источнику. Это есть — мой братъ

единоотеческій и единоматерній, отъ одного сѣмени и отъ одного естества, всѣмъ извѣстный киръ-Константинъ, красотою лица, если нужно и объ этомъ говорить, какъ бы образъ царственности, и по своему разуму превосходящій всѣхъ своихъ сверстниковъ, рожденный моему отцу не до его воцаренія, но зачатый и рожденный послѣ воцаренія, какъ будто Богъ заранѣе предуготовлялъ твоему роду такое украшеніе. Тѣхъ, кто родился такимъ образомъ, наши Римляне называютъ порфирородными царями, а тѣ, которые получаютъ такое наименованіе, считаютъ его чѣмъ-то божественнымъ, ибо отсюда и царская порфира имѣетъ свою знаменательность (?): поэтому и въ общихъ благовозглашеніяхъ это прозваніе прилагается къ царскому титулу, и всякій, сказавъ: «царь», тотчасъ прибавляетъ «порфирородный».

• «Итакъ, этому царю Константину порфирородному, любезнѣйшему сроднику моей царственности, я сватаю одну изъ твоихъ дочерей — прекраснѣйшую, чтобъ она сочеталась съ красивѣйшимъ и наилучшимъ, и чтобы союзъ царственного свойства сдѣлался между нами связію дружбы, чтобы чрезъ одно это соединеніе водворилось между нами нерасторжимое единомысліе и воистину поставлена была бы чаша — не воды мимотекущей, но родственной крови, не отъ раздѣленія истекшей, но отъ единенія воспріявшей свое сгущеніе.

«Пусть это желаніе души нашей будетъ для тебя истиннѣй- 279
шимъ свидѣтельствомъ самой искренней дружбы къ тебѣ нашего самодержавія и нелицемѣрнѣйшаго расположенія. Отъ сего времени должны начаться благія послѣдствія взаимной любви; мы должны наши взаимныя дѣла считать своими собственными и не ожидать времени брачнаго соединенія нашихъ родовъ, но уже самое возвѣщеніе (предложеніе, обѣщаніе) единенія и согласія считать за полнѣйшее сліянiе и стараться дать другъ другу какъ бы залогомъ (приданое, вѣно) дружбы и единомыслія. Не думай, что такое взаимное соединеніе и согласіе совершится не по Богу; именно свыше и отъ Бога пришло намъ это внушеніе: утвердитель апостольскаго и католическаго благочестія или вѣры у насъ обоихъ, — онъ же самъ совершитъ и этотъ достохваль- ный союзъ, чтобы сообразно тому, какъ у насъ обоихъ одно

начало рода и одинъ образъ благочестія, утвердилась также одна и та же связь родства посредствомъ одинаковаго взаимодаянія. Ибо слѣдовало когда-нибудь этому совершиться и власти раздѣлившейся возвратиться опять къ тому же источнику; то, что древле было устраиваемо божественнымъ домостроительствомъ, нынѣ явно совершается нами.

«Итакъ, прими эту вѣсть какъ исповѣданіе истины, потому что не отъ тираннической души вѣсть приходитъ, но отъ царственнѣйшей мысли признаніе. Твоя дочь вкореняется и, такъ сказать, вѣдряется на самомъ тучномъ и плодородномъ корени, а не на какомъ-либо сухомъ и дикомъ. Корнемъ этого царственного древа и этого прекраснаго тука былъ мой отецъ; послѣ вѣдрился дикій проростокъ, но правда не потерпѣла, чтобы такой наростъ участвовалъ въ благородномъ тукѣ, и онъ былъ отторгнутъ и отсѣченъ, а я, вѣтвь отъ перваго корени, процвѣлъ, а вмѣстѣ со мною поднялись вверхъ и мои братья. Одному изъ нихъ, именно прекраснѣйшему, сочетается твоя дочь, дабы отъ законнаго и истинно царственного корени произросли снова другія вѣтви. Сочтя это заявленіе самымъ, какъ уже сказано, истиннымъ, извѣсти насъ и о твоёмъ мнѣніи, какъ бы это дѣло могло идти далѣе и воспріять наилучшій конецъ».

3.

Приведемъ сначала соображенія и доводы, на основаніи которыхъ г. Сава принимаетъ, что эти письма были адресованы Роберту Гвискару. Онъ пишетъ: «Два письма, обнаруженные здѣсь въ первый разъ, извлечены изъ корреспонденціи Михаила Пселла, и хотя они не имѣютъ ни даты, ни подписи, ни адреса, 280 однако, съ полной увѣренностью можно утверждать, что они писаны около 1072—1073 годовъ, немного времени спустя послѣ смерти храбраго Романа IV, императоромъ Михаиломъ Дукою Паррапинакомъ къ знаменитому герцогу Апуліи, Калабріи и Сициліи, Роберту Гвискару. Въ обоихъ посланіяхъ греческій императоръ проситъ у норманнскаго завоевателя руки одной изъ его дочерей для брата своего, Константина Дуки Порфирогенета. Эти документы бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на фамилію

Роберта Гвискара и особенно на узы, соединявшія ее съ византійскимъ императорскимъ домомъ.

«Скилицій, Зонара и Анна Комнина подробно говорятъ о бракѣ одной дочери Роберта, по имени Елены, съ сыномъ того же Михаила Дуки, который, подобно своему дядѣ, носилъ имя Константина; по ни одинъ греческій историкъ не упоминаетъ о такого рода союзѣ съ братомъ императора. Что касается хроникъ норманнскихъ, то онѣ даютъ намъ только запутанныя подробности объ этомъ союзѣ: однѣ утверждаютъ, что зятемъ Гвискара былъ сынъ императора, другія говорятъ, что это былъ его братъ, а нѣкоторыя, что зятемъ былъ самъ императоръ. Только одинъ, именно Ордерикъ Виталій, говоритъ о двухъ дочеряхъ Роберта, выданныхъ замужъ въ Константинополь». Вслѣдъ затѣмъ приводятся свидѣтельства Вильгельма Апулійскаго, Гильома Жюмьежскаго и еще одного позднѣйшаго писателя (Philippe de Mouskes) и, наконецъ, Ордерика Виталія, котораго г. Саеа называетъ самымъ серьезнымъ изъ норманнскихъ лѣтописцевъ. «Мы можемъ заключить изъ всего предшествующаго», продолжаетъ онъ, «что двѣ дочери Роберта Гвискара вышли замужъ за двухъ членовъ императорской фамилии Дука. Первая, имя которой неизвѣстно, обрученная, до восшествія на престолъ Михаила VII Дуки, съ однимъ изъ сыновей Романа IV Диогена, была потомъ обвинена, послѣ смерти этого послѣдняго, съ братомъ Михаила VII, Константиномъ Дукою Порфиророднымъ. Это и есть тотъ бракъ, къ которому относятся письма, мною обнародованныя».

На это мы должны замѣтить, что свѣдѣнія, сообщаемыя г. Саеою, неполны и неточны. Не только изъ византійскихъ, но также изъ норманнскихъ и южно-италианскихъ источниковъ мы знаемъ, что только одна дочь Роберта Гвискара была выдана въ Константинополь, а о бракѣ какой-либо дочери Роберта съ братомъ Михаила VII не упоминаетъ ни одинъ норманнскій историкъ. Г. Саеа напрасно начинаетъ свое перечисленіе съ Вильгельма Апулійскаго; есть другіе свидѣтели не менѣ близкіе (по 281 времени) къ событіямъ и болѣе достовѣрные, чѣмъ авторъ «Дѣяній Роберта Гвискара». Норманно-византійскій бракъ отмѣченъ, во-первыхъ, въ погодной хроникѣ Лука Протоспаварія — съ

совершенно точнымъ обозначеніемъ года, къ которому онъ относится. Подъ 1076 годомъ <MG. SS. V, 60> мы читаемъ: «hoc anno dedit praefatus dux (то-есть, Робертъ Гвискаръ) filiam suam pugum imperatori Constantinopolis». Итакъ, здѣсь идетъ рѣчь о выдачѣ дочери Роберта въ снохи императору византійскому, то-есть, о выдачѣ за сына Михаила VII. Никакой неясности и запутанности здѣсь нѣтъ. Г. Сава оставилъ также безъ вниманія Годефрида Малатерру, автора Сицилійской исторіи, который писалъ въ концѣ XI столѣтія. Этотъ вполне авторитетный свидѣтель говоритъ также объ одной только дочери Роберта Гвискара, выданной за сына Михаила VII. Замѣтить слѣдуетъ при этомъ то, что объ одной дочери Роберта говорится у Малатерры почти въ той самой связи, въ которой у позднѣйшаго писателя, то-есть, у Ордерика Виталія, идетъ рѣчь о двухъ дочеряхъ. По словамъ Малатерры, причиною сверженія съ престола Михаила VII было неудовольствіе Грековъ на бракъ его сына съ чужестранкой и опасеніе, что при вступленіи на престолъ наслѣдниковъ, рожденныхъ отъ дочери Роберта, Норманны нахлынутъ въ имперію и захватятъ въ ней слишкомъ много власти¹⁾; по низверженіи Михаила, дочь герцога была содержима подѣ крѣпкой стражей²⁾. Что касается Вильгельма Апулійскаго, то съ него, дѣйствительно, начинается нѣкоторая неясность и запутанность касательно норманно-византійскаго брака, но только совѣмъ не такого рода, какъ предполагаетъ г. Сава, не понявшій или не желавшій понять точнаго смысла выраженій автора «Дѣяній Роберта Гвискара». Вильгельмъ Апулійскій вовсе не говоритъ о выдачѣ какой-либо дочери Роберта Гвискара за брата Михаила VII, какъ представляется г. Сава. Вотъ два отрывка, приводимые г. Саваю изъ Вильгельма:

Interea Michael Romani iura regebat
Imperii cum fratre suo, qui nomine dictus
Constantinus erat <MG. SS. IX, 265>.

1) Gaufridi Malaterrae Historia Sicula, l. III, c. 13 (Muratori, Rerum Italicarum Scriptores, V, p. 579): dejectus -- hoc solo crimine objecto, quod filiam Ducis filio suo nuptui acceperat -- Timebant - Graeci, ne si ex nostrae gentis uxore haeredes procreati in palatio successerant, occasio liberius illuc accedendi nostrae genti daretur.

2) Ibid.: Ipsam Ducis filiam reclusam diligenti custodia observabant.

Ниже «*ibid.* p. 279» идетъ рѣчь о низверженіи Михаила и 282 его брата Константина:

His Michael solii deiectus ab arce diebus,
Cuius in insontem Romanum dira voluntas
Arserat indigne, socio sibi fratre repulso,
Monachus efficitur. Roberti filia moeret
Deponi socium; miser exulat ille coactus.

Но это въ простомъ прозаическомъ переводѣ будетъ значить: «Въ эти дни Михаилъ, нѣкогда поступившій жестоко съ невѣрнымъ Романомъ (Диогеномъ), былъ свергнутъ съ престола и сдѣлался монахомъ, при чемъ и братъ его былъ прогнанъ; дочь Роберта печалится о низложеніи своего супруга (*socium*), а тотъ (то есть, братъ) отправляется въ невольное изгнаніе».

Итакъ, по мнѣнію Вильгельма Апулійскаго, дочь Роберта была выдана за самого Михаила VII. Это, конечно, ошибка, но она несомнѣнно существуетъ въ «Дѣяніяхъ Гвискара» и встрѣчается здѣсь въ другомъ мѣстѣ, которое г. Сава оставилъ безъ вниманія. При разсказѣ о подаркахъ, сдѣланныхъ баронами норманскими при выдачѣ дочери Роберта Гвискара за Гуго, маркиза Ломбардскаго, Вильгельмъ Апулійскій прибавляетъ, что прежде, когда другая дочь Роберта была выдаваема за императора Михаила, бароны не оказали никакого пособія (*ibid.* p. 275):

— Nec enim prius, imperiales
Altera cum proles thalamos Michaelis adisset,
Quodlibet auxilium dederant.

Наконепъ, Вильгельмъ Апулійскій говоритъ и о ласковомъ обращеніи Алексѣя Комнина съ дочерью своего врага, герцога Роберта, угрожавшаго ему нашествіемъ (p. 282):

Roberti genitae non parvum blandus honorem
Exhibet, audierat quem velle venire.

Если Вильгельмъ Апулійскій, почти современникъ Михаила Дуки, смѣшивалъ этого императора съ его сыномъ, то не удивительно, что эту ошибку повторяютъ, можетъ быть, даже у него заимствуютъ — позднѣйшіе писатели, которые приведены г. Савою. Они говорятъ о выдачѣ дочери Роберта за самого византійскаго императора Михаила и нисколько не имѣютъ въ

виду брата его. Вообще, нѣтъ никакихъ ни вѣрныхъ, ни ошибочныхъ указаній о бракѣ Константина Дуки, брата Михайлова, съ дочерью Роберта Гвискара; нѣтъ никакого повода запутывать византійско-норманнскую генеалогію, когда мы имѣемъ 283 совершенно ясныя и отчетливыя свѣдѣнія о дочеряхъ Роберта и ихъ мужьяхъ въ такихъ хорошихъ источникахъ, какъ *Анналы Лупа Протоспаарія*, *Исторія Сицилійская Малатерры* и, наконецъ, «*Норманнская исторія*» *Амата*, подробный рассказъ котораго о выдачѣ Робертомъ своей дочери за сына Михаила VII («*Aimé, Ystoire de li Normant, VII 26, p. 297 Delarc*») привелъ самъ г. Сава въ концѣ своей статьи. О византійскихъ источникахъ мы уже не говоримъ¹⁾.

Послѣднею опорой Сава остаются двѣ дочери Роберта, о которыхъ рассказываетъ любопытныя вещи *Ордерикъ Виталій*, писатель половины XII столѣтія.

«*Вотаніатъ захватилъ власть и низвергнулъ съ престола Михаила, императора Константинопольскаго, лишилъ зрѣнія сына этого государя, который долженъ былъ ему наследовать, и заключилъ его въ оковы. Онъ заключилъ въ темницу и двухъ дочерей Роберта Гвискара, изъ которыхъ одна была обручена съ юнымъ царевичемъ...*»

«*Но Алексѣй Комнинъ (преемникъ Вотаніата) освободилъ отъ оковъ сына Михайлова, который, какъ сказано, былъ лишенъ зрѣнія, и поручилъ его покровительству настоятеля монастыря св. Кира. Такъ какъ этотъ молодой царевичъ чувствовалъ себя непригоднымъ для міра, то онъ сдѣлался монахомъ и остался на всю жизнь съ служителями Бога. Двухъ дочерей Роберта Гвискара Алексѣй любилъ нѣжно и обходился съ ними кротко, какъ будто онъ былъ отцомъ ихъ, и въ продолженіе двадцати лѣтъ воспитывалъ ихъ въ нѣгѣ подъ своею опекой. Утромъ, когда встанетъ императоръ съ постели и умоетъ себѣ руки, обязанностію ихъ было принести полотенце и гребень изъ слоновой кости и расчесывать бороду императора. Никакой другой обязанности на нихъ не было возложено, кромѣ*»

1) «*Ср. П. В. Безобразова «Не изданный брачный договоръ Михаила Дуки съ Робертомъ Гвискаромъ»: Журн. Мин. Нар. Пр. Ч. 265 (сент. 1889 г.), Отд. II, стр. 23—31.*»

этого легкаго и пріятнаго занятія. Спустя много времени онъ были отосланы къ Рожеру, графу Сицилійскому, съ которымъ императоръ былъ въ дружбѣ» (Migne, Patrologia latina, t. 188, col. 518 sq.).

Ордерикъ Виталій, конечно, серьезный писатель, но онъ жилъ въ половинѣ XII вѣка и хорошо былъ знакомъ съ исторіей не южныхъ Норманновъ, а Норманновъ англійскихъ; о византійскомъ дворѣ, точно такъ же какъ о крестоносцахъ, онъ иногда рассказываетъ басни, пишетъ по слухамъ и мѣшаетъ были съ небылицами. Приведенный рассказъ Ордерика наполненъ неточностями и невѣрностями. Сынъ Михаила VII вовсе не былъ лишенъ зрѣнія Никифоромъ Вотаниатомъ, никогда не былъ заключаемъ въ оковы и не только не сдѣлался послѣ воцаренія Алексѣя Комнина монахомъ, но, напротивъ того, считался соправителемъ Алексѣя. Все это хорошо извѣстно изъ византійскихъ писателей, особенно изъ сочиненія Анны Комнины, которая была обрученною невѣстою Константина, сына Михайлова, послѣ того какъ дочь Роберта была отвергнута.... Очевидно, что и Ордерикъ Виталій смѣшиваетъ отца съ сыномъ: Михаилъ VII, по низверженіи, дѣйствительно сдѣлался монахомъ и послѣ былъ возведенъ въ митрополиты. Что касается двухъ дочерей Роберта, то, во-первыхъ, нужно замѣтить, что Годефридъ Малатерра говоритъ о заключеніи въ темницу Никифоромъ только одной дочери, а Вильгельмъ Апулійскій — о ласковомъ обращеніи Алексѣя тоже только съ одною дочерью Роберта, а, во-вторыхъ, что и Ордерикъ Виталій, замѣтивъ объ обрученіи одной изъ дочерей съ сыномъ императора, ничего не прибавляетъ о второй и, стало быть, не даетъ никакого основанія предполагать, что и эта другая дочь была соединена какимъ-нибудь родствомъ съ императорскою фамиліею Дука, родственною съ Комнинами; въ-третьихъ и наконецъ, въ Константинополѣ въ самомъ дѣлѣ жили нѣкоторое время двѣ дочери Роберта, но только вторая изъ нихъ была женою одного изъ норманнскихъ бароновъ, недовольныхъ Робертомъ. Это была Мабиль, выданная за Вильгельма Грантемениля (Grantemenil) въ 1088 году и потомъ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, который разсорился съ тестемъ, ушедшая въ Константинополь (см. объ этомъ у Ма-

латерры: Muratori, V, 597 sq.). Мы имѣемъ теперь дарственные записи этой дочери Роберта, жены византійскаго «протосеваста Грантеманиля», писанныя на греческомъ языкѣ, хоть и въ пользу монастырей италіанскихъ (Trinchera, Syllabus graecarum membranarum, p. 108). Она, конечно, играла нѣкоторую роль при дворѣ Комнина Алексѣя и потомъ, дѣйствительно, воротилась на родину.

Такимъ образомъ, мнѣніе г. Сааы, что въ изданныхъ имъ письмахъ Михаила VII идетъ рѣчь о брачномъ союзѣ съ Норманнскимъ домомъ, не только не подтверждается источниками, но прямо имъ противорѣчить.

4.

Г. Сааа предполагаетъ — не извѣстно, на какомъ основаніи, — что та же самая невѣста, руки которой Михаилъ Дука просилъ для своего брата, была прежде сосватана Романомъ IV Диогеномъ для своего сына. Этого тожества изъ писемъ вовсе не видно; скорѣе изъ точнаго смысла выраженій перваго письма слѣдуетъ противное. Михаилъ VII сначала пишетъ: «я хочу соединить брачнымъ союзомъ одну изъ твоихъ дочерей съ
285 моимъ братомъ киръ-Константиномъ»; а вслѣдъ затѣмъ говорить о такомъ же союзѣ сына Диогенова опять съ одною изъ дочерей неизвѣстнаго князя. Но разъ упомянутая дочь — во второй разъ уже не была одною изъ дочерей, а извѣстною, тою же самою дочерью, которая сватается за Константина. Впрочемъ, это пока не имѣетъ для насъ особенной важности. Одна и та же княжеская дочь могла быть невѣстой и сына Романова, и потомъ брата Михайлова, но вопросъ въ томъ, чьею женою она въ концѣ концовъ сдѣлалась. Неопредѣленныя, искусственныя выраженія, вообще господствующія въ нашихъ двухъ документахъ, не даютъ возможности сказать положительно, была ли дочь князя, къ которому адресованы письма, дѣйствительно выдана за сына Романова, сдѣлалась его женою, или только была обручена съ нимъ. Съ другой стороны, какъ скоро мы отвергли произвольныя толкованія г. Сааы, то ужъ не знаемъ, устроился ли на самомъ дѣлѣ тотъ брачный союзъ,

о которомъ хлопоталъ Михаилъ Дука для своего брата, не знаемъ, какой былъ отвѣтъ на его предложеніе. Слѣдовательно, возможно, что неизвѣстный намъ князь все-таки сохранилъ святость перваго договора, и что его дочь вышла за того, кому она первоначально была обручена, то есть, за Діогеновича. Чтò вѣроятнѣе, мы увидимъ ниже. Теперь для насъ важенъ пока вопросъ не о тожествѣ невѣсты Дуки и Діогеновича, а о тожествѣ отца ея. Тотъ самый князь, который выдалъ или сосваталъ свою дочь за сына Діогенова, получилъ предложеніе отъ Михаила Дуки. Слѣдовательно, если Михаилъ Дука сваталъ за своего брата дочь Роберта Гвискара, то и сынъ Романа Діогена былъ обрученъ своимъ отцемъ съ дочерью Роберта Гвискара, а это предполагаетъ мирныя, дружелюбныя отношенія между Византіею и Норманнами между 1068—1071 годами, когда правилъ Діогенъ.

Именно такихъ мирныхъ, дружественныхъ отношеній между Норманнами и византійскимъ дворомъ не было въ царствованіе Діогена. Предъ вступленіемъ Романа IV на престолъ, въ концѣ правленія Константина Дуки, южно-итальянскіе Норманны, уже захватившіе большую часть греческихъ владѣній въ Апуліи и Калабріи, угрожали теперь Бриндизи и Бари и дѣлали попытки перенести борьбу на Далматинскій берегъ Адриатики. Лѣтописи Барійскія, исторія Амата и другіе источники даютъ намъ очень подробныя свѣдѣнія о борьбѣ Византіи съ Норманнами за это время. Особенно любопытны извѣстія, сообщаемыя Бенцо Альбійскимъ, о сношеніяхъ Константина Дуки съ Гейнрихомъ IV или, точнѣе, его опекунами, для заключенія общаго наступательнаго союза противъ Норманновъ. Бенцо, выдающій себя главнымъ посредникомъ при этихъ сношеніяхъ, приводитъ якобы въ подлинникѣ посланія византійскаго императора къ германскому. Разказы, а равно и документы Бенцо, конечно, въ высшей степени подозрительны, но, по нашему мнѣнію, основной фактъ вполне достовѣренъ¹⁾. Въ такой крайности, въ какой находилась тогда Восточная имперія, дѣйствительно могла зародиться мысль о томъ союзѣ, который послѣ несомнѣнно суще-

¹⁾ 1) *Benzonis episcopi Albensis ad Heinricum IV lib. II: MG. SS. XI, 615. 616 sq. Cp. Giesebrecht, Annales Altahenses, p. 216 и введение Пертца въ Monumenta.*

ствовалъ между Гейнрихомъ IV, врагомъ папы и Норманновъ, и Алексѣемъ Комнинымъ. Но переговоры между двумя имперіями не остановили ни норманнскаго оружія, ни норманнскихъ успѣховъ. Въ самомъ началѣ 1068 года Романъ Діогенъ сдѣлался правителемъ Восточной имперіи, а въ августъ или сентябрь того же года Робертъ Гвискаръ осадилъ главный центральный пунктъ греческой власти въ южной Италіи, многолюдный и богатый городъ Бари. Обладая значительнымъ торговымъ флотомъ и хорошею пристанью, окруженный съ трехъ сторонъ моремъ, Бари, въ которомъ наиболѣе сильна была греческая партія и многочисленно греческое населеніе, могъ долго и съ успѣхомъ защищаться. Романъ Діогенъ, несмотря на свои турецкіе походы, употреблялъ всяческія усилія поддержать духъ осажденныхъ, посылалъ имъ припасы, отправлялъ морскія эскадры на помощь. Осада затянулась, и только на третій годъ, 15-го апрѣля 1071 года, Бари, послѣдняя византійская твердыня и опора, былъ взятъ Норманнами, при помощи пизанскаго флота, а на другой день Робертъ Гвискаръ вступилъ въ городъ¹⁾. Въ это время Романъ Діогенъ открылъ уже свою послѣднюю несчастную кампанію противъ Турокъ и 26-го августа 1071 года былъ въ турецкомъ плѣну. Уже отсюда видно, что во все время правленія Романа Діогена не могло быть никакихъ брачныхъ союзовъ или договоровъ у Византіи съ Норманнами, у Роберта съ Діогеномъ. Византійскіе источники, Скилицій и слѣдующіе ему Кедринъ и Зонара, прямо говорятъ, что при Романѣ не было мира съ Норманнами, и что только Михаилъ VII Дука заключилъ съ ними союзъ, отказавшись отъ своихъ правъ на принадлежавшія Византіи владѣнія въ Апуліи и Калабріи и женивъ своего сына на дочери Роберта Гвискара²⁾. Это было въ 1076 году.

Итакъ, дочь князя, которая была сосватана или выдана за

1) Вильгельмъ Апулійскій (MG. SS. IX, 268): *Tertius obsessa jam venerat annus ab urbe*; а у Дука (MG. SS. V, 60) сказано, что Бари взятъ 15-го апрѣля (1071). Ср. Aimé, *Ystoire de li Normant*, V 27 p. 227 éd. Delarc: *Lo samedi devant la dyemenche de Palme, lo gloriouz duc entra en la cité de Bar*. Въ 1071 году Пасха была 24-го апрѣля; слѣдовательно, 16-го апрѣля. Время начала осады точнѣе указывается у анонима Барійскаго.

2) Scylitz.-Cedren. II, p. 724.

сына Романа Диогена, вовсе не была дочерью Роберта Гвискара; а отсюда слѣдуетъ, что и для своего брата Михаилъ VII искалъ супруги вовсе не въ семействѣ норманнскаго герцога, и что, наконецъ, оба письма, изданныя г. Саоюю, не были адресованы къ Роберту Гвискару.

5.

При рѣшеніи вопроса о томъ, къ кому были адресованы два письма, составленныя Михаиломъ Пселломъ, прежде всего слѣдовало бы обратить вниманіе вообще на ихъ тонъ и, въ особенности, на тѣ выраженія, которыми характеризуется личность князя, для котораго они были предназначены. Въ этомъ отношеніи прежде всего бросаются въ глаза постоянно повторяющіяся указанія на единовѣріе, на тождество и вѣры, и обряда, на одинъ образъ благочестія и т. д. Считаемо необходимымъ привести главнѣйшія мѣста такого рода въ подлинномъ текстѣ, не повторяя уже сдѣланнаго нами перевода.

Въ самомъ началѣ перваго письма <Bibl. gr. medii aevi V 385> мы читаемъ:

Τρία ταῦτά εἰσιν, εὐγενέστατε καὶ συνετώτατε, τὰ κινήσαντά με εἰς τὴν σὴν φιλίαν καὶ ἀκριβεστάτην διάθεσιν, ἡ ὁμοδοξία τῆς ἀληθοῦς πίστεως, ἡ τῆς προαιρέσεώς σου εὐγένεια καὶ ἡ τοῦ γένους ὑπεροχὴ· ἄτοπον γὰρ ἐλογισάμην τὸν τοῦ αὐτοῦ σεβάσματος μέτοχον -- καὶ τὸν σεμνῶ γένει κοσμούμενον μὴ καὶ κοινωνόν μοι γενέσθαι ἀγάπης καὶ ὁμοιοῦς.

Ниже <ib. p. 386>: ἡ γὰρ ταυτότης τῆς κατὰ θεὸν ὁμολογίας καὶ πίστεως τὴν ἀκριβεστάτην ἀρμονίαν τῆς διαθέσεως, ἣν ἐρεῖ προῶν ὁ λόγος, εἰργάσατο.

Во второмъ письмѣ <p. 388>: πρὸς μὲν γὰρ τοὺς μὴ τὴν αὐτὴν ἡμῖν εὐσέβειαν ἔχοντας ἐλλιπῆς ἂν εἴη, τοῦ καιριωτάτου κεφαλαίου λείποντος, φημί δὴ τῆς συμφωνίας τοῦ θείου σεβάσματος· οἷς δὲ ὁ τοιοῦτος θεμέλιος ἀρραγέστατός τε καὶ ὁμοιοτάτος, ὅποιος δὴ ἀμφοτέροις ἡμῖν καταβέβληται и т. д.

Далѣе <p. 389>: Οὐκοῦν ἄτοπον καὶ ἀλόγιστον τοὺς κατὰ τὴν εὐσέβειαν συνημμένους καὶ συνηρμωσμένους κατὰ τὴν τοῦ γένους κοινότητα διηρῆσθαι....

Потомъ: πρὸς σέ πρῶτον συνθήκας ποιῆσαι προήρημαι, τὸ μὲν πρῶτον καὶ μεῖζον διὰ τὴν τῆς εὐσεβείας ταυτότητα, οὐδὲν δὲ ἔλαττον καὶ διὰ τὴν τῆς γνώμης ἡμῶν ὁμοιότητα -- προσθήσω δὲ καὶ τρίτον --, ὅτι σέ φασιν -- βούλεσθαι εὐσεβεῖν οὐκ ἐν τῇ ὀρθοτομίᾳ μόνῃ τῆς πίστεως, ἀλλὰ καὶ ἐν τῇ τῶν πραγμάτων εὐθύτητι.

288 Къ концу <р. 391>: ἵνα ὡσπερ μία καὶ ἡ τοῦ γένους ἀρχή, μία δὲ καὶ ἡ τῆς εὐσεβείας μορφή ἀμφοτέροις τετύπῳται, οὕτω δὴ καὶ ὁ τῆς συναφείας δεσμός εἰς καὶ αὐτός ἡ δι' ὁμοίας τῆς ἀντιδόσεως.

По поводу такого рода выражений г. Сава въ своемъ введеніи пишетъ слѣдующее: «Письма составлены въ одномъ и томъ же духѣ, но въ стилѣ нѣсколько различномъ. Въ первомъ письмѣ императоръ говоритъ о религіи очень сухо; онъ объявляетъ, что между нимъ и Гвискаромъ не существуетъ никакого различія въ вѣрѣ, и даетъ понять, что фамильный союзъ можетъ имѣть слѣдствиемъ религіозное соглашеніе. Это, повидимому, доказываетъ, что дворъ Римскій не смотрѣлъ на предполагаемый союзъ равнодушными глазами и посовѣтовалъ Гвискару требовать отъ Византіи болѣе опредѣленныхъ заявленій относительно уніи обѣихъ церквей».

Всякій, прочитавшій письма, согласится съ нами, что ничего подобнаго не видно изъ писемъ Михаила.

Мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на вопросѣ, которое письмо въ самомъ дѣлѣ нужно считать первымъ: въ одной краткой рецензіи (въ нѣмецкомъ *Literarisches Centralblatt*, 1875, 811) было высказано довольно правдоподобное мнѣніе, что первымъ по времени составленія и отправленія нужно считать то письмо, которое г. Савою напечатано на второмъ мѣстѣ, ибо въ этомъ послѣднемъ письмѣ въ началѣ говорится о «первомъ благовѣстіи»¹⁾. Для насъ этотъ вопросъ не имѣетъ особенной важности. И безъ того очевидно, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ письмѣ единству вѣроисповѣданія придается одинаковое и весьма существенное значеніе. Михаилъ Дука потому прежде всего и обращается къ неизвѣстному князю съ своими предложеніями, что онъ соединенъ съ нимъ узами единовѣрія. Не религіозное соглашеніе выставляется воз-

1) <Ср. E. Kurtz, *Byz. Zeitschr.* 3, 632 сл.>.

возможнымъ слѣдствіемъ фамильнаго союза, а наоборотъ, фамильный союзъ считается приличнымъ и желательнымъ вслѣдствіе согласія въ вѣрѣ и обрядѣ.

Вообще очень трудно предположить, чтобы, при какихъ бы то ни было отношеніяхъ къ римской церкви, византійскій императоръ второй половины XI столѣтія сталъ говорить съ такою прямою и рѣшительностью выраженій, съ такою настойчивостію, съ такимъ отсутствіемъ всякихъ ограниченій — о единствѣ и тожествѣ своей вѣры съ латинскою. Мы имѣемъ переписку императоровъ XII вѣка, Іоанна и Мануила Комниновъ, съ папами по вопросу о соединеніи церквей; при самомъ дружескомъ расположеніи къ римскому престолу оба императора, однако, далеки отъ такого языка, какимъ говоритъ Михаилъ 289 Дука. Оно, впрочемъ, и понятно: при тожествѣ вѣры и обряда не было бы нужды заботиться и хлопотать объ уніи. Что касается отношеній Михаила VII къ римской церкви, то ближайшее знакомство съ ними устраняетъ всякую мысль о возможности такого языка, какимъ говоритъ Пселль отъ имени своего государя, о возможности этого языка именно въ письмахъ, редакція которыхъ относилась бы къ самому началу царствованія Михаила Дуки. Первые, хотя нѣсколько смутныя, извѣстія о сношеніяхъ Михаила VII съ папскимъ престоломъ относятся еще ко времени папы Александра II († 1073 г.). Въ житіи св. Петра изъ Анањи, написанномъ Бруно Сигнійскимъ, но дошедшемъ до насъ со многими вставками и искаженіями, повѣствуется, что св. Петръ былъ отравленъ папой Александромъ въ Константинополь, исцѣлилъ тамъ императора Михаила отъ тяжелой болѣзни и за то получилъ отъ него большія и богатыя пожертвованія для церквей, недавно выстроенныхъ или возстановленныхъ святымъ въ Анањи. Цѣли, которую имѣлъ папа при посольствѣ Петра, не указано въ житіи. Мы не знаемъ, на какихъ основаніяхъ нѣкоторые ученые пишутъ, что при этомъ дѣло шло о прекращеніи церковнаго раздора, о возстановленіи единства между церквами, и что только Пселль, господствовавшій надъ умомъ своего питомца, помѣшалъ уніи¹⁾. Мы не

1) См. Muralt, Essai de chronographie Byzantine, подъ 1072 г. (стр. 22). У Муральята напечатано: Le pape Alexandre II envoie Pierre, évêque d'Agnani

встрѣтили такого извѣстія въ доступныхъ намъ современныхъ источникахъ; но во всякомъ случаѣ должны признать его весьма правдоподобнымъ съ точки зрѣнія внутренней вѣроятности. Пселлъ, дѣйствительно, былъ нерасположенъ къ латинской церкви и въ вопросѣ о раздѣленіи церковей стоялъ на сторонѣ Керуларія, его друзей и послѣдователей. Малая успѣшность попытки Александра II, если она дѣйствительно была сдѣлана, доказывается уже тѣмъ, что при его преемникѣ, папѣ Григоріи VII, вопросъ о соединеніи церковей находится еще на самой первой ступени, далѣе которой, впрочемъ, онъ, повидимому, и не пошелъ. Въ іюль 1073 года къ Григорію VII явились два монаха съ письмомъ отъ императора Михаила VII, въ 290 которомъ выражалось «не малое почтеніе» къ римской церкви; устно монахи передали секретное заявленіе Михаила о желаніи его возстановить согласіе съ латинскою церковію. Однако, личность пословъ не внушала довѣрія папѣ Григорію, и онъ отправилъ своего легата въ Константинополь¹⁾. Далѣе извѣстно, что въ мартѣ 1074 года Григорій VII призывалъ западныхъ христіанъ къ походу на Востокъ для помощи «христіанамъ» византійской имперіи; а въ 1076 году²⁾ устроился брачный союзъ малолѣтняго сына Михайлова, Константина младшаго, съ дочерью Роберта Гвискара. Но отсюда нельзя заключать о томъ, чтобы состоялась какая-либо унія. Какъ сказано, вопросъ о соединеніи церковей мало подвинулся впередъ. Еще въ концѣ 1074 года папа Григорій писалъ, что Константинопольская церковь, несогласная съ латинскою по вопросу о исхожденіи Св. Духа, ожидаетъ соглашенія съ римскимъ престоломъ³⁾. Итакъ, по крайней мѣрѣ до 1075 года соглашенія не было.

(sic), pour féliciter Michel. Затѣмъ ссылка: Brunon, Vie de Pierre d'Anigni (sic) qui - - retourna à Rome - - sans avoir pu effectuer la réunion empêchée par Pselle, qui dominait l'esprit de son élève... Но въ житіи св. Петра Аванійскаго (Anagninae), (которое, конечно, нужно разумѣть), напечатанномъ у Болландистовъ, ничего не сказано ни объ уніи, ни о Пселлѣ. Въ извлеченіяхъ, сдѣланныхъ изъ житія Бароніемъ, также нѣтъ этихъ извѣстій.

1) Bibliotheca rerum germanicarum ed. Ph. Jaffé, II: Monumenta Gregoriana p. 31 (I, № 18).

2) «Брачный договоръ написанъ въ 1074 г.: П. В. Безобразовъ въ Журн. Мин. Нар. Пр. Сент. 1889 г., Отд. II, стр. 27 сл.»

3) Bibl. rer. germ.: Monumenta Gregor. p. 145 (II, 31): Constantinopolitana ecclesia, de sancto Spiritu a nobis dissidens, concordiam apostolicae sedis expectat. Писано въ декабрѣ 1074 г.

Изъ этого видно, что занимающія насъ письма писаны гораздо ранѣе того времени, когда Михаилъ получилъ хотя нѣкоторую тѣнь основанія говорить о единствѣ благочестія и обряда въ письмахъ къ истребителю греческаго обряда въ южной Италиі, къ гонителю греческихъ женатыхъ священниковъ. Странно было бы предполагать, что еще въ 1075 или 1076 году, при такомъ близкомъ сосѣдствѣ Византіи съ норманнскими владѣніями, Михаилъ Пселль обязанъ былъ въ письмѣ своего императора дѣлать сообщенія, относящіяся къ событіямъ 1071 года. Паденіе Романа, утвержденіе во власти Михаила Дуки, все это было давно и вполнѣ извѣстно въ южной Италиі, и извѣщать о всемъ этомъ черезъ четыре года было бы забавнымъ празднословіемъ. Самъ г. Сааа совершенно основательно относитъ письма къ 1072 или 1073 году, и только въ томъ случаѣ, если они были назначены для страны болѣе отдаленной, съ которою сношенія не были такъ близки и часты, можно будетъ отодвинуть ихъ нѣсколько далѣе.

Совершенно нелѣпостію, самымъ грубымъ посмѣяніемъ не только надъ внутреннею правдою, но и надъ внѣшнимъ ея подобіемъ были бы нѣсколько разъ повторяемыя въ письмахъ ссылки на миролюбіе, на отвращеніе къ крови того властителя, 291 къ которому пишутся посланія, и на знатность его рода, если мы будемъ относить все это къ Роберту Гвискару, если будемъ думать, что письма, въ самомъ дѣлѣ, къ нему были адресованы. Сынъ незнатнаго и небогатаго рыцаря, человекъ честимый у византійскихъ писателей именами разбойника и пирата, не могъ величаться знатностію рода и принялъ бы такого рода похвалы за злую насмѣшку. Объ искателѣ приключеній, который мечемъ и крѣпостію своей руки приобрѣлъ себѣ власть и государство, который всю жизнь свою провелъ въ дерзкихъ предпріятіяхъ и смѣлыхъ подвигахъ, — о такомъ человекѣ даже византійская риторика не могла сказать, что это любитель мира и ненавистникъ кровопролігія. Не такъ же, наконецъ, груба, неуклюжа и лишена всякой ловкости и искусства эта византійская риторика, чтобы всякій разъ говорить именно то, что совсѣмъ противорѣчитъ дѣйствительности и можетъ быть понято только въ противоположномъ смыслѣ. Риторика Михаила Пселла, несо-

миѣнно, отличается извѣстною тонкостію и умѣть сказать то, что нужно и прилично сказать; чувство дѣйствительности въ ней еще довольно живо; реальнаго историческаго содержанія письма не потеряли за этою риторикой.

Если бы наша задача состояла только въ томъ, чтобы опровергнуть соображенія г. Саеы о принадлежности писемъ Роберту Гвискару, то мы могли бы остановиться на предыдущей главѣ и не имѣли бы нужды настаивать на характеристикѣ той владѣтельной особы, съ которою переписывался византійскій императоръ. Но мы взяли на себя обязанность опредѣлить, къ кому именно написаны были наши два посланія. Теперь мы можемъ сказать, что они имѣли въ виду какого-то князя, который принадлежалъ къ восточной церкви и къ знатному владѣтельному дому, и который притомъ былъ извѣстенъ своимъ миролюбивымъ характеромъ. Выборъ намъ остается небольшой; православныхъ самостоятельныхъ государей и князей во второй половинѣ XI вѣка было не много: собственно говоря, можно думать только о грузинскихъ князьяхъ, да о русскихъ. По многимъ причинамъ мы должны оставить и первыхъ въ сторонѣ; довольно того, что въ грузинской лѣтописи и въ армянскихъ источникахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на тѣ родственные союзы, о которыхъ идетъ рѣчь въ письмахъ, и что грузинскіе князья, послѣ турецкихъ завоеваній, никакъ не могли быть оберегателями и защитниками византійскихъ границъ или крайнихъ, пограничныхъ областей, чего желаетъ отъ своего пред-
292 полагаемаго союзника императоръ Михаилъ VII. Обратимся къ русскимъ источникамъ.

6.

Русскія лѣтописи довольно скупы на извѣстія о политическихъ сношеніяхъ русскихъ князей съ иностранными, умалчиваютъ даже о родственныхъ союзахъ ихъ съ иностранными домами, самыми высокими и знатными. Наша первоначальная лѣтопись ничего не говоритъ о сношеніяхъ Изяслава Ярославича съ папою Григоріемъ VII, о бракѣ дочери Ярослава съ французскимъ королемъ и т. д. Иногда, впрочемъ, пробѣлы лѣтописи, редактированной въ началѣ XII столѣтія, восполняются

какими-то обрывками болѣ древняго преданія, сохранившимися помимо ея. Свѣтъ, проливаемый на событія прошедшаго обрывками такого рода, обыкновенно, довольно смутный, но въ извѣстныхъ случаяхъ бываетъ необходимо идти и на этотъ свѣтъ, когда болѣ надежный руководитель намъ покидаетъ.

Въ «Исторіи» Татищева, который, какъ извѣстно, имѣлъ въ своихъ рукахъ какіе-то особые источники, теперь утраченные или вообще намъ недоступные, сообщаются слѣдующія извѣстія:

«Михаилъ, царь Греческій, иже отца своего Романа царства лишивше, самъ пріялъ, но вскорѣ отъ Болгаръ побѣжденъ, и Корсуняне ему отреклися, прислалъ ко Святославу пословъ со многими дары и обѣщаніи, прося его и Всеволода о помощи на Болгаръ и Корсунянь. Святославъ же согласяся со Всеволодомъ, хотѣлъ на Болгары самъ итти съ сыны, а Владимира сыновца и съ нимъ сына Глѣба послалъ на Корсунянь; но вскорѣ самъ разболевся, пословъ отпустилъ съ тѣмъ, что самъ немедленно пойдетъ или сыновъ своихъ пошлетъ. По смерти же Святослава пришла отъ Грекъ вѣдомость, что Михаилъ умеръ, а царство пріялъ Никифоръ. Всеволодъ же войско все разпустилъ въ дома и сына Владимира изъ Корсуны возвратилъ» (Татищевъ, II, 131 *сер. стр.* 438, прим. 287); Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ русскихъ лѣтописей. Приложенія, стр. 54). У одного иностраннаго писателя прошлаго столѣтія, который занимался, по порученію императрицы Екатерины II, исторіей генуэзскихъ поселеній въ Крыму, разсказывается о возстаніи Корсуны противъ законной власти своего государя, то есть, византійскаго императора; причиною возстанія было то, что жители Корсуны не получили тѣхъ торговыхъ привилегій, которыхъ они просили, и случилось это незадолго до низложенія Михаила VII Дуки. Императоръ призвалъ противъ бунтовщиковъ на помощь русскаго князя Всеволода, который послалъ туда своихъ сыновей: Владимира и Глѣба (?) ¹⁾.

1) Мы беремъ этотъ разсказъ у Муральта (см. *Essai de chronographie Byzantine*. 1057 — 1453, I, 28). Муральтъ дѣлаетъ при этомъ слѣдующую ссылку: *Oderico, lettere lig.* 13. Здѣсь разумѣется сочиненіе, полное заглавіе котораго будетъ: *Gaspar Louis Oderico, Lettere Ligustiche, ossia osservazioni cri-*

Вотъ, слѣдовательно, та защита границъ или пограничныхъ владѣній, о которой говорится въ письмѣ Михаила Дуки, вотъ союзъ противъ всѣхъ недруговъ. На этомъ, однако, мы не можемъ остановиться. Источники, изъ которыхъ мы почерпнули извѣстія, служащія въ объясненіе византійскихъ документовъ, слишкомъ поздни и смутны: они требуютъ внимательной поѣрки.

Начинаемъ съ Татищева. Несмотря на нѣкоторую путаницу, какую отличается вышеприведенный отрывокъ, несмотря на неопредѣленность хронологіи, мы всегда считали этотъ отрывокъ очень цѣннымъ. Посольство отъ Михаила Дуки полагается здѣсь между 1071—1076 гг. (Святославъ умеръ 27-го декабря 1076 года). Уже въ статьѣ «О Печенѣгахъ»¹⁾ мы указали на два обстоятельства, которыя служатъ къ подтвержденію татищевскихъ извѣстій: это 1) пребываніе въ Константинополѣ русскаго митрополита Георгія въ 1073 году: митрополиты часто бывали посредниками въ политическихъ дѣлахъ Кіевскихъ князей и Цареградскихъ властителей, и 2) нѣкоторые намеки на дружественныя отношенія русскихъ князей къ Византіи въ началѣ правленія Никифора Вотаниата. Сверхъ того мы должны обратить вниманіе на несомнѣнно справедливое показаніе о войнѣ между Болгарами и Византіей: Михаилъ VII, дѣйствительно, былъ побѣжденъ отъ возставшихъ Болгаръ. Къ 1073 году относится возстаніе Болгаръ подъ предводительствомъ Бодина 294 Сербскаго, провозглашеннаго царемъ (подъ именемъ Петра). Византійскіе стратеги потерпѣли цѣлый рядъ пораженій. По

---

tiche sullo stato geographico della Liguria. Bassano, 1792. Въ старыхъ каталогахъ объ этомъ сочиненіи замѣчается: *travail entrepris pour l'impératrice Catherine II.* Все это было бы просто и ясно, но бѣда вотъ въ чемъ: намъ приходилось имѣть въ рукахъ означенное сочиненіе Одерико; однако, ничего подобнаго приведенному разсказу о возстаніи Корсуня мы не нашли ни въ 13 письмѣ, ни во всемъ сочиненіи. Мы думали сначала, что Муральтъ сдѣлалъ грубую ошибку, просто сочинивъ свое извѣстіе при помощи Татищева. Но теперь, послѣ выхода въ свѣтъ второй половины Хронографіи 1057—1453 гг., мы должны отказаться отъ такого предположенія. Мы видимъ, что Муральтъ пользовался не изданными сочиненіями и бумагами Одерико; слѣдовательно, по всей вѣроятности, въ самомъ дѣлѣ взялъ у него интересное насъ извѣстіе, но по какой-либо ошибкѣ или небрежности переимѣшалъ цитаты, что съ нимъ, правду сказать, случается.

1) «Труды В. Г. Васильевского I, 133 сл.»

успокоеніи этого возстанія, въ 1074 году снова поднялись придунайскіе города; нашедши себѣ союзниковъ въ улусахъ печенѣжскихъ, придунайская вольница грозила самому Константинополю. Судя по этому, посольство Михаила Дуки, о которомъ говорится въ отрывкѣ, должно относиться къ 1073 или къ 1074 году. Къ одному изъ этихъ лѣтъ можетъ быть отнесенъ и походъ Владиміра и Глѣба на Корсунь, о которомъ идетъ рѣчь въ обоихъ нашихъ источникахъ.

Странно, однако, то, что о подобномъ походѣ нѣтъ ни слова въ томъ мѣстѣ Поученія Владиміра Мономаха, гдѣ онъ исчисляеть труды, пути и ловы свои въ продолженіе 13 лѣтъ: «Первое к Ростову идохъ, сквозѣ Вятчѣ, посла мя отецъ, а самъ иде Курьску; и пакы 2-е к Смолиньску... то и — Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы¹⁾ той (тай) посласта Берестію брата на головнѣ, иде бяху пожгли, той (тай) ту блюд(ох)ъ городъ тѣхъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ дни²⁾ ис Переяславля та Володимерю, на Сутейску мира творить с Ляхы; оттуда пакы на лѣто³⁾ Володимерю опять. Та посла мя Святославъ в Ляхы; ходивъ за Глоговы до Чешскаго лѣса, ходивъ въ земли ихъ 4 мѣсяци; и в тоже лѣто⁴⁾ и дѣтя ся роди старѣйшее Новгородское; та оттуда Турову, а на весну⁵⁾ та Переяславлю, таже Турову. И Святославъ умре...»⁶⁾. (Лѣтопись по Лаврентьев. списку, стр. 238 <изд. 3-е, стр. 238—239>).

Мы нарочно привели весь этотъ отрывокъ, начинающійся, конечно, первымъ самостоятельнымъ порученіемъ, какое исполнено было Владиміромъ, и кончающійся смертію Святослава. По всѣмъ признакамъ, мы имѣемъ здѣсь отчетъ вполне обстоятельный и подробный; едва ли въ немъ что пропущено или забыто. Но какъ далеко простирается назадъ хронологія этого отрывка? Онъ обнимаетъ, если пойдемъ назадъ отъ смерти Святослава, (лѣто и) весну 1076 года, (зиму), осень, лѣто и весну 1075

1) Зима 1074—1075 гг.

2) Пасха 1075 г.

3) Лѣто 1075 г.

4) Лѣто 1075 г.

5) Весна 1076 г.

6) Зима 1076 г.

года, такъ что подъ великимъ днемъ разумѣется Пасха 1075 года; затѣмъ указана зима 1075—1074 года, а остальное 295 относится къ той же зимѣ и отчасти къ осени (едва ли далѣе) 1074 года¹⁾. Отсюда слѣдуетъ, что прямо и рѣшительно возможность участія Владиміра Мономаха въ Корсунскомъ походѣ не исключается самыми точными свѣдѣніями объ его передвиженіяхъ. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, почему Владиміръ началъ обзорѣніе своей дѣятельности съ осени 1074 года: потому ли, что до тѣхъ поръ онъ только сидѣлъ дома, не участвовалъ ни въ какихъ походахъ и даже ловахъ, или по какой другой, болѣе внѣшней причинѣ. Нужно знать, что въ 1073 году Владиміру исполнилось двадцать лѣтъ. Сомнительно, чтобы до этого времени онъ не ходилъ ни въ ловы, ни въ походы, хотя бы и не имѣя въ послѣднихъ главной, самостоятельной роли. Очень вѣроятно, что именно совершившіяся двадцать лѣтъ были приняты Владиміромъ приличною гранью для обзора своей прошедшей дѣятельности, — что съ посылки въ Ростовъ онъ началъ этотъ обзоръ только потому, что туда онъ въ первый разъ былъ посланъ одинъ и самъ по себѣ.

Въ Корсунъ онъ былъ посланъ, по вышеприведеннымъ источникамъ, вмѣстѣ съ Глѣбомъ Святославичемъ. Соберемъ извѣстія о мѣстопребываніяхъ Глѣба, чтобы произнести рѣшительный судъ о вѣроятности занимающаго насъ похода.

Глѣбъ Святославичъ находился:

6572 (1064 г.) въ Тмуторокани (Ипатьевская лѣтопись).

6573 (1065). Изгнанный Ростиславомъ (Владиміровичемъ), опять посаженъ отцемъ въ Тмуторокани и снова изгнанъ Ростиславомъ.

6574 (1066). Ростиславъ отравленъ въ Тмуторокани греческимъ катапаномъ, который послѣ былъ убитъ Корсунами.

---

1) Походъ въ Ляхы въ лѣтописи стоитъ подъ тѣмъ же 6584 (1076) годомъ, какъ и смерть Святослава, но выше ея; слѣдовательно, можетъ относиться къ осени, а если годъ мартовскій, то и къ лѣту 1075 года. Рожденіе Мстислава Владиміровича стоитъ въ Ипатьевской лѣтописи также подъ 6584 годомъ (И. С. Р. Л., II², 190). Слово «лѣто» (въ поученіи) при замѣчаніи о рожденіи сына употреблено, очевидно, въ смыслѣ года.

6576 (1068). Опять въ Тмуторокани: «...мѣрилъ море отъ Тьмутороканя до Кърчева...»¹⁾.

«6579 (1071). Въ Новгородѣ убиваетъ волхва».

6582 (1074). Перваго мая этого года присутствуетъ съ 296 отцомъ при смертномъ одрѣ Феодосія.

6585 (1077). Въ Новгородѣ: на весну, слѣдовавшую за смертію Святослава, Владиміръ ходилъ сюда «Глѣбови въ помочь» (Поученіе).

6586 (1078). Убить въ Заволочьѣ, и на его мѣсто сѣлъ въ Новгородѣ Святополкъ²⁾.

Исторія Глѣба, подлинная и несомнѣнная, вдвойнѣ подтверждаетъ справедливость извѣстій, находящихся у Татищева и Одерико. Во-первыхъ, важно замѣчаніе, сдѣланное въ лѣтописи по поводу смерти его соперника Ростислава, отравленнаго катаномъ, то есть, греческимъ намѣстникомъ или начальникомъ въ Корсунской области: «сего же котопана побилъ камнемъ Корсуньстии людье». Эта замѣтка, сдѣланная мимоходомъ, заставляетъ предполагать какой-то бунтъ или возстаніе въ Корсуни вскорѣ послѣ 1068 года. Это бунтъ, въ которомъ «Корсуныяне отрелися» отъ подданства Михаилу VII Дукѣ. Во-вторыхъ, мы теперь знаемъ, что съ 1068 по 1074 (а, можетъ быть, и по 1076) годъ Глѣбъ находился въ Тмуторокани, и намъ дѣлается

1) То есть, мы ссылаемся на Тмутороканскій камень. «Въ лѣто 6576 (1068), индикта 6, Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду, отъ Тьмутороканя до Кърчева 8054 сажени». (См. [Гр. А. Мусинъ-Пушкинъ], Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго Россійскаго Тмутараканскаго княженія, Спб., 1794 г., стр. 55—64 и табл. В. Г. Васильевскій принялъ чтеніе надписи, предложенное авторомъ «Изслѣдованія»: число сажень, обозначенное буквами, онъ полагалъ возможнымъ прочесть «8054»; но уже Оленивъ обнаружилъ шаткость этой гипотезы и, на основаніи внимательнаго разбора палеографическихъ особенностей надписи, пришелъ къ заключенію, что число сажень должно читать «14000», что и было принято Карамзинымъ; см. А. О[ленивъ], Письмо къ гр. А. И. Мусину Пушкину о камнѣ Тмутороканскомъ..., Спб., 1806 г., стр. 3—7, 32—33 и рис. № 5. Н. Карамзинъ, И. Р., II, пр. 120). Мы знаемъ, что Д. И. Иловайскій предлагалъ, для приданія памятнику большаго соответствія съ лѣтописью, читать 6570-й годъ (1062); но страннымъ образомъ въ своемъ исправленіи текста онъ остановился на поддорогѣ; поправилъ годъ и оставилъ безъ исправленія индиктъ. Правда, исправить индиктъ не представлялось никакой возможности; но тогда и годъ долженъ оставаться какъ есть.

2) «Лѣт. по Лавр. сп. изд. 3-е, 159, 160, 176, 182, 193, 239 и П. С. Р. Д., II², 152, 153, 155, 170—171, 190».

понятнымъ, почему именно онъ всего скорѣе и всего ближе могъ быть отправленъ на помощь Грекамъ для усмиренія Корсунянъ.

Итакъ, мы имѣемъ очень достовѣрныя русскія извѣстія о томъ, что въ 1073—1074 году византійскій императоръ посылалъ посольство къ двумъ русскимъ князьямъ, просилъ у нихъ помощи противъ Болгаръ и Корсунянъ, то есть, помощи тамъ, гдѣ всего удобнѣе и легче было дѣйствовать Русскимъ, и что обращеніе его не осталось безъ послѣдствій, по крайней мѣрѣ, относительно Корсуня.

Этому соотвѣтствуютъ въ византійскихъ документахъ, писанныхъ Пселломъ, требованія, чтобы будущій родственникъ императора «былъ стражемъ византійскихъ границъ, щадилъ область, подвластную имперіи, былъ союзникомъ и дѣйствовалъ заодно во всемъ и противъ всѣхъ»: *φρούριον εἶναι σε τῶν ἡμετέρων ὁρίων, φείδεσθαι τε τῆς καθ' ἡμᾶς ὑπερκόου ἀρχῆς* и т. п.¹⁾ Все это, польщенный родственнымъ союзомъ съ царскимъ домомъ, князь долженъ былъ дѣлать не медля, не дожидаясь когда предполагаемый бракъ устроится на самомъ дѣлѣ.

7.

Очевидно, что главный, существенный и настоятельный вопросъ для византійской политики состоялъ вовсе не въ самомъ 297 брачномъ союзѣ, а именно въ скорой помощи. Бракъ откладывался на будущее время; съ нимъ можно было не торопиться. Всего менѣе можно предполагать въ Михаилѣ VII какую-либо нѣжную заботливость о братѣ. Константинъ Дука былъ нелюбимымъ и подозрѣваемымъ братомъ Михаила. Только тогда, какъ пришлось разставаться съ трономъ, искать спасенія въ отреченіи отъ власти, Михаилъ Парапинакъ вспомнилъ о братѣ и предлагалъ своимъ приверженцамъ, которые отговаривали его отъ смиреннаго рѣшенія, возвести на престолъ Константина. Но самъ Константинъ не захотѣлъ тогда принять опаснаго подарка и предпочелъ покориться Никифору Вотаниату, предводителю

1) <Sathas, Bibl. gr. medii aevi V, 387>.

возстанія, которое напугало Михаила. Алексѣй Комнинъ, явившійся вмѣстѣ съ нимъ къ счастливому узурпатору, говорилъ въ своей рѣчи: «Ты знаешь, государь, что этотъ рожденный въ пурпурѣ царевичъ, въ царствованіе своего единокровнаго брата не видѣлъ отъ него ничего добраго и провелъ всю жизнь какъ узникъ въ мрачной тюрьмѣ»¹⁾. Черезъ нѣсколько времени Константинъ, однако, пожалѣлъ о своемъ прежнемъ отказѣ отъ власти и престола. Посланный довѣрчивымъ Никифоромъ на востокъ къ арміи, онъ возмутилъ войско и провозгласилъ себя императоромъ; достигъ же этимъ только того, что былъ постриженъ въ монахи и сосланъ на какой-то островъ²⁾. Такая развязка относится къ 1078 или началу 1079 года. При восшествіи на престолъ Алексѣя, родственника Дуки, положеніе его, конечно, улучшилось, и тогда-то онъ, подобно своему брату Михаилу, достигъ высокихъ духовныхъ степеней. 298

Изъ этихъ данныхъ легко понять, почему брачный союзъ, о которомъ такъ хлопотала византійская политика, могъ остаться только проектомъ или ограничиться только — какъ это нерѣдко было въ Византіи — вызовомъ въ Константинополь невѣсты для обрученія, воспитанія и образованія. Кто же была эта нареченная супруга?

На послѣдній вопросъ можно отвѣчать не болѣе какъ догадками. По многимъ причинамъ — главная изъ нихъ обнаружится далѣе, — между прочимъ, на основаніи характеристики князя, которую въ Константинополь составили по рассказамъ людей,

1) Nicern. Вгуенш. р. 123—125. Ср. въ началѣ, р. 6 и 11. Нужно, однако, замѣтить, что здѣсь (то есть, р. 11 и далѣе) Вріенній очевидно и несомнѣнно смѣшиваетъ Константина Дуку старшаго съ его племянникомъ, сыномъ Михаила VII. Еще Поссинъ замѣтилъ ошибку и хотѣлъ устранить ее посредствомъ насильственныхъ исправленій въ текстѣ. Попытка была совершенно напрасною; ибо несообразности все-таки остались. Такъ, Алексѣй Комнинъ тотчасъ по низверженіи Вотаниата (1081) предлагаетъ этому Константину въ замужество свою дочь. Не говоря о томъ, что тутъ можно разумѣть только Константина Дуку младшаго, нужно взять въ разсчетъ, что никакой дочери въ это время у Алексѣя не было. Анна, старшая и первородная дочь, родилась только въ 1083 году. Какъ ни странно предположить, что мужъ Анны не зналъ хорошенько, кто былъ до него ея женихомъ, — путаница не устранима изъ первыхъ страницъ исторіи Вріеннія. Тѣ, кто удивляется, что мы разъ назвали Вріеннія плохимъ писателемъ, должны сначала познакомиться съ нимъ ближе.

2) Scylitz. = Cedren. II, 742.

его близко знавшихъ (особое благочестіе и миролюбіе), мы думаемъ, что письма были адресованы не къ Святославу, хотя онъ былъ великимъ княземъ въ періодъ времени отъ 1073 по 1076 годъ, а къ Всеволоду. Титулъ игемона, употребляемый въ корреспонденціи, тоже идетъ скорѣе къ удѣльному князю, чѣмъ къ великому. Послѣ, въ XIV вѣкѣ, къ великому князю писали: «благороднѣйшій великій князь» (εὐγενέστατε μέγα δούξ). Предпочтеніе Всеволоду можетъ быть объясняемо его родствомъ съ предшествовавшими византійскими императорами, его бракомъ на Грекинь.

Итакъ, имѣли въ виду дочь Всеволода, которыхъ у него было нѣсколько. Судьба Всеволожихъ дочерей замѣчательна, но еще замѣчательнѣе и удивительнѣе молчаніе объ этой судьбѣ нашихъ лѣтописей. Одна изъ нихъ, Евпраксія Всеволодовна, была за Генрихомъ IV, германскимъ императоромъ, играла видную роль въ судьбѣ своего мужа, ею были заняты и папы, и кардиналы, ее видѣли при дворѣ Матильды Тосканской, ея именемъ наполнены современныя нѣмецкія, а также италіанскія лѣтописи и поэмы, а русская лѣтопись знаетъ только конецъ ея романическаго и трагическаго поприща. «Въ сеже лѣто (1106) пострижеса Еупракси, Всеволожа дщи». А подъ 6617 (1109): «спреставися Евпракси, дщи Всеволожа»¹⁾. Это все... и для монаха этого было довольно; для монаха всего интереснѣе, кто и когда сдѣлался монахомъ или монахиней, гдѣ умеръ и погребенъ. Намъ кажется загадочною и судьба другой дочери Всеволода, Анны или Яньки. Въ 6594 (1086) году «пострижеса дщи его дѣвою, именемъ Янька» (Ипатъевская лѣтопись). Не это ли бывшая невѣста Константина Дуки старшаго? Несомнѣнно, что она имѣла какія-то связи съ Константинополемъ. Черезъ три года послѣ постриженія эта дѣва-черница ѣздила въ Царьградъ, была принята, очевидно, съ уваженіемъ и почетомъ при дворѣ Алексѣя Комнина; она выбрала и привела съ собою въ Кіевъ новаго митрополита для русской церкви. Можетъ быть, и греческая столица, и греческій языкъ были ей знакомы съ той поры, какъ она считалась невѣстою Дуки... Но ея нареченный мужъ по-

1) «Лѣт. по Лавр. сп., 3-е изд., 271, 273; П. С. Р. Л., II, 257, 260».

стриженъ былъ противъ воли, а она сдѣлалась монахинею добровольно ¹⁾.

Это, конечно, догадка, мы и не выдаемъ ее за что-нибудь другое, — но догадка наша все-таки имѣетъ за себя большее правдоподобіе, чѣмъ противорѣчащія источникамъ толкованія г. Саеы.

8.

Въ видѣ догадки высказываемъ мы предположеніе о личности и наименованіи русской княжны, которая могла быть не вѣстою Константина Дуки старшаго; но что это была одна изъ дочерей Всеволода, мы считаемъ не догадкой, а единственно возможнымъ объясненіемъ, какое допускаютъ два наши документа. Указаніе на брачный договоръ одного изъ сыновей Романа Діогена съ дочерью того самаго князя, дружбы и союза съ которымъ ищетъ Михаилъ VII въ объясняемыхъ нами письмахъ, — для насъ служитъ наиболѣе твердымъ основаніемъ. Такъ или иначе, мы не знаемъ о какихъ-либо родственныхъ связяхъ дома Діогенова съ какимъ-либо другимъ иностраннымъ владѣтельнымъ домомъ, кромѣ русскаго, кромѣ дома Всеволодова; предположеніе о норманнскомъ бракѣ всего менѣе вѣроятно. Русская лѣтопись знаетъ двухъ Діогеновичей. Объ одномъ она говоритъ подъ 6603 (1095) годомъ: «Идоша Половци на Грькы с Девгениевичемъ, воеваша по Гречьстѣй земли; и цесарь я Девгенича, и повелѣ ѣ слѣпити» ²⁾. Это есть Діогеновичъ, очень хорошо извѣстный въ византійской исторіи, хотя въ сущности онъ не былъ вовсе сыномъ императора Романа Діогена, а былъ только самозванецъ, выдававшій себя за такого сына. О его ссылкѣ въ Корсунь, о его союзѣ съ Половецкими ханами Бонякомъ и Тугорканомъ, о ихъ вторженіи въ предѣлы имперіи, наконецъ, о плѣнѣ и самомъ ослѣпленіи мнимаго сына Діогенова — именно въ годъ вышеозначенный — подробно раз-

1) «Лѣт. по Лавр. сп., 3-е изд., 201—202; П. С. Р. Л., II², 197, 199, 200; ср. ib., V, 149, гдѣ путешествіе Анны Всеволодовны въ Константинополь огнесено къ 6596 году».

2) «Лѣт. по Лавр. сп., изд. 3-е, 219; ср. П. С. Р. Л., II², 217».

сказываетъ дочь императора Алексѣя Анна Комнина¹⁾. Русская исторія знаетъ и другого сына Діогенова, о которомъ идетъ рѣчь въ лѣтописи подъ 6624 (1116) годомъ: «въ то же лѣто Леонъ Диогеновичъ, зять Володимерь иде на цесаря Алексія и вдашася ему городъ Дунайскихъ нѣколико; и в Дерестрѣ, городѣ Дунайстѣмъ, лестью, убиста ѿ два Сорочинина, послана 300 цесаремъ, мѣсяца августа въ 15 день»²⁾. О походѣ и смерти этого Діогеновича нѣтъ такихъ ясныхъ и отчетливыхъ извѣстій въ византійской исторіи, но нѣкоторыя данныя, сообщаемыя тою же Анной Комниной, легко могутъ быть комбинированы съ приведеннымъ рассказомъ русской лѣтописи. Пока мы оставляемъ это въ сторонѣ; болѣе существенный вопросъ для нашего настоящаго изслѣдованія представляетъ самая личность Леона Діогеновича, нѣсколько загадочная, и вопросъ, на комъ онъ былъ женатъ.

Послѣдній вопросъ не рѣшается прямо указаніемъ, что онъ былъ зять Владиміра Мономаха. Онъ могъ быть его зятемъ по дочери или по сестрѣ. Второе такъ же возможно, какъ и первое. Такъ, въ южно-русской (Ипатьевской) лѣтописи венгерскій король, женатый на Евфросиніи Мстиславовнѣ, постоянно называется зятемъ Изяслава Мстиславовича (см. стр. 268, 283: «сгадавъ с зятомъ своимъ королемъ и съ сестрою своею королевою») ³⁾. А что касается личности этого второго Діогеновича, то все заставляетъ думать, что на этотъ разъ мы имѣемъ предъ собою дѣйствительнаго сына Діогенова—въ противоположность самозванцу 1095 года. Но, если бы даже Діогеновичъ 1116 года былъ лже-Діогеновичемъ, все-таки мы могли бы предполагать, что русскій князь выдалъ свою дочь не за самозванца, что онъ былъ тестемъ настоящаго Діогеновича: на Руси не видали и не знали въ лицо византійскаго царевича, породнившагося съ Владиміромъ Мономахомъ, и самозванецъ, принявшій его имя, легко могъ вступить въ права зятя и родственника, особенно если русской княжны, выданной въ Грецію за царевича, болѣе

1) Его исторія изложена также въ нашей статьѣ «Византія и Печенѣги» <= «Труды В. Г. В.» I, 109—116.

2) «Лѣт. по Лавр. сп., изд. 3-е, 276; ср. П. С. Р. Л., II², 283».

3) «Лѣт. по Ипатьевск. сп., изд. 2-е, 6657 и 6658 гг., 268, 283; тѣ-же тексты въ болѣе исправномъ видѣ см. въ П. С. Р. Л., II², 384 и 407».

не было въ живыхъ. Во всякомъ случаѣ, если бы г. Саеѣ были извѣстны данныя о родствѣ Діогеновича съ Ярославичами, то, конечно, онъ не оставилъ бы ихъ безъ вниманія и, прежде чѣмъ думать о Робертѣ Норманнскомъ, вспомнилъ бы единовѣрныхъ Михайлу VII князей Кіевскихъ.

Однако, эти данныя требуютъ, какъ сказано, болѣе точнаго объясненія, чтó можетъ быть достигнуто только путемъ довольно сложнаго изслѣдованія.

Изъ византійскихъ источниковъ намъ извѣстны три сына Романа Діогена, и хотя одинъ дѣйствительно носилъ имя Льва или Леона, но нѣкоторый изъ нихъ не можетъ быть Діогеновичемъ, названнымъ въ русской лѣтописи зятемъ Владиміра Всеволодовича.

Старшимъ изъ сыновей Романа былъ, повидимому, тотъ Константинъ, за котораго умная мать будущаго императора Алексѣя Комнина выдала свою младшую дочь Θεодору, когда отецъ этого Константина, то есть, Романъ Діогенъ «уже получилъ царскій скипетръ» (Вруенн. р. 24, 9: τῷ τοῦ 301 Διογένους υἱῷ Κωνσταντίνῳ, τοῦ πατρὸς ἧδὴ τὰ Ῥωμαίων σκῆπτρα διέπειν λαχόντος, ἢ μήτηρ συνήρμωσεν). Этотъ Константинъ, зять Комниновъ по сестрѣ, былъ убитъ въ сраженіи съ Турками подъ Антиохіей еще въ 1073 году (Вруенн. р. 99; ср. Анна Сомп. X, 2, р. 271 ed. Paris.). Самозванецъ, упоминаемый въ русской лѣтописи подъ 1095 годомъ, принялъ имя именно этого Константина, хотя Анна Комнина, по какой-то ошибкѣ или обмолвкѣ, назвала его лже-Леонемъ. Но она сама же говоритъ, что тотъ сынъ Діогена, имя котораго принялъ самозванецъ, былъ убитъ Турками подъ Антиохіей, и при этомъ ссылается на Врѣннія; а убитъ подъ Антиохіей былъ Константинъ. Притомъ, по разсказу самой Анны, ея тетка Θεодора, спасавшаяся въ монастырѣ, не хотѣла признать въ самозванцѣ своего мужа; слѣдовательно, не хотѣла признать въ немъ Константина (Анна Сомп. X, 2, р. 272). Итакъ, лже-Діогеновичъ 1095 года есть лже-Константинъ, а не лже-Леонъ.

Два другіе сына Романа IV очень часто упоминаются въ первой половинѣ Алексіады; особенно подробно о нихъ говорится въ IX-й книгѣ. Оба они родились послѣ того, какъ Романъ

Диогенъ сдѣлался императоромъ, слѣдовательно, отъ бывшей супруги Константина X Дуки, Евдокии, а потому прозываются порфирородными (Anna Comn. VII, 2, p. 190 BC ed. Paris.; ср. Zonar. XVIII, 23, vol II p. 300 B ed. Paris.). Одинъ изъ нихъ именуется Леономъ, или Львомъ, другой Никифоромъ. Левъ былъ убитъ въ сраженіи съ Печенѣгами гораздо ранѣе 1095 года, именно въ 1088 году. Никакого основанія заподозрить свидѣтельство Анны (VII, 3, p. 196 B) мы не имѣемъ. Слѣдовательно, этотъ Леонъ не есть Диогеновичъ 1116 года, если только мы не предположимъ, что подъ именемъ его точно такъ же дѣйствовалъ самозванецъ, какъ это было съ именемъ Константина въ 1095 году. Никифоръ сошелъ со сцены почти въ одно время съ появленіемъ лже-Константина Диогеновича; подобно своему брату Льву, онъ сначала пользовался расположеніемъ и даже дружбой Алексѣя Комнина, но потомъ былъ заподозрѣнъ въ злоумышленіи на его жизнь и лишенъ зрѣнія (Anna Comn. IX, 9, p. 264 sq.): Анна Комнина, которая знала его лично, рассказываетъ, что послѣ ослѣпленія онъ съ особенною любовію предавался ученымъ занятіямъ, и преимущественно изученію геометріи, при чемъ вмѣсто зрѣнія ему служило осязаніе (IX, 10, p. 266): изъ всѣхъ подробностей видно, что слѣпецъ оставался жить въ Византіи. О немъ не можетъ быть и рѣчи при вопросѣ, кто изъ Диогеновичей былъ на Руси въ 1116 году.

302 Несмотря на то, что среди извѣстныхъ намъ по византійскимъ источникамъ сыновей Диогена мы не находимъ Леона, который могъ бы быть Леономъ Диогеновичемъ русской лѣтописи, мы не думаемъ, чтобъ этотъ послѣдній былъ самозванцемъ. Дѣло въ томъ, что Романъ Диогенъ былъ женатъ два раза, и дѣти, рожденныя имъ отъ перваго брака, не имѣли такого же значенія, какъ дѣти, рожденныя имъ отъ царицы Евдокии, порфирородные Леонъ и Никифоръ. Въ противоположность послѣднимъ они не могли имѣть какихъ-либо притязаній на византійскій престолъ, и потому могли быть вовсе не упомянуты въ нашихъ источникахъ или упомянуты не всѣ. Константинъ былъ, конечно, сынъ первой жены Романовой: это видно изъ выраженій Никифора Врѣннія, что онъ женился уже послѣ воцаренія

своего отца (1068—1071), и это подтверждается другими источниками¹⁾. За то онъ и упоминается не ради собственной его личности, а только по поводу своихъ родственныхъ отношеній къ дому Комниновъ. Другой или другіе, не имѣвшіе такихъ родственныхъ отношеній, могли быть совсѣмъ не упомянуты византійскими историками, писавшими при Комнинахъ²⁾. Леонъ Діогеновичъ, извѣстный по русской лѣтописи, могъ быть этимъ 308 другимъ, не царственнымъ, съ византійской точки зрѣнія, сыномъ Романа IV Діогена и могъ быть не отмѣченъ въ византійскихъ источникахъ. Тѣмъ скорѣе это можно допустить, что при такомъ предположеніи мы будемъ имѣть двухъ сыновей Романа, носящихъ одинаковое имя, но разноматерныхъ: тожество именъ еще болѣе объяснить пропускъ въ генеалогическихъ отмѣткахъ.

Первая жена Діогена, которую «онъ взялъ, будучи еще част-

1) Въ одномъ спискѣ Амартола и продолжателей его, въ которомъ часто вносятся генеалогическія замѣтки, сказано, что Романъ Діогенъ, женившись на Евдокии, вдовѣ Константина Дуки, имѣлъ отъ нея двухъ сыновей, Никифора и Льва; точно такъ же и въ парижскомъ спискѣ Амартола названы на соответствующемъ мѣстѣ Никифоръ и Левъ; Константинъ опущенъ — по указанной въ текстѣ причинѣ. <Muralt въ примѣч. къ Georgii monachi chron. p. 887,27.>

2) Г. Саеа точно такъ же думаетъ (потому что нельзя иначе думать), что сынъ Діогена, который былъ обрученъ съ дочерью Роберта Гвискара, происходилъ отъ перваго брака Діогенова (см. введеніе къ исторіи Пселла, *Bibl. gr. medii aevi*, vol. IV p. XCV₂). Есть еще одно указаніе на существованіе какого-то четвертаго сына у Романа Діогена, которое осталось неизвѣстнымъ г. Саеѣ, хотя онъ могъ бы его употребить въ свою пользу. Ордерикъ Виталій (*Migne, Patrol. lat.*, t. 188 col. 809) говоритъ, что Бозмундъ Тарентскій предъ своимъ походомъ на Византію (въ 1108 году) имѣлъ при себѣ сына императора Діогена и другихъ знатныхъ Грековъ (*filium Diogenis Augusti - secum habebat*), которые жаловались на то, что Алексѣй измѣной отнялъ у нихъ короны предковъ. Но 1) самый фактъ сомнителенъ: никто другой объ этомъ не говоритъ, тогда какъ у Анны мы имѣемъ весьма подробный рассказъ о походѣ Бозмунда и о приговореніяхъ къ оному; 2) если бы фактъ былъ несомнѣненъ, то слѣдовало бы думать, что царевичъ Леонъ Діогеновичъ, зять Мономаха, былъ большой искатель приключеній и нѣкоторое время находился въ южной Италіи, можетъ быть, оттуда перешелъ въ Русь. Такіе примѣры послѣ были, и сношенія Руси съ Бари и южной Италіей несомнѣнно существовали въ XI вѣкѣ. О какомъ-либо родствѣ упомянутаго имъ сына Діогенова съ норманнскимъ домомъ и здѣсь у Виталія нѣтъ ни малѣйшаго намека, точно такъ какъ нѣтъ его во всѣхъ норманнскихъ источникахъ, подробно перечисляющихъ всѣхъ дочерей и зятьевъ Роберта Гвискара. Темною и сомнительною остается для насъ также замѣтка Вильгельма Апулійскаго (*MG. SS. IX*, 267) о какомъ-то сынѣ Романа Діогена, который, по низверженіи своего отца, въ союзѣ съ Армянами и Персами опустошалъ земли восточныя огнемъ и мечемъ.

нымъ челоуѣкомъ» (ἐπι ἰδιωτεύων ἠγάγετο), хотя неизвѣстна намъ по имени, но, какъ слѣдуетъ заключать изъ замѣтки объ ея братѣ, была болгарскаго происхожденія и даже принадлежала къ туземной царственной фамиліи. Братъ ея былъ Самуилъ Алусіанъ, носившій въ Византіи титулъ вестарха (Scylitz.-Cedren. II, 678: ὁ βεστάρχης Σαμουήλ ὁ Ἀλουσιανὸς ὁ Βούλγαρος); объ одномъ изъ позднѣйшихъ Алусіановъ Михаилъ Пселлъ, лично его знавшій, замѣчаетъ, что онъ былъ сынъ царя болгарскаго Аарона (Pselli Histor. p. 63 sq. Лондонск. изд. Cp. Matthieu d'Édesse <въ Bibliothèque hist. Arménienne par E. Dulaurier> p. 164. Attaliot. p. 123, 11). Послѣ этого намъ становится понятно, почему Леонъ Діогеновичъ, зять Мономаха, отыскивалъ города дунайскіе, почему онъ находилъ себѣ сочувствіе въ Болгарской землѣ. Онъ былъ по своей матери представителемъ національной династіи болгарской, онъ былъ предшественникомъ Алусіана, поднявшаго болгарское возстаніе въ 1040 году. Другими словами: изъ притязаній зятя Мономахова, а потомъ и самого Мономаха на города болгарско-дунайскіе мы заключаемъ, что Леонъ Діогеновичъ, зять Владиміра Всеволодовича, былъ сыномъ первой жены Романа Діогена, болгарской царевны, то есть, такимъ сыномъ, о которомъ умолчали византійскіе источники.

Весьма важно для насъ то, что и слова Михаила VII въ его грамотѣ, несомнѣнно относящіяся къ какому-то сыну Романа Діогена, не могутъ точно такъ же относиться къ которому бы то ни было изъ трехъ вышеуказанныхъ Діогеновичей и, слѣдовательно, заставляють допустить существованіе четвертаго сына, неизвѣстнаго византійскимъ писателямъ, но знакомаго намъ по 304 русской лѣтописи; а это почти несомнѣнно приводитъ къ тождеству Діогеновича грамоты съ Леономъ Діогеновичемъ нашей лѣтописи. Вотъ причины, по которымъ слова грамоты не могутъ быть относимы ни къ Константину, рожденному отъ Болгарки, ни къ двумъ сыновьямъ, рожденнымъ отъ императрицы Евдокіи. Первый, какъ извѣстно, былъ женатъ на дочери Анны Далассины, то есть, на сестрѣ Алексѣя Комнина, и этотъ бракъ состоялся въ тотъ самый кратковременный періодъ царствованія Романа Діогена, къ которому относится указываемый въ письмѣ другой брачный договоръ, притомъ договоръ, сохранявшій свою силу и

въ послѣдующее царствованіе, то есть, не уничтоженный женитьбой Константина на Θεодорѣ Комниной, слѣдовательно, не относящійся къ одному и тому же лицу. О сыновьяхъ Евдокіи отъ Романа IV (Левѣ и Никифорѣ) нельзя думать и потому, что въ 1074 году старшему изъ нихъ не могло быть болѣе пяти лѣтъ, а онъ, предполагается, женился или обручился на дочери русскаго князя еще въ царствованіе своего отца. Діогенъ сдѣлался мужемъ Евдокіи, а вслѣдствіе того и императоромъ, въ самомъ началѣ 1068 года и пересталъ царствовать въ 1071 году. Сверхъ того, Михаилъ Дука, рекомендуя своего брата, настаиваетъ на томъ, что это его единоутробный братъ, а сыновья Романа отъ Евдокіи тоже были его единоутробные братья, только отъ другого отца; точно такъ же и порфирородность Константина Дуки не давала бы ему никакого отличія и преимущества предъ Діогеновичемъ, если бы подъ этимъ послѣднимъ разумѣлись Левъ или Никифоръ, оба также порфирородные. Наконецъ, брачный союзъ Константина Дуки и Льва или Никифора, единоутробныхъ братьевъ, съ двумя родными сестрами невозможенъ съ церковной точки зрѣнія, если вѣрно то, что о двухъ различныхъ сестрахъ идетъ рѣчь въ грамотахъ.

Итакъ, въ письмѣ Михаила Парасинака идетъ рѣчь о какомъ-то четвертомъ сынѣ Романа Діогена: нужно думать и можно считать почти несомнѣннымъ, что это есть Леонъ Діогеновичъ, зять Владиміра Мономаха, и что въ грамотѣ идетъ рѣчь о томъ самомъ брачномъ союзѣ сына Романова, вслѣдствіе котораго Леонъ сдѣлался зятемъ русскаго князя.

Правда, выраженія грамоты не совсѣмъ опредѣленны и точны, какъ вообще языкъ византійской дипломатіи. Въ ней сказано (Biblioth. gr. medii aevi, V 387): *εἰ γὰρ καὶ πρὸς τὸν μετ' ἐμοῦ πρότερον ἄρξαντα τὸ τοιοῦτον ἐσπούδασταί σοι συνάλλαγμα καὶ καθωμολόγηταί σοι ὁ ἐκείνου υἱὸς εἰς μίαν τῶν θυγατέρων, ἀλλὰ πολὺ τὸ διαλλάττον πρὸς ἑκατέρους*. Буквальный переводъ этого мѣста будетъ такой: «Если ты озаботился (устроить) такого рода договоръ и съ прежнимъ моимъ соправителемъ и (если) тебѣ обѣщанъ (или же: былъ уступленъ, данъ) его сынъ для одной изъ (твоихъ) дочерей, то все-таки есть большое различіе между тѣмъ и другимъ» (подъ другимъ разумѣется Константинъ Дука). Слово «обѣщанъ»,

или «быль уступлень», выражено такимъ греческимъ терминомъ, который означаетъ согласіе на предложеніе, религіозный обѣтъ или даже супружеское обрученіе; такъ что остается темнымъ, идетъ ли здѣсь рѣчь о совершившемся бракѣ, или объ одномъ обрученіи, либо о помолвкѣ; остается неяснымъ, хотѣлъ ли Михаилъ Дука замѣнить одного жениха другимъ, или только парализовать одинъ брачный союзъ, для него неприятный, другимъ союзомъ съ другою дочерью князя. Мы ужь указали причину, почему послѣднее намъ кажется болѣе вѣроятнымъ. Но если бы въ письмѣ несомнѣнно шла рѣчь только о помолвкѣ, то ничто не мѣшаетъ намъ думать, что бракъ, условленный съ Романомъ Діогеномъ, все-таки состоялся, несмотря на попытку его разстроить, то есть, состоялся послѣ 1073—1074 года, когда писаны письма; дочь русскаго князя, обѣщанная Діогеновичу при жизни его отца, послѣ дѣйствительно за него вышла, когда онъ, послѣ низверженія своего отца, удалился въ Россію. То, что такой бракъ послѣ дѣйствительно существуетъ, и что Діогеновичъ является зятемъ Владиміра Мономаха, служить, разумѣется, сильнѣйшимъ подтвержденіемъ нашего предположенія. Остается одно возраженіе противъ тождественности брачнаго договора, о которомъ говорится въ грамотѣ, и того русско-византійскаго союза, который обнаруживается въ нашей лѣтописи: это возраженіе заключается въ вопросѣ, былъ ли Діогеновичъ женатъ на дочери Владиміра Мономаха, или на его сестрѣ.

9.

Въ русской исторіи общепринятое мнѣніе таково, что Леонъ Діогеновичъ былъ зятемъ Владиміра по его дочери Маріи. Карамзинъ, который еще находилъ противорѣчіе между показаніемъ Анны Комниной о смерти Леона подъ Антиохіей (что, какъ мы теперь знаемъ, есть просто *lapsus calami* или *memoriae*) и рассказомъ нашей лѣтописи объ убійствѣ его въ Доростолѣ (первое 1073 г., второе 1116 г.), основывалъ такое свое мнѣніе на томъ, что сынъ Маріи Владиміровны, убитый въ 1136 году, въ Кіевской лѣтописи названъ царевичемъ Василькомъ Леоновичемъ,

а въ другихъ—только внукомъ Мономаховымъ и Маріичемъ или сыномъ Маріи. Василько Леоновичъ, очевидно, сынъ Леона 306 Діогеновича, и если онъ приходится внукомъ Мономаха, то, слѣдовательно, отецъ его былъ женатъ на дочери Мономаха.

С. М. Соловьевъ, устранившій сомнѣнія Карамзина относительно разногласія между византійскою писательницею и нашею лѣтописью указаніемъ на различіе между самозванцемъ 1095 года и Леономъ 1116 года, въ остальномъ держится Карамзина. Н. И. Костомаровъ повторяетъ ихъ обоихъ съ нѣкоторыми измѣненіями, мало удачными.

У Соловьева: «Дочь Мономаха, Марія, была въ замужествѣ за Леономъ, сыномъ императора греческаго Діогена; извѣстны обычные въ Византіи перевороты, которые возвели на престолъ домъ Комниновъ въ ущербъ дома Діогенова. Леонъ, безъ сомнѣнія, не безъ совѣта и помощи тестя своего, русскаго князя, вздумалъ въ 1116 году вооружиться на Алексѣя и добыть себѣ какую-нибудь область; нѣсколько дунайскихъ городовъ уже сдались ему; но Алексѣй подослалъ къ нему двухъ арабовъ, которые коварнымъ образомъ умертвили его въ Доростолѣ. Владиміръ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, удержать для внука своего Василія пріобрѣтенія Леоновы и послалъ воеводу Ивана Войтишича, который посажалъ посадниковъ по городамъ греческимъ; но Доростолъ захваченъ былъ уже Греками; для его взятія ходилъ сынъ Мономаховъ Вячеславъ съ воеводою Ѡмою Ратиборовичемъ, но принужденъ былъ возвратиться безъ всякаго успѣха... Подъ 1122 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о новомъ брачномъ союзѣ (внуки Мономаховой, дочери Мстислава) съ однимъ изъ членовъ династіи Комниновъ»¹⁾).

У Костомарова: «Не такъ удачны были дѣла Мономаха съ Греціей. Онъ отдалъ свою дочь за Леона, сына византійскаго императора Діогена, но вслѣдъ затѣмъ въ Византіи произошелъ переворотъ. Діогенъ былъ низвергнутъ Алексѣемъ Комниномъ. Леонъ съ помощію тестя хотѣлъ пріобрѣсть себѣ независимую область въ греческихъ владѣніяхъ на Дунаѣ, но былъ умерщвленъ убійцами, посланными Комниномъ. Леонъ оставилъ сына, для

1) С. Соловьевъ, Ист. Росс., комп. изд., I, 355.

котораго Мономахъ хотѣлъ приобрѣсть то же самое владѣніе въ Греціи, котораго добивался Леонъ, и сначала воевода Владиміра Войтишичъ посадилъ было Владиміровыхъ посадниковъ въ городахъ, но Греки прогнали ихъ; а въ 1122 году Владиміръ помирился съ преемникомъ Алексѣя, Іоанномъ Комниномъ, и отдалъ за него свою внуку, дочь Мстислава»¹⁾).

Трудно въ немногихъ строкахъ надѣлать такое большое число вопіющихъ ошибокъ противъ византійской исторіи. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что переворотъ, низвергнувшій 307 Діогена, произошелъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ Владиміръ Мономахъ выдалъ за него свою дочь. Діогенъ былъ низвергнутъ въ 1071 году, когда у Владиміра Мономаха не было ни дочери, ни сына. Притомъ Діогенъ вовсе не Алексѣемъ Комниномъ былъ низвергнутъ; между низверженіемъ Діогена и воцареніемъ Алексѣя прошло десять лѣтъ, два царствованія и нѣсколько переворотовъ. Наконецъ, совершенно ошибочно мнѣніе о томъ, что Іоаннъ Комнинъ былъ женатъ на внукѣ Мономаха.

— Это поселяетъ въ насъ предубѣжденіе противъ единогласія русскихъ историковъ, когда они говорятъ о чемъ-либо византійскомъ. Сомнительны и тѣ основанія, на которыхъ женою Леона считается дочь Владиміра, а не сестра, — Василько Леоновичъ считается внукомъ Владиміра, а не племянникомъ. Лѣтописи, на которыя ссылался Карамзинъ, теперь изданы, и вотъ что мы находимъ подъ 1136 годомъ. Рѣчь идетъ о междоусобіяхъ между Ольговичами и Мономаховичами.

Въ 6644 (1136) году Всеволодъ (Ольговичъ) со всею братьею пришелъ къ Переяславу и стоялъ подъ городомъ три дня: произошло нѣсколько схватокъ, но Ольговичи узнали о приближеніи Ярополка (Владиміровича) и отступили къ Суною. Ярополкъ съ дружиною своею и съ братьею, не дожидавъ своихъ вой (то есть, ополченія), устремились на бой, думая, что Ольговичи не устоятъ противъ ихъ силы. Оба полка соступились и бились крѣпко, но вскорѣ Половцы, союзники Ольговичей, обратились въ бѣгство; лучшая дружина Мономаховичей погналась за ними, а

1) «Н. Костомаровъ, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, в. I, стр. 63, изд. 1873 г. Ср. еще Д. Иловайскій, Ист. Росс., т. I, стр. 146».

сами князья Володиміровичи бились съ Ольговичами: «Тогда же Василко Леоновичъ царевичъ оубьень бысть, и бысть брань люта, и мнози отъ обоихъ падаху». Ярополкъ, Вячеславъ, Юрій и Андрей (Владиміровичи), замѣтивъ смятеніе въ своихъ полкахъ, отъѣхали во свояси. А тысячскій съ боярами, которые погнались за Половцами, избили ихъ и, воротившись назадъ на полчище (на мѣсто первоначальнаго расположенія полковъ), уже не нашли князей своихъ и попали Ольговичамъ въ руки: «И тако изъймаша ѣ, держаше стягъ Ярополчь, яша бояръ много: Давыда Ярославича (въ Лавр. Яруновича) тысяцьскаго и Станислава Доброго Тудьковича и прочихъ мужии; и внукъ Володимеръ Василко Маричичъ оубьень бысть тоу; многы бо бяше бояры Киевскіи изонмали» (Ипатьевск. лѣтоп., стр. 214)¹⁾.

По этому разсказу не только нельзя заключить о тожествѣ царевича Василька Леоновича и внука Владимірова Василька Маричича, но, напротивъ того, слѣдуетъ думать о ихъ совершенномъ 308 отличіи: самые моменты битвы, въ которые пали тотъ и другой, различны. Правда, въ другихъ спискахъ (въ Лаврентьевскомъ, стр. 288) упомянута только смерть Василька Маричича, и ничего не сказано о смерти царевича Леона, но разсказъ Лаврентьевской лѣтописи есть, очевидно, простое сокращеніе первоначальнаго изложенія, какъ оно читается въ Ипатьевскомъ спискѣ; и какъ оно было написано современникомъ и очевидцемъ. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ не только изглаженъ колоритъ современности (опущены слова: «оустремишася боеви, мняше яко не стояти Ольговичемъ противу нашей силѣ»), но и вообще исчезъ тотъ моментъ битвы, когда сражались сами князья Владиміровичи противу Ольговичей, и когда убитъ былъ царевичъ Василко Леоновичъ.

Итакъ, Марія Владиміровна не была супругою царевича Леона и матерью царевича Василька Леоновича; не названа она такъ или царевною и въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ о ней прямо говорится, подъ 1146 годомъ: «Преставися благовѣрная княгини Марица, дщи Володимеря.... въ недѣлю, а в понедѣльникъ вложена бысть в гробъ в своей церкви, в нейже и постри-

1) П. С. Р. Л., II², 298. Ср. Лѣт. по Лавр. сп., изд. 3-е, стр. 288.

жеся»¹⁾. За кѣмъ она была замужемъ, мы не можемъ сказать. Но мы знаемъ примѣры, что русскія княжны выдавались не только за польскихъ удѣльныхъ князей, но и за польскихъ знатныхъ бояръ, переходившихъ въ службу къ русскимъ князьямъ. Такова была княжна русская Марія, выданная за Пётрка Властовича, объ отношеніяхъ котораго къ русскимъ князьямъ, современнымъ Владиміру Мономаху, очень много рассказываютъ польскія лѣтописи (см. Bielowski, Monumenta Polon. histor. 11, 74, 350 и т. д.; ср. Ипат. лѣтоп. подъ 1145 годомъ)²⁾. Конечно, нельзя утверждать, что эта Марія была дочь Владиміра Мономаха (скорѣе Святополка Изяславича), но это можетъ служить примѣромъ того, какъ часто лѣтопись оставляетъ насъ въ невѣдѣніи относительно родственныхъ связей нашихъ князей.

Леонъ Діогеновичъ былъ женатъ не на дочери Владиміра Мономаха, а на его сестрѣ, то есть, на дочери Всеволода Ярославича.

Теперь для насъ можетъ быть совершенно ясна связь между грамотами Михаила VII Парасинака, писанными Пселломъ, и фактами русской исторіи. Михаилъ VII въ началѣ своего царствованія находился въ крайне затруднительномъ положеніи; не говоря о Туркахъ-Сельджукахъ, завладѣвшихъ почти всѣми греческими областями въ Азіи, противъ него поднялись Болгары, 309 взбунтовались Корсуняне. Сверхъ того, его опасенія возбуждали сыновья Романа Діогена; одинъ изъ нихъ былъ обрученъ (или же повѣнчанъ) съ дочерью русскаго князя Всеволода и, будучи сыномъ болгарской царицы, могъ, при помощи русскихъ, сдѣлать много вреда на Дунаѣ, могъ сдѣлать болгарское возстаніе грознымъ не только для Византіи и Грековъ, но и для самой династіи Михаила и его трона. Въ числѣ мѣръ, принятыхъ противъ этихъ опасностей Михаиломъ по совѣту Пселла, было сближеніе съ русскими князьями чрезъ посредство митрополита Кіевского, находившагося въ Царьградѣ, и чрезъ посольство, отправленное къ Ярославичамъ, Святославу и Всеволоду. Въ грамотахъ, посланныхъ при этомъ случаѣ, императоръ Михаилъ просилъ союза и помощи русскихъ князей для охраненія пограничныхъ обла-

1) Лѣт. по Лавр. сп., изд. 3-е, 298.

2) П. С. Р. Д., II², 319.

стей греческихъ, то есть, Корсунской области и Дунайской Болгаріи; для того, чтобы парализовать ихъ дружбу съ домомъ Діогена, просилъ руки Всеволодовой дочери для своего единоутробнаго и порфиророднаго брата Константина, указывая на высокую честь такого брачнаго союза для русскаго князя. Его старанія и внушенія не остались безплодными: русскіе князья принимали участіе въ усмиреніи Корсуни и собирались идти на Дунай. Тѣмъ не менѣе бракъ Діогеновича съ дочерью Всеволода не могъ быть устраненъ или разорванъ; и послѣ, при охлажденіи между Византіей и Русью, тотъ же самый Леонъ Діогеновичъ, съ помощью брата своей жены—Владимира Мономаха, дѣлалъ попытку утвердиться въ Болгаріи и взялъ нѣсколько городовъ на Дунаѣ. Союзъ же Константина Дуки съ Всеволодовою остался только на степени проекта.

10.

Если наше объясненіе грамотъ Михаила Дуки и наши доказательства будутъ признаны убѣдительными, то для русской исторіи приобрѣтены два весьма важные документа. Эта важность будетъ заключаться не столько въ новости вѣдшихъ осязательныхъ фактовъ, непосредственно сливающихся съ содержаніемъ грамотъ, сколько въ томъ отраженіи, какое здѣсь нашли себѣ византійскія политическія теоріи и преданія, опредѣлявшія отношенія имперіи къ другимъ государствамъ, — на этотъ разъ къ Русскому. Мы не имѣемъ намѣренія разбирать все, что сюда относится, а останавливаемся только на нѣкоторыхъ мѣстахъ ¹⁾. 310

«Духовныя книги и достовѣрныя исторіи научаютъ меня, что наши государства оба имѣютъ одинъ нѣкій источникъ (начало) и корень, и что одно и то же спасительное слово было распространено въ обоихъ, одни и тѣ же самовидцы божественнаго таинства и его вѣстники провозгласили въ нихъ слово Евангелія»: διδάσχοισι γάρ με αἱ ἱερατικαὶ βιβλοὶ

1) Мы можемъ теперь отослать читателя къ блистательной статьѣ В. И. Ламанскаго, составляющей украшеніе Славянскаго Сборника. Въ этой статьѣ, написанной въ широкомъ и высокомъ стилѣ, объяснена теорія императорской власти, какъ она понималась въ Византіи, и ея отношеніе къ Россіи, ко власти русскихъ князей.

καὶ αἱ ἀληθεῖς ἱστορίαι, ὅτι μία τις ἐστὶν ἀρχὴ καὶ ρίζα ταῖς καθ' ἡμᾶς ἡγεμονίαις, καὶ ὡς ὁ αὐτὸς σωτήριος λόγος ἀμφοτέραις ἐφῆπλωται, καὶ οἱ αὐτοὶ αὐτόπται τοῦ θεοῦ μυστηρίου καὶ κήρυκες τὸν τοῦ εὐαγγελίου λόγον ταύταις διήχησαν. <Biblioth. gr. medii aevi, V, 389>.

Въ послѣднихъ словахъ заключается указаніе на какое-то особенное церковное преданіе, которое, съ одной стороны, не было общераспространеннымъ свѣдѣніемъ или убѣжденіемъ, такъ что при указаніи на него требовалось сослаться на достовѣрныя исторіи, а съ другой—не было основано на прямомъ свидѣтельствѣ Священнаго Писанія, такъ что въ подтвержденіе его нельзя было указать просто на священныя книги (αἱ ἱεραὶ βιβλοὶ, то есть, Священное Писаніе), а только на духовныя или, буквально, священническія (αἱ ἱερατικαὶ βιβλοὶ)¹⁾. Если грамоты предназначались для русскаго князя, то не представляется никакого затрудненія угадать, какое преданіе тутъ разумѣется. Основателемъ Константинопольской церкви уже съ давняго времени считался апостоль-самовидецъ (αὐτόπτης въ томъ же смыслѣ, какъ въ Евангеліи отъ Луки) св. Андрей Первозванный, поставившій своего ученика епископомъ въ Византіи и другихъ своихъ спутниковъ (= κήρυκες, вѣстники) въ другихъ греческихъ городахъ. Но тотъ же самый первозванный апостоль Андрей, по древнему русскому преданію, проповѣдывалъ слово Божіе и въ русскихъ предѣлахъ, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ явился послѣ городъ Кіевъ.

Важность документальнаго указанія на это преданіе въ византійской грамотѣ XI столѣтія будетъ заключаться въ новомъ историческо-литературномъ фактѣ прямой зависимости русскаго легендарнаго сказанія отъ византійскихъ воззрѣній. Представляется вопросъ: какимъ путемъ византійская ученость могла придти къ представленію о проповѣди апостола Андрея въ русскихъ земляхъ. Не заявляя притязаній на полноту и всесторон-

1) Мы думаемъ, что никто не рѣшится сдѣлать предположенія, допускающаго грубое смѣшеніе терминовъ у такого образованнаго автора, каковъ былъ грамматикъ, риторъ, юристъ, комментаторъ Священнаго Писанія — философъ Михайль Пселлъ. Ни въ какомъ случаѣ онъ не могъ Священнаго Писанія назвать ἱερατικαὶ βιβλοὶ.

ность изслѣдованія, мы позволяемъ себѣ все-таки остановиться на этомъ вопросѣ и сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній въ отдѣльной небольшой статьѣ, слѣдующей за симъ.

Несомнѣнно, что и слова грамоты объ одномъ и томъ же началѣ и корнѣ обоихъ государствъ или государственныхъ властей ¹⁾ имѣютъ свой опредѣленный, реальный смыслъ. Понять ихъ было бы такъ же легко, какъ и указаніе на проповѣдь апостола Андрея, если бъ у насъ было объяснено правильнымъ образомъ известное сказаніе о присылкѣ царскихъ регалій Владиміру Мономаху византійскимъ императоромъ Константиномъ (Мономахомъ) ²⁾. Сказаніе это находится только въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ и сложилось — думаютъ — въ позднѣйшее время, что, конечно, и справедливо, но только по отношенію къ той его формѣ, какую мы имѣемъ въ лѣтописяхъ. Всякія попытки объяснить это сказаніе какъ несомнѣнный историческій фактъ, относящійся къ Владиміру Мономаху, совершенно тщетны и не выдерживаютъ критики. Замѣтивъ, что Константинъ IX Мономахъ и русскій князь Владиміръ Всеволодовичъ не были современниками, С. М. Соловьевъ считаетъ нужнымъ замѣнить имя Константина именемъ Алексѣя I Комнина, ссылаясь на Густыинскую лѣтопись, въ которой стоитъ это послѣднее имя; но Густыинская лѣтопись сама есть не что иное, какъ весьма поздняя компиляція съ притязаніями на ученость, и ея поправка, т. е., замѣна Константина Алексѣемъ, есть ученая поправка, доказывающая только то, что виновникъ ея былъ нѣсколько знакомъ съ византійскою хронологіей ³⁾. Совершенно странными слѣдуетъ назвать разсужденія князя Оболенскаго, ученаго издателя соборной грамоты Константинопольскаго патріарха къ Ивану IV, утверждающей за нимъ царское достоинство. «Годомъ рожденія Владиміра Мономаха былъ 1052 годъ (вѣрнѣе, 1053)... Итакъ, этотъ великій князь родился за два года до кончины императора

1) Слово *ἡγεμονία*, стоящее въ первомъ предложени и замѣненное мѣстоименіемъ во второмъ, имѣетъ и конкретный смыслъ — государства въ смыслѣ государственной области, и отвлеченный — государственной власти. Здѣсь оба значенія, повидимому, смѣшиваются такъ, что, имѣя въ первомъ предложени одинъ смыслъ, въ другомъ слово игемонія уже не можетъ значить ничего другого, кромѣ государственной области.

2) <См. ниже, стр. 551.>

3) <С. Соловьевъ, Ист. Россіи, Компак. изд., т. I, стр. 355.>

312 Константина» (Константинъ IX умеръ 11-го января 1055 года). «Весьма естественно, что императоръ, не оставляя послѣ себя потомства по мужескому колѣну, желалъ передать и дѣйствительно передалъ царское достоинство, вмѣстѣ съ регаліями, своему малюткѣ-внуку, какъ великое наслѣдіе въ своемъ родѣ»¹⁾. Это значитъ—совершенно извращать византійскіе порядки и обычай относительно наслѣдованія царскаго достоинства и забывать, что самъ Константинъ Мономахъ былъ императоромъ благодаря своему супружеству съ Зоей, дочерью Константина VIII, и что сестра ея Теодора осталась въ живыхъ послѣ его смерти, со всѣми правами наслѣдованія, какія только существовали относительно престола, и на основаніи которыхъ она и передала власть, титулъ и, конечно, регаліи Михаилу Стратіоту. Впрочемъ, и самъ Константинъ IX имѣлъ въ виду себѣ преемника для византійскаго трона и неразлучнаго съ тѣмъ царскаго достоинства, но это, конечно, не былъ какой-либо иностранный княжичъ (Sedren. II, 610; ср. Attaliot. p. 51). Притомъ нужно замѣтить, что по крайней мѣрѣ отъ Зои, своей законной супруги, Константинъ не оставлялъ послѣ себя потомства какъ по мужскому колѣну, такъ и по женскому...

Несообразностей въ исторіи о присылкѣ регалій много, и мы отмѣчаемъ пока только одну, по которой уже можно догадываться, что эта исторія первоначально относилась къ какому-нибудь другому времени и другому Константину. Въ сказаніи, какъ оно читается въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ и хронографахъ, повѣствуется, что Константинъ Мономахъ прислалъ царскій вѣнецъ и другіе дары Владиміру Мономаху съ посольствомъ, которое состояло изъ одного митрополита (Неофита Ефесскаго), двухъ епископовъ, Антиохійскаго стратига, Александрійскаго августалія и игемона Иерусалимскаго. Но во время Мономаха не было ни Александрійскихъ августаліевъ, ни Иерусалимскихъ игемоновъ. Августалій есть титулъ префектовъ Египта въ періодъ Римской имперіи, а Египетъ и Сирія давно были въ рукахъ мусульманскихъ.

1) <Соборная грамота духовенства православной церкви, утверждающая санъ царя за вел. кн. Иоанномъ IV Васильевичемъ 1561 года, изд. кн. М. Оболенскимъ, М. 1850, стр. 7.>

Сказаніе о присылкѣ изъ Византіи царскаго вѣнца русскому князю имѣетъ много родственнаго съ повѣстью о томъ, какъ бѣлый клобукъ, данный Константиномъ Великимъ папѣ Сильвестру, перешелъ тоже на Русь, къ Новгородскому владыкѣ. Параллель указана даже въ самой «Повѣсти о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ»: «Въ древняя лѣта, изволениемъ земнаго царя Константина, отъ царствующаго сего града (Константинополя) царскій вѣнецъ данъ бысть Русскому царю; бѣлыи же сей клобукъ изволениемъ небеснаго царя Христа нынѣ данъ будетъ 313 архіепископу Великаго Новагорода»¹⁾. Отсюда мы видимъ, что, во-первыхъ, имя Константина такъ тѣсно соединено съ исторіей присылки регалій, что никакъ нельзя замѣнять его именемъ Алексѣя; и во-вторыхъ, если еще и не ясно намъ изъ «Повѣсти о клобукѣ», какой Константинъ прислалъ вѣнецъ русскому князю, то во всякомъ случаѣ вѣнецъ этотъ долженъ былъ первоначально принадлежать Константину Великому...

У византійскаго историка, писавшаго въ XIV вѣкѣ, говорится о величій властительнаго Рима при кесаряхъ и августяхъ и о томъ, какъ сюда стекались со всѣхъ сторонъ правители побѣжденных народовъ,—одни съ тѣмъ, чтобы получить утверженіе своей власти, быть признанными царями народовъ и властителями странъ и городовъ, а другіе съ тѣмъ, чтобы получить извѣстный санъ или должность въ царскомъ синклитѣ или придворномъ чинѣ. Въ числѣ послѣднихъ былъ русскій правитель, который отъ Константина Великаго получилъ санъ и мѣсто главнаго кравчаго, точно такъ какъ правитель Пелопонниса получилъ титулъ принца, а правитель Аѳинъ — великаго князя: ὁ δὲ Ῥωσικὸς τὴν τε σκιάσιν καὶ τὸ ἀξίωμα τοῦ ἐπὶ τῆς τραπέζης παρὰ τοῦ μεγάλου κελλήρωται Κωνσταντίνου· ὁ δὲ Πελοποννησιακὸς τὸ τοῦ πρίγκιπος· ὁ δὲ τῆς Ἀττικῆς τε καὶ τῶν Ἀθηνῶν ἀρχηγὸς τὸ τοῦ μεγάλου δουκός (Niceph. Gregorae Histor. I, 239). Существованіе послѣдняго преданія—о великомъ князѣ Аѳинскомъ подтверждается и Морейскою хроникой (р. 230 ed. Schmitt), а все вмѣстѣ напоминаетъ слова Евсевія Памфила о Константинѣ и объ отношеніяхъ его къ варварамъ, гдѣ, между прочимъ, сказано,

1) Памятники старинной Русской литературы, изд. Кушелевымъ-Безбородко, I, 296.

что болѣе знатные изъ этихъ послѣднихъ получали отъ него римскія званія и титулы (*ἐτίμα δὲ καὶ Ῥωμαϊκοῦς ἀξιώμασι τοὺς ἐν αὐτοῖς διαφανεστέρους*: Vita Constant., IV 7, p. 120, 24 ed. Heikel). Различіе между пожалованіемъ въ кравчіе и посылкою вѣнца (только не царскаго) не такъ велико, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Стоитъ только припомнить, что въ чинѣ придворныхъ сановниковъ византійскихъ это было очень высокое званіе, которому присвоены были особеннаго рода вышитая золотомъ шапка (*σχιάδιον*) и жезль (см. Codin. De officiis p. 21, 5).

314 Вотъ, впрочемъ, еще одно легендарное извѣстіе, принадлежащее писателю XII вѣка и могущее служить къ объясненію нашего сказанія о присылкѣ регалій. У Кедрина (I, 516 sq.) читаемъ слѣдующій рассказъ о причинахъ разрыва между Сапоромъ, царемъ Персидскимъ, и Константиномъ Великимъ. Нѣкто Митродоръ, родомъ Персъ, подъ предлогомъ занятій философіею или любомудріемъ, пробрался въ Индію къ браминамъ, похитилъ тамъ изъ одного святилища много драгоценныхъ камней и жемчугу и по возвращеніи въ Византію представилъ Константину свои драгоценности, объяснивъ, что то, что было имъ отправлено впередъ чрезъ Персидскую землю, похищено Персами. Константинъ потребовалъ возврата отъ Сапора и не получилъ, чего требовалъ: это было причиною непріязни. Изъ драгоценныхъ камней, привезенныхъ изъ Индіи, императоръ приказалъ сдѣлать какое-то одно произведеніе (*ἐκ τούτων τῶν λίθων ἔργον ποιήσας*) и послалъ оное народамъ живущимъ за Дунаемъ, написавъ: *τῷ μείζονι τὸ δῶρον* (даръ принадлежитъ болѣе великому); «эта надпись была для нихъ причиною гибели», заключаетъ авторъ, не давая никакихъ дальнѣйшихъ объясненій.— Мы можемъ только добавить, что къ задунайскимъ народамъ принадлежали и тѣ Сарматы (Готы), которые жили при Мэотійскомъ озерѣ со своимъ княземъ Равсимодомъ или Русимундомъ (*Ῥαυσίμοδος*); о гибели его рассказываетъ Зосимъ (II 21 sq. p. 77 ed. Mendelssohn).

Все это объясняетъ намъ, на какихъ основаніяхъ могла образоваться легенда о посылкѣ даровъ или регалій отъ Константина Великаго русскому князю. Вліяніе византійской учености тутъ несомнѣнно, хотя въ XIV вѣкѣ русская и византійская ре-

дакціи разошлись въ подробностяхъ. Нашъ документъ показываетъ, что въ той или другой формѣ преданіе существовало уже въ XI вѣкѣ¹⁾.

Что Михайль Дука производилъ начало своего государства или своей государственной власти отъ Константина Равноапостольнаго, это совершенно понятно. Онъ имѣлъ на это право и какъ византійскій императоръ вообще, и какъ Дука въ частности. Дуки производили себя, какъ мы это узнаемъ отъ Никифора Врѣвнннн (р. 13), отъ одной древней римской фамиліи, переселившейся изъ стараго Рима въ новый; современный Константину Великому представитель этой фамиліи былъ его роднымъ племянникомъ, происходилъ отъ одной крови, и первый получилъ отъ своего дяди санъ и должность Константинопольскаго дука (герцога, князя, τὴν τοῦ δουκὸς Κωνσταντινουπόλεως ἀξίαν). И генеалогія, и тѣмъ болѣе званіе, совсѣмъ никогда не существовавшее (были эпархи Константинополя, но не дуки), имѣютъ такой же легендарный, мифическій характеръ, какъ и придворное значеніе русскаго князя при дворѣ Константина Великаго; но дѣло не въ исторической подлинности факта, а въ воззрѣніяхъ, убѣжденіяхъ и теоріяхъ позднѣйшей учености или политики.

Эти теоріи и воззрѣнія были таковы, что ученый Пселль имѣлъ полное право вложить въ уста своего питомца слова, ука- зывающія на одно начало и корень власти русскаго князя и византійскаго императора.

1) <И. Н. Ждановъ исполнилъ пожеланіе В. Г. Васильевскаго, высказанное выше, на стр. 51-ой, но пришелъ къ нѣскольکو инымъ выводамъ. И. Н. Ждановъ иначе объясняетъ, напри- мѣръ, процессъ возникновенія сказанія о полученіи русскими князьями знаковъ власти изъ Византіи, предполагаетъ смѣшеніе въ немъ личности Владиміра Ярославича, дѣйствительно ходившаго въ Константинополь въ царствованіе Константина Мономаха (1043 г.), съ личностью Владиміра Мономаха, считаетъ затруднительнымъ установить какую-нибудь связь между преданіемъ, сообщеннымъ Никифоромъ Григорой, и тѣми русскими повѣстями, которыя знакомы намъ по сказанію о князьяхъ Владимірскихъ и т. п. См. И. Ждановъ, Русскій былевой эпосъ, Спб., 1895 г., стр. 1—151.>

II.

КЪ ИСТОРИИ 976—986 ГОДОВЪ ¹⁾.

(ИЗЪ АЛ-МЕКИНА И ЮАННА ГЕОМЕТРА).

1.

Лѣтомъ 975 года, когда Юаннь Цимисхій, прославленный побѣдоносною борьбою съ княземъ Святославомъ русскимъ, возвращался изъ похода въ Сирію, ознаменованнаго также блистательными успѣхами, умы его подданныхъ смущены были необычайнымъ явленіемъ на небѣ.

«Въ это время, въ началѣ августа мѣсяца, явилась на небѣ удивительная, необыкновенная и превышающая человѣческое понятіе комета. Въ наши времена никогда еще не видали подобной, да и прежде не случалось, чтобы какая-нибудь комета столько дней была видима на небѣ. Она восходила на зимнемъ востокѣ и, поднимаясь вверхъ, высясь какъ кипарисъ, достигала наибольшей высоты, а потомъ, тихо колеблясь, склонялась къ полудню, горя сильнымъ огнемъ, испуская блестящія и яркіе лучи и являясь чѣмъ-то полнымъ страха и ужаса для людей. Бывъ усмотрѣна, какъ сказано, въ началѣ августа, она совершила свой восходъ въ продолженіе цѣлыхъ 80 дней, будучи видима отъ полудня до самаго бѣлаго дня. Императоръ, замѣ-

1) <Журн. Мин. Нар. Пр. Часть 184 (мартъ 1876 г.), отд. II, стр. 117—178.>

тивъ необыкновенное знаменіе, спрашивалъ людей, занимающихся наблюденіемъ воздушныхъ явленій: что означаетъ это страшилище. Они объяснили появленіе кометы не такъ, какъ это давала разумѣть ихъ наука, а примѣняясь къ желанію государя и общая ему побѣду надъ врагами и долготу дней. Этими толкователями были логоветъ и магистръ Симеонъ и архіепископъ Никомидійскій Стефанъ—мужи, избраннѣйшіе изъ тогдашнихъ 118 мудрецовъ. На самомъ дѣлѣ явленіе кометы означало не то, что они подсказывали изъ угожденія царю; напротивъ, оно предвѣщало страшные мятежи, нашествіе народовъ, междоусобныя брани, переселеніе городовъ и странъ, голоды и моровыя язвы, ужасныя землетрясенія и почти совершенную гибель Римской имперіи, какъ мы въ этомъ убѣдились изъ послѣдовавшихъ затѣмъ событій»¹⁾.

Мы привели слова Льва Діакона, писавшаго свою извѣстную всѣмъ исторію славныхъ для Византіи царствованій Никифора Фоки и Цимисхія черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ появленія этой кометы²⁾. Другой младшій его современникъ, армянскій историкъ Асохикъ, также отмѣтилъ въ своей хроникѣ необычайное знаменіе: «Въ 974 (975) году, во время жатвы въ началѣ лѣта показалась звѣзда копьеобразная: она стояла на востокъ и лучи своего свѣта въ видѣ копья простирали на западъ, на Греческую страну. Она продолжала быть видимою до наступленія осени. Въ исходѣ того же года (по армянскому счисленію) умеръ царь Киръ Іоаннъ во дворцѣ своемъ»³⁾.

Въ 988 году, въ годъ крещенія нашего Владиміра, въ началѣ апрѣля мѣсяца, императоръ Василій II, преемникъ Цимисхія, издалъ эдиктъ, отмѣняющій постановленія его предшественниковъ, направленныя противъ чрезмѣрнаго развитія монашества, противъ губительнаго размноженія монастырей, что, какъ извѣстно, наносило величайшій ущербъ всѣмъ экономическимъ и военнымъ средствамъ Византійскаго государства. Замѣчательны мотивы

1) Leonis Diaconi historiae ex recensione Nasii, p. 168 sq. (Бонское изданіе).

2) «Ср. Барона В. Р. Розена «Императоръ Василій Болгаробойца», стр. 226, примѣч. 176.»

3) Всеобщая исторія Степаноса Таронскаго, Асохика по прозванію, переведена Н. Эминимъ, Москва 1864, стр. 130.

этого законодательнаго акта, высказанные самимъ его виновникомъ.

«Отъ монаховъ, засвидѣтельствовавшихъ себя благочестіемъ и добродѣтелью, а также отъ многихъ другихъ людей мы слышали», говоритъ императоръ, «что законы о Божіихъ церквахъ и богоугодныхъ домахъ, изданные нашимъ предшественникомъ Кирь-Никифоромъ, были причиной и корнемъ всѣхъ настоящихъ бѣдствій, — причиною ниспроверженія и смятенія всей этой вселенной, такъ какъ эти законы направлены къ оскорбленію и обидѣ не только церквей и богоугодныхъ домовъ, но и самого Бога. А что это справедливо, въ томъ мы убѣдились самымъ опытомъ; ибо съ тѣхъ поръ, какъ это законодательство вошло въ силу, мы до настоящаго дня (4-го апрѣля 988 г.) не видѣли никакого добра въ нашей жизни, но напротивъ не осталось такого вида несчастія, котораго бы мы не испытали. Посему настоящею золотою грамотою съ нашимъ подписаніемъ объявляемъ вышесказанные законы отмѣненными и недѣйствительными» ¹⁾).

Страшныя бѣдствія, послѣдовавшія за смертію Іоанна Цимисхія и грозившія, по словамъ Льва Діакона, самому существованію Византійской имперіи, въ общихъ чертахъ намъ хорошо извѣстны.

Это, во-первыхъ, рядъ кровавыхъ междоусобій, возбуждаемыхъ честолюбивыми искателями престола: явленіе обычное въ византійской исторіи. Послѣ смерти Цимисхія (10-го января 976 г.), престолъ имперіи не оставался, собственно говоря, празднымъ. Онъ былъ занятъ (уже съ 963 года) двумя сыновьями Романа II, Василиемъ и Константиномъ. Никифоръ Фока (963—969 гг.) и потомъ Іоаннъ I (969—976 гг.) были только соправителями этихъ двухъ наслѣдственныхъ и порфирородныхъ государей, хотя также съ императорскимъ титуломъ, а главное со всею дѣйствительностію власти. До сихъ поръ такой порядокъ вещей оправдывался малолѣтствомъ обоихъ сыновей Романа II. Но въ 976 году старшій изъ нихъ, Василій, имѣлъ уже восемнадцать или двадцать лѣтъ, а младшему, Константину, было сем-

1) Zachariae, Jus Graeco-Romanum, III, 303 sq.

надпять. Ничто, однако, не предвѣщало въ номинальномъ до сихъ поръ (или точнѣе титулярномъ) старшемъ императорѣ способности сдѣлаться тѣмъ властнымъ, умнымъ и энергическимъ государемъ, какимъ онъ явился впоследствии; а Константинъ VIII навсегда остался вялымъ и лѣнивымъ человѣкомъ. Изъ могучихъ рукъ малорослаго Цимисхія кормило правленія перешло въ руки одного изъ тѣхъ образцовыхъ интригановъ, которыми прославилась Византія. Это былъ эвнухъ Василій, любимецъ императрицы-матери, носившій высокій титулъ президента (*πρόεδρος*) и уже прославившій себя темными и кровавыми происками. Явная непопулярность новаго правительства возбуждала въ представителяхъ византійской аристократіи и прежде всего — въ родственникахъ двухъ покойныхъ императоровъ охоту и надежду разыграть роль Фоки или Цимисхія. Не одно только честолюбіе, но и чувство самосохраненія заставляло наиболѣе способныхъ и видныхъ, даже патріотическихъ вельможъ и генераловъ византійскихъ стремиться къ престолу. При отсутствіи строго опредѣленнаго закономъ престолонаслѣдія смѣлый и предприимчивый человѣкъ если и не думалъ о порфирѣ, то всегда возбуждалъ предположеніе и подозрѣніе, что онъ о ней мечтаетъ 120 и къ ней стремится. Отъ этихъ подозрѣній спасеніе часто было возможно только на престолѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ патріархъ Поліевктъ, короновавшій Цимисхія, провозгласилъ страшный принципъ, что помазаніе на царство, точно такъ же какъ и крещеніе, смываетъ всякіе грѣхи, какъ бы они ни были тяжки, — что могло остановить рѣшительнаго или же спасающаго свое положеніе человѣка? Послѣ кончины Цимисхія начальство надъ арміей, дѣйствовавшей въ Азіи, находилось въ рукахъ Варды Склира; своею громкою военною репутаціей, пріобрѣтенною во время русской войны, своею большою популярностью и свойствомъ съ умершимъ Цимисхіемъ Варда Склиръ возбуждалъ наибольшія опасенія въ хитромъ и зломъ эвнухѣ-правителѣ. Онъ лишенъ былъ званія главнокомандующаго на Востокъ (то-есть, въ азіатскихъ провинціяхъ) и назначенъ дукою (губернаторомъ) Месопотаміи. Эта мѣра ускорила или же вызвала открытое возстаніе. Прибывъ въ Месопотамію, Склиръ немедленно провозгласилъ себя императоромъ и вторгнулся въ Малую Азію. Онъ

не дѣлалъ большихъ приготовленій: онъ зналъ, что его военная репутация соберетъ вокругъ него не мало смѣлыхъ и на все готовыхъ воиновъ, и вѣровалъ въ свое искусство. Сарацинскіе эмиры за-евфратскихъ городовъ Амиды и Мартирополя помогли ему деньгами и прислали вспомогательный отрядъ въ 300 конниковъ, что было цѣннымъ приращеніемъ его сначала слабой арміи. Несмотря на частныя пораженія и большія трудности, онъ шелъ впередъ, два раза разбилъ императорскихъ вождей, явился подъ Абидосомъ (при Дарданеллахъ), взялъ Никею и послалъ своего сына Романа во Фракію дѣлать приготовления для осады Константинополя.

Соперникомъ Варды Склира еще при Цимисхіи былъ другой Варда—Варда Фока, племянникъ бывшаго императора Никифора, находившійся въ ссылкѣ и постриженный въ монахи. Новое правительство вызвало изъ ссылки единственнаго вождя, который способенъ былъ помѣриться съ Вардою Склиромъ. Варда Фока сбросилъ съ себя монашеское платье, и старые соперники снова встрѣтились съ оружіемъ въ рукахъ. Долго кружили противники по Малой Азіи, оставляя позади страшные слѣды разоренія; два раза Фока былъ разбитъ Склиромъ (при Аморіи и при Царскихъ баняхъ въ округѣ Харсіанскомъ). Онъ удалился въ Грузію и, при помощи грузинскаго князя Куропалата Давида, собралъ третью армію, съ которою явился на берегахъ историческаго Галиса (Кизиль-Ирмакъ). На этотъ разъ счастье измѣнило Склиру: несчастный случай съ самимъ вождемъ разстроилъ его армію, она разбѣжалась или же передалась императорскому вождю. Склиръ спасъ себя бѣгствомъ и искалъ убѣжища на сарацинской территоріи; но здѣсь былъ заключенъ въ тюрьму, по приказанію намѣстника халифа.

Варда Фока нѣсколько лѣтъ командовалъ всѣми войсками въ Азіи, велъ войну съ Сарацинами и принудилъ эмира Халепскаго (Алеппо) платить дань Константинополю. Между тѣмъ съ годами сталъ развиваться и яснѣе обнаруживаться самостоятельный и повелительный характеръ старшаго императора, Василия II; самъ эвнухъ Василій лишился своей власти и своего вліянія; магнаты не могли болѣе сносить строгаго надзора и крѣпкой узды, налагаемыхъ на ихъ произволъ и хищничество. Когда,

во время болгарскаго возстанія, императоръ Василій обнаружилъ намѣреніе взять лично въ свои руки команду надъ арміей, то и Варда Фока присоединился къ недовольнымъ. Въ округѣ Харсіанскомъ (въ Арменіи), въ домѣ богатаго магната Евстаѳіа Малейна собрались военные вожди и богатые властители (δυνατοί) византійскіе, недовольные императоромъ, и 15-го августа 987 года провозгласили императоромъ Варду Фоку. Между тѣмъ, около этого самаго времени, освободился изъ плѣна и Варда Скляръ послѣ разныхъ приключеній, сдѣлавшихся, по-видимому, сюжетомъ для легендарныхъ разсказовъ въ Византіи и на Востокѣ. Его неожиданное появленіе на сцену съ непокинутыми притязаніями на императорскій титулъ и санъ снова должно было возжечь старую борьбу между двумя императорами-бунтовщиками. Оружіе должно было рѣшить, кто изъ нихъ пойдетъ на Константинополь, противъ Василія. Но Фока разрѣшилъ вопросъ въ свою пользу простымъ вѣроломствомъ. Онъ предложилъ своему сопернику подѣлить имперію полюбовно и, когда тотъ явился въ лагерь противника для переговоровъ, схватилъ его и посадилъ въ одну крѣпость. Фока одинъ началъ борьбу противъ законныхъ императоровъ, сыновей Романа; лѣтомъ 988 года онъ покорилъ большую часть Малой Азіи и стоялъ на Босфорѣ, угрожая Константинополю, когда его успѣхи были остановлены—въ началѣ 989 года; въ апрѣлѣ этого года онъ былъ разбитъ и потерялъ голову. Послѣ этого Варда Скляръ воротилъ себѣ свободу и еще разъ взволновалъ востокъ, но уже не надолго. Убѣдившись въ невозможности держаться противъ энергіи Василія, старый ветеранъ явился въ палатку молодого императора, снявъ съ себя порфиру, но забывъ раздѣть красную обувь; гнѣвно взглянулъ на это Болгаробойца и отказался при- 122
нять больного старика, поддерживаемаго двумя прислужниками, прежде чѣмъ онъ сниметъ съ своихъ ногъ красные символы императорской власти. Скляръ повиновался, получилъ милостивую аудіенцію и даже приглашеніе сѣсть на одномъ коврѣ съ императоромъ. Онъ скоро умеръ ¹⁾).

Во-вторыхъ, одновременно съ этими междоусобными вой-

1) Finlay, History of Greece, II, 360 сл. Ср. Папарригопуло, *Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους*, IV, 226—240.

нами свирѣпствовало возстаніе болгарское. Оно готовилось еще при Цимисхїи и вспыхнуло при первой вѣсти объ его смерти. Два развѣнчаннныя сына бывшаго царя Петра, Борисъ и Романъ, которыхъ Цимисхїй увелъ въ Константинополь, ушли изъ плѣна, узнавъ о возстанїи своего отечества. Но Борисъ, не успѣвшій снять съ себя византійское облаченіе, былъ принятъ на дорогѣ за Грека и убитъ самими Болгарами; а Романъ, оскотенный въ Константинополѣ, уже поэтому не могъ быть царемъ и вождемъ возстанія. Еще ранѣе во главѣ его стали четыре сына одного болгарскаго боярина, который почему-то носилъ римско-византійскій титулъ Комита (comes, comitis); отсюда прозваніе Самуила и его братьевъ Комитопулами. Намъ неизвѣстно въ точности, когда именно Самуилъ провозглашенъ былъ царемъ болгарскимъ, да и вообще ходъ болгарскаго возстанія въ подробностяхъ остается неяснымъ и загадочнымъ.

Несомнѣнно только то, что успѣхи Болгаръ зависѣли отъ современныхъ движеній азіатскихъ бунтовщиковъ, Склира и Фоки. Какъ видно уже изъ золотой грамоты Василія II отъ 4-го апрѣля 988 года, въ это время имперія находилась въ наибольшемъ затрудненїи, и возстаніе болгарское нисколько не было чѣмъ-либо парализовано ¹⁾.

Въ-третьихъ, оставляемъ въ сторонѣ южную Италію, въ которой Греки должны были бороться съ весны 976 года съ сицилійскими Арабами, а потомъ защищать свои владѣнія въ Апуліи и Калабріи противъ Оттона II, женатаго на сестрѣ императоровъ Василія и Константина, но стремившагося подчинить себѣ всю Италію. Византійская политика противопоставила нѣмецкому оружію союзъ съ Фатимидскимъ халифомъ въ Каирѣ, и въ іюлѣ 983 года Оттонъ II потерпѣлъ роковое пораженіе при Базен-
123 телло (въ Калабріи, къ югу отъ Cotrone) ²⁾. Правда, Византійцы скоро разсорились съ своими союзниками, и въ 987 году Сарацины взяли городъ св. Кириака и опустошили всю Калабрію;

1) О болгарскомъ возстанїи см. Гильфердинга, Письма объ исторїи славянъ (Собр. соч. I, 212). Fr. Rački, Borba Južnih Slowena (Rad Jugoslav. Acad. XXIV, 1873, стр. 80 сл.). — О. И. Успенскаго въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1884 апр., стр. 291 сл.).

2) Giesebrecht, Geschichte der deutsch. Kaiserzeit, I, 597 (4-го изд.).

правда, въ самомъ мѣстномъ населеніи скоро вспыхнуло возстаніе, и Барійцы убили, въ 986 г., своего катапана; но все-таки отсюда грозила наименьшая опасность. Въ числѣ иноплеменныхъ народовъ, нашествіе которыхъ было предсказано кометою Льва Діакона, мы можемъ подразумѣвать и народъ русскій. Наша начальная лѣтопись, не обнаруживая близкаго знакомства съ положеніемъ Византіи въ 988 году и вообще не представляя въ своемъ разказѣ признаковъ современнаго событіямъ источника, не только говоритъ о враждебныхъ дѣйствіяхъ русскаго князя противъ имперіи, но и заставляетъ Владимира грозить Василию II взятіемъ Константинополя, и безъ того угрожаемаго ополченіемъ Варды Фоки. Мы не можемъ, конечно, отвергать враждебныхъ отношеній Владимира къ Византіи въ 988 году; оно засвидѣтельствовано многими другими источниками, — оно, вѣроятно, подразумѣвается въ числѣ бѣдствій, о которыхъ говоритъ Василій II въ своемъ хрисовулѣ монастырямъ и монахамъ. По всѣмъ признакамъ, примиреніе и союзъ (военный и брачный) съ русскимъ княземъ были первымъ отряднымъ проблескомъ, который испыталъ Василій II въ своей жизни. При помощи русскаго вспомогательнаго корпуса былъ разбитъ въ апрѣлѣ 989 года Варда Фока. Съ этого момента начинается поворотъ и въ ходѣ болгарскаго возстанія: византійское оружіе начинаетъ одерживать успѣхи, императоръ находитъ возможнымъ и безопаснымъ покинуть европейскія владѣнія для новыхъ завоеваній и приобрѣтеній въ далекой Азіи, около Кавказа; его сопровождаетъ русскій шеститысячный корпусъ; Русскіе борются и съ Болгарами въ Европѣ, получая на свою долю третью часть добычи при побѣдахъ.

Еслибы мы могли возстановить точную хронологію всѣхъ этихъ событій, то для насъ стала бы яснѣе не только общая связь между затруднительнымъ положеніемъ Византіи и успѣхами Болгарь, съ одной стороны, крещеніемъ русскаго князя Владимира и пробужденіемъ энергіи греческаго оружія въ борьбѣ съ Болгарами—съ другой стороны; но въ иномъ, болѣе яркомъ свѣтѣ выставлялись бы многія частныя подробности исторіи не только византійской, но также болгарской и русской. вмѣсто наивныхъ представлений лѣтописца-монаха, мы познакомились бы съ ши- 124

рокимъ кругозоромъ византійской политики. Старыми преданіями умной и ловкой дипломатіи Византія много разъ сама себя выручала изъ самыхъ затруднительныхъ положеній; но ходы и приемы этой дипломатіи, составляя наслѣдіе старой культуры, не были доступны разумѣнію и пониманію простодушныхъ лѣтописцевъ, не только русскихъ, но и всякихъ другихъ.

Къ несчастію, сама византійская историческая литература не сохранила намъ хорошихъ, полныхъ, современныхъ событіямъ источниковъ для занимающаго насъ періода. Только по поводу извѣстной намъ кометы, ради восстановленія научной правды, что не на добро бываютъ такія знаменія, современный византійскій писатель Левъ Діаконъ сдѣлалъ въ своемъ сочиненіи, которое должно было оканчиваться смертію Цимисхія, довольно большую вставку, забѣгающую впередъ и содержащую обзоръ событий до 989 года. По самой задачѣ своей этотъ обзоръ не могъ быть подробнымъ и отчетливымъ. Изъ исторіи болгарскаго возстанія описано только пораженіе Византійцевъ при Срѣдцѣ (Сардикѣ), въ которомъ самъ авторъ подвергался большой опасности. Что касается дѣлъ русскихъ, то писатель, такъ много занимавшійся Русью и ея предводителемъ Святославомъ, совсѣмъ не упоминаетъ въ этомъ обзорѣ не только о крещеніи Владиміра, но даже о бракѣ Кіевскаго князя на греческой царевнѣ, даже о помощи, которую прежніе враги оказали Византіи въ самую критическую для нея минуту; онъ отмѣчаетъ опять только враждебное дѣйствіе Русскихъ, именно взятіе Корсуна. Болѣе подробное обзорѣніе начальныхъ лѣтъ царствованія Василя II находится у византійскихъ хронографовъ-компиляторовъ конца XI и XII вѣка (Скилиція, Кедрина, Зонары). Всѣ они заимствовали свои свѣдѣнія посредствомъ или непосредственно изъ одного источника: въ этомъ убѣждаетъ не только совершенное тожество содержанія, но и близкое сходство выраженій и языка. При внимательномъ изученіи текста легко убѣдиться, что собственно только одинъ Іоаннъ Оракісійскій, по прозванію Скилицій, жившій въ самомъ концѣ XI вѣка, долженъ быть считаемъ первоначальнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о царствованіи Василя II, то есть, тѣмъ добросовѣстнымъ и почтеннымъ компиляторомъ, который сохранилъ для насъ извѣстія, содержащіяся въ первоначальныхъ источникахъ, далеко не

замѣнивъ, конечно, послѣднихъ. Что же касается Кедрина, то это есть компиляторъ компилятора, плагиаторъ, единственная заслуга котораго для насъ состоитъ въ томъ, что онъ обокралъ своего собрата, то есть, Скилиція, вполнѣ и всецѣло. Когда будетъ изданъ 125 подлинный греческій текстъ Иоанна Скилиція, — что уже обѣщано, — тогда Кедринъ утратитъ и эту заслугу, потеряетъ всякое значеніе для всего того періода, который обнимается хроникой Иоанна Оракисійскаго. Существующій пока только въ старинномъ латинскомъ переводѣ текстъ Скилиція представляетъ изрѣдка легкія отмѣны противъ греческаго его текста, переписаннаго въ свою хронику Кедриномъ; едва замѣтныя для обыкновеннаго читателя, эти отмѣны могутъ иногда становиться очень важными для изслѣдователя. Къ несчастію, нельзя поручиться, что различіе всегда принадлежитъ первоначальному тексту Скилиція, а не латинскому только переводу, который нельзя назвать вполнѣ исправнымъ. Что касается далѣе Зонары, то и онъ есть вторичный компиляторъ, то есть, не имѣя подъ рукою подлинныхъ первоначальныхъ источниковъ для времени Василия II, онъ пользуется тѣмъ же Скилиціемъ и отличается отъ Кедрина только въ томъ отношеніи, что не переписываетъ сплошь трудъ избраннаго руководителя, а часто его сокращаетъ, по большей части удерживая все-таки самый стиль и языкъ подлинника. Къ чести Зонары въ настоящее время можно прибавить еще одно обстоятельство, сдѣлавшееся замѣтнымъ только послѣ изданія мемуаровъ Пселла, именно: начиная съ восшествія на престолъ Василия II, Зонара, рядомъ съ преобладающимъ все-таки Скилиціемъ, пользуется слегка и упомянутымъ сейчасъ авторомъ. Большою частью заимствованія изъ Пселла едва замѣтны, состоятъ во внесеніи одной-другой черты, двухъ-трехъ строкъ изъ мемуаровъ Пселла въ текстъ Скилиція, служатъ подспорьемъ при стилистической обработкѣ послѣдняго. Любопытнымъ образчикомъ въ этомъ отношеніи могъ бы служить рассказъ Зонары о русскомъ нашествіи 1043 г. Иногда эти заимствованія бываютъ смѣлѣе, состоятъ въ извлеченіи цѣлой страницы изъ не называемаго обыкновенно Пселла, что, напримѣръ, замѣчаемъ въ характеристикѣ Василия II. Съ нашей точки зрѣнія, то есть, имѣя въ виду только царствованіе двухъ сыновей Романа, мы не можемъ за это особенно хвалить

Зонару. Сочиненіе Михаила Пселла, какъ извѣстно, представляетъ родъ мемуаровъ или записокъ автора о томъ, что онъ самъ пережилъ, видѣлъ или въ чемъ лично участвовалъ. Среди сухихъ, бездушныхъ произведеній византійской историографіи это сочиненіе поражаетъ насъ живостію своего содержанія; въ немъ несомнѣнно бьется живой пульсъ и слышится живая, хотя нѣсколько тщеславная и педантическая личность византійскаго ученаго и царедворца. Но жизнь и дѣятельность Пселла относится къ сороковымъ и послѣдующимъ годамъ XI вѣка. О царствованіи Василія II онъ пишетъ по рассказамъ старшихъ своихъ современниковъ и сообщаетъ о немъ только нѣсколько отрывочныхъ, хотя и драгоцѣнныхъ данныхъ. Почему бы Зонаръ, при его литературныхъ способностяхъ, при готовности и желаніи не быть рабскимъ списывателемъ, не обратиться къ настоящимъ и первичнымъ источникамъ для изображенія такого славнаго періода, какъ время Василія II, то есть, обратиться къ тѣмъ самымъ источникамъ, по которымъ описалъ это время Скилицій? Зонара писалъ свое сочиненіе въ монастырѣ, при недостаткѣ книгъ, на который самъ жалуется; но все-таки эти источники далеко не были потеряны и могли быть отысканы.

Въ настоящее время мы можемъ только догадываться о первоначальномъ источникѣ или источникахъ, которымъ мы обязаны посредственно нашими скудными знаніями о времени Василія II, объ исторіи и ходѣ болгарскаго возстанія при Самуилѣ, объ отношеніяхъ Руси къ византійской императорской политикѣ при Владимірѣ. Послѣ блистательной находки, сдѣланной недавно однимъ русскимъ ученымъ (И. Е. Троицкимъ) и обѣщающей намъ знакомство съ важнымъ, но до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ дѣятелемъ и мало-извѣстнымъ писателемъ начальныхъ годовъ X вѣка¹⁾, нельзя, конечно, совсѣмъ отказываться отъ надежды, что когда-нибудь будутъ открыты хроники и вообще первоначальные источники для конца того же вѣка. Если бъ это слу-

---

1) Мы разумѣемъ переписку Аревы Кесарійскаго, открытую И. Е. Троицкимъ въ Московской Синодальной Библиотекѣ. Нужно только пожелать, чтобы нашъ почтенный ученый, уже извѣстный своими трудами по исторіи Византіи, получилъ скорѣе возможность сдѣлать свою драгоцѣнную находку общимъ достояніемъ науки.

чилось, то не одинъ спорный вопросъ въ русской исторіи нашелъ бы свое рѣшеніе. Во всякомъ случаѣ и теперь полезно искать слѣдовъ такихъ источниковъ.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ греческихъ церковно-каноническихъ произведеній, тракующемъ о дозволительности архіерейскаго перемѣщенія съ одной епархіи на другую, приводятся многочисленные примѣры такой практики и, между прочимъ, говорится слѣдующее:

«Агапій, архієпископъ Селевкии Пьерійской, перемѣщенъ былъ на патріаршество Антиохійское въ царствованіе царя Василія Порфиророднаго, послѣ возстанія Скира, какъ объ этомъ говоритъ Θεодоръ, епископъ Севастійскій, написавшій хроникѣ государя Василія Порфиророднаго»¹⁾.

Въ этомъ Θεодорѣ мы узнаемъ того самаго младшаго Θεодора, стоявшаго во главѣ церкви Севастійской, о которомъ упоминаетъ Скилицій въ своемъ введеніи, перечисляя тѣхъ, по его словамъ, то пристрастныхъ, то слишкомъ частныхъ и специальныхъ писателей, которыми онъ пользовался для своего труда, и которыхъ должна сдѣлать совершенно ненужными и лишними его собственная хроника. Кедринъ никогда не читалъ хроники Θεодора Севастійскаго, но, списывая Скилиція, точно такъ же вслѣдъ за Львомъ Карійскимъ (Львомъ Діакономъ) и Θεодоромъ, еписко-

1) Разсужденіе о перемѣщеніяхъ (*περὶ μεταθέσεων*) существовало въ разныхъ спискахъ: лучший изъ нихъ былъ, повидимому, тотъ, который былъ въ рукахъ Аллація: Leonis Allatii de Theodoris: Mai, Novae Patr. biblioth. VI, 174 (См. В. Н. Бенешевича Канон. сборн. XIV титуловъ, стр. 62, примѣч.). Здѣсь читается только небольшой отрывокъ, нами переведенный (Ἀγάπιος -- μετατέθη -- κατὰ τὴν ἀποστασίαν τοῦ Σκληροῦ, ὡς ὁ Σεβαστείας λέγει Θεόδωρος, ὁ γράφας τὸ χρονικὸν βιβλίον τοῦ κυροῦ Βασιλείου τοῦ πορφυρογεννήτου). У Ралли и Потли (Σύνταξις V, 391—394) напечатано все сочиненіе *περὶ μεταθέσεων*, но здѣсь (р. 393) сказано, что Агапій былъ сдѣланъ патріархомъ Иерусалимскимъ, и не обозначено точно сочиненіе Θεодора Севастійскаго (ὡς γράφει ὁ Θεόδωρος). Наконецъ, все разсужденіе съ нѣкоторыми дополненіями вошло въ церковную исторію Никифора Каллиста, гдѣ (Migne, Patrol. gr. 146, 1196 C) Агапій опять называется Антиохійскимъ патріархомъ, но не названъ источникъ свѣдѣній о немъ. За то здѣсь приведенъ еще другой примѣръ перемѣщенія при томъ же Василии II: Ἐπὶ δὲ τῆς αὐτῆς ἡγεμονίας Θεοφύλακτος ἐκ τῆς Σεβαστηνῶν εἰς Ῥωσίαν ἀναγεται. Если бы вмѣсто Θεοφилакта можно было читать Θεопемптъ, то здѣсь заключалось бы дѣйствительно указаніе на русскаго митрополита. (Но ср. Н. Gelzer въ Byz. Zeitsch. I 255.) Далѣе встрѣчается какой-то монахъ Πεντακλῆς, перемѣщенный ἀπὸ Ῥωσίωνων на кафедру острова Лимна: не о городѣ ли Русіѣ (Ῥούσιον) идетъ рѣчь? (Ср. А. Павлова, Замѣтки о греч. рукоп. канон. сод. въ Моск. Синод. Библ., 30 сл.)

помъ Сиды, ставитъ Θεодора Севастійскаго, а далѣ Димитрія Кизическаго и Іоанна Лидійскаго, повторяя со смѣшною дерзостію отзывъ своего предшественника о всѣхъ этихъ писателяхъ, но точно такъ же не указывая даже заглавій ихъ трудовъ. Теперь мы знаемъ, что Θεодору специально принадлежала хроника царствованія Василя II. Быть можетъ, и Димитрій Кизическій, упоминаемый около 1030—40-хъ годовъ XI-го столѣтія¹⁾, писалъ что-нибудь объ этомъ царствованіи.

Можно сказать почти съ несомнѣнною увѣренностью, что хроника Θεодора Севастійскаго была единственнымъ источникомъ для Іоанна Скилиція, а чрезъ его посредство и для другихъ византійскихъ компиляторовъ, описывавшихъ время Василя Болгаробойцы. При передѣлкѣ трудъ современника и очевидца подвергся, конечно, большому сокращенію: это видно ужъ изъ того, что о патріархѣ Агапіи и вообще объ антioxійскихъ церковныхъ дѣлахъ ни слова не сказано во всѣхъ трехъ хронографахъ—Скилиція, Кедрина и Зонары. Очень вѣроятно, что въ потерянномъ сочиненіи Севастійскаго епископа говорилось и о крещеніи Владиміра, а не объ одномъ только бракѣ его на сестрѣ Василя, что, по русской лѣтописи, послѣдовало за крещеніемъ. Но, ведутъ ли отсюда свое начало позднѣйшія византійскія свѣдѣнія объ этомъ событіи, заключающіяся въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ церковно-обличительной литературы, или, точнѣе, въ старинныхъ русскихъ переводахъ этихъ произведеній,—сказать трудно. Ниже мы познакомимся съ тѣмъ, въ какой обстановкѣ представлялось въ подразумѣваемыхъ византійскихъ полемическихъ сочиненіяхъ крещеніе русскаго князя. Что при своемъ извлеченіи изъ хроники Θεодора Севастійскаго, при ея обработкѣ для своего сочиненія, Скилицій, вообще искусный и внимательный компиляторъ (какъ въ этомъ убѣждаютъ насъ его заимствованія изъ сохранившагося писателя XI вѣка Атталіоты), дѣлалъ иногда довольно важные промахи—въ этомъ также не можетъ быть сомнѣнія. Едва ли можно предполагать, чтобы современникъ невѣрно обозначилъ продолжительность царствованія Іоанна Цимисхія. Между тѣмъ Скилицій, а вслѣдъ за нимъ и Кедринъ, и Зонара заставляютъ царствовать Цимисхія шесть лѣтъ и столько же мѣсяцевъ,

1) Cedren. II, 486, 13. 517, 14.

тогда какъ его правленіе продолжалось только шесть лѣтъ и одинъ мѣсяць, какъ это правильно обозначено у Льва Діакона, другого современника¹⁾. Всего вѣроятнѣе, что недосмотромъ или поспѣшностью Скилиція должна быть объясняема и другая, важная для насъ ошибка, состоящая въ неправильномъ обозначеніи года кометы и землетрясенія, по которымъ можетъ быть опредѣляемъ годъ взятія Корсуня Владиміромъ. Эта ошибка повторена опять-таки Кедриномъ, но исправляется при помощи Льва Діакона и другихъ уже не византийскихъ источниковъ. Замѣчательно, что съ этою несомнѣнною ошибкою находится, однако, въ согласіи русская первоначальная лѣтопись при повѣствованіи о крещеніи 129 Владиміра: это мы увидимъ ниже.

Не только для восполненія пропусковъ, но и для исправленія неточныхъ и невѣрныхъ показаній, вообще для критики нашихъ такъ мало надежныхъ главныхъ источниковъ, могутъ быть полезны всякія другія независимыя, изъ другихъ источниковъ идущія свѣдѣнія. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ арабская хроника Джирджиса Ибнуль Амида ал-Мекина. Происходя изъ христіанской сирійской фамиліи, переселившейся въ Египетъ, ал-Мекинъ, подобно своему отцу, занимавшему важную финансовую должность при Саладинѣ, достигъ, несмотря на свое христіанское (неизвѣстно, яковитское или мелькитское) исповѣданіе, виднаго положенія при дворѣ, именно — былъ секретаремъ египетскаго государя, и умеръ въ 1275 году, оставивъ послѣ себя сочиненіе, озаглавленное именемъ Всеобщей исторіи и доведенное до 1260 года. Вторая часть этого сочиненія, заключающая въ себѣ исторію халифовъ, издана не только въ арабскомъ подлинникѣ, доступномъ для однихъ ориенталистовъ, но также въ двухъ переводахъ — латинскомъ и французскомъ²⁾. Ал-Мекинъ удѣляетъ въ

1) Leo Diac. p. 178: ἐν αὐτοῦς ἕξ πρὸς ἡμέρας τριάκοντα. Ср. p. 512 (примѣч. Gaze): Sic codex non siglis, sed plenis litteris. Но у Кедрина и Зонары: Βασιλεύσας ἕτη ἕξ, τοσοῦτους τε μῆνας. То же самое въ латинскомъ изданіи Скилиція. Замѣчательно, что ал-Мекинъ вѣрно показываетъ число мѣсяцевъ (одинъ), дѣлая ошибку въ годъ. У Кедрина и Зонары невѣрно указано и время смерти Цимисхія (10-го декабря вмѣсто 10-го января).

2) Historia Saracenicæ - - Arabicè olim exarata à Georgio Elmascino - - Et Latine reddita operâ et studio Thomæ Erpenii. Lugduni Batavorum, 1625. — L'histoire Mahometane - - du Macine - - traduit - - par Pierre Vattier. Paris, 1657.

своей исторіи значительное мѣсто христіанскимъ, въ частности — византійскимъ событіямъ и посвящаетъ имъ всегда особый отдѣлъ. Уже Карамзину было извѣстно, хотя по ссылкамъ Ассемани, свидѣтельство ал-Мекина о крещеніи Владиміра. Въ недавнее время русскій переводъ всего отрывка, сюда относящагося, сдѣланъ былъ барономъ В. Р. Розеномъ и изданъ А. А. Куникомъ¹⁾. Въ высшей степени любопытный и важный рассказъ образованнаго египетскаго христіанина, отличающійся отчетливымъ изложеніемъ обстоятельствъ, при которыхъ совершилось крещеніе «царя Руссовъ», пріобрѣтаетъ еще большее значеніе, когда познакомишься ближе съ его свѣдѣніями о византійскихъ дѣлахъ вообще; они поражаютъ богатствомъ и точностью хронологическихъ данныхъ, что особенно замѣтно въ изложеніи царствованія Василія II. Ужъ это одно заставляетъ думать, что, хотя сочиненіе писано и очень поздно для нашего періода, то есть, для X вѣка, но на основаніи хорошихъ и близкихъ къ событіямъ источниковъ. Что эти источники не находятся въ какомъ-либо родствѣ
 130 съ византійскими хронографами, въ этомъ, по нашему мнѣнію, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Не только способъ лѣтоисчисления, но и самый характеръ повѣствованія, а особенно совершенная независимость хронологическихъ опредѣленій отъ византійской точки зрѣнія на важность или неважность фактовъ, полное отсутствіе какого-либо буквального сходства въ этомъ отношеніи съ наличными византійскими сочиненіями, — все убѣждаетъ, что у ал-Мекина были подъ рукою особыя, мѣстные источники. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что до X вѣка источникомъ ал-Мекина для дѣлъ христіанскихъ служило сочиненіе Саида Ибнъ Батрика (сына патриція), другими словами — Александрійскаго православнаго патриарха Евтихія (съ 934 года): «Нить драгоценныхъ камней», написанное также на арабскомъ языкѣ и доведенное до 937 года. Въ латинскомъ переводѣ оно издано Пококомъ въ 1658 году и перепечатано въ Греческой Патрологіи аббата Миня (Migne, Patrol. gr. 111, 858: Contextio gemmarum, sive Eutychii patriarchae Alexandriae annales). Ал-Мекинъ часто ссылается на исторію Евтихія: dicit Saidus filius Batrici in hi-

1) Куникъ, О запискѣ готскаго топарха, Спб. 1874, стр. 147.»

storia sua, и дѣлаеть при этомъ заимствованія буквальных¹⁾. Но сочиненіе Евтихія кончалось 937 годомъ, — годъ его смерти указанъ самимъ ал-Мекиномъ подь 939 годомъ: кого же нужно разумѣть при дальнѣйшихъ ссылкахъ ал-Мекина на «христіанскія исторіи»? ²⁾ Нѣкоторые слѣды ведутъ къ сирійской хроникѣ Игнатія Мелитенскаго, которою пользовался Михаилъ Сирійскій и Абу-л-Фараджъ ³⁾. По крайней мѣрѣ у ал-Мекина мы находимъ такое же невѣрное опредѣленіе продолжительности правленія Цимисхія, какое встрѣчается у другихъ писателей, пользовавшихся сочиненіемъ Игнатія. Эта невѣрность — нужно мимоходомъ замѣтить — совершенно другая, чѣмъ у византійцевъ. Сверхъ того, нельзя не обратить вниманія нашихъ ориенталистовъ 131 на совершенно до сихъ поръ неизвѣстную сирійско-арабскую хронику Иліи Нисибійскаго, относящуюся къ XI столѣтію и хранящуюся въ рукописи въ Британскомъ музеѣ. Нѣкоторые указанія на ея содержаніе, попавшіяся намъ на глаза почти случайно, можно найти у нѣмецкихъ ученыхъ богослововъ ⁴⁾. По этимъ указаніямъ позволительно заключать, что хроника Иліи Нисибійскаго по содержанію своему родственна съ «Нитью драгоценныхъ камней» Евтихія и, быть можетъ, служила продолженіемъ къ труду Александрійскаго патриарха. Въ такомъ слу-

1) См. въ латинскомъ переводѣ pp. 83. 123. 131. 161. 208. Ср. 11. 19. 26. 40. 43. 49. 67. 77. 82. 98. 105. 111. 122. 139. 144. 151^b. 159. 176. 180 (о патриархѣ Николаѣ Мистикѣ). 196).

2) «О Яхъѣ Антиохійскомъ какъ главномъ источникѣ ал-Макина см. бар. В. Р. Розена, «Императоръ Василій Болгаробойца», стр. VI. 190 и passim.»

3) Ал-Мекинъ пишетъ, что Цимисхій царствовалъ три года и одинъ мѣсяць, тогда какъ слѣдовало сказать: шесть лѣтъ и одинъ мѣсяць. У Михаила Сирійскаго (Chronique de Michel le Grand, trad. par V. Langlois, p. 281): Son règne ne dura que trois ans (Ср. изданіе той же хроники, исполненное J.—B. Chabot, t. III, fasc. II, p. 132). Абу-л-Фараджъ (Chron. Syriac., p. 205), опровергая нѣкоторые показанія Михаила относительно смерти Цимисхія, говоритъ, что онъ заимствовалъ ихъ у Игнатія Мелитенскаго. Этотъ Игнатій былъ современникомъ Михаила Сирійскаго и умеръ въ 1094 году (Assemani, Bibliotheca orientalis t. II, 212; Ланглуа въ примѣчаніяхъ къ хроникѣ Михаила, pp. 20. 280).

4) R. A. Lipsius, Chronologie der römischen Bischöfe, Kiel 1869, стр. 36: «Nächst Eutychius ist endlich noch die syrische und arabische Chronik des Elias von Nisibis aus dem 11. Jahrh. zu erwähnen. — Auf diese bisher ungedruckte Chronik bin ich durch die freundlichen Mittheilungen — Paul de Lagarde aufmerksam gemacht worden» и. с. w. (См. В. Райтъ, Краткій очеркъ исторіи Сирійской литературы. Перев. К. А. Тураевой подь ред. и съ дополн. П. К. Ковцова, стр. 169 сл.).

чаѣ вполне естественно предполагать пользование ею со стороны ал-Мекина. Есть нѣкоторые признаки, заставляющіе думать, что ал-Мекинъ въ отдѣлѣ о царствованіи Василія II имѣлъ предъ собою два источника. Эти признаки яснѣе обнаружатся для читателя послѣ знакомства съ текстомъ египетской хроники; мы обращаемъ вниманіе на то обстоятельство, что о разныхъ знаменіяхъ и бѣдствіяхъ одного и того же года ал-Мекинъ говоритъ въ два пріема, въ двухъ различныхъ мѣстахъ, и притомъ въ такомъ порядкѣ, что болѣе раннія явленія помѣщены послѣ позднѣйшихъ.

Какъ бы то ни было, извѣстія ал-Мекина ведутъ свое начало изъ хорошихъ, самостоятельныхъ и древнихъ источниковъ. Само собою разумѣется, что хроника ал-Мекина не столько замѣняетъ ихъ, сколько заставляеть жалѣть объ ихъ утратѣ. Неточности и промахи не чужды труду египетскаго христіанина и секретаря, такъ какъ они почти неизбѣжны для всякаго компилятора. Онъ, несомнѣнно, смѣшиваетъ сыновей царя Петра Болгарскаго съ сыновьями Комита Шишмана, братьями Самуила, какъ это дѣлаютъ и другіе писатели, отдаленные по мѣсту жительства отъ театра событій, хотя и ближайшіе по времени, именно — армянскіе писатели и во главѣ ихъ Асохикъ. Несомнѣнно драгоценными остаются все-таки хронологическія данныя, сохраненныя ал-Мекиномъ. Всякій разъ, какъ они могутъ быть проверены византійскими источниками, обнаруживается совершенная точность и правильность ихъ. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ въ этомъ отношеніи отказываются намъ служить византійцы, мы можемъ полагаться на ал-Мекина.

132 Такъ какъ отдѣлъ исторіи ал-Мекина (pp. 243 sqq. Нерр.), излагающій событія византійской исторіи въ послѣдней четверти X столѣтія, имѣетъ большую важность для византійской, славянской и особенно русской исторіи, а между тѣмъ византинисты (Финлей, Папарригопуло), такъ же какъ и слависты (Гильфердингъ, Рачкій) не обращаютъ доселѣ никакого вниманія на этотъ источникъ, — то мы рѣшились сдѣлать довольно значительную выписку изъ ал-Мекина и привести ее вполне въ русскомъ переводѣ. Переводъ нашъ не можетъ имѣть притязаній на точность и близость къ подлиннику: онъ сдѣланъ нами уже съ ла-

тинскаго перевода хроники, съ повѣркою по старинному Французскому. Въ болѣе важныхъ и сомнительныхъ мѣстахъ, гдѣ, между прочимъ, требовалась повѣрка собственныхъ именъ по подлиннику, мы обращались къ содѣйствію нашего товарища, ученаго оріенталиста барона В. Р. Розена, и воспользовались его всегдашнею любезностью и готовностью помогать другимъ своими знаніями. Болѣе важныя мѣста мы отмѣчаемъ <разрядкой> и разбираемъ ихъ далѣе, въ третьей главѣ; другіе комментаріи помѣщаемъ подъ текстомъ; переложеніе мусульманскаго лѣтосчисления на христіанское сдѣлано при этомъ по таблицамъ Бюстенфельда.

Разсказъ ал-Мекина, вмѣстѣ съ собственнымъ своимъ значеніемъ, долженъ намъ послужить въ то же время какъ введеніе и объясненіе къ другому источнику для византійской и болгарской исторіи конца X вѣка, уже давно изданному, но до сихъ поръ совсѣмъ неизвѣстному, никѣмъ не признанному и не узнанному. Мы разумѣемъ стихотворенія византійскаго поэта Іоанна Геометра, несомнѣнно относящіяся къ изучаемому нами періоду. Эти стихотворенія вполне освѣщаютъ намъ ту бездну скорби, бѣдствій и унынія, въ которую повергнута была Византія въ началѣ царствованія Василія II и изъ которой она была выведена событіями 989 года, то есть, прежде всего обращеніемъ въ христіанство русскаго князя. Рѣзкія, но краткія фразы отчаянія въ грамотѣ императорской 989 года, здѣсь, въ произведеніяхъ Іоанна Геометра, превращаются въ живые и наглядные образы. Негодованіе униженной греческой гордости высказывается ѣдкими сарказмами противъ Болгаръ и вождя ихъ; угрозы и проклятія противъ враговъ стоятъ рядомъ съ воспоминаніями о блестящемъ и счастливомъ времени Никифора Фоки.

2¹).

«Что касается событій, о которыхъ разсказываютъ христіанскія исторіи, то онѣ говорятъ, что Цимисхій, царь Римскій, умеръ

---

1) <Ср. бар. В. Р. Розена «Императоръ Василій Болгаробойца», Извлеченія изъ Лѣтописи Яхъи Антіохійскаго, стр. 1—4, 12—14, 15—16, 19—25, 26—29 и соотвѣтствующія примѣчанія на стр. 74—235.>

133 во вторникъ, одинадцатаго числа второго канона, 1287 года Александрова, а этотъ день падаетъ на седьмое число перваго Джумада 365 гижры; а царствовалъ онъ три года и одинъ мѣсяць¹⁾. И переходило царство Римское къ Василию и Константину, сыновьямъ Романа, но осталось оно за однимъ Василиемъ, оттого что онъ былъ старше, и было ему тогда 18 лѣтъ²⁾. И послалъ Василий Варду Склира патриція въ Харбогъ, и онъ отправился туда; и потомъ пошелъ въ Малатію и покорилъ ее, и взялъ Василиска (царскаго мужа) и все, что у него было денегъ, а это составляло 420 тысячъ золотыхъ; и взбунтовался противъ царя, и присвоилъ себѣ власть, и присоединилось къ нему многое множество людей изъ Римлянъ, Армянъ и Мусульманъ, и овладѣлъ онъ всею этою областію³⁾. И послалъ противъ него царь Василий войско, и когда произошло столкновение въ Каппадокіи, оно было обращено въ бѣгство Склиромъ; и сдѣлался онъ послѣ этого могущественнѣе и сильнѣе.

«И вызвалъ царь Василий изъ ссылки Варду Фоку, сына Леона, брата Никифора, послѣ того какъ онъ провелъ на островѣ семь лѣтъ, и назначилъ его domestикомъ и военачальникомъ, и послалъ его навстрѣчу Склиру. И когда произошло столкновение,

1) Первый день перваго Джумада 375-й гижры = 6-му января 976 года. Итакъ, Цимисхій, по ал-Мекину, умеръ 12-го января. На самомъ же дѣлѣ это случилось 10-го января: см. Leo Diac. p. 178 и примѣчаніе Газе, p. 512. Впрочемъ, день недѣли, именно вторникъ, по европейскому счисленію, уже даетъ 11-е января: разница такая маловажная, что не требуетъ дальнѣйшаго объясненія. Газе дѣлаетъ несправедливый упрекъ ал-Мекину, что онъ полагалъ смерть Цимисхія въ мѣсяцъ мартъ; онъ принялъ указаніе на день недѣли (dies Martis) за указаніе на мѣсяцъ. О невѣрности въ числѣ годовъ, назначаемыхъ для всего царствованія Цимисхія, мы говорили выше. Ошибка эта, однако, не помѣшала указанію на «одинъ мѣсяцъ» быть вѣрнымъ и точнымъ.

2) По византійскимъ хронографамъ, Василий при вступленіи на престолъ былъ 20 лѣтъ (Sedgen. II, 416. Zonar. XVII 5 p. 20 ed. Paris.), а Константинъ тремя годами его моложе.

3) Харбогъ, у византійцевъ φρούριον Χάρβοτς ἐν Μεσοποταμίᾳ καίμαρον (Sedgen. II, 419); на картахъ Charput, на востокъ отъ Евфрата, немного южнѣе теченія Арсина (Mugad). Малатія, древняя Мелита (собственно названіе городской области), на правой сторонѣ Евфрата. Армяне, по византійскимъ извѣстіямъ (Sedgen. I. c.), первые провозгласили Склира императоромъ. О союзѣ съ эмирами Мартирополя (или Майяфарикина, въ верхней области р. Тигра, къ югу отъ озера Ванъ) и Амиды (Эметъ, теперь Діарбекира) говорятъ византійцы.

обращень былъ въ бѣгство Варда Фока въ одиннадцатый день 134 Дулькіада 367 года¹⁾, послѣ того какъ съ той и другой стороны многіе были убиты.

«И послалъ Склиръ одного патриція изъ своихъ приверженцевъ, по имени Абдаллу Мунтасира, родомъ изъ Малатіи, въ городъ Антиохію, такъ какъ военный округъ и область восточная принадлежали Склиру²⁾. И былъ въ Халепѣ одинъ епископъ, по имени Агапій (Agabius), и просили его Антиохійцы, чтобъ онъ былъ ихъ патриархомъ, и послали его къ самому царю³⁾. И когда онъ пришелъ къ царю, то далъ ему знать о расположеніи города и о томъ, что жители были готовы ему повиноваться и имѣли большую любовь къ нему. И послалъ его царь къ Абдаллѣ Мунтасиру, чтобы склонить его къ послушанію, и обѣщаль ему (то есть, Агапію), что, если возвращена будетъ Антиохія, то онъ поставитъ его патриархомъ въ ней на все время его жизни, а Абдаллѣ дастъ все, что бъ онъ (Агапій) ни обѣщаль ему. И такимъ образомъ отправился Агапій, никѣмъ не знаемый, въ монашескомъ одѣяніи, и вошелъ въ Антиохію, и говорилъ съ Абдаллой, и покончилъ съ нимъ дѣло такъ, чтобы Абдалла отдался во власть царя и возстановилъ царскую власть надъ городомъ, отвергнувъ имя Склира. Такимъ образомъ Агапій сдѣлался патриархомъ въ Антиохіи, въ воскресенье, 23-го дня второго канона года Александра 1287.

«И когда услышалъ объ этомъ Склиръ, то послалъ въ Антиохію нѣкоего Бахрама, чтобъ онъ привелъ къ нему умы гражданъ; и не позволили ему Антиохійцы войти въ городъ; и онъ осадилъ

1) 11-е Дулькіада (Dsul-ca'da) 367 г. соотвѣтствуетъ 21-му іюня 978 г.

2) Подъ Абдаллой Мунтасиромъ приходится понимать Михаила Вурца (Βούρτζης), который былъ дукою Антиохійскимъ и держалъ сторону Склира, а потомъ перешелъ на сторону Василія: *Sedgen. II, 417. 423. 425. 429.*

3) Объ этомъ Агапій, кромѣ вышеприведеннаго греческаго документа (изъ хроники Теодора Севастійскаго), подробно говоритъ хроника Михаила Сирійца (*Chronique de Michel le Grand, tr. par Langlois, p. 280* ← t. III, fasc. II, p. 131—132 éd. Chabot). По ея словамъ, онъ былъ большимъ гонителемъ монофизитовъ; но по источникамъ, которые были у Ассемани (*Biblioth. orient. II, 351*), патриархъ Агапій вовсе не преслѣдовалъ Якобитовъ. Ал-Мекинъ говорить, что Агапій былъ въ Халепѣ (Алеппо); но значить ли это, что здѣсь онъ былъ епископомъ—мы не знаемъ. По византійскимъ источникамъ, онъ переведенъ въ Антиохію изъ Селевкии. Есть и другія мелкія неясности или противорѣчія въ нашихъ свѣдѣніяхъ объ Агапій, но разбирать ихъ здѣсь не представлятъ необходимости.

ихъ и овладѣль всѣмъ тѣмъ, что было имѣнія и скота вокругъ города, и послѣ отступилъ и воротился назадъ ¹⁾).

135 «И послалъ Склиръ дары къ Адудадаулѣ ²⁾ и красивыя вещи, и просилъ у него, чтобъ онъ далъ ему помощь противъ царя. И послалъ Адудадаула съ этою цѣлю большую часть своего войска. Но прежде чѣмъ оно къ нему достигло, напалъ на него во второй разъ Варда Фока, военачальникъ царскій, и обратилъ его въ бѣгство — въ воскресенье за восемь дней прежде конца мѣсяца Шабана (21-го Шабана) 368 года, и принудилъ его удалиться въ Майяфарикинъ ³⁾. И послалъ Склиръ снова къ Адудадаулѣ, и просилъ у него подкрѣпленія и помощи. Но царь (Василій) послалъ секретаря своего Никифора къ Адудадаулѣ съ большими подарками, и обѣщалъ отпустить всѣхъ плѣнныхъ мусульманъ, которые были въ землѣ Румъ ⁴⁾. И далъ знать тайно Адудадаула намѣстнику своему, который былъ въ Майяфарикинѣ, чтобъ онъ схватилъ Склира; и когда намѣстникъ это сдѣлалъ, то Адудадаула притворился, что это сдѣлалось безъ его вѣдома, и приказалъ намѣстнику, чтобъ онъ отправилъ Склира въ Багдадъ. И онъ исполнилъ это, и доставилъ вмѣстѣ съ нимъ и сына его Романа и 300 изъ воиновъ его. И когда Склиръ прибылъ въ Багдадъ, то Адудадаула велѣлъ ему жить въ одномъ дворцѣ, который для него былъ очищенъ, и позволилъ ему прогуливаться на островѣ, на которомъ онъ былъ заключенъ, и обѣщалъ потомъ освободить его и послать съ нимъ войско, чтобы вести войну съ царемъ. И между тѣмъ Адудадаула послалъ къ царю, чтобы говорить съ

1) Бахрамъ — *Шахъиос тойнара, Врахъиос тнъ прощуріан*: Седрен, II, 422. Но у византійца онъ является при другихъ обстоятельствахъ. О Сахакіи идетъ также рѣчь въ житіи св. Никифора: см. Насе (примѣчавія къ Льву Діак.), р. 456.

2) Адудадаула (*Adhud Addaulah*)—Буидъ, владѣвшій Багдадомъ, державшій въ своей власти халифа, царь царей. См. о немъ у Вейля (*Weil, Geschichte der Chalifen III*, 24 сл. <Ср. Ст. Лэнъ-Пуль, *Мусульманскія династіи*, перев. съ примѣч. и дополн. В. Бартольдъ, стр. 116>). У византійцевъ онъ называется Хозроемъ, властителемъ Вавилона, или Амермумномъ (эмиръ-ал-омра); у Асохика — Ибнъ-Хоздроемъ.

3) Двадцать первое Шабана 368 гиджры = 22-му февраля 979 года; по европейскому счету это число падаетъ на субботу, а не на воскресенье. Можетъ быть, нужно разумѣть двадцать-второе Шабана. Майяфарикинъ — Мартирополь: см. выше, стр. 74₃.

4) О посольствѣ Никифора Урана и о послѣдующей его исторіи византійцы рассказываютъ вообще согласно съ ал-Мекиномъ, исключая подробности, имъ неизвѣстныя.

нимъ о дѣлѣ Склира, и сказалъ, что онъ хочетъ выдать ему Склира, если онъ возвратитъ ему всѣ крѣпости, которыя Римляне взяли у Мусульманъ, и приглашалъ его это сдѣлать, потому что если этого не будетъ исполнено, то онъ освободитъ Склира и будетъ 136 помогать ему людьми и деньгами. И послалъ царь Никифора, чтобъ онъ договорился объ этомъ съ Адудаддаулой, какъ самъ найдетъ лучше. И далъ знать Склиръ Адудаддаулѣ, что Никифоръ принесъ съ собою ядъ, чтобы отравить его, Адудаддаулу. И когда пришелъ Никифоръ, то Адудаддаула схватилъ его и заключилъ въ темницу, и взялъ все, что съ нимъ было людей и имущества. И сдѣлался боленъ Адудаддаула и умеръ, а всѣ эти люди оставались тамъ въ темницѣ въ продолженіе восьми лѣтъ¹⁾.

«Въ томъ же году Римляне взяли одинъ замокъ въ области Регіаны (in regione Rajanae, dans la province de Reguiane), называемый замкомъ Ибрагима, а причина тому была слѣдующая: содержалась въ этомъ замкѣ одна женщина Армянка, и она имѣла родственниковъ и родственницъ въ области Регіанѣ, и въ числѣ послѣднихъ одну женщину, которая отличалась умомъ, ловкостію и опытностію. Она (эта послѣдняя женщина) время отъ времени посѣщала свою плѣнную родственницу, бесѣдовала съ нею, оставалась у нея и ночевала. И она замѣтила, что замокъ охраняется немногими стражами, и что начальникъ ихъ мало заботится объ охраненіи, и начала думать о взятіи замка. И она взошла на верхъ стѣны и тамъ сѣла, и стала прятать и болтать съ родственницею своею, и при этомъ измѣрила высоту мѣста отъ верха стѣны до ея основанія. И потомъ она возвратилась къ родственникамъ и родственницамъ своимъ, объяснила имъ свой планъ и показала имъ легкость его исполненія, и убѣдила ихъ приготовить веревочныя лѣстницы, чтобы взойти въ замокъ. И случилось, что въ эту ночь начальникъ замка былъ со своими и съ ними пилъ. И когда эти Армяне взошли въ замокъ, то они не нашли на стѣнахъ его стражей, исключая двоихъ, которыхъ они убили. И потомъ они устремились на коменданта замка и также его убили вмѣстѣ съ дѣтьми его, и провозгласили: «Во имя Василя, царя Римлянъ! Да здравствуетъ Василій!» И увидѣвъ это, всѣ тѣ, которые были въ замкѣ,

1) Адудаддаула умеръ 26-го марта 983 года: Weil, III, 31. <— Ст. Ланъ-Пуль и В. В. Бартольдъ, *op. cit.*, стр. 285.²>

вышли и убѣжали. И овладѣвъ такимъ образомъ замкомъ, Армяне послали къ царю Василию, чтобъ онъ принялъ замокъ въ свои руки. И онъ принялъ и облагодѣтельствовалъ ихъ и далъ имъ большіе дары, и поставилъ начальникомъ надъ замкомъ одного изъ своихъ главныхъ вождей; и даже самъ царь лично пришелъ 187 осмотрѣть замокъ и приказалъ снабдить его всѣмъ необходимымъ, то есть, оружіемъ, орудіями (*instrumentis*), съѣстными припасами и другими вещами.

«Въ 375 году Абул-Фадаиль Саададаула отказался платить дань, которую обязанъ былъ платить Римлянамъ каждый годъ¹⁾, и вслѣдствіе этого вышелъ Варда Фока и осадилъ Дару, и взялъ ее силою, и увелъ жителей въ плѣнъ, въ мѣсяцѣ Сафарѣ 375 года²⁾. И Саададаула устремился на монастырь Симеона, который находился въ области Антиохійской, и осаждалъ его три дня, и взялъ силою въ среду 12-го второго Раби того же года³⁾; и убилъ многихъ монаховъ, которые въ немъ были, — и былъ этотъ монастырь населенный и богатый, и онъ увелъ въ плѣнъ многихъ, которые туда бѣжали изъ окрестностей Антиохіи, и отвелъ ихъ съ собою въ Халеппъ. И услышалъ царь Василій о томъ, что случилось съ монастыремъ Симеона, и написалъ Вардѣ Фокѣ, чтобъ онъ оставилъ Аѳамію (= Арамеа), которую онъ уже окружилъ и держалъ въ осадѣ.

«Въ томъ же году Болгары взяли замокъ Телнасу (*asciem Telnasae, le chasteau de Telnase*), и царь Василій поставилъ во главѣ войска Льва Мелиссина, и онъ вышелъ со своими войсками и осадилъ замокъ. Но, когда царь, разсердившись противъ Бринки (*Brinkam, Brancas*), удалилъ его и велѣлъ сидѣть дома, то Бринка возмутился и возбудилъ войско къ мятежу, такъ что оно отступило отъ Телнасы. По этой причинѣ царь Василій сильно разсердился противъ Мелиссина и велѣлъ ему выбирать одно изъ двухъ, то есть, или воротиться къ осадѣ замка Телнасы и взять его, или возвратить всѣ тѣ деньги, которыя были потрачены на эту экспе-

1) Саад-Алдаула Абул-Маали и его сынъ Абул-Фадаиль (*Abu-l-Fadhail*), Гамданиды, признавали свою зависимость отъ Византіи, владѣли Халепомъ (Алеппо) и др. См. *Weil*, III, 38. 41. <—Ст. Лэнъ-Пуль и В. В. Бартольдъ, *op. cit.*, стр. 90 сл.>

2) Мѣсяцъ Сафаръ 375 года начинается 23-го іюня 985 г.

3) Мѣсяцъ Раби второй начинается 21-го августа; слѣдовательно, 1-го сентября 985 г.

дицію. И онъ выбралъ первое и воротился съ войскомъ къ замку и взялъ оный.

«Въ то время смѣнилъ также царь съ domestikовъ Варду Фоку и сдѣлалъ его дукою Востока и начальникомъ Антиохіи.

«Въ 376 году Варда Фока заключилъ миръ съ Абулфадаломъ Гамданидомъ на томъ условіи, чтобъ онъ каждый годъ вносилъ царю (Василію) 400 тысячъ серебряныхъ статировъ, и былъ этотъ договоръ скрѣпленъ на письмѣ.

«Въ томъ же году ушли два сына Самуила, которыхъ Цимисхій держалъ плѣнными во дворцѣ своемъ, въ восьмой годъ¹³⁸ плѣна, сѣвъ на коней, которыхъ они постарались себѣ приготовить. И когда они достигли горной тѣснины, которая проникаетъ (ведетъ) въ Болгарію, кони ихъ ослабѣли въ силахъ, и они сошли съ нихъ и скрылись въ горахъ, такъ какъ они боялись, чтобы кто не настигъ ихъ. И когда старшій шелъ на пути впереди младшаго, то случилось, что какіе-то Болгары убили его, по ошибкѣ (принявъ) за разбойника. И младшій, слѣдовавшій позади, объявилъ имъ о себѣ, кто онъ былъ, и они взяли его и поставили своимъ царемъ; и пристали къ нему весьма многіе Болгары и стали воевать область Рума; и послѣшилъ царь Василій на нихъ съ большимъ войскомъ и осадилъ одинъ ихъ городъ, называемый Абарія (Анарія, Атарія, Асарія). Но, когда узналъ, что Болгары отняли у него дорогу, то удался бѣгствомъ со всѣмъ своимъ войскомъ, и Болгары преслѣдовали его и ограбили концы его войска. Это было въ десятый годъ его царствованія, въ день седьмой второго Раби 376 года.

«Когда узналъ объ этомъ Склиръ, который содержался въ плѣну въ Багдадѣ, то онъ послалъ къ Семсемадаулѣ¹⁾, чтобъ онъ отпустилъ его и воспользовался этимъ случаемъ противъ царя Василія, и просилъ помощи людьми и оружіемъ, говоря, что онъ хочетъ исполнить для него то, что обѣщалъ отцу его Адудаддаулѣ. Семсемадаула послушался его и заключилъ съ нимъ союзъ и договоръ, и отпустилъ его и сына его Романа и остальныхъ его сообщниковъ въ мѣсяцѣ Шабанѣ 376 года и далъ ему ло-

1) О немъ см. Weil, III, 31—36. 47. 48. ← Ст. Лэнъ-Пуль и В. В. Бартольдъ, *op. cit.*, стр. 117—119.»

шадей и оружіе¹⁾. Онъ призвалъ также сына Окаила и сыновей Омара и повелѣлъ имъ наблюдать за ними, пока они достигнутъ въ страну свою. И узналъ Склиръ, что мусульмане очень досадовали на выпускъ его и боялись, чтобъ это не обратилось противъ нихъ самихъ, и просилъ этихъ Арабовъ, чтобъ они уходили скорѣе вмѣстѣ съ нимъ и съ его спутниками, одѣтыми въ одежду ихъ (то есть, Арабовъ). И они сопровождали его въ пустынь, пока достигли Евфрата и вошли въ Малатію, въ мѣсяцъ Шавваль вышеупомянутаго года²⁾. И былъ Калибъ Патрицій василикомъ надъ Малатіей; и схватилъ его Склиръ и взялъ всѣ деньги, какія у него были, и лошадей, и, усиливъ себя этимъ, назвался царемъ.

139 «Убѣждалъ также Никифоръ Уранъ, посоль царя Василія къ Адудаддаулѣ по дѣлу Склира, о чемъ мы упомянули выше, и шелъ быстро и пришелъ къ царю Василію. И когда дѣла Склира шли счастливо, присоединились къ нему Армяне и Арабы Окалиты и Намериты въ весьма большомъ количествѣ. И просилъ Склиръ, кромѣ того, помощи у Набара Курда, владѣтеля Діарбекира, и онъ послалъ къ нему брата своего Абу-Али съ большимъ войскомъ. И царь Василій былъ въ большомъ страхѣ и сдѣлалъ снова domestikomъ Варду Фоку въ мѣсяцъ Дульгиджѣ 376 г.³⁾, и подчинилъ ему войско и приказалъ ему идти навстрѣчу Склиру, послѣ того какъ взялъ съ него клятву и обѣщаніе вѣрности. И написалъ Фока Склиру и просилъ, чтобъ онъ вмѣстѣ съ нимъ вступилъ въ заговоръ о начатіи войны противъ Василія и о завладѣніи всѣмъ его царствомъ, такъ чтобы самъ онъ (Фока) былъ въ Константинополѣ, а Склиру достались всѣ внѣшнія области. И принялъ Склиръ это условіе и заключилъ на этомъ договоръ. Но сынъ Склира Романъ не одобрялъ этого дѣла и не хотѣлъ на это согласиться, и говорилъ своему отцу, что Фока такимъ образомъ его обманетъ. Но онъ (Склиръ) не послушался сына; и поэтому сынъ оставилъ своего отца и ушелъ къ царю Василію и открылъ ему все дѣло. А Фока пошелъ къ

1) Декабрь 986 г.

2) Мѣсяцъ Шавваль 376 г. начинается 3-го февраля 987 года.

3) Мѣсяцъ Дульгиджа 376-й гиджры начинается третьяго апрѣля 987 года.

рѣкъ Джайгану ¹⁾ и встрѣтился тамъ со Склиромъ, и совѣтовались вмѣстѣ о войскѣ и деньгахъ, сколько ихъ будетъ нужно, и потомъ разстались, давши другъ другу обѣщаніе сойтись снова. Но когда потомъ Склиръ воротился, чтобы снова видѣться съ Фокою, то Фока схватилъ его и держалъ его въ оковахъ въ одной крѣпости, гдѣ была жена Фоки ²⁾, и сказалъ ему: «Я всегда боялся тебя; итакъ, ты останешься въ этомъ замкѣ, пока я достигну моихъ желаній и овладѣю царствомъ; и тогда я отдамъ тебѣ, что было условлено, и не обману тебя». И взбунтовался открыто Варда Фока, и приглашалъ людей признать его за царя во второмъ Джумада 377 года ³⁾, и овладѣлъ всѣми землями Румъ (Грековъ) до берега моря. И стало важнымъ дѣло его, и боялся его царь Василій ¹⁴⁰ боязнію великою. И истожились богатства его, и побудила его нужда вступить въ переписку съ царемъ Русовъ; они же были его врагами; и онъ просилъ у него помощи. И царь Русовъ согласился на это, и просилъ свойства съ нимъ. И женился царь Русовъ на сестрѣ Василя, царя Грековъ, послѣ того, какъ онъ (Василій) поставилъ условіемъ принятіе христіанства и отправилъ къ нему митрополитовъ, которые обратили въ христіанство его и весь народъ его владѣній. И не было у нихъ до этого времени религіознаго закона и не вѣровали они ни во что. И они—народъ великій, и съ этой поры всѣ они стали христіанами по сіе время. И отправился царь Русовъ со всѣми войсками своими къ услугамъ царя Василя и соединился съ нимъ. И они оба сговорились пойти навстрѣчу Вардѣ Фокѣ и отправились на него сушею и моремъ и обратили его въ бѣгство, и завладѣлъ Василій всѣмъ своимъ государствомъ и побѣдилъ Варду Фоку и убилъ его 3-го Мухаррама 379 года ⁴⁾;

1) Рѣка Джайганъ (=Gihun) есть древній Пирамъ, въ Киликіи.

2) У Кедрина (II, 443, 19) крѣпость названа *Τυροπολιόν*, у Асохика (стр. 178) — Жеравсь.

3) Второй мѣсяцъ Джумада 377 года начинается 27-го сентября 987 года. По византійскимъ извѣстіямъ, Варда Фока провозглашенъ императоромъ, въ извѣстномъ намъ собраніи въ домѣ Малеина, 15-го августа 987 года; но это было сначала тайное дѣло заговорщиковъ.

4) Третій день Мухаррама 379 года = 12-го апрѣля 989 года.

и была голова его принесена въ Константинополь и тамъ выставлена. И была продолжительность бунта его одинъ годъ и семь мѣсяцевъ. И когда узнала объ этомъ жена Фоки, то она выпустила Склира изъ темницы, и пристали къ нему всѣ враги царя, которые были съ Фокою, и онъ старался присвоить себѣ царство и надѣлъ пурпурную обувь. Но потомъ послалъ къ Константину, брату царя Василия, и просилъ у него, чтобы онъ снова привелъ его въ милость у своего брата, и обѣщаль возвратиться къ повиновенію, если ему будетъ прощена вина его. И онъ сдѣлалъ это, и отрекся Склиръ отъ своей власти въ началѣ мѣсяца Реджеба 379 г. ¹⁾, и привелъ его Константинъ къ брату своему Василию, царю Римскому, и ему посланъ былъ коверъ, и покончилось дѣло такъ, что Склиръ сталъ куропалатомъ. И далѣе царь Василий разгнѣвался на Агапія патріарха, изгналъ его изъ Антіохіи и велѣлъ ему жить въ Константинополѣ въ одномъ монастырѣ; и былъ онъ до этого времени патріархомъ въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ. И причиною гнѣва было то, что Василий нашелъ въ багажѣ Варды Фоки одно письмо его, въ которомъ онъ одобрялъ намѣреніе Фоки возмутиться и укрѣпилъ его въ этомъ намѣреніи. И оставался онъ въ этой ссылкѣ почти семь лѣтъ.

«Въ четырнадцатый годъ Василия, царя Римлянъ, который былъ 379 (годомъ гиджры), были въ Константинополѣ большія землетрясенія, и упала третья часть храма св. Софіи и обрушились многія зданія въ Никомедіи на своихъ обитателей. И Василий возстановилъ то, что обрушилось въ храмѣ св. Софіи, и привелъ его въ прежній видъ ²⁾».

«Въ то время, когда было возмущеніе Фоки и царь Василий былъ вполне занятъ борьбою съ нимъ, Болгары воспользовались случаемъ и нѣсколько разъ нападали на область Римскую, и (разоряя) пожарами, опустошеніемъ и грабежемъ, дошли до города Селевкіи ³⁾. По этой причинѣ царь Василий вооружился

1) Реджебъ 379 гиджры начинается 5-го октября 989 года.

2) Объ этомъ см. въ третьей главѣ изслѣдованія нашего.

3) Подъ Селевкіею, которая здѣсь стоитъ совсѣмъ не на мѣстѣ, слѣдуетъ, конечно, разумѣть Салонику, Солунь. 380 годъ гиджры, который отмѣченъ ниже, простирается отъ 31-го марта 990 года до 20-го марта 991 г.

противъ нихъ и пошелъ во Фракію въ 380 году, и призвалъ Склира, чтобъ онъ шелъ вмѣстѣ съ нимъ. Но онъ былъ боленъ и принесенъ былъ на одрѣ къ царю, и онъ увидѣлъ явно состояніе его здоровья и велѣлъ ему оставаться дома и далъ ему 70 тысячъ золотыхъ для раздачи милостыни, и самъ отправился противъ Болгаръ; а умеръ Склиръ чрезъ нѣсколько дней послѣ, то есть, въ 17-й день Дульгиджа въ 380 году ¹⁾, такъ что между убіеніемъ Варды Фоки и смертію Склира не прошло двухъ лѣтъ. И встрѣтился Василій съ Болгарами и обратилъ ихъ въ бѣгство, и продолжалъ воевать ихъ страну въ продолженіе четырехъ лѣтъ и взялъ весьма многія укрѣпленія ихъ, и нѣкоторыя изъ нихъ сохранилъ, а тѣ, которыя, какъ онъ видѣлъ, не могли быть удержаны, разрушилъ, и между прочимъ городъ Веррію (Varie) ²⁾.

«Въ 378 году въ субботній день, который былъ двадцать седьмымъ Дульгиджа ³⁾, случился въ Египтѣ сильный громъ и бурные вѣтры, и они продолжались до полуночи. И надъ страню распространялся до самаго утра густой мракъ, и не видано было прежде подобной тьмы. И въ это время вышелъ съ неба какъ бы огненный столбъ, и небо и земля сильно покраснѣли отъ него; и явилось на воздухѣ столько пыли, что она препятствовала дыханію, и продолжалось это до четвертаго часа дня, и тогда явилось солнце съ измѣненнымъ цвѣтомъ. И потомъ также съ измѣненнымъ цвѣтомъ поднималось ¹⁴² солнце до четверга второго дня Мухаррама 379 года. И явилась также на западѣ комета въ день воскресный второго ⁴⁾ Раби 379 года, и оставалась видима двадцать и еще нѣсколько дней, а потомъ исчезла».

1) 6-го марта 991 года. Мѣсяць Дульгиджа начинается въ 380 гиджрѣ 19-го февраля 991.

2) Барія (Varie) здѣсь = Верріа (Βέρροια) въ Македоніи; о взятіи ея именно въ 991 году говоритъ Асохикъ (стр. 188), прибавляя, что здѣсь Василій оставилъ сына князя Таронскаго, магистра Григорія. Сравни, однако, Cedren. II, 449—452.

3) Первый день Дульгиджа 378 г. = 12-го марта 989 года.

4) «См. В. Р. Розена op. cit. стр. 234, примѣч. 190.»

3.

Мы отмѣтили въ разсказѣ ал-Мекина три мѣста, какъ наиболѣе для насъ важныя. Первое касается болгарскаго возстанія и въ частности пораженія, понесеннаго императоромъ Василюемъ отъ инсургентовъ.

Ал-Мекинъ говоритъ о двухъ византійскихъ походахъ противъ Болгаръ. Первый, въ 985 году (=375 гиджры), имѣлъ цѣлію возвращеніе замка или крѣпости Телнасы (arsem Telnasae, le chasteau de Telnase). Не легко угадать, что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ замкомъ Телнасою¹). Только разложивъ слово на двѣ части (арабское tall или tel, означающее холмъ и часто прибавляемое къ собственнымъ именамъ городовъ или крѣпостей: Tall-pašir, Tall-afar, Tall-as-Sultan, Tall-halid, Tall-hirak и пр., и пр.), мы получимъ Наиссъ (Νάισσος), или Нишъ (Νίσσος), городъ при Моравѣ, выше Срѣдца. Объ этомъ городѣ, скорѣе чѣмъ объ Елассонѣ или Алассонѣ, находящемся при подошвѣ Олимпа въ Фессаліи, считаемъ мы возможнымъ думать по соображеніямъ, которыя отчасти видны будутъ далѣе. Что о взятіи этого города Болгарами и о его возвращеніи Греками ничего не сказано у Скилиція и Зонары,—это доказываетъ только неудовлетворительность этихъ двухъ источниковъ для исторіи болгарскаго возстанія: они упускаютъ и многое другое, на примѣръ, взятіе Веррии, отмѣченное у Льва Діакона, и ея возвращеніе, упомянутое у Асохика и ал-Мекина.

Сверхъ того, въ 986 году Василій II, по свидѣтельству ал-Мекина, уже самъ лично ходилъ на Болгаръ со всею византійскою арміею и осаждалъ одинъ ихъ городъ, называемый (Абаріей, Анаріей, или же) Атаріей либо Асаріей²). Мы не ошибемся, если въ этой Атаріи, или Асаріи, узнаемъ Сардику, Триадицу, или Срѣдецъ. Описаніе пораженія, понесеннаго Василюемъ подъ Атаріей, или Асаріей, вполне согласно съ подробностями,

1) <См. В. Р. Розена «Имп. Василій Болгаробойца», стр. 168, примѣч. 138.>

2) Въ латинскомъ переводѣ (р. 249): urbem dictam Anariam; во французскомъ (р. 258): «leur ville, nommée Varie». Но арабскій подлинникъ допускаетъ каждое изъ указанныхъ въ текстѣ чтеній. <См. В. Р. Розена op. cit. стр. 189, примѣч. 146.>

какія мы знаемъ о несчастномъ дѣлѣ подѣ Сръдцемъ отъ Льва ¹⁴⁸ Діакона, лично здѣсь подвергавшагося большой опасности, и отъ другихъ византійцевъ. Отступленіе императора отъ Сръдца дѣйствительно было вынуждено слухами о томъ, что Болгары отняли у него дорогу (или, какъ въ латинскомъ переводѣ ал-Мекина, заняли вершины горъ). Болгары дѣйствительно преслѣдовали его по пятамъ и получили въ добычу большую и лучшую часть обоза, или, по словамъ Льва Діакона, царскую ставку и богатство, и войсковой обозъ. Самый годъ этого несчастнаго для Византіи событія, указываемый ал-Мекиномъ, окажется вполне подходящимъ къ прямымъ словамъ Льва Діакона и согласнымъ съ точными показаніями современнаго армянскаго историка. Но прежде мы должны сдѣлать другое замѣчаніе.

При походѣ 985 года подѣ Телнасу во главѣ войска стоялъ, по словамъ ал-Мекина, Левъ Мелиссинъ: интриги какого-то Бринки, которому царь Василій, разсердившись, приказалъ сидѣть дома, возбудили мятежъ въ войскѣ, и оно отступило отъ Телнаussy (Ниша), такъ что Мелиссинъ долженъ былъ ходить туда во второй разъ. Левъ Мелиссинъ есть лицо, очень хорошо извѣстное по источникамъ византійскимъ ¹⁾, и по тѣмъ же источникамъ нѣчто подобное съ нимъ дѣйствительно случилось, но только при походѣ самого царя на Сардику-Сръдець. Одинъ изъ враговъ Мелиссина взвелъ на него предѣ царемъ обвиненіе въ измѣнѣ; ночью явившись въ царскую палатку, онъ заставилъ Василія повѣрить, что Мелиссинъ, оставивъ указанную ему позицію, съ большою поспѣшностію пошелъ на Константинополь съ очевиднымъ намѣреніемъ захватить столицу и власть. Боязнь измѣны была причиной отступленія и бѣдственнаго пораженія византійской арміи. Но клевета послѣ обнаружилась: оказалось, что Ме-

1) Но только не слѣдуетъ его смѣшивать, какъ дѣлаетъ Гопфъ и другіе, съ Иоанномъ Малакиномъ (Malacenus), о которомъ говорится въ житіи Никона Метаноита (Martène et Durand, *Amplissima Collectio*, VI, 868). Случай обвиненія Малакина относится въ самомъ житіи къ 1009 году, а Кедринъ (II, 451) говоритъ о протоспаеріи Малакинѣ, обвиненномъ въ сочувствіи къ Болгарамъ, предѣ событіями 1000 года. Точно такъ же походъ Самуила на Пелопоннись, упоминаемый въ житіи (р. 867), относится къ позднѣйшему періоду, послѣ возмущенія Варды Склира и Варды Фоки (о чемъ и говорится выше на той же 867 стр.), а не къ начальнымъ годамъ возстанія, какъ это предполагается у Гильфердинга.

лиссинъ стоялъ на указанномъ ему мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе личный врагъ Мелиссина стоялъ на своемъ и передъ лицомъ самого царя доказывалъ справедливость своего обвиненія, такъ что раз-
 144 драженный императоръ соскочилъ съ своего престола и, схвативъ его за волосы и бороду, повергъ на землю. Такая исторія рассказываетъ у Скилиція, Кедрина и Зонары, хотя у Льва Діакона, очевидца и современника, нѣтъ даже и намека на что-либо подобное. Уже другіе изслѣдователи (Гильфердингъ) высказали мысль, что вся эта исторія сочинена для оправданія жестокой неудачи, понесенной лично императоромъ, хотя въ основѣ и должно быть что-нибудь истинное. Намъ кажется, что рассказъ ал-Мекина можетъ служить къ разрѣшенію вопроса. Отступленіе Мелиссина случилось ранѣе однимъ годомъ похода на Сардику; оно по мѣсту близко сходится съ исторіей Сардику-Срѣдскаго отступленія, ибо Нишъ лежитъ немного сѣвернѣе Срѣдца. Если жъ у ал-Мекина виновникомъ интриги называется какой-то Бринка, между тѣмъ какъ у византійцевъ именуется въ этой роли Стефанъ Малый, то это легко можетъ быть соглашено, если подъ Бринкою разумѣть правителя Василия, главнаго византійскаго интригана, скрывшагося за спиною недовольныхъ Василиемъ магнатовъ и генераловъ и вскорѣ совсѣмъ устраненнаго юнымъ императоромъ отъ дѣлъ государственныхъ, даже подвергшагося прямой опалѣ¹⁾. За Контостефаномъ могъ скрываться самъ президентъ Василій.

Возвращаемся къ пораженію Василия II при Асаріи-Срѣдцѣ. По ал-Мекину, оно случилось въ 986 году. Подъ этимъ же годомъ и точно такъ же, какъ у ал-Мекина, вслѣдъ за извѣстіемъ о бѣгствѣ двухъ братьевъ, названныхъ прямо и вѣрнѣе Комсадагами (то есть, Комитопулами), у современнаго событіямъ армянскаго лѣтописца²⁾ повѣствуется о походѣ царя Василия въ

1) Бринка ал-Мекина напоминаетъ Юсіфа Брингу (Βρίγγος), звнуха и спальника, который былъ предшественникомъ Василия президента (Нова), такъ что, слѣдуетъ думать, здѣсь смѣшаны два лица, положеніе которыхъ при дворѣ и значеніе въ государствѣ были совершенно одинаковы и притомъ въ близкомъ преемственномъ порядкѣ. Объ Юсіфѣ Бринкѣ Sedgen, II, 339. 345. Leo Diakon, p. 47 и passim. Сверхъ того, у латинскихъ лѣтописцевъ (Дупа Протоспаарія и Анонима Барійскаго) Бринкою почему-то называется позднѣйшій императоръ Михаилъ Стратіотикъ.

2) «У Асохика, стр. 176 сл.»

землю Булхаровъ: императоръ «отправился съ густою воинскою силою, и обширнымъ лагеремъ занялъ самую средину ихъ государства (выраженіе, напоминающее, по замѣчанію Гильфердинга, славянское названіе Сардики Срѣдцемъ). Булхары послѣшили и заняли узкія мѣста и горные проходы, по которымъ могъ пройти непріятель: то были мѣста непроходимыя, покрытыя кустарникомъ. Такимъ образомъ, окруживъ царя со всѣмъ его войскомъ, они всѣхъ предали мечу; только армянская пѣхота, спереди и сзади обступивъ царя Василия, другою горною дорогою вывела его въ Македонію. Вся же конница греческая со всѣмъ скарбомъ и царскимъ убранствомъ (въ подлинникѣ: дворцомъ, то есть, царской ставкой, тѣмъ, что у Льва Діакона названо *ἀρχή, praetorium*), предалась непріятелю. . . . Въ этомъ году, то есть, въ 435 (=986), ...въ этой землѣ (Булхаріи) войско Василия понесло пораженіе. Въ томъ же году царь Вардъ (Варда Склиръ), вышедъ изъ Багдада, вступилъ въ Мелитину» и т. д.

А по словамъ Льва Діакона (р. 173, 12), прежде чѣмъ византійцы совершенно оправились отъ болгарскаго пораженія (*μῆπω τοῦ τοιοῦτου πάθους τελευταίως ὑπολώφθησαντος*), поднялъ возстаніе и междоусобную войну Варда Фока (въ 987 году)¹).

Итакъ, несомнѣнно, что, вопреки общепринятому мнѣнію, царь Василій потерпѣлъ роковое пораженіе въ Родопскихъ проходахъ при отступленіи отъ Срѣдца не въ 981 году (Гильфердингъ, Рачки, Папарригопуло и всѣ другіе), а въ 986 году, именно 17-го августа этого года (= седьмого числа Раби второго).

Это важно не только для составленія болѣе точныхъ представлений о ходѣ болгарскаго возстанія, но, быть можетъ, и для объясненія византійской политики по отношенію къ Россіи. Къ этому 986 году наша начальная лѣтопись относитъ прибытіе въ Кіевъ греческаго посольства, по ея словамъ, съ чисто миссіонерскою цѣлію. Мы не будемъ здѣсь разбирать достовѣрности самыхъ подробностей этого сказанія и въ частности—возможности совпаденія съ византійскимъ посольствомъ еврейско-хозар-

1) Точно такъ же, какъ у Асохика, у другого позднѣйшаго армянскаго историка, именно Матеея Едесскаго, говорится о пораженіи Василия Болгарина въ 986 году: Dulaurier, Bibliothèque hist. Arménienne, p. 35.

скаго и мусульманскаго отъ Камскихъ Болгаръ. Вмѣстѣ съ другими изслѣдователями, мы считаемъ эти подробности позже составленною легендою. Но съ преемникомъ Святослава необходимо было считаться при болгарскомъ вопросѣ. По договору 971 года русскій князь обязанъ былъ помогать византійскому императору, если кто помыслить на страну его. Теперь именно представлялся такой случай. Извѣстно, что послѣ въ борьбѣ Василя II съ болгарскимъ царемъ Самуиломъ важную роль играютъ русскія войска. Есть нѣкоторые намеки въ византійской литературѣ (у Іоанна Геометра), что именно около 986—989 года заключенъ былъ какой-то союзъ противъ Болгаръ со Скивами, то есть, Русскими.

Бракъ Владиміра на греческой царевнѣ, его крещеніе и помощь Византіи, оказанная въ самую критическую минуту весною 989 года, все это заставляетъ предполагать предшествовавшіе переговоры, и судя по ходу византійскихъ дѣлъ, починъ долженъ былъ исходить отъ византійскаго двора. Политика, обнимавшая своимъ кругозоромъ Римъ и Каиръ, Германію и южную Италію, не могла упустить изъ виду столь важнаго фактора, каковымъ была Русь въ дѣлахъ болгарскихъ.

Оставляя въ сторонѣ всякія догадки, мы знаемъ навѣрное, что болгарское пораженіе во всякомъ случаѣ было въ числѣ причинъ, дѣлавшихъ положеніе Византіи къ 989 году почти безысходнымъ, и что, если не прямо, то посредственно оно послужило къ заключенію союза между Василюмъ II и Владиміромъ Святославичемъ.

Переходимъ къ разсказу ал-Мекина о самыхъ обстоятельствахъ крещенія Владиміра. Прежде чѣмъ приступить къ его оцѣнкѣ, не лишнимъ будетъ привести соответствующую по содержанию, хотя менѣе точно изложенную, главу изъ исторіи Ибн-ал-Атира, Багдадскаго астронома, умершаго въ 1233 году. Глава эта слѣдующая (ed. Tornberg, t. IX, 30)¹⁾:

1) За переводъ всей этой главы мы обязаны благодарностію постоянной и драгоценной любезности барона В. Р. Розена; окончаніе ея въ его же переводѣ было приведено въ сочиненіи А. А. Куника «О запискѣ готскаго топарха», «Записки Имп. Академіи Наукъ», т. XXIV, стр. 147 сл. Ср. бар. В. Р. Розена «Имп. Василій Болгароб.», стр. 200 сл.»

«Разсказъ объ освобожденіи Варда Грека и о томъ, что съ нимъ случилось, и о переходѣ Руссовъ въ христіанство.

«Въ этомъ году (375 гижры) освободилъ Самсам-ад-даула Варда Грека. О его заключеніи было сказано выше. И когда наступило время, онъ (Самсам-ад-даула) освободилъ его; и выпустилъ его подъ условіемъ отпущенія большого числа мусульманъ, уступленія ему семи крѣпостей греческихъ съ ихъ окрестностями и обѣщанія, что онъ (Варда) и его товарищи не будутъ дѣлать набѣговъ на мусульманскія земли. И онъ отправилъ его со всеми необходимыми вещами; и онъ (Вардъ) пошелъ въ страны греческія. И на пути онъ успѣлъ склонить на свою сторону многихъ поселянъ и другихъ людей, возбудивъ ихъ жадность обѣщаніемъ жалованья и добычи. И онъ шелъ, пока не остановился у Малатіи. Ею онъ овладѣлъ и укрѣпился въ ней, благодаря имѣвшимъ тамъ деньгамъ и другому имуществу. Затѣмъ онъ отыскалъ Вардиса, сына 147 Леона (то есть, Варду Фоку), и они обмѣнялись посольствами и порѣшили дѣло между собою такъ, чтобы Константинополь съ прилежащими землями на сѣверѣ отъ пролива принадлежалъ Вардису (Фокѣ), а эта сторона пролива — Варду (Склиру). Затѣмъ схватилъ Вардисъ Варда (Фока Склира) и заключилъ его въ темницу. Потомъ онъ раскаялся и отпустилъ его, спустя короткое время. И перешелъ Вардисъ (Фока) проливъ и осаждалъ Константинополь; и въ немъ находились оба царя, сыновья Армануса (Романа), именно Василь и Константинъ, и онъ притѣснялъ ихъ обоихъ, вслѣдствіе чего они отправили посланцевъ къ царю Руссовъ и просили о помощи, и женили его на одной ихъ сестрѣ. Но она отказалась выдать себя человѣку неодинаковой съ нею религіи. Вслѣдствіе чего онъ принялъ христіанство, и было это начало христіанства у Руссовъ. И женился онъ на ней, и пошелъ на встрѣчу Вардису (Фокѣ), и они сражались и воевали. Затѣмъ Вардисъ былъ убитъ, и оба царя утвердились въ своей власти, и они вступили въ сношенія съ Вардомъ, и утвердили его въ томъ, что тогда находилось въ его власти (рѣчь идетъ о Склирѣ). Затѣмъ онъ жилъ еще короткое время и умеръ. Говорятъ, что онъ умеръ отравленнымъ», и т. д.

Изъ самаго поверхностнаго сличенія обоихъ арабскихъ разсказовъ становится очевиднымъ, что позднѣйшій писатель, ал-

Мекинъ, не заимствовалъ своихъ свѣдѣній о крещеніи Русовъ у болѣе ранняго, Ибн-ал-Атира; едва ли даже они имѣли предъ собою одинъ и тотъ же источникъ. Разсказъ ал-Мекина не только подробнѣе во всемъ, чтò касается предыдущихъ обстоятельствъ, то есть, хода греческихъ бунтовъ, но и въ изложеніи тѣхъ событій, въ которыхъ уже участвуетъ Владиміръ, заключаетъ въ себѣ и точныя хронологическія указанія (смерть Фоки 12-го апрѣля 989 года), и спеціальныя, но вполне вѣрныя историческія черты (голова Фоки, принесенная въ Константинополь), какихъ нѣтъ у Ибн-ал-Атира. Ал-Мекинъ избѣжалъ также нѣкоторыхъ неточностей, заключающихся въ болѣе раннемъ арабскомъ сочиненіи Багдадскаго астронома. Онъ не говоритъ, что Варда Фока перешелъ проливъ (то есть, Константинопольскій), и не утверждаетъ, что Склиру возвращено было то, чтò находилось въ его власти. Но, можетъ быть, самая важная особенность повѣствованія ал-Мекина заключается въ той чертѣ, что Русы были врагами императора Василія въ то время, какъ онъ принужденъ былъ обратиться къ ихъ князю. Въ этомъ отношеніи ал-Мекинъ или, лучше сказать, тотъ современный источникъ, 148 которымъ онъ пользовался, подтверждаетъ весьма существенную черту русской повѣсти о крещеніи Владиміра. Съ другой стороны, и въ словахъ Ибн-ал-Атира объ отказѣ царевны выйти за челоуѣка не одной съ нею вѣры слышится что-то очень близкое къ нашему лѣтописному разсказу.

Самая важная особенность обоихъ арабскихъ разсказовъ, въ сравненіи съ извѣстными доселѣ византійскими, состоитъ въ томъ, что они прямо и рѣшительно ставятъ обращеніе русскаго князя въ христіанство или, точнѣе, его крещеніе въ связь съ политическими событіями времени. Византійцы говорятъ только о помощи, оказанной Русскими въ самую критическую минуту, о прибытіи на помощь Василію русскаго союзнаго корпуса; только мимоходомъ и—буквально—въ скобкахъ сообщаютъ они о заключеніи брачнаго союза между Кіевскимъ княземъ и византійскимъ императорскимъ домоу; о крещеніи же Владиміра они всѣ умалчиваютъ. Левъ Діаконъ, современникъ событій, и Пселлъ, другой самостоятельный писатель, проходятъ молчаніемъ самый брачный договоръ.

Помимо всего прочаго, бѣльшая точность арабскихъ разсказовъ подтверждается свидѣтельствомъ несомнѣнно современнымъ, то есть, находящимся въ такомъ сочиненіи, которое дошло до насъ въ подлинникѣ отъ очень близкаго къ событіямъ времени. Это—свидѣтельство армянскаго писателя Асохика, важность котораго мы ужъ оцѣнили въ одной изъ прежнихъ нашихъ статей. Асохикъ говоритъ, что русскій шеститысячный корпусъ, который онъ могъ видѣть на своей родинѣ въ 1000 году, былъ тотъ самый отрядъ, который царь Василій выпросилъ у царя Рузовъ въ то время, когда выдалъ сестру свою за послѣдняго, и что въ это же самое время Рузы увѣровали во Христа.

Но есть еще одна черта въ повѣствованіи ал-Мекина и Ибн-ал-Атира, которая не только исчезаетъ въ источникахъ русскихъ и византійскихъ, но на первый, по крайней мѣрѣ, взглядъ противорѣчить имъ самымъ рѣзкимъ образомъ. Это—личное появленіе Владиміра въ Константинополь, личное участіе въ рѣшительномъ сраженіи съ Вардой Фокой. «И отправился царь Русовъ со всѣми войсками своими къ услугамъ царя Василія и соединился съ нимъ. И они оба сѣговорились пойти навстрѣчу Вардѣ Фокѣ и отправились къ нему сушею и моремъ, и обратили его въ бѣгство» (ал-Мекинъ). «И женился онъ (царь Русовъ) на ней и пошелъ навстрѣчу Вардису, и они сражались и воевали» (Ибн-ал-Атиръ).

Кедринъ <vol. II p. 444> и Зонара <l. XVII c. 7 p. 221 ed. Paris.> прямо говорятъ объ участіи русскаго союзнаго корпуса только въ сраженіи при Хрисополѣ (Скутари), гдѣ стоялъ подручникъ Фоки, Дельфияна, угрожая столицѣ. Продолжая далѣе свое повѣствованіе о походѣ Василія противъ самаго Фоки, осаждавшаго Абидосъ, съ цѣлію овладѣть переправой черезъ Дарданеллы, они, согласно съ ал-Мекиномъ, говорятъ: 1) объ отправленіи туда флотскаго начальника Кириака (τοῦ δροῦγγαρίου τῶν πλωτῶν) и 2) о переправѣ моремъ обоихъ царей, Константина и Василія, очевидно, съ сухопутною арміею. Но ни здѣсь, ни въ разсказѣ о самой битвѣ, рѣшившей судьбу Фоки, они не дѣлаютъ намека на участіе Русскихъ въ сраженіи. Только въ изложеніи этихъ событій у Пселла <Hist. p. 7 sq. ed. Londin.>, имѣющемъ вообще большія преимущества, есть прямая

указанія на участіе Русскихъ и въ сраженіи около Абидоса. Сказавъ о прибытіи русской помощи или, какъ онъ выражается, Тавроскиевовъ, онъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: «Они были посланы противъ на другой сторонѣ расположенной фаланги (противъ Дельфины въ Скутари); явившись предъ нею сверхъ ожиданія, когда противники не были возбуждены къ битвѣ, но обратились къ пьянству, они убили изъ нихъ не малое число, а другихъ разсѣяли въ разныя стороны. Потомъ имъ пришлось выдержать крѣпкій бой и съ самимъ Фокой. Тогда явился при войскѣ и царь Василій, только что отпустившій бороду и пріобрѣтавшій военную опытность. Не былъ въ отсутствіи изъ лагеря и братъ его Константинъ». Въ этомъ изложеніи, писанномъ ранѣе, чѣмъ появились труды Скилиція-Кедрина и Зонары, воздано больше чести Русскимъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлано это прямѣе.

Но все-таки остается вопросъ о личномъ присутствіи князя Владиміра, о которомъ такъ ясно и прямо говорятъ два писателя, располагавшіе хорошими и несомнѣнно современными самими событіями источниками. Слѣдуетъ ли на эту черту смотрѣть, какъ на простую неточность разсказа, происшедшую или отъ отдаленности первоначальныхъ свидѣтелей отъ мѣста дѣйствія, или отъ нѣкотораго равнодушія къ подробностямъ, только для насъ драгоцѣннымъ, въ позднѣйшихъ передатчикахъ, — даже отъ естественной ихъ склонности представлять себѣ факты въ болѣе простомъ и естественномъ видѣ? Согласіе ал-Мекина и Ибн-ал-Атира говорило бы за первое объясненіе. Быть можетъ, и было бы благоразумнѣе на немъ остановиться, имѣя въ виду отрицаніе русскихъ источниковъ и молчаніе византійскихъ. Но съ другой стороны, намъ извѣстно, что въ XII вѣкѣ на Руси не знали точно и спорили о томъ, гдѣ крестился Владиміръ...

150 Въ самихъ византійскихъ источникахъ можно находить подтвержденіе черты, занимающей насъ въ разсказѣ двухъ арабскихъ писателей. Не ручаясь за несомнѣнность нашихъ толкованій и комбинацій, мы все-таки считаемъ необходимымъ для разъясненія дѣла возбудить вопросъ.

Мы говорили выше, что въ латинскомъ переводѣ хроники Скилиція встрѣчаются иногда легкія отиѣны противъ греческаго

текста, какъ онъ перенесенъ былъ въ свое твореніе Кедриномъ и какъ онъ обыкновенно печатается; печатается онъ только съ рѣдкими и случайными указаніями на разночтенія въ рукописяхъ собственно Скилиція и Кедрина. Одна изъ такихъ отмѣнъ находится въ разсказѣ объ участіи русскаго отряда въ борьбѣ со врагами Василя II.

Въ переводѣ Скилиція, сдѣланномъ Габіемъ, читается <f. 87>:

«Imperator autem quum multum hortatus esset Delphinum, ut à Chrysopoli discederet, neque contra regiam urbem castra haberet, ubi id ei non persuasit, instructis noctu navibus, atque in ipsas impositis Rhoxolanis (accersierat enim ab ipsis socia auxilia) praefectoque classi ipsorum principe Bladimero, sibi cognatione coniuncto ob sororem suam Annam, cum ipsis transmissis mari imprudentes hostes adortus nullo negotio profligat».

Это заставляетъ предполагать слѣдующій греческій текстъ, который мы можемъ спокойно выписывать изъ Кедрина <II, 444, 3—9>, пока не дойдемъ до отмѣченнаго <разрядкой> мѣста, гдѣ потребуется прибавить два слова и слегка измѣнить порядокъ другихъ:

Ἅ ὁ δὲ βασιλεὺς πολλὰ παρακαλέσας τὸν Δελφινὸν ἀπαναστήναι τῆς Χρυσόπολεως καὶ μὴ ἀντιμέτωπον τῇ βασιλίδι ποιεῖσθαι στρατόπεδον, ὡς οὐκ ἔπειθε, πλοῖα παρασκευάσας νυκτὸς καὶ τούτοις ἐμβιβάσας Ἔως (ἔτυχε γὰρ συμμαχίαν προσκαλεσάμενος ἐξ αὐτῶν) καὶ τῷ στόλῳ προστήσας τὸν ἄρχοντα τούτων Βλαδιμηρόν, ὃν κηδεστήν ἐποίησατο ἐπὶ τῇ ἑαυτοῦ ἀδελφῇ Ἄννῃ, περαιωθεὶς μετ' αὐτῶν ἀνρήτως ἐπιτίθεται τοῖς ἐχθροῖς καὶ ῥᾶον χειροῦται.

Отмѣченныхъ словъ, означающихъ, что Василій поручилъ начальство надъ флотомъ князю русскому Владиміру, нѣтъ въ греческомъ текстѣ Кедрина. Представляется вопросъ: вставилъ ли ихъ въ текстъ Скилиція латинскій переводчикъ ради большаго изящества рѣчи, или опустилъ ихъ при своей плагиаторской передѣлкѣ компиляторъ Кедринъ? Вопросъ, который останется не рѣшеннымъ до изданія подлиннаго греческаго текста Скилиція, и, слѣдовательно, полезный хотя въ томъ отношеніи, что заставляетъ насъ ожидать съ большимъ интересомъ этого новаго подарка для нашей науки.

На этомъ мы еще далеко не останавливаемся. Самый раз- 151

сказъ Пселла подлежитъ нѣкоторому допросу, и если допустить при этомъ допросѣ легкую тенденцію въ пользу Арабовъ, то получится важное свидѣтельство именно въ желаемомъ направленіи. Языкъ византійскихъ писателей не такъ ясенъ и точенъ, какъ языкъ классическихъ писателей Эллады, и, при отсутствіи почти всякихъ словарныхъ пособій для пониманія ихъ, часто приходится ступать ощупью и встрѣчать трудности, которыхъ многіе даже и не подозрѣваютъ. Мы уже имѣли случай привести подлинныя слова Пселла о прибытіи русской помощи и свой сильный переводъ ихъ: 'Ο δὲ βασιλεὺς Βασίλειος τῆς τῶν Ῥωμαίων ἀγνωμοσύνης κατεγνώκως, ἐπειδὴ περ οὐ πρὸ πολλοῦ ἀπὸ τῶν ἐν τῷ Ταύρῳ Σχιθῶν λογάς πρὸς αὐτὸν ἐφοίτησεν ἀξιόμαχος, τούτους δὴ συγκροτήσας καὶ ξενικὴν ἐτέραν ξυλλοχισάμενος δύναμιν, κατὰ τῆς ἀντικειμένης ἐκπέμπει φάλαγγος.

Слово *λογάς* съ самаго начала возбуждало въ насъ недоумѣніе и сомнѣнія. Если бы мы имѣли дѣло съ классическимъ писателемъ, то выраженіе: «*λογάς ἀξιόμαχος*» и перевести иначе было бы нельзя, какъ «избранный и храбрый воинъ»¹⁾. По аналогіи съ обычнымъ словоупотребленіемъ византійскихъ писателей мы должны были бы перевести: «воинственный вождь», или же «храбрый въ битвахъ князь»²⁾. У самого Пселла мы могли бы найти употребленіе слова, соотвѣтствующее классическому³⁾. Но мы предпочли изложить слѣдующимъ образомъ рассказъ Пселла: «Императоръ Василій убѣдился въ нерасположеніи къ нему Грековъ, и такъ какъ незадолго предъ тѣмъ къ нему пришелъ (собственно поспѣшилъ) отъ Тавроскиѳовъ значительный военный отрядъ, то онъ, соединивъ ихъ и устроивъ другую наемную силу, выслалъ ихъ противу расположенной на другой сторонѣ фаланги». Рѣшились мы на это только послѣ того, какъ

1) Herod. I, 86: *λογάδας νεηρίας - συμπέμψαι ἡμῖν* (то же с. 43). Thucyd. V, 67: *Ἀργείων οἱ χίλιοι λογάδες*. VI, 100: *τριαχοσίουσιν σφῶν αὐτῶν λογάδας*. Ср. Herod. VIII, 124. IX, 21. 63.

2) Ср. Anna Comn. Alex. III 9, p. 119, 5 sq. ed. Reifferssch.: *τὸν - τοποτηρητήν - - καὶ τὸν - - τοπάρχην - - καὶ τοὺς λοιποὺς λογάδας*. X 14, p. 70, 23: *τῶν Κομάνων λογάδες ἅπαντες* (= VIII 4, p. 9, 23 ἡγεμόνες). VI 8, p. 203, 29: *τοῖς λογάσι τῆς συγκλήτου καὶ τοῦ στρατοῦ* (= X 4, p. 66, 21: *τοὺς ἐκκριτοὺς τῶν ἡγεμόνων*). Ср. также XII 7, p. 164, 15. Leo Diac. p. 93, 7; 109, 1. Cedren. II, 614, 9.

3) Напримѣръ, p. 63, 14 ed. Londin.: *οὐδὲ πᾶσαν τὴν στρατιὰν συγκινεῖ οὐδὲ θαρρεῖ πλήθεσιν, ἀλλὰ τοὺς λογάδας τῶν στρατευμάτων ἐπιλεξάμενος . .*

въ другихъ мѣстахъ того же сочиненія Пселла отыскиали употребленіе даннаго выраженія въ женскомъ родѣ (съ членомъ ἡ) 152 и въ смыслѣ дружины: р. 141, 12: τὴν λογάδα τῶν παρ' ἡμῖν διατάξας καὶ κατ' ἀντικρὺ στήσας ἐκείνοις и р. 15, 25: καὶ τινα λογάδα περὶ αὐτὸν πεποιηκώς ἀνδρῶν (это сказано о Василиѣ II, но уже не въ военномъ смыслѣ).

Все-таки при отсутствіи даннаго признака (женскаго члена) можно, если кому это заблагоразсудится, сдѣлать попытку другого перевода.

Вотъ, однако, также византийское, только недавно изданное, свидѣтельство, которое не подлежитъ тѣмъ сомнѣніямъ относительно своего смысла, какія возможны были бы до сихъ поръ.

«По смерти Михаила царя Феофилова сына по лѣтехъ мнозѣхъ примъ царство Костянтинъ и Василіе, и въ днехъ царства ею и абие сниде Владимиръ князь Роускій съ всею силою своею великою дажде и до самаго Царяграда съ враждою идыи на царство Греческое. Мановениемъ Божиимъ и благодатию Святааго Духа внезапноу прѣложися отъ звѣринаго нрава на смирение божественное и бысть агня Христова вѣмѣсто волка. И тако сии примъ святое крещение и евангеліе Христово. И нарече имя ему царь на святомъ крещеніи - - Василей. и потомъ крестисяся вси родове Роусьскаго языка».

Такъ представляется дѣло въ «Повѣсти о латынѣхъ» (стр. 187), сочиненіи, несомнѣнно переведенномъ съ греческаго, хотя подлинникъ до сихъ поръ не найденъ. Повѣсть сообщаетъ хорошія свѣдѣнія о крещеніи Болгаръ и князей Венгерскихъ, и когда говоритъ о личномъ, но уже вполне мирномъ, прибытіи двоихъ «князей Пеонскаго языка» въ Константинополь, то выражается совершенно правильно и точно¹⁾. Что касается авторитета сравнительной древности, то «Повѣсть», давно знакомая западнымъ ученымъ въ своемъ позднѣйшемъ искаженномъ видѣ, была ими относима къ XIII вѣку (Гергенрѣтеръ); русскій извѣстный ученый, въ первый разъ издавшій ее недавно въ первоначальномъ видѣ, безъ передѣлокъ и дополненій, по своей обычной осторож-

1) Подразумѣваются Булты (Βουλτοσουδής или Βουλογούδης) и Девикъ (= Γουλᾶς), о которыхъ см. Cedren. II, 328. Ср. Büdinger, Oesterreich. Geschichte, стр. 390.

ности и строгости, высказался предположительно не за XII вѣкъ, какъ можно было бы ожидать, а за XIV столѣтіе. Вопросъ еще подлежитъ обсужденію, и сама «Повѣсть о латынѣхъ» заслуживаетъ внимательнаго изслѣдованія¹⁾.

153 Что касается русскихъ источниковъ, то наиболѣе подробный и наиболѣе распространенный лѣтописный рассказъ о крещеніи Владиміра совершенно не допускаетъ мысли о личномъ путешествіи Владиміра въ Цареградъ. Пусть этотъ рассказъ сильно изукрашенъ легендарными дополненіями, пусть въ своихъ подробностяхъ онъ обнаруживаетъ полное незнакомство съ положеніемъ дѣлъ въ Византіи современно крещенію, пусть скрашиваетъ это незнакомство хвастливыми угрозами, влагаемыми въ уста-полуобращеннаго варвара, пусть, наконецъ, всю выгоду византійскаго брака для византійской политики простодушно полагаетъ въ возвращеніи взятаго Корсуня — все-таки казалось бы, что такой важный и памятный фактъ, какъ путешествіе внука Ольги, по слѣдамъ своей бабки, въ Цареградъ не могъ изгладиться изъ народной памяти, не могъ быть забытымъ ко времени лѣтописца.

Помимо лѣтописнаго рассказа есть и другіе, даже болѣе древніе источники, въ которыхъ, хотя и не въ видѣ историческаго подробнаго повѣствованія, но довольно обстоятельно говорится о крещеніи Владиміра. Это суть двѣ «Похвалы» Владиміру: одна, принадлежащая митрополиту Иларіону, другая — Мниху Іакову. Оба творенія требуютъ самаго внимательнаго изученія; къ нимъ нужно всего прежде обращаться, чтобъ имѣть твердую точку опоры, чтобы знать, въ какомъ видѣ фактъ и его обстановка представлялись воображенію ближайшихъ къ событію, несомнѣнно, древнѣйшихъ свидѣтелей.

1) Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. Андрея Н. Попова. Москва 1875. — Съ исторической точки зрѣнія мы позволимъ себѣ одно замѣчаніе. Нападеніе варваровъ Кумановъ (въ подлинникѣ, вѣроятно, Скивовъ, какъ въ извѣстномъ мѣстѣ Зонары о Русахъ, Скиескомъ, а въ переводѣ, Куманскомъ народѣ) за одно съ Персами — Турками относится всего скорѣе къ событіямъ конца XI столѣтія, къ годамъ, предшествующимъ первому крестовому походу: см. нашу статью о Печенѣгахъ («Труды В. Г. В.» I, 1 сл.). — На взятіе Константинополя латынами нѣтъ никакого намека, и только въ самыхъ послѣднихъ строкахъ можно находить общее указаніе на крестовые походы.

Въ «Похвалѣ кагану нашему Владиміру» митрополитъ Иларіонъ сравниваетъ русскаго Владиміра съ греческимъ Константиномъ и, между прочимъ, говоритъ: «Тотъ покорилъ Богу царство еллинское и римское, а ты, блаженный, то же сдѣлалъ въ Россіи.... Тотъ съ матерію своею Еленою утвердилъ вѣру, когда принесъ крестъ изъ Іерусалима и разослалъ части его по всему міру своему; а ты утвердилъ вѣру съ бабкою твоею Ольгою, принесши крестъ изъ новаго Іерусалима, града Константинова, и поставивъ его на землѣ своей. И, какъ подобнаго Константину, Богъ содѣлалъ тебя участникомъ единой съ нимъ славы и чести на небесахъ за благовѣріе, которое имѣлъ ты въ этой жизни»¹⁾. Если мы допустимъ, что здѣсь говорится о матеріальномъ фактѣ принесенія извѣстной опредѣленной святыни изъ Константинополя, то отсюда будетъ, повидимому, слѣдовать, что для митрополита Иларіона не было чуждо представленіе о пребываніи Владиміра въ Царьградѣ. Положительно утверждать этого, однако, невозможно, потому что уже здѣсь имя Владиміра соединено съ именемъ Ольги, между тѣмъ какъ одинъ и тотъ же отдѣльный и единичный фактъ не могъ принадлежать этимъ двумъ лицамъ, а главнымъ образомъ потому, что другіе источники, которые говорятъ о фактѣ подробнѣе, прямо приписываютъ его св. Ольгѣ и сообщаютъ намъ, что крестъ, полученный ею въ напутствіе отъ патріарха, стоялъ послѣ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, въ алтарѣ²⁾.

Наконецъ, неясные и не вполне надежные отголоски преданія о встрѣчѣ князя Владиміра русскаго съ царемъ Василіемъ находятся въ нѣкоторыхъ редакціяхъ «Сказанія о Вавилонскомъ царствѣ»: «Въ то же время... посла во(и) своя мно-

1) По переводу пр. Макарія, Исторія русской церкви (2-е изданіе), I, 135. — Благодаря благосклонному вниманію И. И. Срезневскаго, мы имѣемъ теперь въ своихъ рукахъ рукописный сборникъ, заключающій въ себѣ какъ объ похвалы, такъ и другія статьи о Владимірѣ. Подлежащее мѣсто изъ похвалы Иларіона здѣсь читается такъ: «Онъ съ матерію своею Еленою крестъ отъ Іерусалима принесоша, и по всему миру своему раславша, вѣру оутвердиста. Ты же съ бабою твоею съ Ольгою принесъша крестъ отъ новаго Іерусалима Костянтина града, по всей земли своей постави(в)ша и вѣру Христову оутвердиста».

2) Исторія христіанства въ Россіи до Владиміра, пр. Макарія (2-е изданіе), стр. 261 сл.

жество князь Владиміръ услышавъ (въ подлинн.: цѣльшевь) кievскій на Царьградъ множество. Царь Василей, видѣвъ воя сильныя Владимирова, убояся ихъ. И посла царь Василій къ великому князю Владиміру посла своего съ миромъ, а съ нимъ посла дары великіе и ту сердаликову крабицу со вѣмъ виссомъ царскимъ, и отъ того часа прослыша великій князь Владимиръ кievскій Мономахова (Мономахомъ), иже есть взятіи отъ Вавилона»¹⁾.

Здѣсь, конечно, смѣшивается Владиміръ Святославичъ съ Владиміромъ Мономахомъ; но русскими изслѣдователями уже высказано было такое мнѣніе, что, можетъ быть, въ исторіи о присылкѣ регалій первоначально разумѣлся не Владиміръ Мономахъ, а Владиміръ Святой. Во всякомъ случаѣ только Владиміръ Святославичъ былъ современникомъ императора, носившаго имя Василія.

155 Мы привели цѣлый рядъ свидѣтельствъ, но только одно изъ нихъ говоритъ прямо и недвусмысленно въ пользу арабскаго свидѣтельства о личномъ присутствіи Владиміра въ Константинополѣ. Вопросъ долженъ пока оставаться нерѣшеннымъ²⁾.

Третій пунктъ, отмѣченный нами въ отрывкѣ изъ ал-Мекина, суть его извѣстія о разныхъ знаменіяхъ и бѣдствіяхъ, случившихся въ 989 году въ Египтѣ и Константинополѣ: важность ихъ сейчасъ обнаружится изъ сличенія точныхъ отмѣтокъ арабскаго писателя съ указаніемъ византійскихъ источниковъ.

Мы уже замѣтили, что здѣсь ал-Мекинъ, повидимому, пользуется двумя источниками, потому что говоритъ объ этихъ зна-

1) Этотъ отрывокъ указанъ намъ Ал. Ник. Веселовскимъ. См. Лѣтописи русской литер., изд. Тихонравовымъ, т. I, отд. 3, стр. 165.

2) Мы еще не можемъ воспользоваться вновь открытымъ свидѣтельствомъ ал-Бекри, ссылающагося на Еврея Ибрагима, сына Якова. Здѣсь рѣчь идетъ о принятіи христіанства въ странахъ Румъ какимъ-то княземъ Блладиномъ, осаждавшимъ Константинополь послѣ 300-го года гиджры. А. А. Куникъ, отъ котораго мы получили первыя свѣдѣнія объ отрывкѣ ал-Бекри, и баронъ В. Р. Розенъ, который, съ разрѣшенія уважаемаго нашего академика, познкомиль насъ съ его содержаніемъ, еще не считаютъ возможнымъ окончательно рѣшить, кто разумѣется подъ Блладиномъ, хотя болѣе склоняются въ пользу болгарскаго князя. Подождемъ готовящагося изданія всего отрывка въ цѣлости съ переводомъ и объясненіями. <См. А. Куника и барона В. Р. Розена «Извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ», часть I (Приложеніе къ XXXII-му тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ, № 2, 1878 г.), стр. 46 сл. прим. 5. и стр. 52 сл. — Ср. Фр. Вестберга Комментарій на записку Ибрагима-ибн-Якуба о Славянахъ, стр. 41 сл.>

меніяхъ въ двухъ разныхъ мѣстахъ и притомъ не въ хронологическомъ порядкѣ. Обращаемъ сначала вниманіе на тѣ, которыя находятся у него позади, но по времени должны были бы стоять раньше другихъ.

Въ 378 году, въ 27-й день мѣсяца Дульгиджа, въ ночь съ субботы на воскресенье, случился въ Египтѣ сильный громъ и бурные вѣтры; настала страшная тьма, и въ это время, около полуночи, вышелъ съ неба какъ бы огненный столбъ, отъ котораго весьма сильно покраснѣли и небо, и земля, и который оставался на небѣ до четвертаго часа дня; тогда только появилось солнце, но съ измѣненнымъ цвѣтомъ. Въ такомъ видѣ, то есть, съ измѣненнымъ цвѣтомъ, продолжало солнце восходить до четверга, то есть, до 2-го дня мѣсяца Мухаррама¹⁾. А въ 20-й день мѣсяца Раби втораго, 379 года, въ день воскресный, появилась на западѣ комета, которая была видима болѣе 20 почей.

И объ огненномъ столбѣ, и о кометѣ говорится у Льва Діакона, притомъ—точно такъ же, какъ у ал-Мекина—послѣ заключенія разсказа о бунтѣ Варды Фоки, послѣ извѣстія о его смерти 156 и о водвореніи тишины. Только у Льва Діакона не указаны точнымъ образомъ ни мѣсяць, ни день появленія этихъ знаменій. Теперь мы будемъ знать, что огненный столбъ былъ видимъ въ Египтѣ 7-го апрѣля 989 года, а, можетъ быть, и въ слѣдующіе дни до 11-го числа того же мѣсяца (отъ воскресенья до четверга); комета же была замѣчена въ Египтѣ 28-го іюля того же (989) года.

Приводимъ собственныя слова Льва Діакона, которыми начинается 10-я глава X-й книги. Нужно только замѣтить, что эта десятая глава по смыслу прямо примыкаетъ къ тому, что говорилось въ шестой главѣ, то есть, въ отрывкѣ, приведенномъ въ самомъ началѣ нашей статьи, и что первыя слова ея относятся еще къ кометѣ 975 года²⁾. Помимо тѣхъ бѣдствій, кото-

1) Первый день Дульгиджа (последняго мѣсяца въ лунномъ мусульманскомъ годѣ) былъ въ 378 г. 12 марта 989 года; а первый день Мухаррама (перваго мѣсяца въ году) 379 г. — 11 апрѣля 989 г. (По таблицамъ Вюстенфельда).

2) Въ русскомъ переводѣ Льва Діакона, сдѣланномъ Д. Поповымъ (С.-Петербургъ, 1820), точныя и ясныя выраженія Льва Діакона не только не остались такими же, но и прямо подверглись искаженію. Переводчикъ не понималъ даже того, что здѣсь Левъ Діаконъ говоритъ о появленіи новой кометы

рья уже были описаны и совершились до апрѣля 989 года, — . . . «и другія тяжкія бѣдствія предвѣщаль восходъ появившейся тогда звѣзды, а также показавшіеся въ глухую ночь (ἀσπί τῶν νοκτῶν) и опять на сѣверной части неба огненные столбы, наводившіе страхъ на тѣхъ, кто ихъ видѣлъ — они предсказывали послѣдовавшее затѣмъ взятіе Херсона Тавро-скіями и захватъ Верріи Мисянами (Болгарами) — и, сверхъ того, звѣзда, появлявшаяся съ закатомъ солнца на западѣ, которая, совершая свой восходъ по вечерамъ, не сохраняла однако прочнаго положенія въ одномъ центрѣ, но, испуская свѣтлые и блестящіе лучи, дѣлала частыя перемѣщенія, будучи видима то сѣвернѣе, то южнѣе, а иногда даже при одномъ и томъ же восхожденіи измѣняя свое мѣстоположеніе въ зѣрномъ пространствѣ и совершая рѣзкое и быстрое передвиженіе, такъ что видѣвшіе это удивлялись, поражались страхомъ и думали, что не добромъ кончится страшное движеніе кометы: чтò и сбылось согласно съ догадками толпы».

Итакъ, огненные столбы (πύρινοι στύλοι), которые, какъ видно ужъ изъ самаго хода разсказа у Льва Діакона, явились не ранѣе апрѣля 989 года, а по ал-Мекину, — именно 7-го 157 апрѣля этого года, только еще предсказывали взятіе Корсуня Русскими; другими словами: городъ Корсунъ взятъ Русскими — позже апрѣля 989 года. Нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ томъ, что здѣсь идетъ рѣчь о томъ самомъ взятіи Корсуня, которое, по разсказу русской начальной лѣтописи, предшествовало крещенію Владиміра; но оказывается только, что это взятіе Корсуня случилось не въ 988 году и не до крещенія Владиміра, а много позже того. Точный смыслъ словъ Льва Діакона, вполнѣ подтверждаемый и разъясняемый хронологическими отмѣтками ал-Мекина, подрываетъ, можно сказать, въ корнѣ авторитетъ русскаго лѣтописнаго сказанія, неспровергаетъ окончательно и въ самомъ основаніи все его построеніе. Извѣстно, какъ затруднялъ русскихъ изслѣдователей, начиная съ Карамзина, этотъ

(989 года), а не о какой либо «вышеупомянутой». Съ византійскими терминами и словоупотребленіемъ переводчикъ до того былъ не знакомъ, что не зналъ даже, какъ перевести слова «ὁ τῆς Νιχαμηδείας πρέβρος» или же слово φασφόρος.

походъ Владиміра на Корсунь, стоящій посрединѣ между обращеніемъ Владиміра къ христіанству, между его рѣшимостью принять вѣру отъ Грековъ, и между самымъ крещеніемъ; известно, къ какимъ искусственнымъ и тонкимъ соображеніямъ прибѣгали они, чтобы сдѣлать его понятнымъ и естественнымъ съ точки зрѣнія внутренней вѣроятности. Оказывается теперь, что, если крещеніе Владиміра совершилось въ 988 году, — въ чемъ нѣтъ пока причины сомнѣваться, — то взятіе Корсуни послѣдовало гораздо позже и, слѣдовательно, вовсе не находилось въ какой-либо прямой связи съ крещеніемъ русскаго князя. И на этотъ разъ нельзя сказать, чтобы выводъ, необходимо вытекающій изъ указаній ал-Мекина и Льва Діакона, не находилъ себѣ опоры въ русскихъ источникахъ. Въ «Похвалѣ» Владиміру мниха Іакова, въ одномъ изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ остатковъ русско-й письменности XI вѣка¹⁾, мы читаемъ: «По святомъ крещеніи поживе блаженный князь Володимерь 28 лѣтъ. На другое лѣто по крещеніи къ порогомъ ходи, на третье лѣто Корсунъ городъ взя» и т. д. Важность, а также и справедливость нашихъ соображеній мы предоставляемъ пока вниманію русскихъ историковъ, а теперь будемъ продолжать далѣе разборъ ал-Мекина и Льва Діакона.

Комета, появившаяся предъ смертію Іоанна Цимисхія, предвѣщала, по воззрѣнію Льва Діакона, цѣлый рядъ несчастій, цѣлый бѣдственный періодъ, простирающійся, повидимому, до того самаго момента, когда онъ окончилъ свое сочиненіе; но, помимо этой общей роковой предвѣстницы, были въ продолженіе указанного періода частныя предзнаменованія, указывавшія на частныя спеціальныя злосюченія: такъ, огненные столбы предрекали взятіе Корсуни Русскими. Согласно съ этимъ, и новая комета 989 года была предвѣстіемъ особаго ближайшаго частнаго бѣдствія: «Съ наступленіемъ вечера, въ который по обычаю совершается память великомученика Димитрія, настало страшное землетрясеніе, какого еще не бывало при этихъ поколѣніяхъ; оно низвергло на землю башни Византіи, разрушило многіе дома, обративъ ихъ въ гробы для обитателей ихъ, нис-

1) <См. А. А. Шахматова Разысканія о древн. русск. лѣтописн. сводахъ, тр. 21—28.>

провергло до основанія многія, находящіяся вблизи Византіи помѣстья (*χωρία*), и сопровождалось гибелью многихъ поселянъ. Мало того, оно обрушило и повергло на землю верхнюю часть свода въ великой церкви, а также западную часть абсида. Императоръ Василій послѣ опять выстроилъ это въ продолженіе шести лѣтъ».

Левъ Діаконъ говоритъ о землетрясеніи, которое случилось, если только мы вѣрно объясняли до сихъ поръ его извѣстія, въ октябрѣ мѣсяцѣ 989 года, именно 25-го числа названнаго мѣсяца.

Этому, однако, противорѣчатъ показанія Скилиція, а за нимъ и рабскаго его послѣдователя Кедрина.

«15-го индикта, 6494 года, въ мѣсяцѣ октябрѣ, случилось большое землетрясеніе, были разрушены многіе дома и храмы, и часть свода (*τῆς σφίρας*) великой церкви, что потомъ опять императоръ любочестиво исправилъ, издержавъ десять кентинаріевъ золота на однѣ тѣ машины для восхода, на которыхъ рабочіе, стоя и принимая поднимаемые вверхъ матеріалы, строили вновь обрушившееся». (Scylitz. въ лат. переводѣ Габія fol. 85°. Cedren. II, 438).

Несомнѣнно, что рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же землетрясеніи, но, по свидѣтельству компиляторовъ, оно случилось въ октябрѣ 986 года (индикта 15-го), а не на Дмитріевъ день 989 года.

Что двумъ компиляторамъ слѣдуетъ давать менѣе вѣры, чѣмъ одному оригинальному и современному писателю—это есть положеніе, противъ котораго ни одинъ опытный и добросовѣстный изслѣдователь не будетъ спорить. На сей разъ мы можемъ представить цѣлый рядъ доказательствъ, блистательно подтверждающихъ общее правило.

1) Уже въ самомъ показаніи компиляторовъ кроется противорѣчіе или ошибка: октябрь 15-го индикта есть октябрь 6495 года, а не 6494.

2) Ал-Мекинъ: «Въ четырнадцатый годъ Василія, который былъ 379 годомъ гиджры, были въ Константинополѣ большія землетрясенія, и упала третья часть храма св. Софіи, и обрушились многія зданія въ Никомедіи на своихъ обитателей. И

Василій возстановилъ то, что обрушилось въ храмъ св. Софіи, и привелъ его въ прежній видъ».

14-й годъ царствованія Василя есть 989-й годъ, и 379-й 159 годъ гиджры начинается съ 11-го апрѣля этого года.

3) Асохикъ, который говоритъ (стр. 179 сл.) и о кометѣ предвѣщавшей бѣдствіе и о самомъ бѣдствіи: «Въ этомъ году, то есть, въ 438—989, въ 15-й день мѣсяца к'ахоца (?), въ праздникъ Успенія всесвятой Дѣвы Богородицы, снова явилась копьевидная звѣзда на восточной сторонѣ неба. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней она пускала свѣтлые лучи свои на югъ; потомъ, перемѣнивъ положеніе, она стала на западъ надъ западною странюю, простирая оттуда копьеобразный свѣтъ на востокъ. Немного времени спустя, страшное землетрясеніе постигло всю Грецію, вслѣдствіе чего погубило много городовъ, деревень и областей, въ особенности въ странахъ Оракіи и Византіи, такъ что находившееся между ними море пришло въ страшное колебаніе. Въ царственномъ городѣ Константинополѣ обрушивались богатоблестящія украшенія дивныхъ колоннъ и иконъ, бывшихъ въ обширныхъ церквахъ; и самая св. Софія, то есть, соборъ, сверху до низу дала трещину».

Далѣе армянскій современный историкъ говоритъ, что планъ для возстановленія разрушеннаго храма св. Софіи составилъ армянскій архитекторъ, каменщикъ Тердатъ¹⁾, чего отвергать нѣтъ нужды. Что самое описаніе кометы у Асохика сходно съ описаніемъ его современника въ Византіи—это также не излишне отмѣтить²⁾.

4) Въ одномъ славянскомъ мѣсяцесловѣ Зографскаго Аѳонскаго монастыря въ синаксарѣ на 26-е число октября записано: «Вѣдѣти подобаетъ, яко во дни Василя и Константина сѣ̄ѣ̄»

1) «Въ подлинникѣ армянскій историкъ говоритъ: «армянскій архитекторъ Тердатъ далъ каменщику проектъ реставраціи, мудро и со знаніемъ изготовивъ модель, и положилъ начало перестройкѣ, и соборъ по возобновленіи явился въ изящѣйшемъ, чѣмъ прежде, видѣ». Н. М.».

2) Въ разсказѣ Асохика есть только одна ошибка или, вѣрнѣе, — описка: что вмѣсто мѣсяца к'ахоца, соответствующаго декабрю, необходимо читать хротица (юль — августъ), — это слѣдуетъ уже изъ указанія на праздникъ Успенія Богородицы, бывшій въ этомъ мѣсяцѣ. Матвѣй Эдесскій (Dulaugier, Biblioth. hist. Arşén., p. 34), если его внимательно читать, не противорѣчитъ своему земляку, а слѣдуетъ за нимъ.

(6460) лѣто, многихъ ради грѣховъ нашихъ былъ трусъ въ тѣ дни, въ часъ $\bar{z}$ нощи, егда храмъ великыѣхъ Бѣжъ церкви надеся». Въ означеніи года грубая ошибка, но такого рода ошибка, которая объясняется всего легче предположеніемъ именно 6498-го года (989), стоявшаго первоначально въ текстѣ или рукописи¹⁾.

160 5) Многие изъ латинскихъ западныхъ лѣтописцевъ также говорятъ — одни о кометѣ и послѣдовавшемъ землетрясеніи, другіе объ одной кометѣ, относя ея появленіе къ августу 989 года.

У Ромуальда Салернского подъ 990 (989 г.) описывается какъ самая комета, и притомъ въ выраженіяхъ, напоминающихъ описаніе Льва Діакона и Асохика, такъ и бѣдствія, послѣдовавшія за нею отъ землетрясенія въ южной Италіи, въ Беневентѣ и Капуѣ²⁾.

У Льва Остійскаго, безъ прямого означенія года, но съ означеніемъ 25-го октября, еще подробнѣе говорится о землетрясеніи, разрушившемъ многіе дома, заставившемъ звонить колокола въ Капуѣ, низвергшемъ замокъ и 15 башенъ въ Беневентѣ, и т. д.³⁾ У Титмара Мерзебургскаго говорится о появленіи въ 989 году кометы, которая предвѣщала большой вредъ и заразу. Это повторяется въ анналахъ Кведлинбургскихъ, у анналиста Саксонскаго, которые прибавляютъ, что за кометою послѣдовалъ большой моръ на людей и на животныхъ, особенно на быковъ⁴⁾. На этотъ моръ есть указаніе и въ словахъ

1) Чтенія въ Импер. обществѣ исторіи и древностей 1875 г. (I-я книга, смѣсь, стр. 57-я), статья архимандрита Леонида «Славяно-сербскія книгохранилища на св. Аѳонской горѣ»... Мы, по собственному опыту, знаемъ, что годъ, обозначенный греческими буквенными знаками, рѣдко будетъ переданъ вѣрно русскою типографіею, особенно если тутъ встрѣтится буква, означающая 90, которой, пожалуй, и не найдется въ типографіи. Такъ какъ годъ въ синаксарѣ обозначенъ буквенными знаками, то мы почти увѣрены, что знакъ ζ , служащій для обозначенія 90, просто пропущенъ наборщикомъ, а ξ стоитъ вмѣсто η , какъ это нерѣдко случается. <У И. И. Срезневскаго въ «Свѣдѣніяхъ и зам. о малозв. и неизв. памятникахъ», т. II (Зап. Имп. Академіи Наукъ, т. XXVIII, прилож. № 1), № 68, стр. 411, цифра года напечатана такъ: $\varsigma\zeta\alpha\iota$.>

2) Romoaldi Annales, MG. SS., XIX, 401. Годъ у Ромуальда — мартовскій, упреждающій январскій цѣлыми девятью мѣсяцами.

3) Chronica mon. Cassinensis, MG. SS., VII, 636. У Льва Остійскаго былъ отмѣченъ только день мѣсяца, а годъ прибавленъ издателемъ по соображенію съ Ромуальдомъ.

4) <MG. SS., VI, 634, 41 и III, 68, 5.>

Льва Діакона, слѣдующихъ непосредственно за разсказомъ о возстановленіи храма св. Софіи. — Въ анналахъ города Дижона записано, что: «въ мѣсяцѣ августѣ, въ часть вечерній, видимы были кометы на западѣ»¹⁾ и т. д.

Откуда произошла ошибка въ греческихъ хронографахъ относительно землетрясенія 989 года, мы не знаемъ; да едва ли и нужно искать для этого особыхъ объясненій, когда мы видимъ, что они ошибаются даже въ числѣ лѣтъ правленія Цимисхія и даже въ днѣ и мѣсяцѣ полученія Василиемъ II самодержавной власти²⁾. Но мы думаемъ, что эта ошибка заслужи- 161
ваетъ вниманія русскихъ изслѣдователей. Она имѣетъ двоякое значеніе для критики русскаго лѣтописнаго разсказа о крещеніи Владиміра: 1) Если бы въ самомъ дѣлѣ Софійскій храмъ былъ разрушенъ землетрясеніемъ въ 986 году, то мы имѣли бы право спрашивать, какимъ образомъ это осталось не замѣченнымъ для русскаго посольства, ходившаго въ Царьградъ, по лѣтописи, именно вскорѣ послѣ того, въ 987 году? Разумѣется, это умолчаніе было бы новымъ доказательствомъ несовременности событіямъ и поздняго происхожденія русской повѣсти, на чтò, впрочемъ, и безъ того мы ужъ имѣемъ много доказательствъ. 2) Нельзя ли скорѣе высказать такую догадку, что неправильное построеніе нашей повѣсти о крещеніи Владиміра, обнаруживающееся всего рѣзче въ хронологической перестановкѣ взятія Корсуня Русскими, находится въ какой-либо связи съ ошибочнымъ указаніемъ Византійцевъ о землетрясеніи? Предположимъ, что въ какомъ-нибудь византійскомъ памятникѣ, для насъ потерянномъ, но доступномъ для русскаго писателя XII вѣка, не только землетрясеніе, но и знаменіе, предвѣщавшее взятіе Корсуня Владиміромъ, вслѣдствіе одной и той же ошибки было отнесено на три года ранѣе, чѣмъ слѣдуетъ, — и мы будемъ имѣть совершенно удовлетворительное объясненіе для происхожденія ошибки, которой избѣжалъ мнихъ Іаковъ со своимъ безхитростнымъ, туземнымъ лѣтосчисленіемъ. Во всякомъ случаѣ пусть это будетъ

1) MG. SS., V, 41.

2) У Скилиція и Кедрина въ декабрѣ 6484 (975) года, между тѣмъ какъ Цимисхій умеръ только въ январѣ 876 года.

гипотезой, ожидающей подтвержденія или опроверженія отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Мы уже мимоходомъ высказали надежду, что, быть можетъ, другіе изслѣдователи будутъ имѣть въ своихъ рукахъ новые, намъ пока неизвѣстные и еще скрывающіеся въ архивахъ византійскіе источники для изученія занимающей насъ эпохи. Сейчасъ мы представимъ разительное доказательство, что такія надежды позволительно питать безъ большого самообольщенія и безъ особеннаго пренебреженія или недовѣрія къ трудамъ западныхъ ученыхъ, открывавшихъ или издававшихъ памятники византійской литературы. Мы хотимъ говорить о стихотвореніяхъ Іоанна Геометра, часть которыхъ уже давно издана, но до сихъ поръ никѣмъ не была, повидимому, читаема со вниманіемъ, а другая часть скрывается въ библіотекахъ Вѣнской и Парижской. Между тѣмъ въ изданной части мы находимъ очень живое изображеніе положенія Византіи именно около 986—989 годовъ, а, судя по этому, въ неизданной части могутъ находиться прямыя указанія на специально русскія дѣла.

162 Уже въ видахъ лучшаго пониманія этого писателя и чтобы не возвращаться снова къ знаменіямъ и кометамъ ал-Мекина и Льва Діакона, мы должны прибавить, что, по словамъ послѣдняго, комета принесла съ собою, сверхъ землетрясенія, голодъ, язву и моръ, страшные вѣтры и наводненія и бѣдственный неурожай. Неясно, которую именно комету здѣсь разумѣетъ Левъ Діаконъ: ту ли, которая вообще господствовала надъ событіями первыхъ пятнадцати лѣтъ царствованія Василия II, или же комету 989 года; но во всякомъ случаѣ, по самому ходу и порядку изложенія, указанная бѣдствія должны относиться къ этому послѣднему году, а, можетъ быть, но только отчасти — къ ближайшему предыдущему. Въ западно-европейскихъ лѣтописяхъ, сверхъ уже отмѣченныхъ нами выше, есть немало извѣстій о страшной засухѣ весной 989 года, слѣдствіемъ которой былъ неудачный посѣвъ и голодъ¹⁾, о наводненіяхъ, жаркомъ лѣтѣ и неурожаѣ плодовъ въ 988-мъ году²⁾.

1) Sigeberti Chron., MG. SS., VI, 353 (ann. 989): Siccitas magna vernalis, unde et satio primitiva impedita, et fames ingens secuta est.

2) Annales Quedlinburgens., MG. SS., III, 67 (ann. 988): Aestatis fervor

4.

Иоаннъ Геометръ давно извѣстенъ въ исторіи византійской духовной литературы какъ авторъ толкованій на Евангеліе отъ Луки, которыми пользовались другіе византійцы (діаконъ Никита во второй половинѣ XI вѣка), какъ церковный ораторъ, которому принадлежатъ нѣсколько бесѣдъ на богородичные праздники (одна изъ нихъ издана, другая, на Успеніе, еще нѣтъ), и преимущественно какъ сочинитель гимновъ (такъ называемыхъ *χαρισμοί*) въ честь Богородицы (изданы еще въ 1591 г.), и т. д. Но всѣ эти сочиненія не давали возможности даже опредѣлить время его литературной дѣятельности. Удинъ полагалъ, что Иоаннъ Геометръ жилъ около 1050 года; Комбефизъ оставялъ выборъ между половиной X вѣка и XI столѣтіемъ. Въ библіотекѣ Фабриція-Гарлеса (tom. VIII, p. 625) перечислены всѣ сочиненія Геометра, которыя были изданы до настоящаго столѣтія, или же были извѣстны по каталогамъ разныхъ библіотекъ; но время, когда трудился этотъ довольно видный дѣятель, оставлено безъ опредѣленія. Даже ученый іезуитъ Баллерини, 163 издавшій въ Римѣ въ 1856 году собраніе памятниковъ, относящихся къ новому римскому догмату объ иммакулятномъ зачатіи, и въ числѣ ихъ бесѣду нашего Иоанна Геометра на Благовѣщеніе, не нашелъ возможнымъ притти къ какому-нибудь опредѣленному заключенію по этому вопросу и ограничился предположеніемъ, что авторъ бесѣды жилъ немного ранѣе діакона Никиты.

Между тѣмъ еще ранѣе ученый Крамеръ открылъ въ одномъ Парижскомъ рукописномъ сборникѣ цѣлый отдѣлъ стихотвореній духовнаго и свѣтскаго содержанія, большая часть которыхъ принадлежала какому-то «анонимному византійскому поэту позднѣйшаго времени»; и, что замѣчательно, поэтъ обращалъ на себя вниманіе большимъ для своего времени литературнымъ

---

immanis pene cunctos fructus consumpsit. Mox grandis mortalitas hominum subsequuta est. Siegeberti Chron., l. I. (ann. 988): Inundatio aquarum frequens et ultra solitum ac diutina. Estas postea ferventissima et pluribus pernicioza, unde et fruges minoratae sunt. Cp. Annalista Saxo и Annales Magdeburgens., MG. SS., XVI, 158.

искусствомъ и даже изящнымъ вкусомъ¹⁾. Все это даже съ при-
бавленіемъ того, что не принадлежало вновь открытому поэту, а
только помѣщено было рядомъ и въ перемежку съ его сочине-
ніями (именно эпиграммы, давно издававшіяся въ анологіяхъ),
Крамеръ напечаталъ въ своемъ изданіи «Anecdota Graeca e codd.
manuscriptis Bibliothecae Regiae Parisiensis» (volum. IV, Oxonii,
1841). Послѣ этого онъ убѣдился, что авторъ всего того, что
было новаго въ напечатанномъ сборникѣ, былъ ужъ извѣстный
прежде Іоаннъ Геометръ, тѣмъ болѣе что во многихъ мѣстахъ
самъ сочинитель именуется себя Іоанномъ²⁾. Изъ сборника Кра-
мера стихотворенія Іоанна Геометра перешли въ сборникъ Миня
(Patrologia graeca, tom. CVI) вмѣстѣ съ другими извѣстными
прежде твореніями того же автора, но съ исключеніемъ того,
что ему не принадлежало, и съ присовокупленіемъ латинскаго
перевода.

Казалось бы, что стихотворенія, написанныя нерѣдко на
извѣстные случаи, на опредѣленные историческія событія, на
могилы и гробницы знаменитыхъ въ исторіи лицъ, давали прежде
всего возможность точно опредѣлить, когда, наконецъ, жилъ
Іоаннъ Геометръ, и какая литературная эпоха Византіи можетъ
похвалиться такими яркими отблесками таланта и вкуса. Кра-
меръ, дѣйствительно, опредѣлилъ эту эпоху, но только въ высшей
степени неудачно и странно. На томъ основаніи, что у Геометра
164 есть стихотвореніе въ честь умершаго императора Никифора и
другое на пораженіе Грековъ Болгарами, онъ предположилъ,
что тутъ разумѣется извѣстный императоръ Никифоръ, преем-
никъ Константина и Ирины, павшій въ битвѣ съ Болгарами въ
811 году. Такъ какъ рядомъ съ стихотвореніемъ въ честь Ни-
кифора стоитъ другое — въ честь императора Іоанна, который
представляется также недавно умершимъ, то подъ этимъ Іоан-
номъ долженъ былъ разумѣться Іоаннъ Ставракій, сынъ Ники-
фора I. У Миня эти объясненія, конечно, перепечатаны. Между
тѣмъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что подъ импера-

1) Cramer, An. Par. IV, 265: Alia prolixiora sunt, nec quidem inconcinne
aut pro aetate illa ineleganter scripta.

2) Смори приписку Крамера (р. 388) въ концѣ отдѣла, озаглавленнаго
Excerpta poetica cod. 352 suppl.

торомъ Никифоромъ разумѣется Никифоръ Фока (963—969 гг.), а подъ Иоанномъ — Иоаннъ Цимисхій (969—976 гг.); не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнью, что подъ болгарскою побѣдою разумѣется поражение Василия II при отступленіи отъ Сардики-Срѣдца въ 986 году, о которомъ мы трактовали въ предшествующей главѣ. Все это будетъ сейчасъ вполне ясно. Прежде мы соберемъ тѣ скудныя извѣстія, какія можно извлечь изъ собственныхъ указаній Иоанна о его жизни.

Иоаннъ былъ второй сынъ важнаго византійскаго сановника, по имени Θεодора. Въ стихотвореніи № СLIII Migne, озаглавленномъ «Исповѣдь», нашъ поэтъ, обращаясь къ Богородицѣ, молится: «Воззри, Дѣва, на моего благороднаго родителя, который породилъ меня вторымъ отъ чреслъ патриціанскихъ, дай моему Θεодору копье, щитъ и лукъ, крѣпкій шлемъ, и обоюдосѣкущій мечъ; (даруй ему) самолющееся слово, текущее огненными потоками вихря (*νιφάδος πλέον ἔμφλογα ῥεῖθρα*: подражаніе Гомеру), крѣпкую руку и мужество на войнѣ» (р. 340 Стам.). Въ двухъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ Иоанномъ своему отцу, говорится, что онъ былъ ревностнымъ слугою и украшеніемъ государства; что послѣ трудовой жизни онъ достигъ глубокой старости, видѣлъ много странъ и умеръ въ глубинѣ Азіи, вдали отъ супруги и родныхъ, но двумя сыновьями своими, которымъ должны уступить древніе Клеовисъ и Витонъ, отвезенъ на родину, во святой городъ (*ἱερόν ἄστυ*), то есть, въ Константинополь (№ XI, р. 280 Стам.). «Я обнималъ тебя своими руками во время болѣзни, я закрылъ тебѣ очи по смерти, я въ продолженіе цѣлаго мѣсяца носилъ дорогую ношу изъ далекой страны и отдалъ супругѣ и родинѣ, я похоронилъ тебя въ гробницѣ и сердцѣ; я, Иоаннъ, младшій изъ твоихъ дѣтей, написалъ и сію надпись» и т. д. (№ СXXXVII, р. 329 Стам.). Во время Цимисхія извѣстенъ намъ стратигъ Θεодоръ изъ Мисоіи, два раза упомянутый въ исторіи героической борьбы Цимисхія съ княземъ Святославомъ подъ Доростоломъ (Дѣрстромъ, Силистріей) и однажды едва не попавшійся въ плѣнъ Русскимъ 165 (Сedren. II, 398. 409). Съ нѣкоторою вѣроятностью можно предполагать, что это именно и былъ отецъ нашего Иоанна. Хотя, какъ мы дальше увидимъ, Иоаннъ Геометръ не былъ другомъ и

сторонникомъ соименнаго ему императора и питаетъ къ Никифору Фокѣ большую любовь и уваженіе, но и въ числѣ сподвижниковъ Цимисхія не только были люди, лично ему пріязненные. Образование, полученное сыномъ византійскаго вельможи, соединяло, по обычаю, преданія классическія съ церковными, изученіе языческой поэзіи и философіи съ знаніями богословскими. Знакомство съ Гомеромъ обнаруживается въ заимствованіяхъ поэтическихъ оборотовъ и выраженій изъ Илиады и Одиссеи, нерѣдкихъ у Иоанна Геометра. Уже восемнадцати лѣтъ сынъ патриція Θεодора, нужно думать, чѣмъ-либо заявилъ себя и свое будущее призваніе. Въ одномъ четверостишіи, «Къ себѣ самому», онъ говоритъ: «Кто далъ тебѣ, еще восемнадцатилѣтнему юношѣ, Иоаннъ, знаніе небесной и земной мудрости? Дала тебѣ это царица всего; она сообщила тебѣ силу и смѣлость: да умолкнетъ всякое посмѣяніе» (№ CXLVIII, р. 333 Стам.). Въ сборникѣ его стихотвореній нерѣдки такія явленія, что двустишіе «На рожденіе Христа» стоитъ рядомъ съ другимъ «На Софокла». Особую память сохранилъ Геометръ объ одномъ изъ своихъ учителей, по имени Никифорѣ. Въ одномъ двустишіи (№ XCV, р. 305 Стам.) онъ недоумѣваетъ: «носилъ ли Гермесъ имя Никифора, или же Никифоръ имѣлъ природу Гермеса»; а въ другомъ (№ CXXXVIII, р. 329 Стам.) рѣшаетъ дѣло такъ, что Гомеру данъ былъ языкъ Калліопы, а ему (Никифору) языкъ Евтерпы и умъ Ураніи». Оба двустишія озаглавлены: «На своего учителя». Очень вѣроятно, что этотъ Никифоръ есть тотъ самый патрицій Никифоръ, который еще при Константинѣ Порфирородномъ прославился какъ профессоръ геометріи¹⁾; быть можетъ, прозваніе ученика имѣетъ связь съ его занятіями этою наукой. Въ числѣ болѣе длинныхъ стихотвореній Иоанна Геометра мы встрѣчаемъ одно, несомнѣнно относящееся къ ученому дѣятелю византійской юриспруденціи, именно времени Константина и сына его Романа. Это надпись на гробницу магистра Θεодора Декаполита, на которой была представлена богиня пра-
166 восудія, опечаленная смертію своего жреца²⁾. Вотъ это стихо-

1) Rambaud, L'empire grec au dixième siècle, p. 70.

2) Въ изданіи надпись читается: Ἠρῳὸν εἰς τὸν μάγιστρον Θεόδωρον Δέκα-πόλτην. Но Декапотъ — фамилія почти невозможная по своему комическому смы-

твореніе, которое, между прочимъ, пусть будетъ первымъ изъ многочисленныхъ признаковъ, опредѣляющихъ время дѣятельности нашего поэта:

«Блестящую дѣву, ушедшую съ земли на небо, которую люди называютъ правдою, съ эфирныхъ жилищъ вторично и снова свелъ на землю правосудный Феодоръ своимъ знаніемъ законовъ и добрыми нравами. Возсѣдая рядомъ съ нимъ, она судила народамъ истину, какъ строгая и чистая дѣва. Когда же губительная парка (судьба) и его захотѣла лишить милаго живота и порвала всѣ нити, и тогда она (правда) не пожелала съ нимъ разстаться, но стенаетъ, возсѣдая, о чудо, на этой гробницѣ. Взгляни на звѣзды, еще болѣе, чѣмъ этотъ образъ женщины, помрачившіяся въ своемъ блескѣ: и до неба проникла печаль. Вы также, законы, рыдаете, находясь отдѣльно вдали; кто же будетъ охранять правду и какъ супругу, и какъ чистую дѣву?» (№ LXVII, p. 297 Gram.).

Въ кругу знаменитыхъ современниковъ, сочувствіе которымъ выразилъ нашъ поэтъ, находится и Михайлъ Малейнъ, причисленный впослѣдствіи къ лику святыхъ¹⁾. Надгробная надпись въ честь его гласитъ: «Твое здѣсь пребываніе и твоя жизнь, Михайлъ, возбуждаютъ справедливый споръ: жизнь показываетъ въ тебѣ ангела, а пребываніе здѣсь—человѣка смертнаго, о чемъ согласно свидѣтельствуется и эта гробница». Михайлъ Малейнъ, конечно, родственникъ извѣстнаго намъ Евстаѳіа Малейна, былъ, въ то же время, родной дядя императора Никифора Фоки, глубоко уважаемый вѣнценоснымъ племянникомъ за подвижническую мовашескую жизнь: его мантия служила несчастному императору покровомъ въ роковую ночь, когда къ

слу; нужно читать *Δεκαπολίτην*. Магистръ Феодоръ Декаполитъ извѣстенъ какъ редакторъ нѣкоторыхъ новеллъ при Константинѣ VII и Романѣ. См. Moutreuil, Histoire du droit Byzant. II, 502; Zachariae, Jus Graeco-Rom. III, 261; Rambaud, L'empire grec, p. 67.

1) Въ изданіяхъ Крамера (p. 299) и всегда слѣдующаго ему Миня (col. 936) опять прочитано неправильно: «εἰς τὸν Μαλεῖνον» вмѣсто «εἰς τὸν Μαλεῖνον». Нужно кромѣ того въ текстѣ для полученія смысла читать не *ῥῶσις* (какъ напечатано, а *ῥῶσις*, чтò совершенно другое. <У Крамера напечатано въ 1-мъ стихѣ *Φῶσις*, а въ третьемъ *ῥῶσις*. Не слѣдуетъ ли читать тамъ и тутъ слово *φῶσις*? П. Н.>

нему проникъ въ спальню Цимисхій¹⁾). И патріархъ Поліевктъ, вѣнчавшій на царство преступнаго убійцу, почтенъ былъ Іоанн-
167 номъ Геометромъ, по смерти своей, длиннымъ стихотвореніемъ
(№ CVII, р. 312—314 Стам.).

Во многихъ мѣстахъ и въ разныхъ поэтическихъ изліяніяхъ нашъ писатель выражаетъ свое расположеніе къ монашеству и монашеской жизни. Стихотвореніе въ честь Студійскаго монастыря намекаетъ, что въ то или другое время—рано или поздно—онъ самъ удалился сюда отъ міра. По надписанію одного небольшого прозаическаго сочиненія, во вкусѣ уже чисто византійскомъ («О яблокѣ»), слѣдуетъ заключать, какъ уже и заключали, что онъ потомъ возведенъ былъ на епископскую кафедру²⁾. Мы, съ своей стороны, имѣемъ основаніе высказать предположеніе, что его архіерейская кафедра была именно митрополія Мелитинская, въ сосѣдствѣ съ которою имѣлъ родину и его отецъ, если это былъ Θεοδορὸς изъ Мисоіи³⁾. Но удаленіе изъ Константинополя, въ которомъ выросъ и получилъ воспитаніе Іоаннъ Геометръ, и который онъ называетъ своею родиною (πατρίς), послѣдовало никакъ не ранѣе 990 года, и нашъ писатель былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ всѣхъ бѣдственныхъ событій, ознаменовавшихъ начало царствованія Василия II.

Понятно, что онъ имѣетъ весьма мрачный взглядъ на это время. Между прочимъ, поэтъ часто жалуется на пренебреженіе къ наукѣ и образованію, на гоненія и насмѣшки, которымъ онъ самъ подвергался ради своихъ любимыхъ занятій. Изъ характеристики Василия II, принадлежащей Пселлу, мы знаемъ, что этотъ императоръ, отличный правитель и воинъ, не былъ большимъ почитателемъ писанной мудрости и современныхъ уче-

1) Leo Diacon. p. 83. Краткое житіе Михаила Маленна изъ стариннаго русскаго Пролога перепечатано Ф. Терновскимъ въ его сочиненіи «Изученіе Византійской исторіи». (Греческое житіе изложилъ Х. М. Лопаревъ въ Виз. Врем. IV 358 слл., издалъ L. Petit въ Revue de l'Orient chrétien VII 543 слл. = Bibliothèque hagiographique orientale éd. par L. Clugnet 4 (1903).)

2) Сочиненіе озаглавлено слѣдующимъ образомъ: Ἰωάννου πρωτοδρόνου τοῦ Γεωμετροῦ περὶ τοῦ μήλου: Migne, Patr. gr., 106, 847. О значеніи слова πρωτοδρόνος см. у Дюканжа; оно заставляетъ предполагать митрополію.

3) Городъ Мисоія (Μισοία) находился въ Ликаоніи, въ митрополіи Иконійской: см. Hieroclis Synecdemus 675, 3 p. 23 Burckh.

ныхъ, даже совсѣмъ презиралъ послѣднихъ¹⁾; взглядъ монарха, конечно, отражался на поведеніи его приближенныхъ:

«Добродѣтель и знаніе печально сидятъ по угламъ и, оставленные въ пренебреженіи, горько оплакиваютъ — не свою судьбу, потому что по своей природѣ они почтенны даже для тѣхъ, кто чужды имъ, — оплакиваютъ самый царственный городъ, скорбятъ о скипетрѣ Рима и прекрасныхъ созданійхъ Римлянъ (Грековъ), поверженныхъ на землю, о благородныхъ градахъ, позорно пониравшихъ пятою иноплеменниковъ; оплакиваютъ процвѣтавшую долгія времена славу и пораженную силу вождя. Онѣ (добродѣтель и наука) смѣются надъ новыми деревянными мудрецами и надъ новыми законами новыхъ мудрецовъ». «Нынѣшніе мудрецы, которыхъ я скорѣе назову глупцами, говорятъ, что наука несовмѣстна съ (военнымъ) мужествомъ». «Персъ Киръ, Александръ Македонянинъ, Кесарь у Римлянъ были друзьями мудрецовъ, даже болѣе — сами были мудрецами, полными знаній; а нынѣ обвиняютъ, о горькая судьба, самую науку». «Не полезно, когда люди, чуждые образованія, имѣютъ въ рукахъ бразды правленія надъ народами и войскомъ. Если подъ ихъ властію господствуетъ всякое зло, пьянство, тиранія, хищничество, убійства, насиліе, то ясно, что, когда власть будетъ въ рукахъ лицъ противоположнаго характера, будетъ господствовать всякое благо: воздержность, мужество, побѣда, слава» и т. д. (№ CLIX, pp. 341. 342 sq. 347 Gram.).

Съ наибольшимъ удовольствіемъ поэтъ вспоминаетъ о времени Никифора Фоки, которому посвящаетъ нѣсколько стихотвореній, тогда какъ Цимисхій воспѣтъ только въ одномъ, при томъ не вполне къ нему благосклонномъ, такъ какъ поэтъ не умолчалъ о томъ преступномъ пути, которымъ онъ достигъ трона. «Любовь къ злой тиранніи обладала мною при жизни; я обогрѣлъ кровію свою десницу и похитилъ скипетръ власти», говоритъ о себѣ Цимисхій у Геометра (№ II, p. 268, 22—25 Gram.).

Переходимъ къ тѣмъ пьесамъ, которыя имѣютъ для насъ

1) Pselli Histor., p. 15, 4 sqq. ed. Londin.: τὸ δὲ πολιτικὸν οὐ πρὸς τοὺς γεγραμμένους νόμους, ἀλλὰ πρὸς τοὺς ἀγράφους τῆς αὐτοῦ εὐφροσύνης ἐκκυβερνα ψυχῆς ἔθεν οὐδὲ προσεῖχε λογίους ἀνδράσιν, ἀλλὰ τούτου δὴ τοῦ μέρους, φημί δὲ τῶν λογίων, καὶ παντάπασι καταπεφρονῆκει.

ближайшее значеніе и наибольшую важность, и приводимъ съ начала одно изъ стихотвореній въ честь императора Никифора.

«Шесть лѣтъ я богомысленно держалъ бразды народнаго правленія. Столько же лѣтъ оставался связаннѣмъ страшный Скиескій Марсъ. Предо мною склонялись города Ассирійцевъ, а равно и Финикіянь. Я покорилъ подъ нго неукротимый Тарсъ; я очистилъ острова, изгналъ варварское копье съ великаго Крита и величаваго Кипра. Востокъ и западъ трепетали предъ моими угрозами, податель богатства Нилъ и безплодная Ливія. Но я палъ среди дворца, не избѣгъ рукъ слабой женщины. Былъ у меня городъ, было войско и двойная внутри стѣна; но, во истину, нѣтъ ничего слабѣ смертнаго челоуѣка» (№ XLI, р. 290 Gram.).

Нечего и говорить о томъ, что ни продолжительность правленія (шесть лѣтъ), ни завоеванія Тарса и Крита не идутъ ни къ какому другому Никифору, кромѣ Никифора Фоки. Не съ 169 тою цѣлію, чтобы доказывать очевидную истину, и привели мы пьесу, а для того, чтобы имѣть возможность сопоставить съ нею другую, не находящуюся въ сборникѣ, изданномъ Крамеромъ, но также принадлежащую Іоанну Геометру и важную для насъ по указанію на враждебныя дѣйствія Русскихъ противъ имперіи.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ хроники Скилиція приводится стихотвореніе, начертанное на гробницѣ Никифора Фоки Іоанномъ, митрополитомъ Мелитинскимъ¹⁾:

«Тотъ, кто прежде былъ крѣпче мужей и меча, тотъ сдѣлался легкою добычею женщины и меча. Тотъ, кто своею силою держалъ въ рукахъ власть надъ всею землею, тотъ занимаетъ теперь малый уголокъ земли. Того, кто прежде былъ, думаю, лицомъ священнымъ для самыхъ звѣрей, того убила супруга, членъ, казалось, единаго тѣла. Тотъ, который и въ ночи не давалъ себѣ краткаго сна, спитъ теперь во гробѣ долгое время. Печальное зрѣлище! Но возстань нынѣ, царь, и собери цѣшихъ, конныхъ, копейниковъ, твое войско, фаланги и полки. На насъ устремляется русское всеоружіе (ὄπισθ' ἡμῶν Ῥωσικὴ πανοπλία); Скиескіе народы яростно порываются къ убійствамъ; всяческій языкъ (πάντες ἔθνος) разоряетъ твой градъ—(иноплеменники), которыхъ прежде пугалъ одинъ твой образъ, начертанный впереди воротъ Византіи. Нѣтъ, не презри этого: сбрось камень, который держитъ тебя, и прогони каменьями сихъ звѣрей—иноплеменниковъ; дай также намъ прочное основаніе на неподвижномъ камени. Если же нѣтъ, если ты не хочешь прикинуть немного изъ гроба, то грядь изъ земли народамъ однимъ твоимъ

1) См. въ Боннскихъ изданіяхъ Кедрина II, 378 и Льва Діакона р. 453: 'Εν δὲ τῇ σοφῇ αὐτοῦ ὁ Μελιτινῆς μητροπολίτης Ἰωάννης ταῦτα ἐπέγραψε.

голосомъ; можетъ быть, это одно разсѣять ихъ и обратить въ бѣгство. Если же и это тебѣ не угодно, то прими всѣхъ насъ въ твою гробницу; ибо и мертвый ты, во всемъ побѣдоносный (Никифоръ), кромѣ женщины, будешь имѣть достаточно силы, чтобы спасти толпы христіанъ».

Настроеніе, тонъ и языкъ здѣсь совершенно тѣ же, какъ во всѣхъ подобныхъ произведеніяхъ Іоанна Геометра. Что же касается момента, который имѣетъ въ виду приведенное стихотвореніе, то всего скорѣе слѣдуетъ разумѣть весну 970 или 972 года, когда Русь Святослава и союзники ея Печенѣги и Угры разоряли Фракію и Македонію, разрушили до основанія Филиппополь и, дѣйствительно, висѣли грозой надъ самымъ Константинополемъ¹⁾. Только указаніе на то, что императоръ Никифоръ давно спитъ въ гробницѣ, если на немъ особенно напирать, противорѣчило бы этому объясненію. Время Василия II, которымъ гораздо болѣе занимается нашъ поэтъ, и къ которому относятся 170 почти всѣ подобныя пьесы, могло быть изображаемо тѣми же красками; только подъ Скиѳами тогда слѣдовало бы разумѣть Болгарь, а подъ «русскимъ всеоружіемъ» враждебныя дѣйствія Владиміра около 986—988 года.

Слѣдующее стихотвореніе (№ VII, р. 274 Стам.), не совсемъ отчетливое по своему содержанію, относится, очевидно, къ борьбѣ между Вардою Склиромъ и Вардою Фокой; оно озаглавлено: «На (междоусобную) борьбу Римлянъ» (то есть, Грековъ).

«Еще разъ земля возрастила сѣмя дракона, мужей гигантовъ взаимно-губительныхъ. Странное зрѣлище, дѣло чуждое вѣры: мѣдное лицо, желѣзное тѣло, ярость звѣря и страшный взглядъ Горгоны. Но гдѣ тотъ противникъ гигантовъ, тотъ, это одинъ мужественно нападаетъ на всѣхъ, тотъ мужъ другого образа и способный являться въ различной формѣ: свѣтлый, какъ золото, по красотѣ и крѣпкій, какъ желѣзо, сложеніемъ тѣла; огонь по быстротѣ движенія, левъ, когда его вызовутъ (на бой), адамантъ по твердости; «Аргось», кругомъ озирающійся молніеноснымъ взглядомъ, дышущій кровію и убійствомъ?— Не какой-либо адамантъ, не желѣзо, не камень, ни даже золотой или какой-либо гигантъ, но триада, представляющая сліяніе трехъ свойствъ: мужества, разума, силы къ труду, какъ бы вмѣстѣ соплетающихся для борьбы,—покажетъ, какъ велика сила добродѣтели. Какъ въ борьбѣ гигантовъ и титановъ, стоитъ хоръ звѣздъ. Зря это, съ высоты спустилась слава, прекрасно вѣнчая добродѣтели побѣдами».

1) Leo Diapom, p. 117, 6: τὴν τῶν Ῥῶς σφαδάζουσαν κατὰ τῶν Ῥωμαίων ἐπήλυτον.

Гораздо яснѣе и для насъ любопытнѣе тѣ небольшія стихотво-
 ренія въ которыхъ прямо говорится о болгарскомъ возста-
 ніи. Одно изъ нихъ <XXIV> въ изданіяхъ Крамера <р. 283> и
 Миня <col. 920> озаглавлено такъ:

πλ
 εἰς τὸν κομῆτ.

Такое странное въ печатномъ новомъ изданіи начертаніе
 двухъ буквъ наверху, конечно, передаетъ намъ вѣрно рукопис-
 ное сокращеніе слова, но въ то же время показываетъ малое
 знакомство издателей съ болгарскою и византійскою исторіей.
 Слѣдуетъ читать: «На комитопула» (εἰς τὸν κομητόπουλον)¹⁾. Ко-
 митопулами, какъ извѣстно, назывались предводители болгар-
 скаго возстанія, сыновья комита Шишмана, Самуилъ, Ааронъ и
 другіе. Здѣсь, очевидно, слѣдуетъ разумѣть царя Самуила:

«Вверху комета жгла эфиръ; внизу комѣтъ (κομήτης) опустошаетъ
 западь. Та звѣзда—символь теперешней тьмы; она умѣрялась (пчезала,
 смирялась) съ восходомъ Луцифера (солнца). А эта другая (комета,
 171 κομήτης, то есть, комѣтъ или комитопулъ; поэтъ играетъ словами) воз-
 жглась съ закатомъ Невифора. Сей страшный тифонъ, рожденный отъ
 злодѣевъ, все сожигаетъ: гдѣ рыканья твоей силы, вождь непобѣдимаго
 Рима? По природѣ царь и на дѣлѣ Невифоръ (Никифоръ значить побѣ-
 доносный), немного приникнуть изъ гроба, рыкни, левъ, и научи лисницъ
 жить между скалами».

Комета, съ которою сравнивается сынъ комита, комѣтъ или
 комитопулъ Самуилъ, есть, конечно, та комета, которая явилась
 передъ смертію Цимисхія, лѣтомъ 975 года. Но, по своему обы-
 чаю, поэтъ не желаетъ говорить о Цимисхіи рядомъ съ Ники-
 форомъ: хотя болгарское возстаніе вспыхнуло только по смерти
 Іоанна I, онъ представляетъ дѣло такъ, какъ будто это сдѣла-
 лось вслѣдствіе смерти Никифора Фоки. Не Цимисхія и вызы-
 ваетъ онъ изъ гроба, а, какъ всегда, Никифора. Нечего указы-
 вать на сходство въ заключеніи пьесы съ вышеприведенною над-
 писью на гробницѣ Фоки митрополита мелитинскаго Іоанна,
 то есть, по нашему мнѣнію, Геометра.

Тотъ же самый Никифоръ вызывается и въ слѣдующемъ

1) Обыкновенно, впрочемъ, пишется κομητόπουλος: такъ постоянно у Ке-
 дрина.

стихотвореніи, написанномъ послѣ пораженія Грековъ въ тѣснинѣ (клизурѣ) Родопской, что, какъ извѣстно намъ теперь, случилось въ 986 году, при отступленіи отъ Срѣдца-Сардики. Стихотвореніе <№ LXIII, р. 296 Стат.> озаглавлено: «На пораженіе Римлянъ въ Болгарской тѣснинѣ» (Εἰς τὸ πάθος Ῥωμαίων τὸ ἐν τῇ Βουλγαρικῇ κλείσει):

«Если бы даже солнце сошло со своего мѣста, я все-таки не подумалъ бы, что стрѣлы Мисянъ будутъ сильнѣе копій авсонійскихъ (римскихъ). Пропадите, деревья, злая горы, пропадите, мрачныя скалы! Здѣсь левъ содрогнулся предъ (робкими) ланями. Когда ты, Фаэонтъ (солнце), скатишь подъ землю златоблестящую колесницу, повѣдай великой душѣ кесаря вотъ что: «Душай похитилъ вѣнецъ Рима; возьми скорѣе за оружіе. Стрѣлы Мисянъ одержали верхъ надъ копытами Авсоновъ».

Рядомъ слѣдуетъ поставить стихотвореніе <№ XXII, р. 282 Стат.> «На Болгаръ» (Εἰς τοὺς Βουλγάρους), къ несчастію, сохранившееся или напечатанное не вполнѣ, именно съ пропускомъ одного стиха по срединѣ. Смыслъ цѣлаго, впрочемъ, понятенъ; топъ его, очевидно, саркастическій:

«Примите, Фракійцы, Скивовъ своими союзниками противъ друзей, прежнихъ союзниковъ противъ Скивовъ¹⁾. Ликуйте и рукоплещите, племена болгарскія. Вы имѣете теперь и носите скипетръ, діадему, а равно 172 и пурпуръ.... (Здѣсь пропускъ одного стиха). (Онъ) васъ переодѣнетъ и завлечетъ ваши шеи подъ длинное ярмо, а ноги забьетъ въ колодки; исполосуетъ частыми ударами спины и чрево — за то, что, отказавшись работать, вы осмѣлились носить ихъ (то есть, пурпурныя одежды и діадему) и этимъ вичитесь».

Стихотвореніе, во многихъ отношеніяхъ заслуживающее особеннаго вниманія. Подъ Фракійцами, несомнѣнно, разумѣются Греки; если жъ ихъ друзья и прежніе союзники суть Болгары, какъ это ясно само собою, то подъ Скивами могутъ быть понимаемы только Русскіе. Противъ нихъ Болгары боролись вмѣстѣ съ Греками во времена Цимисхія и Святослава; но теперь отношенія представляются измѣненными: Скивы, то есть, Русскіе, будутъ союзниками Грековъ противъ ихъ прежнихъ друзей и

1) Κατὰ Σχολῶν πρὶν συμμάχους, νῦν δὲ Σχίδας Ἀήφοισθε, Φράγκες, συμμάχους πρὸς τοὺς φίλους. Предлогъ πρὸς здѣсь можетъ быть понятъ только во враждебномъ смыслѣ, какъ въ выраженіяхъ: πρὸς Τρώας μάχεσθαι (Гомеръ), διαγωνίζεσθαι πρὸς τοὺς πολεμίους (Ксенофонтъ) и т. п.

союзниковъ, Болгаръ. Такъ какъ стихотвореніе должно относиться ко времени болгарскаго возстанія при Самуилѣ — оно и стоитъ рядомъ со стихами на Комитопула, — то съ точки зрѣнія русской исторіи это есть время князя Владиміра. Однимъ словомъ, мы находимъ здѣсь намекъ, который уже отмѣтили выше, на заключеніе союзнаго договора между Василіемъ II и Владиміромъ, намекъ на то, что первое обращеніе Византійскаго двора къ Кіевскому князю вызвано было опаснымъ для имперіи развитіемъ болгарскаго возстанія, вѣроятно, послѣ 986 года, послѣ пораженія при Сардикѣ и современно съ первымъ взрывомъ и успѣхами возмущенія Варды Фоки. Мы можемъ догадываться, что шести-тысячный русскій корпусъ, очутившійся въ византійской столицѣ весною 989 года, прибылъ сухимъ путемъ, чрезъ Болгарію, вызванный туда, гдѣ грозила наибольшая опасность, и что именно къ нему могутъ относиться слова Іоанна Геометра... Что же касается діадемы и другихъ знаковъ царскаго достоинства, присвоеніе которыхъ Болгарами возбуждаетъ такое негодованіе византійскаго патріотизма, то мы знаемъ, что, дѣйствительно, въ 1018 году, послѣ взятія Охрида, столицы Самуила, Василій II нашелъ здѣсь «діадемы изъ жемчуга и вышитыя золотомъ одежды» (Сedren. II, 468, 12: *στέμματα ἐκ μαργάρων καὶ χρυσοφείς ἐσθῆτας*). Очень позднее и само по себѣ подозрительное свидѣтельство другого болгарскаго царя, Ивана Асѣня, обратившагося, послѣ новаго возстановленія національнаго болгарскаго государства, за царскимъ вѣнцомъ къ папѣ, утверждаетъ, что и Стефанъ Самуилъ, за два столѣтія ранѣе того, получилъ «корону и благословеніе», отъ святаго Римскаго престола¹). Современный византійскій поэтъ, повидимому, не подтверждаетъ тенденціозныхъ ссылокъ Ивана Асѣня на исторію. Собственно о царской коронѣ у него не говорится; а діадема, скипетръ, багряница въ его представленіи суть произведенія мѣстнаго византійскаго искусства, тѣхъ знаменитыхъ византійскихъ фабрикъ, на которыхъ работали, подъ надзоромъ царскихъ чиновниковъ, люди разныхъ національностей и на кото-

1) Theiner, *Vetera monumenta Slavorum meridion.* I, pp. 16. 28: письма Асѣня: одно отъ 1202 года, другое 1204. Ср. Rački, *Borba južnih Slovena* (Rad Jugosl. Akad. XXIV), 100.

рыхъ, по взгляду Геометра, осуждены были работать и Болгары¹⁾.

Небольшое стихотвореніе (№ XXI, р. 282 Стам.) «На грузинскіе грабежи» (Εἰς τὰς τῶν Ἰβήρων ἀρπαγὰς) стоитъ рядомъ съ сейчасъ приведеннымъ стихотвореніемъ на Болгаръ, но указаніе на комету и землетрясеніе заставляетъ относить его къ осени 989 года или же къ веснѣ 990:

«Не снѣскій огонь, но грузинское насиліе движеть теперь западъ на востокъ. Вотъ что предвѣщали землетрясеніе и долгій блескъ невиданныхъ звѣздъ. «Македонская земля», зачѣмъ будешь напрасно обвинять Скъеовъ, когда ты видишь, что твои друзья и союзники совершаютъ такія дѣявія (такъ дѣйствуютъ)?»

Участіе Грузинъ въ греческихъ междоусобіяхъ во время Василия II хорошо извѣстно какъ изъ византійскихъ источниковъ, такъ и собственно изъ грузинскихъ. Въ грузинской хроникѣ и въ житіи св. Евфимія Грузинскаго повѣствуется, какъ во время перваго бунта Варды Склира императрица Теофанъ, мать Василия II, обратилась съ просьбою о помощи къ куропалату Давиду, властителю Грузіи. Торникъ (Торникій), знатный Грузинъ, принявшій монашество на Аѳонѣ, въ монастырѣ, недавно основанномъ св. Аѳанасіемъ, его родственникомъ, былъ отправленъ съ письмами къ Давиду Грузинскому. Согласно съ просьбою императрицы, куропалатъ Давидъ прислалъ вспомогательный корпусъ въ 12,000 человекъ, начальство надъ которымъ принялъ самъ Торникъ, еще не забывшій своего прежняго военного ремесла. Именно этому отряду обязанъ былъ императоръ и его полководецъ (Варда Фока) пораженіемъ бунтовщика, принужденнаго бѣжать къ Сарацинамъ (въ Персію). Грузины воротились на родину, отягченные богатою добычею; на счетъ ея¹⁷⁴ былъ выстроенъ на Аѳонѣ Грузинскій (Иверскій) монастырь Портaitиссы, то есть, привратницы, такъ названный ради чудотворной иконы, недавно прибитой волнами къ монастырю св. Аѳанасія и помѣщенной надъ входомъ монастырскимъ: это зна-

1) Одно изъ менѣе извѣстныхъ указаній на существованіе этихъ фабрикъ находится въ житіи св. Антонія, патріарха Константинопольскаго († 891); здѣсь говорится о чиновникахъ, qui praeeerant texendae lanae sericae imperatoris: Acta SS. Bolland., Februar. tom. II, 628, § 26.

менитая Иверская Богородица, копии съ которой почитаются у насъ въ Москвѣ¹⁾. У Геометра, конечно, не разумѣется подь грабежами добыча, получившая такое хорошее употребленіе... Во время мятежа Варды Фоки Грузины уже не были защитниками права и законнаго государя, а, напротивъ, составляли главную опору мятежника, и когда онъ палъ въ сраженіи около Абидоса въ борьбѣ съ Русскими (апрѣль 989), то часть ихъ пристала, повидимому, къ прежнему врагу Склиру, а другіе продолжали борьбу на свой страхъ. Армянскій историкъ (Асохикъ, стр. 180) пишетъ, что изъ числа отложившихся вмѣстѣ съ Фокою еще оставались нѣкоторые, какъ, на примѣръ, магистръ Чортванель, племянникъ (по брату) монаха Торника, засѣвшій въ странахъ Держана и Тарона; они были разбиты и усмирены только въ 990 году, когда противъ нихъ посланъ былъ патрицій Іоаннъ. Къ этому моменту, то есть, къ разбоямъ грузинскимъ послѣ смерти Варды Фоки, и относится стихотвореніе Іоанна Геометра. Болгарское возстаніе — ибо подь Скивами здѣсь разумѣются Болгары — предполагается еще какъ предметъ обшихъ жалобъ.

Мы приберегли для заключенія два болѣе длинныя и болѣе яркія произведенія, въ которыхъ рисуется настроеніе умовъ въ Византіи въ памятные для нея годы, и бѣдствія, надъ нею разразившіяся. Очень живое, можетъ быть, единственное въ византійской литературѣ, описаніе бѣдствій земледѣльца и крестьянина дѣлаетъ первое изъ нихъ (*Εἰς τὴν ἀποδημίαν*) особенно драгоцѣннымъ. Указаніе на страшную весеннюю засуху заставляетъ его относить къ веснѣ 989 года; но тутъ же говорится о какомъ то намъ неизвѣстномъ пожарѣ, истребившемъ множество домовъ и людей въ столицѣ. Намеки на продолжающееся междоусобіе на востокѣ, на скинскіе набѣги на западъ — понятны сами собою. Сыны Амалика, производящіе грабежъ почти подь стѣнами Константинополя, вѣроятно — тѣ же Болгары. Что касается второго стихотворенія «На возстаніе» (*Εἰς τὴν ἀπόστασιν*), то, конечно, здѣсь разумѣется возстаніе Склира (послѣ освобожденія

1) Histoire de la Géorgie, trad. par Brosset, I. 293, 304. Здѣсь приведено извлеченіе изъ греческаго рукописнаго житія св. Аванасія въ Московской синодальной библиотекѣ. Ср. Additions et éclaircissements, p. 177.

изъ темницы, въ которую засадилъ его Фока); по указаніямъ на комегу и землетрясенія въ Константинополь, можно догадываться, что пьеса написана не ранѣе осени 989 года.

«На разлуку съ родиной (Εἰς τὴν ἀποδημίαν)» <№ СХХV, р. 322 sqq. Gram.>

«Въ мѣсяцѣ Дистрѣ (мартѣ), оставивъ очагъ Византіи, я отправился въ городъ Силиврію. Видя еще блестящій мечъ, и свирѣпствующую сѣкиру соотечественниковъ, и востокъ, остервенѣвшій на убійства, знакомый въ городѣ (столицѣ) съ рыданіями и слезами, я смотрѣлъ на западъ какъ на тихую пристань. Но не усилъ я миновать устья Аенра, какъ вижу бѣшеную толпу сыновей Амалка, останавливающихъ безвременно путниковъ, похищающихъ пропитаніе бѣдныхъ людей и имущество; (слышу) рыданія мужей, женъ и дѣтей; (вижу) благородныхъ дѣвъ-черницъ, обнажаемыхъ и простирающихъ къ верху свои руки, призывая во свидѣтельство зрящую правду. Вотъ первыя (впечатлѣнія) моего путешествія. Совершая далѣе свой бѣгъ, я вижу дѣло, достойное воздыханій и плача—поля, треснувшія до глубины, зіющія отъ засухи и совсѣмъ разсѣвшіеся, колосья поблекшіе и поникшіе, какъ будто мертвые, совсѣмъ увядшіе. Земледѣльцы, склонившіеся въ трудахъ надъ землей, говорили: «Погибла надежда, вотще уходитъ всякій трудъ; ничего не сдѣлали (достигли) эти изможденные руки; все пропадаетъ, все горитъ... Добрыя надежды сулило намъ... было хорошее начало... но смотри: бичи бездождія посѣкли (хлѣбный) всходъ. Кто уплатитъ лежащія на насъ тягости долговъ? Кто впредь будетъ кормить нашихъ женъ и дѣтей? Кто внесетъ подати и другія повинности въ казну кесаря? Кто всему удовлетворитъ? Нѣтъ никого. Но не напрасно ты зіяешь, земля; прими виѣсть съ жатвою и насъ, на то готовыхъ. Ужъ мы не выдержимъ долго страданій голода... лучше скорый конецъ!» Такъ, насыщенный печалью и слезами, я нашелъ въ полѣ (деревнѣ) одно напомнаніе бѣдствій и ничего пріятнаго, ласкающаго мою душу. Я не видѣлъ цвѣтовъ, но терніи и волчцы; я не слышалъ музыкальной пѣсни кузнечиковъ, чирикающей ласточки и пѣзнаго соловья: все было погружено въ печаль. Серебристый, прозрачный, легкій и сладкій источникъ — прохладное купанье и пріятное питье — не струился болѣе и своимъ пѣжнымъ журчаніемъ не склонялъ въ пріятный сонъ лежащаго. Мягкая и зеленая мурава не предлагала безъ труда приготовленнаго ложа. Все украшеніе земли было уничтожено (буквально: сброшено); какъ будто доконы, кто-то обрѣзалъ зелень, древесныя вѣтви и всю красоту цвѣтовъ. Ибо солнце, сурово смотря на землю полуденнымъ образомъ и бросая лучи на безвлажныя, высохшія поля, обращало въ пепель самыя камни. Съ бронзоваго, какъ уголь темнаго неба часто сыргиваютъ звѣзды на подобіе искрообразныхъ вспышекъ молніи. Не скиескій огонь жегъ западъ; но огонь неба, провидѣніе и судъ попадали землю, оскверненную беззаконною завистію, хищничествомъ, разбоями, ложными клятвами, неестественнымъ блудомъ, неказанными дѣяніями и сплетеніями злодѣйствъ... Проведя

цѣлыя двѣ десятирицы луны (τῆς δεκάτης εἰκάδα), грустный и мрачный, 176 я рѣшился воротиться въ отечество, неся съ собою ношу бѣды и горя. Направивъ на это мысли и уже собравшись (въ путь), я услышалъ еще нѣчто новое. Огонь, среди полудня возгорѣвшійся въ срединѣ роднаго города, доказалъ, что и казнь Содома была еще мала. Ибо уже не хижины крестьянскія и не крестьянъ, не деревья и землю, не два села поразило это бѣдствіе (о ужасъ суда!), но мужей благовоспитанныхъ и благогорожденныхъ, дѣтей, младенцевъ, женщинъ, цвѣтущихъ юношей, высочайшіе и прекрасные, полные богатства дома, великолѣпные храмы и громадныя усадьбы (χωρία), золотые сосуды и вышитую золотомъ порфиру, янтарь и груды серебра, изысканную красоту жемчуга, ворохъ несчетныхъ ароматовъ, всякихъ одеждъ и богатствъ, и безчисленныя мѣриады мѣриадъ плодовъ; (я узналъ) о разливѣ свинца на подобіе моря и красотѣ жемчуга, превращенной въ уголь. Еще не все было сказано, и къ повѣсти присоединялась еще страшная повѣсть, что многихъ застигло бѣдствіе рушащихся зданій (συνπτωμάτων πᾶθος — συνπτωματα = συνπτωσις?); и родная земля сдѣлалась для нихъ печальною гробницею.. Я сказалъ себѣ: какими глазами я буду впредь смотрѣть на мертвую, поверженную родину, носящую одинъ образъ бѣдствій, или какъ я снесу видъ опустѣвшей красоты и столь великой красоты, вида трупы непогрѣбенныхъ мертвецовъ? Не долженъ ли я буду молить, чтобы предо мною разступилась земля, разступилась глубоко? Или какъ я перенесу стенапія и плачь, страдапія и многія слезы друзей?.. Такъ раздѣленный въ мысляхъ на двое — между горестями полей и бѣдствіями родины — я нашелъ, что меньше бѣдствія поля (деревни), и избралъ поле, какъ нѣчто лучшее».

Слѣдуетъ второе стихотвореніе <№ V, р. 271 Gram.>.

«Источай пѣнь, небо, кровавый дождь; одѣвьяся, воздухъ, печальною тьмою; разступись и тресни, земля, раздроби деревья, разметай ихъ, какъ локоны, и стенай, одѣвъ свое лицо черною одеждою вмѣсто зеленой. Весь востокъ обливается родною кровію, и мечъ раздѣляетъ близкіе, увь, роды и члены. Отецъ порывается къ убійству своихъ сыновей, и сынъ обагрываетъ десницу отеческою кровію; и, о горькое зрѣлище! поднимаетъ сѣкиру братъ противу груди братней. Смятенная земля, послѣ многихъ содраганій, подается внизъ, и палящіе огни сверху обращаютъ въ пепель самую пыль. Города, повергнувъ на землю и разметавъ, какъ волосы, зубцы своихъ стѣнъ и опоры своей крѣпости, горько рыдаютъ, какъ печальныя дѣвы. Чада Агарі одолѣвають, и тѣ города, которые прежде платили намъ дань, теперь требуютъ платы за нашу же пролитую кровь и гордо торжествуютъ. Вотъ что видимъ мы на востокѣ. А то, что дѣлается на западѣ — какое слово намъ это расскажетъ? Толпа Скиносовъ, какъ будто на своей родинѣ, рыщеть и кружить здѣсь по всѣмъ направленіямъ. Какъ землю, произрастающую благородныя вѣтви, они съ корнемъ вырываютъ крѣпкую породу желѣзныхъ мужей; и мечъ дѣлать пополамъ поколѣнія младенцевъ: одни достаются матери, другихъ врагъ вырываетъ у нея насиліемъ своихъ стрѣлъ. Прежде крѣпкіе города — теперь легкой прахъ; табуны лошадей — тамъ, гдѣ жили люди. Видя

это, какъ перестану отъ слезъ? Такъ истребляются страны и села. А ты, царственный очаръ, Византія! скажи мнѣ, до какой участи дошелъ ты, городъ, столько же теперь побѣждающій другихъ бѣдствіями, сколько прежде счастьемъ! — Не потрясаешься ли ты ежедневно? Не ругаешься ли самъ основанія (фундаменты) твои и разрываются отъ труса? И выросшіе въ твоихъ объятіяхъ твои отростки—одни, ты видишь, сдѣлались добычею меча въ битвахъ, гдѣ они пали подъ ударами своихъ близкихъ; другіе, вмѣсто свѣтлыхъ и красныхъ дворцовъ, осуждены жить на пустынныхъ островахъ, пританвъ свое дыханіе, въ разсѣлинахъ и между скалами. И всѣ эти страданія (о суды твои, Судія!) ни одного каменнаго сердца не смягчатъ; никто не хочетъ примириться съ ближнимъ, никто не прольетъ насильственной слезы покаянія. Солнце превратилось во тьму, и свѣтъ луны скрылся; и новая звѣзда, невѣроятное чудо, снова зажглась (*καὶ καινὸς ἀστὴρ—καινῆς ἀνῆφθη*); а мой гнѣсти и мои грѣхамъ нѣтъ счета. Но яви милосердымъ, милосердое Слово, лицо твое благое; прекрати взаимноистребительныя убійства, узы, плѣненія, брани, возмущенія, бѣгства, преслѣдованія, хищенія, пени и суды. Я вѣдаю, что ты сжалился и надъ Ниневією, градомъ, и помиловалъ народъ согрѣшившій. Ибо мы—твое стадо, купленное твоею кровію, и я—твое жилище, Христе. Это вопіеть къ тебѣ твой градъ: не презри, зря бѣдъ пучины, ибо до чего (дойдутъ) наши бѣдствія?».

Къ этому мы прибавимъ еще двѣ выдержки, которыя также заслуживаютъ вниманія, хотя въ различныхъ отношеніяхъ. Въ одномъ изъ стихотвореній, представляющихъ переложеніе (*μετάφρασις*) церковныхъ пѣснопѣній въ свободной поэтической формѣ и съ нѣкоторымъ примѣненіемъ къ современнымъ обстоятельствамъ, Іоаннъ Геометръ говоритъ, какъ будто отъ имени трехъ вавилонскихъ отроковъ: «Праведенъ еси, Господи, и правы суды твои... Праведно — все, что ты навелъ нынѣ на насъ и на твой всехвальный городъ (*πανολβίω πόλει*), городъ сильный, отечество наиболѣе тебѣ любезныхъ. Ты предалъ насъ въ злыя руки враговъ невѣрныхъ, беззаконныхъ, челоуѣкоубійственныхъ (*μιαφόρων*), страшному царю и тирану (*δεινῷ βασιλεῖ καὶ τυραννικωτάτῳ*), превосходящему въ лукавствѣ (*πονηρίᾳ*) всѣхъ на землѣ» (№ CLXIX, р. 361 Стам.). Кто здѣсь разумѣется подъ царемъ, соотвѣтствующимъ Навуходоносору, сказать довольно трудно: всякая догадка была бы рискованною.

Въ другомъ отношеніи имѣетъ интересъ двустипіе «На святаго Власія» (№ XXXII, р. 285 Стам.):

«Какъ пріятный телець церковнаго стада,
«Ты поставленъ, Власій, великимъ стражемъ быковъ».

Ὡς μόσχος ἡδὺς θρασιμάτων ἐκκλησίας,
 Βοῶν ἐτάχθη, Βλάσιε, φρουρὸς μέγας.

Въ буквальной значеніи слова «быковъ», сближающемъ Власія со скотыимъ богомъ Волосомъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Двустипію на Власія предшествуетъ другое — «На 178 св. Кирика, стоящаго посреди виноградниковъ», и объ этомъ послѣднемъ святомъ точно такъ же сказано:

«Какъ нѣкая благородная вѣтвь винограда, явившись
 «Мученикомъ Христа, ты поставленъ стражемъ надъ виноградниками».

Не лишено значенія и третье тутъ же стоящее двустипіе «На одного человѣка, посѣтившаго Элладу и одичавшаго»:

«Не варварскую землю, но Элладу увидѣвъ,
 «Ты обратился въ варвара и рѣчью и нравомъ».
 (ἐβαρβαρώθη καὶ λόγον καὶ τὸν τρόπον).

Нѣтъ сомнѣнія, что сочиненія Іоанна Геометра вообще и въ особенности его поэтическіе опыты заслуживаютъ изученія съ разныхъ точекъ зрѣнія, особенно — какъ живой и наглядный памятникъ образованности и культуры византійской въ концѣ X вѣка, какъ доказательство живучести классическихъ литературныхъ преданій и формъ языка въ самыя, повидимому, темныя времена византизма. Указавъ и отмѣтивъ чисто историческій матеріалъ, заключающійся въ этихъ сочиненіяхъ, мы ужъ исполнили свою задачу.

III.

ЗАМѢТКА О ПѢШИХЪ И КОННЫХЪ ¹⁾.

Πρὶν ἐξετάσῃς, μὴ μέμψῃ.

Мы должны еще разъ возвратиться къ отрывку изъ Атталіоты, о которомъ мы разсуждали въ статьѣ о «Варяго-русской дружинѣ въ Константинополѣ» (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, мартъ, 1875 г., стр. 125—127) ²⁾.

Такъ какъ отъ правильнаго объясненія этого отрывка въ извѣстной степени зависитъ самое существованіе Варяго-Русовъ, погребенныхъ нѣкоторыми русскими изслѣдователями, но воскрешаемыхъ нами въ новомъ видѣ, то мы считаемъ своею обязанностью охранять Атталіоту отъ всякихъ покушеній извратить прямой смыслъ его, по нашему убѣжденію, вполне яснаго разсказа.

Очень недавно въ статьѣ ³⁾, которая, конечно, извѣстна тѣмъ, кто считаетъ нужнымъ слѣдить за вопросомъ о Варяго-Руси (если только существуютъ такіе люди), намъ сдѣланъ былъ упрекъ, что мы въ своемъ переводѣ подразумѣваемаго отрывка невѣрно передали слова писателя, а затѣмъ неправильно истолковали весь разсказъ. Вмѣсто нашего объясненія было предло-

---

1) «Журн. Мин. Нар. Пр. Часть 184 (мартъ 1876 г.), отд. II, стр. 178—187.»

2) «= «Труды В. Г. Васильевскаго», I, 345—348.»

3) «Д. И. Иловайскаго въ Древн. и Нов. Россіи 1876 г. № 2 = Разысканія о началѣ Руси, 2 изд., стр. 357 слд.»

179 жено другое, якобы болѣе правильное, и высказано сожалѣніе, что «случайное недоразумѣніе» послужило главнымъ основаніемъ для нашего вывода о тождествѣ византійскихъ Варанговъ съ русскимъ корпусомъ въ Византіи. Наконецъ, даже сдѣлано предложеніе составить специальную комиссію изъ ученыхъ и безпристрастныхъ знатоковъ дѣла для рѣшенія вопроса, кто ближе къ истинѣ при объясненіи извѣстія Атталіоты.

По нашему мнѣнію, все это — напрасная трата словъ, ибо вопросъ, касающійся значенія двухъ-трехъ греческихъ выраженій, въ сущности весьма простъ и можетъ быть рѣшенъ при помощи средствъ, такъ сказать, совершенно школьныхъ.

Нужно, однако, чтобы былъ на лицо самый объектъ спора.

Разсказъ Атталіоты (р. 251, 21 — 255, 2), въ которомъ идетъ рѣчь объ экспедиціи Алексѣя Комнина и Франка Урселя, отправленной изъ Константинополя къ Аѳиру противъ одного бунтовщика, тамъ стоявшаго со своими Македонянами, переведенъ былъ нами слѣдующимъ образомъ:

«Русскіе корабли, получившіе приказаніе напасть съ моря, подали знакъ воинамъ на сушѣ (τοῖς κατ' ἤπειρον στρατιώταις), чтобъ они утромъ въ одно время съ ними (Русскими) подступили къ Аѳиру, заперли тамъ внутри противника со всѣми его сообщниками и, вступивъ съ нимъ въ бой, оборотили его (къ морю) и такимъ образомъ загнали бы всѣхъ какъ бы въ сѣти подъ руку ихъ самихъ (Русскихъ), отъ которой враги наши бы плѣнь или убійство. Это былъ планъ ясный, стратегическій и общающій хорошій уловъ добычи. Но въ своемъ исполненіи, не будучи вполне соблюденъ, онъ погубилъ плоды побѣды. Ибо, хотя и сошлись въ одномъ и томъ же мѣстѣ сухопутное и морское войско (συνήρουντο μὲν γὰρ ἐν ταύτῳ τὸ τε πεζικὸν καὶ ναυτικὸν στρατεύμα), но воины сухопутнаго отряда (οἱ τῆς πεζικῆς μοίρας στρατιῶται), отправившись впередъ къ городку, уклонились отъ своего пути, замѣтивъ какихъ-то Македонянъ, расположившихся въ отдаленіи на поляхъ, и желая захватить ихъ: ихъ-то они не поймали и промахнулись въ своей попыткѣ, да и съ Варягами не соединились (τοῖς δὲ Βαράγγοις οὐ συνεδύασαν), когда тѣ подступили къ Аѳиру. Между тѣмъ Варяги все-таки, разломавъ ворота, проникли внутрь городка и еще раннимъ»

утромъ бились полнымъ боемъ съ приверженцами Вріеннія (*δμως δ' οὖν οἱ μὲν Βάραγγοι — καθήγωνίσαντο*). Но послѣдніе, будучи конниками (*ἰππότες*), сѣли на лошадей и устремились въ бѣгство. Такъ какъ на сухомъ пути не было видно военныхъ людей, которые могли бы встрѣтить ихъ (*μὴ οὐτων δὲ τῶν ἐν ἡπειρῶ στρατιωτῶν κατ' ὄψιν αὐτῶν καὶ ὑπάντησιν*), то они избѣгли гибели. Позже явился Урсель вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Але- 180 ксѣмъ и погнались сзади, но когда они хотѣли продолжать преслѣдованіе, то не нашли послушанія у собственныхъ воиновъ, такъ какъ они боялись исхода. Нѣсколько Македонянъ все-таки пало въ замкѣ отъ Русскихъ (*ἔπεσον δὲ τινες Μακεδόνες ἐν τῷ κάστρῳ παρὰ τῶν Ῥῶς*); другіе были взяты въ плѣнъ (ими же), а равнымъ образомъ и конниками (*ὁμοίως δὲ καὶ παρὰ τῶν ἰπποτῶν*)».

Смыслъ всего этого разсказа, по нашему мнѣнію, можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ:

Сухопутные Греки должны были соединиться съ Русскими (прибывшими моремъ) и вмѣстѣ съ ними напасть на крѣпость. Но сухопутные Греки не соединились съ Варягами, какъ это было предположено, и эти послѣдніе одни проникли въ крѣпость. Здѣсь, при взятіи крѣпости, Русскими было убито нѣсколько мятежниковъ, хотя большинство спаслось, благодаря уклоненію въ сторону сухопутныхъ Грековъ и только позднему ихъ возвращенію.

Другими словами: русскіе корабли, морское войско или морской отрядъ (*τὸ ναυτικόν*), Варяги и, наконецъ, опять Русскіе — одно и то же. Воины на сушѣ, сухопутное войско, военные люди на сухомъ пути и конники — одно и то же. И кромѣ сухопутныхъ Грековъ и Варяго-Руси, никого болѣе и нѣтъ въ разсказѣ.

Пересматривая теперь свой переводъ, мы находимъ въ немъ нѣкоторыя неловкости, происшедшія отъ желанія ближе держаться буквы подлинника, и даже одну легкую неправильность. Нѣтъ сомнѣнія, что *οἱ κατ' ἡπειρῶν στρατιῶται*, выраженіе, дважды употребленное Атталіотою, значитъ совершенно то же, что и *τὸ πεζικόν*, то есть: по свойству греческаго языка, предлогъ съ своимъ надежомъ при помощи впереди поставленнаго

члена представляют здѣсь понятіе до такой степени слитное, что не слѣдовало выражать его описательно, а такъ или иначе, но однимъ словомъ, какъ простое прилагательное, именно словомъ «сухопутный»: «сухопутные» воины. Особенно необходима эта поправка во второмъ случаѣ, гдѣ встрѣчается указанное выраженіе. Вмѣсто словъ: «такъ какъ на сухомъ пути не было видно военныхъ людей, которые могли бы встрѣтить ихъ», правильнѣе было бы перевести: «такъ какъ сухопутныхъ воиновъ не было въ виду ихъ и въ встрѣчу имъ». Отъ чего произошла наша ошибка, мы сказали. Не думаемъ, чтобы виноватъ былъ въ этомъ латинскій переводъ, на который мы, какъ и слѣдуетъ, всегда смотримъ съ недоумѣніемъ.

181   Обращаемся къ замѣчаніямъ, которыя намъ сдѣланы другими.

Въ нашемъ переводѣ будто бы неточно употреблено два раза слово сухопутный вмѣсто буквального пѣшій (τὸ πεζικόν, τῆς πεζικῆς μοίρας).

На это мы отвѣчаемъ, что никакого «случайнаго недоразумѣнія» тутъ не было; греческое слово τὸ πεζικόν, стоящее рядомъ съ τὸ ναυτικόν, мы переводили словомъ «сухопутный» совершенно сознательно. Только, не чувствуя за собою особенно глубокаго знанія греческаго языка, мы не считали нужнымъ дѣлать какія-либо объясненія тамъ, гдѣ и для насъ все казалось простымъ и яснымъ. Теперь оказывается, что для пользы русской науки не мѣшало бы намъ сдѣлать выписку хоть изъ того греческаго лексикона, который мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи.

Исполняемъ это теперь — по греческо-нѣмецкому словарю Панае:

Πεζικός, zu Fusse oder zu Lande, bes. das Fussheer betreffend, στρατιὰ καὶ ναυτικὴ καὶ πεζικὴ, Landmacht, Thuc. 6, 33. 7, 16 - -; Xen. Mem. 3, 6, 9; ἑπὶ τὰ ἰππικὰ ἢ πεζικά, Plat. Legg. VI, 753, b; τὸ πεζικόν, Landheer.

Присоединяемъ отсюда же нѣсколько указаній на значеніе глагола πεζεύω:

Πεζεύω, zu Fusse gehen, gew. zu Lande reisen; - ἢ πεζευομένη ὁδός, Weg zu Lande, Strab. 6, 3, 5. τινὰ τῶν φορτίων πεζεύεται ταῖς ἀρχαμάξαις, 4, 1, 14.

Особенно рекомендуемъ своему противнику перевести на русскій языкъ послѣднюю фразу Страбона: нѣкоторые товары идутъ пѣшкомъ на телѣгахъ (?).

Для параллели слѣдуетъ приложить и латинское слово, служащее для перевода τοῦ πεζικός, такъ какъ слово *pedester* не прославилось еще такъ на Руси, какъ противоположное ему *equester* (подъ своею формою *equestris*):

Pedester, zu Fusse a) *allgem.*, *Gegensatz equester* -- b) *spec.*, zu Lande, *Ggstz navalis*, wie im Griech. πεζική u. ναυτική μάχη, *Caes. b. G. 3, 9. itinera. Cic. Sen. 5. pedestres navalesque pugnae. Plin. 3, 11 (16). transitus. Tacit. h. 5, 15. acies* и т. д. *«R. Klotz, Handwört. d. lat. Spr.»*

Изъ этого всякій, даже не читавшій классиковъ, но умѣющій пользоваться лексикономъ, долженъ понять, что когда *πεζικός* или *pedester* противопоставляется словамъ *ναυτικός* или *navalis*, то эти слова должно переводить словомъ «сухопутный». Греки, почти совершенно такъ же, какъ и Римляне, не имѣли особаго термина для обозначенія конницы и пѣхоты вмѣстѣ, въ 182 ихъ совокупности и въ ихъ противоположности морскому войску, и пользовались для этого словомъ, означающимъ собственно пѣхоту. Греческое слово *χερσαίος*, которое могло бы служить для этой цѣли, встрѣчается въ военномъ смыслѣ едва ли не у однихъ поэтовъ. Византийскіе писатели вполне слѣдуютъ терминологіи и словоупотребленію своихъ древнихъ образцовъ: сколько можемъ припомнить, мы до сихъ поръ только въ одномъ мѣстѣ, именно въ разсказѣ современника о славяно-аварскомъ нашествіи на Константинополь, встрѣтили слово *χερσαίος* въ значеніи сухопутнаго войска вмѣсто обычнаго τοῦ πεζικός, и тамъ нѣсколько разъ повтореннаго. Употреблять въ этихъ случаяхъ по-русски слово «пѣшій» совершенно невозможно, уже потому, что, если только не обманываетъ насъ чутье родного языка, пѣшій воинъ не есть даже противоположность морскому, который тоже сражается пѣшкомъ, а не на лошади.

Въ направленномъ противъ насъ опроверженіи прибавлено, что, де, «и изъ разсказа (Атталіоты) видно, что рѣчь идетъ о пѣхотѣ».

На это мы отвѣчаемъ: изъ разсказа видно, если его дочи-

тать до конца, что тутъ идетъ рѣчь не только о пѣхотѣ, но, по-колику вопросъ касается слова *πεζικόν*, даже преимущественно о конницѣ, и что именно подъ словомъ *τὸ πεζικόν* разумѣлись съ самаго начала конники.

Приведемъ для поясненія одинъ примѣръ, который долженъ быть знакомъ именно русскому изслѣдователю, почтившему насъ своими замѣчаніями.

Тотъ же самый Атталіота (р. 20, 19 sq.), повѣствуя о походѣ Владиміра Ярославича на Константинополь, говоритъ, что императоръ Константинъ Мономахъ, выстроивъ «морскую и сухопутную» силы, пошелъ съ ними на враговъ: *προσθήκην ἐκάστωτε τῆς πεζικῆς καὶ ναυτικῆς ἰσχύος λαμβανούσης* -- *ἐκτάξας ἄμφω τὰς δυνάμεις* -- *ἐπῆλθε τοῖς ἐναντίοις*. Другой писатель (Седген. II, р. 552, 7 — 9), современникъ Атталіоты, въ этомъ же самомъ случаѣ и въ той же самой связи пишетъ: «вышелъ на корабляхъ, имѣя и конную немалую силу, слѣдующую рядомъ сухимъ путемъ»: *ἔξεισι* (= *ἐπῆλθε*) -- *παρεπομένην ἔχων διὰ τῆς ξηρᾶς καὶ ἰπτικῆς στρατιᾶν οὐκ ὀλίγην*. Если бы кто у Атталіоты подъ «*πεζικὴ ἰσχύς*» захотѣлъ разумѣть только пѣхоту, то совершенно напрасно заставилъ бы его противорѣчить другимъ хорошимъ свидѣтелямъ. Подобныхъ примѣровъ мы могли бы найти нѣсколько, но въ такомъ простомъ вопросѣ это излишне.

Второе обвиненіе противъ нашего перевода выражено слѣдующимъ образомъ:

183 «Во-вторыхъ, оппонентъ переводитъ такъ, какъ будто всѣ войны сухопутнаго отряда уклонились съ своего пути. Латинскій переводъ, приложенный къ Боннскому изданію, вѣрнѣе передаетъ смыслъ подлинника, говоря о войнахъ, которые были изъ отдѣла пѣхоты».

Очень любопытно было бъ узнать: почему это латинскій переводъ непременно долженъ быть вѣрнѣе нашего, русскаго? Развѣ потому, что уже въ одномъ словѣ «латинскій» есть вѣчто внушающее уваженіе и наводящее страхъ? Латинскіе переводы византійскихъ писателей до сихъ поръ не пользовались хорошею репутаціей, и кто на нихъ захочетъ опираться, тотъ осужденъ на большія ошибки. Переводчики не обладали первымъ условіемъ для хорошаго перевода — знакомствомъ съ своимъ пред-

метомъ, то есть, съ византійскою исторіей, не говоря объ особенностяхъ византійскаго словоупотребленія. Въмѣсто «вся страна ославянилась», они переводили «вся страна была обращена въ рабство». Нашъ порицатель, кажется, самъ приводилъ гдѣ-то острогу одного природнаго Грека, назвавшаго своего Пелопоннескаго собрата: «ослиновидное ославяненное лицо» (= ослиная славянская рожа). Какъ это переведено по-латыни? «Vieta facies in servitutum redacta» (старое лицо (рожа), обращенное въ рабство)¹⁾. Что касается въ частности переводчика Атталіоты, то мы имѣемъ дерзость думать, что г. Розенштейнъ очень плохо понималъ свой подлинникъ и переводилъ уже слишкомъ кухонною латынью, какая снова позволительна стала только въ XIX столѣтіи. Слова «οἱ τῆς τετρακτῆς μοίρας στρατιῶται» онъ, дѣйстви-тельно, перевелъ «milites qui ex parte peditum erant». Но развѣ такой переводъ не обличаетъ довольно крупнаго невѣжества или же безпредѣльной небрежности? Во-первыхъ, никакъ не слѣдовало византійское μοῖρα переводить словомъ pars, хотя г. Розенштейнъ дѣлаетъ это постоянно (pp. 25. 107). Моῖρα, конечно, есть часть, но часть, составляющая органическое цѣлое, какъ отрядъ, полкъ или баталіонъ; у византійцевъ это слово употребляется преимущественно въ военномъ техническомъ смыслѣ, и по-латыни его слѣдовало переводить выраженіемъ когорта (cohors). Смотри, на примѣръ, у Маврикія (Strategicum, p. 27 и далѣе passim). Во-вторыхъ, опредѣленный членъ (οἱ), стоящій при словѣ στρατιῶται, никакъ не допускаетъ представленія, что только нѣкоторые воины, στρατιῶται τινες или μέρος τι τῆς τετρακτῆς μοίρας, уклонились съ надлежащаго пути, а именно уклонились всѣ воины сухопутнаго отряда, какъ это и видно изъ дальнѣйшаго замѣчанія, сдѣланнаго Атталіотою о томъ, что некому было остановить бѣжавшихъ изъ крѣпости Македонянъ; 184 слѣдовательно, штурмовать крѣпость съ другой стороны пришлось однимъ Русскимъ. Оставляя въ сторонѣ смѣшной латинскій переводъ, гдѣ между прочимъ встрѣчаются прелести въ родѣ: ceciderunt nonnulli Macedones in castello ex Rosicis (= ἔπεσον -- παρὰ τοῦ Ρῶς), — мы должны прибавить уже для рус-

1) <Ср. А. А. Васильева, Славяне въ Греціи: Виз. Врем. V, 417, сл.>

скаго комментатора важнаго для насъ отрывка Атталіоты, что опредѣленный членъ, стоящій также при словахъ «сухопутный отрядъ» (τῆς πεζικῆς μοίρας), указываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о новомъ какомъ-либо отрядѣ, а объ отрядѣ уже известномъ и упомянутомъ выше. То же самое нужно имѣть въ виду и при конникахъ, упомянутыхъ прямо только въ концѣ разсказа (τῶν ἵπποτῶν). Этого довольно: распутывать ту путаницу, которую нашъ комментаторъ создалъ при помощи мало-остроумнаго нѣмца, но безъ содѣйствія греческаго лексикона и грамматики, мы считаемъ излишнимъ.

Прибавимъ еще одну фактическую поправку, касающуюся острова Оулы (Thule) и, слѣдовательно, не лишнюю, когда идетъ рѣчь о Варягахъ. Что Анна Комнина подъ Оулою разумѣетъ не просто далекій островъ океана, а именно Англію¹⁾, — мы это считаемъ не догадкою, какъ нашъ рецензентъ, а несомнѣнною истиную. Помимо всего прочаго, нашъ рецензентъ забываетъ, что не въ одномъ только мѣстѣ Анна говоритъ объ островѣ Оулѣ. Описывая нашествіе Боэмунда Норманнскаго на Иллирію, Анна <XII 9, p. 170, 26 ed. Reiffersch. min.> говоритъ, что у него въ войскѣ были Франки и «много тѣхъ иноплеменниковъ съ острова Оулы, которые нанимались въ службу къ Грекамъ». Изъ одного сочиненія аббата Сугерія мы знаемъ, что Боэмундъ былъ съ своею проповѣдію крестоваго похода во Франціи и привлекъ къ себѣ не мало рыцарства, а изъ норманнскихъ лѣтописцевъ, и прежде всего изъ Ордерика Виталія, мы узнаемъ, что Боэмундъ обращенъ и къ англійскому королю, и что послѣ дѣйствительно его сопровождали въ походѣ Англичане. Полагаемъ, что сопоставленіе 'выходитъ довольно осязательное. Что же касается упрека, зачѣмъ мы не обратили вниманія на выраженіе Вріеннія, что Варанги были «родомъ изъ варварской страны, близкой къ океану», то мы отвѣчаемъ, что, по нашему мнѣнію, и не нужно было обращать на это выраженіе болѣе вниманія, чѣмъ мы это сдѣлали. И объ известныхъ славянскихъ гусярахъ у византійцевъ говорится, что они были «изъ страны, близкой къ западному океану». Что же бы слѣдовало изъ этого сопоставленія?

1) <См. «Труды В. Г. В.» I. 356 сл.>

Если Оула означаетъ у Анны Англию, то изъ этого слѣ- 185
дуетъ, что она не знала никакихъ другихъ Варяговъ, кромѣ
тѣхъ, которые приходили изъ Англіи (по преимуществу—Англо-
Саксовъ). Одного свидѣтельства о скандинавизмѣ Варанговъ, та-
кимъ образомъ, уже нѣтъ. Что касается другого традиціоннаго,
но мнимаго свидѣтельства въ пользу этого скандинавизма, то
намъ очень пріятно было убѣдиться, что нашъ противникъ спо-
собенъ на нѣкоторыя уступки и допускаетъ наличность позднѣй-
шей вставки въ замѣткѣ Скилиція-Кедрина о «кельтицизмѣ» Ва-
ранговъ. Конечно, при этомъ дѣлается оговорка, что эта позд-
нѣйшая вставка все-таки имѣетъ значеніе. Что-же? «Нѣкоторое
значеніе» и мы охотно признаемъ; признаемъ, что въ то время,
когда вставка была сдѣлана, показаніе это было вполнѣ спра-
ведливо, но только не по отношенію къ прошедшему.

Послѣ этого спрашивается: какъ же великъ «тотъ странный
рядъ ошибокъ въ одну сторону», который пугаетъ нашего возра-
жателя? Послѣ устраненія Кедрина, этотъ «рядъ ошибокъ» со-
стоитъ, считая и Анну, всего изъ двухъ ошибокъ, которыя при-
томъ очень легко объясняются анахронизмомъ, то есть, естествен-
ною склонностію переносить современную себѣ обстановку въ
прошедшее, и которыя теряютъ всякое значеніе на ряду съ до-
кументальными или же современными свидѣтельствами. А безъ
Анны Комнины, которая о скандинавизмѣ Варяговъ, во всякомъ
случаѣ, не говоритъ, рядъ ошибокъ будетъ еще меньше; онъ
будетъ состоять изъ одного темнаго мѣста у Никифора Вріен-
нія. Относительно этого мѣста, нашъ противникъ никакъ не хо-
четъ допустить того, что слова Вріеннія о родинѣ Варанговъ въ
странѣ «близкой къ океану» суть вставка, сдѣланная имъ въ
чужомъ первоначальномъ текстѣ, въ текстѣ Пселла, перенесен-
номъ нѣсколько плагиаторски Вріенніемъ въ свою книгу. «Этой
вставки мы не видимъ», пишетъ нашъ оппонентъ. Мы думаемъ,
что не видѣть этой вставки значитъ — намѣренно закрывать
себѣ глаза. Цѣлыхъ десять страницъ сряду (по печатному тексту
Боннскаго изданія) почти цѣликомъ списаны Вріенніемъ изъ
исторіи Пселла: этого нельзя не видѣть тому, кто хочетъ видѣть.
Стоитъ только сравнить стр. 45—55 Вріеннія (по Боннскому
изданію) со стр. <281—288 ed. Par.> Пселла. Дѣло идетъ здѣсь

не о толкованіи или субъективномъ объясненіи какого-либо свидѣтельства, а о простомъ осязательномъ фактѣ, который можетъ провѣрить всякій желающій...

Мы, впрочемъ, нѣсколько увлекаемся. Наше намѣреніе было возстановить только истинный смыслъ отрывка изъ Атталіоты 186 и не касаться того, что было бы простымъ повтореніемъ уже прежде написаннаго (сюда относятся хрисовулы и вопросъ о достовѣрности скандинавской саги), не касаться также разныхъ постороннихъ и не относящихся къ дѣлу соображеній нашего противника. Мы не знаемъ, съ какою цѣлю они написаны. Но по собственному опыту убѣдившись, что слова, сказанныя печатно безъ всякаго злого умысла, принимаются «за ядовитые намеки», мы обязаны допустить такую же возможность и съ другой стороны...

Къ нашему утѣшенію и немалому удовольствію мы получили возможность кончить свою замѣтку припискою, которую дѣлаемъ уже на корректурномъ листѣ. Благодаря дружеской услугѣ одного изъ нашихъ товарищей (А. Н. Веселовскаго), мы ужъ имѣемъ въ рукахъ пятый томъ «Средневѣковой греческой бібліотеки», только что вышедшій въ Парижѣ и еще не достигшій обычнымъ медленнымъ путемъ до Петербурга. Здѣсь, между прочимъ, напечатано похвальное слово императору Константину Мономаху, произнесенное въ 1042 году, послѣ усмиренія возстанія, поднятаго Георгіемъ Маниакомъ. Нѣсколько строкъ въ этомъ словѣ будутъ весьма нелишни въ разсмотрѣніи вопроса о русско-варяжскомъ корпусѣ въ Византіи:

О Маниакѣ, подъ начальствомъ котораго сражались въ южной Италіи Русскіе, то есть, по нашѣму взгляду, истинные Варяги, и Гаральдъ Гаардрадъ съ своими мнимыми Варягами, мы подробно говорили въ VIII-й главѣ нашего изслѣдованія о Варягахъ византійскихъ. Одинъ пунктъ оставался для насъ темнымъ. Именно, въ описаніи триумфа, въ которомъ отрубленная голова Маниака была, по разсказу того же самаго Пселла въ его исторіи, внесена въ Константинополь, отмѣчаются меченосцы и «тѣ, которые потрясаютъ на правомъ плечѣ сѣкирами». Послѣдній признакъ указывалъ на Варанговъ, но оставалось неяснымъ въ изложеніи Пселла, суть ли это роды войска, перешедшіе, по-

добно другимъ, на сторону императора послѣ смерти предводителя возстанія, или же собственные люди Мономаха.

Вотъ что теперь читаемъ у Пселла въ сочиненіи, написанномъ сейчасъ послѣ событія¹⁾: «Онъ (Маниакъ) приводитъ въ движеніе противъ насъ всю Италію, -- заимствуетъ у стараго Рима немалую конную и пѣшую силу, присоединяетъ къ тому лучшее войско востока (то есть, азіатскихъ византійскихъ провинцій) и значительную часть русскаго отряда (*καὶ τῆς Ῥωσικῆς μοίρας οὐκ ἐλάχιστον*) и дѣлается непреодолимымъ численностью войска и своею военною опытностью; смѣло переплываетъ море и достигаетъ предѣловъ Болгаріи».

Не для всѣхъ будетъ ясно, какъ это разрѣшаетъ наши сомнѣнія, выше указанныя. Но для всѣхъ будетъ очевидно, что Пселлъ говоритъ передъ императоромъ о русскомъ отрядѣ какъ объ общеизвѣстномъ и, повидимому, постоянномъ учрежденіи, и что этотъ отрядъ представляется здѣсь, на ряду съ мѣстными византійскими войсками, какъ бы состоящимъ на постоянной службѣ имперіи и во всякомъ случаѣ—значительнымъ численно: ужъ одна часть его, стоявшая въ Италиі, и увлеченная Маниакомъ, составляла нѣчто весьма замѣтное, а другая часть, — предполагается, — сохранила вѣрность императору. Это вполне подтверждаетъ наши прежнія разсужденія.

1) <Sathas, Bibl. gr. med. aevi, V, 138.>

IV.

ЗАПИСКА ГРЕЧЕСКАГО ТОПАРХА ¹⁾.

1.

Документъ, которому мы посвящаемъ настоящее изслѣдованіе, открытъ и напечатанъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ и давно занимаетъ русскихъ изслѣдователей, но внѣ круга специалистовъ онъ остается до сихъ поръ все-таки мало извѣстнымъ, а по своему содержанію — довольно загадочнымъ для самихъ ученыхъ. Мы желаемъ облегчить возможность ближайшаго знакомства съ нимъ для всякаго, кто занимается или только интересуется русскою исторіей, и сдѣлать съ своей стороны новую попытку для объясненія его содержанія.

Знаменитый французскій византинистъ (нѣмецъ по происхожденію) К. Б. Газе, издавая по порученію русскаго канцлера графа Николая Петровича Румянцева историческое сочиненіе Льва Діакона, помѣстилъ въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ къ тексту этого писателя обширную безыменную записку, которая, по мнѣнію издателя, могла служить дополненіемъ къ краткому извѣстію историка о взятіи Херсона (Корсуна) Русскими при Владимірѣ Святомъ и была составлена ближайшимъ участникомъ

---

1) <Журн. Мин. Нар. Просв. Часть 185 (іюнь 1876. г.), отд. II, стр. 368—434.>

событія. Эту записку Газе нашель въ одномъ изъ многочисленныхъ рукописныхъ греческихъ сборниковъ, которые были въ его рукахъ и вообще дали ему богатую жатву новыхъ, никому дотолѣ неизвѣстныхъ матеріаловъ для исторіи Византіи при Никифорѣ Фокѣ и Цимисхиі. Но, повидимому, тотъ сборникъ или кодексъ, въ которомъ отысканъ былъ любопытный документъ, не принадлежалъ къ постояннымъ сокровищамъ знаменитаго французскаго книгохранилища, а былъ только временнымъ приобрѣтеніемъ 369 эпохи революціонныхъ и наполеоновскихъ побѣдъ и контрибуцій, и вслѣдствіе трактатовъ 1814 и 1815 годовъ, вмѣстѣ съ другими рукописями, составлявшими до 4,000 томовъ, былъ возвращенъ — неизвѣстно куда. Въ своемъ изданіи Льва Діакона, вышедшемъ (но большею частію погибшемъ) въ 1818 году, Газе выражался уже въ томъ смыслѣ, что принадлежность кодекса «королевской бібліотекѣ» была въ области прошедшаго (*qui fuit Bibliothecae Regiae*).

Исчезнувшій такимъ образомъ съ ученыхъ глазъ кодексъ содержалъ, по сообщенію Газе, разныя письма св. Василия Великаго, Фаларида и св. Григорія Назіанзина, а по почерку относился къ исходу X столѣтія. Нѣсколько страницъ въ этомъ кодексѣ, но не подъ рядъ, а въ разныхъ мѣстахъ, оставались первоначально пустыми и потомъ были исписаны другою рукой, почеркъ которой, впрочемъ, такому большому знатоку рукописей, какимъ былъ Газе, представлялся все-таки немного младшимъ противъ первой главной руки, хотя также могъ быть относимъ къ концу X вѣка. Уже по внѣшнему виду вновь исписанныя въ кодексѣ страницы не были похожи на простую копию чужого готоваго, только переписаннаго сочиненія; онѣ были испещрены поправками: многія слова зачеркнуты, написаны наверху, замѣнены другими. Для Газе не было никакого сомнѣнія, что авторъ этихъ страницъ былъ владѣтель кодекса, и что сборникъ писемъ свв. Василия и Григорія, по внѣшнему объему ничуть не тяжелый, сопровождалъ своего хозяина въ тѣхъ путешествіяхъ и походахъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ автографѣ. Но для кого предназначались потомъ замѣтки—угадать, конечно, нельзя: можетъ быть, это былъ проектъ письма или донесенія, имѣющаго быть отправленнымъ въ столицу—высшимъ властямъ; можетъ быть,

это былъ только матеріалъ для задуманнаго небольшого литературно-историческаго произведенія; можетъ быть, это были просто замѣтки для себя, для собственной памяти, или даже просто вызванныя потребностію писать и записывать пережитое. Въ сущности цѣнность написаннаго для насъ во всякомъ случаѣ одинакова: такъ какъ написанное прямо идетъ отъ самого участника или даже виновника событій, о которыхъ тамъ говорится, то это почти равняется документу или историческому акту. Пожалѣть приходится только о неполнотѣ нашего документа. Онъ не представляетъ сплошнаго, связнаго и непрерывнаго изложенія, но состоитъ изъ трехъ отрывковъ, изъ коихъ первый не имѣетъ начала, а, повидимому, также и конца. Какъ уже замѣчено, страницы, занятыя запиской, не находятся рядомъ одна за другою; 370 но между ними существуютъ промежутки: между первымъ и вторымъ промежутокъ въ сорокъ листовъ, между вторымъ и третьимъ — гораздо менѣе значительный. Существованіе этихъ промежутковъ легко объяснимо, такъ какъ авторъ нашего документа могъ воспользоваться только тѣми мѣстами въ кодексѣ, гдѣ для этого оставалось не занятое мѣсто. Труднѣе объяснить себѣ отрывочность и неполноту изложенія въ трехъ фрагментахъ, очевидно, одного и того же цѣлага. Можно даже предполагать, что Газе не успѣлъ вполне изучить кодекса, который былъ только временнымъ гостемъ въ Парижѣ, и что на другихъ страницахъ находились другіе отрывки, восполняющіе пробѣлы въ содержаніи и порядкѣ разсказа, или, по крайней мѣрѣ, немногія строки, не замѣченныя Газе. Уважаемый академикъ А. А. Кунникъ, отъ вниманія котораго, конечно, не могло ускользнуть значеніе любопытнаго документа для русской исторіи, старался отыскать слѣды его подлинника, обращался въ Парижъ и, получивъ оттуда отвѣтъ, что рукописи уже не имѣется въ Національной бібліотекѣ, указывалъ потомъ на Ватиканскую бібліотеку, со- вѣтуя, въ случаѣ находки, снять увеличенную фотографическую копию съ интересовавшихъ его страницъ рукописи. Въ настоящее время можно утверждать, что и не въ Ватиканѣ слѣдуетъ искать слѣдовъ потеряннаго изъ виду кодекса, и что если онъ не совсѣмъ пропалъ, то долженъ находиться въ Венеціи, Мюнхенѣ, Гейдельбергѣ и т. д.

Излагаемъ далѣе исторію изученія, предметомъ котораго сдѣлались изданные въ 1818 году греческіе отрывки, и дѣлаемъ это при помощи данныхъ, сообщенныхъ въ изслѣдованіи А. А. Куника (О запискѣ готскаго топарха въ Запискахъ Академіи Наукъ, т. 24, 1874 г., стр. 61—160).

Что отрывки имѣютъ близкое отношеніе къ русской исторіи, это съ перваго раза бросалось въ глаза, такъ какъ въ нихъ описывается переправа черезъ Днѣпръ самого автора записки и говорится далѣе о сильномъ и воинственномъ государѣ на сѣверѣ Дуная. Сверхъ того, въ отрывкахъ—второмъ и третьемъ—упоминаются Климаты (τὰ Κλίματα), какъ область, находившаяся подъ властію автора. Эти Климаты уже самимъ Газе были отождествлены съ крымскими Климатами, извѣстными по сочиненіямъ Константина Багрянороднаго; такъ какъ они часто сопоставляются съ Херсономъ (Корсунемъ), то Газе и отнесъ всѣ событія, о которыхъ идетъ рѣчь въ отрывкахъ, въ Крымъ, и именно къ завоеванію Владиміромъ Корсуна въ 988 году. Что рѣчь идетъ здѣсь о Крымѣ, въ этомъ никто изъ русскихъ ученыхъ, принимавшихся потомъ за объясненіе документа, до сихъ поръ не сомнѣвался. Разногласія образовались только относительно времени и личности того (русскаго) князя, которому, какъ видно изъ документа, покорились Климаты вмѣстѣ со своимъ правителемъ. Для хронологическаго порядка помѣщаемъ на первомъ мѣстѣ Д. П. Попова, который перевелъ на русскій языкъ не только самую исторію Льва Діакона, но и главнѣйшія приложенія къ ней, находящіяся въ изданіи Газе. Переводъ, явившійся вскорѣ послѣ напечатанія подлинника, вообще обличаетъ хорошаго знатока въ языкѣ древне-греческомъ, но, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, доказываетъ полное незнакомство съ византійскимъ словоупотребленіемъ. Что касается въ частности нашихъ отрывковъ, то они представлены скорѣе въ вольномъ изложеніи, чѣмъ въ настоящемъ переводѣ—со многими пропусками и отступленіями отъ точнаго смысла въ подлинникѣ. Отъ себя переводчикъ не прибавилъ никакихъ соображеній относительно историческаго содержанія переведенныхъ имъ отрывковъ. Только въ 1846 году, вслѣдствіе указанія, сдѣланнаго ему лично А. А. Куникомъ, обратилъ вниманіе на приведенные уже Поповымъ отрывки

д-ръ Б. фонъ-Кёне (Köhne), служившій въ Императорскомъ Эрмитажѣ и занимавшійся исторіей и археологіей Херсониса Таврическаго. Въ своемъ сочиненіи «Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Cherronesos in Taurien» (S.-Petersburg, 1848 и въ Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique de St.-Pétersbourg, vol. III, 1849, pp. 66—68) г. Кёне не представилъ полнаго и самостоятельнаго объясненія указаннаго ему документа, а лишь сдѣлалъ замѣчаніе, что онъ не можетъ относиться ко времени Владиміра, ибо въ немъ нѣтъ никакого указанія на подробности, извѣстныя по разсказу Нестора, и притомъ изъ всего разсказа видно, что городъ еще остался во власти греческаго императора (??). Послѣднее замѣчаніе не отличалось ясностію мысли, а слѣдующее затѣмъ изложеніе содержанія отрывковъ наполнено невѣрностями (unter Anführung des anonymen Schreibers dieser Bruchstücke, erhob sich allgemeiner Aufstand gegen die Bedränger, стр. 204 сл. и т. п.) и даже куріозами (die Einwohner des Landes wurden - - an den Händen verstümmelt = χειρῶν ἔργον ἐγένοντο, manibus obtruncabantur). По мнѣнію г. Кёне, отрывки все-таки относились къ Крыму, и подъ варварами, которые опустошали окрестности Корсуня, разумѣлись, вѣроятно, Русскіе, но только это было ранѣе Владиміра, можетъ быть — во время Цимисхія. Когда же именно? На этотъ вопросъ съ большею ясностію и рѣшительностію отвѣчалъ С. А. Геденовъ въ своихъ извѣстныхъ «Отрывкахъ о Варяжскомъ вопросѣ». По его объясненію <стр. 69 сл.>, въ отрывкахъ Газе рѣчь идетъ о Святославѣ, о Кіевской и Черноморской Руси; 372 предполагается неизвѣстный изъ какихъ-либо другихъ источниковъ походъ Святослава на Крымскій берегъ, падающій, вѣроятно, на промежутокъ между первою и второю болгарскою войною. Домысль о Святославѣ мы признаемъ совершенно основательнымъ: онъ свидѣтельствуетъ объ извѣстной всѣмъ проницательности ученаго и остроумнаго критика сомнительныхъ теорій, — но мы думаемъ, что онъ самъ отчасти остановился здѣсь на полдорогѣ, отчасти зашелъ слишкомъ далеко. Въ примѣчаніяхъ къ «Отрывкамъ о Варяжскомъ вопросѣ», напечатаннымъ въ Запискахъ Академіи Наукъ (годъ 1862), А. А. Куникъ <стр. 124> высказалъ свое полное согласіе относительно Свято-

слава, но не хотѣлъ видѣть въ греческой запискѣ прямого указанія на русскія черноморскія колоніи. Вслѣдъ за г. Гедеоновымъ предпринялъ историческое разъясненіе записки, изданной Газе, извѣстный своими трудами по начальной русской исторіи Н. П. Ламбинъ. Онъ также оставался въ Крыму, въ авторѣ записки видѣлъ Корсунскаго стратига, въ его подчиненныхъ (*προσέχουτες*), которые заставили его покориться русскому князю, первый угадывалъ Готовъ; жившихъ на южномъ берегу Крыма, а въ самомъ русскомъ князѣ предположилъ Олега, покорившаго сѣверное Черноморье отъ Днѣпра до Прута и нижняго Дуная (О Тмутараканской Руси: Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 171, 1874 г., отд. II, стр. 79—95). Объясненіе сдѣлано при помощи весьма основательнаго изученія русскихъ и византійскихъ источниковъ, но заключаетъ въ себѣ уже на первый взглядъ одну крайне уязвимую точку. Документъ, по теоріи Н. П. Ламбина, оказывается писаннымъ въ самомъ началѣ X столѣтія; между тѣмъ, по свидѣтельству Газе, который имѣлъ въ рукахъ самый автографъ и обратилъ вниманіе на его палеографическіе признаки, записка-документъ можетъ относиться или къ началу XI вѣка, или же къ концу X, и немногимъ моложе самого кодекса. Мы имѣемъ всѣ основанія довѣрять сообщеніямъ Газе; даже разница въ 20 лѣтъ между временемъ Святослава и Владимира (970 годъ—988 годъ) можетъ возбуждать нѣкоторое сомнѣніе, а такое большое отступленіе, какое позволяетъ себѣ Н. П. Ламбинъ, есть уже рѣшительный произволь. Профессоръ Ф. К. Брунъ, лучший знатокъ древней географіи и археологіи южной Россіи, поступалъ, конечно, осторожно, стараясь подтвердить другими доводами первоначальную догадку Газе объ отношеніи отрывковъ къ исторіи Владимира Святого (Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, V, 125), но точно такъ же, то есть, съ тою же осторожностью, онъ не считалъ нужнымъ настаивать на своемъ мнѣніи въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ (Черноморскіе Готы и слѣды 373 долгаго ихъ пребыванія въ южной Россіи, въ Запискахъ Академіи Наукъ, т. 24, 1874 г., стр. 30 и сл.). Намъ кажется, что почтенный ученый слишкомъ подчиняется всѣмъ, конечно, уважаемому авторитету А. А. Куника и напрасно ищетъ другого Мав-

рокастропа помимо того, съ которымъ онъ же самъ болѣе всѣхъ знакомъ и съ которымъ самъ же болѣе всѣхъ другихъ познакомилъ русскихъ ученыхъ. А. А. Кунникъ въ послѣднее время высказался два раза о документѣ, который уже давно интересовалъ его: сначала въ краткой запискѣ объ изслѣдованіяхъ Н. П. Ламбина¹⁾ и потомъ въ подробномъ изслѣдованіи «О Запискѣ греческаго топарха», помѣщенномъ рядомъ съ вышеуказанною статьею г. Бруна. Какъ намекаетъ уже самое заглавіе, нашъ уважаемый академикъ видитъ въ авторѣ записки уже не Корсунскаго стратига или намѣстника, а топарха Готскихъ Климатовъ, или областей на югѣ Крымскаго полуострова, существованіе которыхъ давно было извѣстно, но вполне разъяснилось только вслѣдствіе трудовъ его самого и профессора Бруна. Названіе топарха, означающее собственно правителя какой-нибудь небольшой области, мы удержали въ заглавіи собственнаго изслѣдованія. Далѣе, въ непріятеляхъ, которые опустошали сосѣдственныя съ готскими поселеніями области Тавриды, А. А. Кунникъ видитъ Хазарь, но въ князѣ, которому покорились, или, лучше сказать, котораго протекторатъ признали надъ собою угрожаемые Хазарами Готы, онъ все-таки признаетъ русскаго князя, и всего скорѣе именно Владиміра. Въ своемъ изслѣдованіи А. А. Кунникъ высказалъ желаніе, чтобы кто-нибудь взялся за болѣе точный и полный переводъ изданныхъ Газе отрывковъ. Это и послужило поводомъ къ тому, что мы сочли возможнымъ взяться за изученіе любопытнаго документа, несмотря на появленіе такого подробнаго изслѣдованія, какъ трудъ почтеннаго академика. Къ обзорѣнію предыдущихъ трудовъ мы должны еще прибавить указаніе на мнѣніе уважаемаго противника нашего Д. И. Иловайскаго. Вслѣдъ за своими предшественниками, въ Климатахъ онъ узнаетъ греческую область въ южной части Крыма, не думая однако называть ее готскою; въ князѣ варваровъ признаетъ, какъ и всѣ, русскаго князя, а на вопросъ—какого именно? отвѣчаетъ, что предположеніе о Владимірѣ невѣроятно, ибо анонимъ говоритъ только объ осадѣ какой-то второстепенной греческой крѣпости въ Крыму (въ Климатахъ), а походъ Владиміра въ

1) «О запискѣ Безъимяннаго Таврическаго (Anonymus tauricus) въ Отчетѣ о 14-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, 25 сент. 1871 г., стр. 106—110.»

Тавриду окончился взятіемъ Корсуня и крещеніемъ князя, на что нѣтъ и намека въ запискѣ. Замѣчаніе это мы охотно признаемъ вполне основательнымъ. За Святославомъ Д. И. Иловай- 374 скій оставляетъ по отношенію къ отрывкамъ только нѣкоторую вѣроятность, а думаетъ, что еще съ большею вѣроятностію рассказанное въ нихъ событіе можетъ быть отнесено къ дѣятельности Игоря. Соображенія, на которыхъ основано такое предположеніе, находятся отчасти въ связи съ особенными личными воззрѣніями автора на первоначальную русскую исторію, излагаемыми въ той самой статьѣ, гдѣ посвящено нѣсколько страницъ и нашему вопросу (Болгаре и Русь на Азовскомъ Поморьѣ, въ Журн. Мин. Нар. Просв., февраль 1875, стр. 373 и сл.¹⁾), и вообще представляются намъ мало убѣдительными.

Изъ этого обозрѣнія видно, что литература вопроса²⁾ никакъ не можетъ быть названа слишкомъ богатою. Нельзя также утверждать, чтобы для изученія нашего документа было сдѣлано все нужное и даже на первый разъ необходимое. Мы уже сослались на заявленіе одного изъ ученыхъ, болѣе другихъ занимавшихся вопросомъ, о необходимости имѣть болѣе точный переводъ отрывковъ, изданныхъ Газе, и филологическо-историческій комментарий къ нимъ, такъ какъ только при этомъ вполне уяснятся инныя темныя выраженія. Это и будетъ составлять нашу первую и главную задачу: сначала слѣдуетъ въ нашей статьѣ переводъ съ сильными объясненіями къ нему. Но такъ какъ изученіе отрывковъ привело насъ къ нѣкоторымъ собственнымъ предположеніямъ о ихъ дѣйствительномъ отношеніи къ русской исторіи, то мы рѣшились также высказать и эти послѣднія. За переводомъ и комментариемъ слѣдуютъ двѣ главы: въ одной мы стараемся опредѣлить мѣсто и время, къ которымъ относятся событія, описываемыя въ запискѣ топарха, а въ другой и послѣдней—пытаемся дать ей общее историческое объясненіе на основаніи пріобрѣтенныхъ результатовъ.—Присоединяемъ здѣсь за-

1) <= Разысканія о началѣ Руси. Соч. Д. И. Иловайскаго. Изд. 2, стр. 328 сл.>

2) <См. Fr. Westberg, Die Fragmente des Toparcha Gothicus въ Зап. Имп. Ак. Н., т. V, № 2, 1901 г. и рецензію на этотъ трудъ, данную Э. И. Успенскимъ въ т. VI, № 7, 1904 г., стр. 243—262.>

мѣчаніе, которое слѣдовало сдѣлать уже нѣсколько выше. Мы сказали, что рукописи, бывшей въ рукахъ Газе, то есть, кодекса X вѣка съ письмами Василя Великаго, Фаларіда и т. д., едва ли теперь слѣдуетъ искать въ Ватиканской библіотекѣ. Мы имѣли при этомъ въ виду любопытное письмо знаменитаго Газе къ Э. Миллеру (Miller), извѣстному французскому эллинисту, обогатившему древнюю и византійскую литературу цѣлымъ рядомъ блистательныхъ открытій въ библіотекахъ Запада и Востока. Оно напечатано въ статьѣ Э. Миллера: *Le cabinet des manuscrits* (въ *Journal des savants*, février 1876, стр. 104 сл.). Здѣсь Газе сообщаетъ Миллеру, находившемуся въ декабрѣ 1848 г. въ Римѣ, списокъ тѣхъ Ватиканскихъ кодексовъ, которые 375 нѣкогда гостили въ Парижѣ, и которыми Газе нѣкогда составилъ каталогъ (послѣдній теперь хранится въ *Cabinet des manuscrits*). Судя по этому списку, кодекса съ важными для насъ отрывками не было въ числѣ рукописей, поступившихъ въ Национальную библіотеку въ видѣ контрибуціи римской. Конецъ письма содержитъ пикантную, хотя со стороны Газе, пользовавшагося щедротами русскаго вельможи и при его помощи составившаго себѣ славу изданіемъ Льва Діакона, не совсѣмъ умѣстную выходку противъ русскихъ ученыхъ¹⁾. — При переводѣ отрывковъ мы обращаемъ вниманіе какъ на первую, такъ и на вторую редакцію, то есть, не оставляемъ безъ перевода и зачеркнутыя, либо замѣненные другими слова и предложенія, но только отмѣчаемъ ихъ квадратными скобками. При объясненіи значенія и смысла отдѣль-

---

1) «J'ai reçu, il y a peu de jours, une lettre de M. Kunik, membre de l'Académie impériale de Saint-Petersbourg. Il demande des nouvelles du Psellus, et, en regrettant beaucoup que votre Mémoire sur les Vandales ne soit pas imprimé, il nous annonce pour l'année prochaine l'envoi d'un ouvrage dans lequel à ce qu'il dit, il discute les origines de ce même peuple. J'ai répondu à M. Kunik que vous étiez à Rome pour cet hiver; que la publication de votre catalogue des manuscrits de l'Escurial vous avait empêché, jusqu'à présent, de vous occuper sérieusement de Psellus, mais que, dans vos travaux à la bibliothèque du Vatican, vous ne perdiez pas cet auteur de vue. Il serait bon, en effet, si vous pouviez diriger vos recherches de ce côté. Notre bibliothèque, à Paris, est une mine épuisée, tandis que la Vaticane semble presque intacte. Léon Allatius y a trouvé bien des ἀνέκδοτα relatifs à la Byzantine; quel bonheur si vous pouviez y découvrir quelque fragment inédit où il s'agirait des Tauroscythes, des Petchénèques (Πατζινάχα), des peuplades slaves au Nord du Pont-Euxin, car ces messieurs pétropolitains ne s'intéressent qu'aux 'Ρῶς».

ныхъ выраженій будемъ обращаться, кромѣ Льва Діакона, преимущественно къ исторіи Агаѳіа (цитую его по изданію Диндорфа: *Historici graeci minores*, t. II), такъ какъ Газе доказалъ, что именно этотъ писатель былъ особенно изучаемъ въ X вѣкѣ и служилъ, на ряду съ Библией въ переводѣ семидесяти и съ Гомеромъ, источникомъ и образцомъ фразеологіи.

2.

Первый отрывокъ и объясненія къ нему.

1. «Они съ трудомъ приставали, хотя каждое изъ нихъ не вмѣщало на себѣ болѣе трехъ человѣкъ: такъ они были мизерны. Но даже и такія (небольшія суда) все-таки не находили себѣ свободнаго пространства на поверхности теченія; ибо многія изъ нихъ попадали между двумя величайшими льдинами и начинали 376 тонуть. Всякій разъ, какъ это случалось, люди, находившіеся на суднѣ, выскакивали изъ него, садились на льдину и ѣхали на ней какъ на плоту. А нѣкоторыя изъ нихъ (судовъ) разбились и были поглощены водою, такъ какъ Днѣпръ былъ въ сильномъ волненіи. Мы, съ своей стороны, оставались тутъ въ досадѣ и слишкомъ долгомъ ожиданіи и какъ будто сердились на него за то, что онъ не замерзъ. Однако, спустя немного дней, вода вездѣ стала и превратилась въ такую твердую поверхность, что и пѣшкомъ и на коняхъ можно было безъ страха идти по рѣкѣ и состязаться здѣсь бодро въ бояхъ, какъ будто на равнинѣ. Такимъ образомъ Днѣпръ показалъ намъ себя какъ будто какимъ чудесникомъ: прежде онъ воздымался гнѣвный и бурный, чуть ли не наводя страхъ даже на всякаго, кто только глядѣлъ на него, — а затѣмъ, спустя короткое время, присмирѣлъ и до такой степени притихъ, что всякій могъ забавляться надъ нимъ и попирать его ногами; а онъ представлялся какъ будто запрятавшимся подъ землю, засѣвшимъ гдѣ-то въ темномъ углу. Уже не въ видѣ просто текущихъ водъ являлась намъ его поверхность, но въ видѣ какихъ-то суровыхъ и окаменѣлыхъ горъ; а то, что двигалось внизу подъ ними, развѣ представляло какое сходство или подобіе съ водою?»

2. «Теперь наше уныніе превратилось въ радость; выразивъ ее достаточными рукоплесканіями, мы подошли ближе и конные вступили на рѣку. Совершивъ переправу безпрепятственно и прибывъ въ селеніе Боріонъ, мы занялись ѣдой и уходомъ за лошадьми, такъ какъ и онѣ терпѣли до сихъ поръ недостатокъ и были утомлены въ высшей степени. Проведя здѣсь такую часть дня, сколько требовалось для возстановленія своихъ силъ, мы стали собираться въ путь, чтобъ идти по направленію къ Маврокастроу. Когда у насъ все было готово и не представлялось никакого препятствія, то около самой полуночи (тогда какъ намъ слѣдовало пуститься въ дорогу ранѣе того) подулъ самый тяжкій сѣверный вѣтеръ, и разразилась такая жесточайшая вьюга, что нельзя было думать, чтобы какіе-либо пути остались доступными, чтобы кто-либо былъ въ состояніи вынести пребываніе на открытомъ воздухѣ, и чтобы возможно было оставившему спасительный кровъ сохранить свою жизнь; напуганные этимъ, мы рѣшили остановиться и не трогаться съ мѣста. Я (первый) сказалъ это своимъ сотрапезникамъ, что намъ нельзя (будетъ) выйти изъ дому и перебраться на ночлегъ въ другое мѣсто [и что мнѣ по звѣздамъ показалось], тогда какъ первая изъ звѣздъ была уже въ 377 вечернемъ фазисѣ, и [сообразно съ ея природою] сообразно съ нею измѣнялось состояніе воздуха [по природѣ являясь холодною и снѣжною], — называемая Сатурномъ. Ибо она именно тогда проходила около началъ Водолея, между тѣмъ какъ солнце пробѣгало зимніе знаки. Итакъ, вьюга начавшись становилась все свирѣпѣе, и то, что прежде намъ казалось страшнымъ, теперь намъ представлялось шуткою въ сравненіи съ тѣмъ, что за симъ послѣдовало: такъ бурно распространилась во всѣ стороны вьюга. Прошло достаточное количество дней, прежде чѣмъ могла наконецъ придти на умъ какая-нибудь мысль о возвращеніи во-свояси, и прежде чѣмъ воздухъ оказался нѣсколько болѣе благопріятнымъ».

3. «И вотъ мы вышли, торжественно провожаемые туземцами, при чемъ всѣ они рукоплескали мнѣ одобрительно и смотрѣли на меня каждый какъ на близкаго себѣ и напутствовали наилучшими пожеланіями. И тогда (въ этотъ первый день) мы едва оставили позади себя семьдесятъ неполныхъ стадій (около 12 верстъ), не-

смотря на то, что другіе прошли впереди насъ и расчистили гдѣ было много снѣга. На слѣдующій день мы съ самаго начала могли двигаться только съ величайшимъ трудомъ, какъ будто среди моря, борясь противъ снѣга. Казалось, что это совсѣмъ не была земля, ни даже обыкновенный снѣгъ; лошади исчезали по самую шею, а вьючныя животныя, хотя они и слѣдовали за нами позади, совсѣмъ падали (околѣвали), такъ что ихъ много осталось тамъ на дорогѣ. Говорили, что снѣгъ лежалъ на четыре локтя и представлялъ большія трудности для проложенія пути. Многіе изъ проводниковъ воротились домой, сочтя обстоятельства превышающими человѣческія силы. Дѣйствительно тягость нашего положенія не была какою-либо изъ обычныхъ, такъ какъ затрудненія наступали на насъ со всѣхъ сторонъ: снизу глубокой и густой снѣгъ, а сверху дули рѣзкіе вѣтры. И ни откуда не ожидалось какой-либо перемѣны къ лучшему, ибо все въ этомъ бѣдственномъ положеніи оказывалось бесполезнымъ и непригоднымъ; нельзя было развести огня, и снѣгъ не давалъ намъ возможности отдохнуть хотя на короткое время».

4. «Постелями служили намъ ночью щиты; они блистательнѣйшимъ образомъ шли у насъ и вмѣсто кровати, и вмѣсто всякихъ покрововъ. На нихъ мы отдыхали, грѣясь тѣломъ при огнѣ, хотя и не очень яркомъ. Сонъ и бывающія въ сновидѣніяхъ мечтанія были далеки отъ насъ, какъ будто и они были испуганы. Ни о комъ нельзя было сказать, чтобъ онъ выдерживалъ лучше другого [напротивъ, тѣ, которые вчера казались крѣпче и ободряли 378 другихъ, сегодня были вялыми и унылыми]; при общемъ для всѣхъ бѣдствіи, тѣлесное и душевное настроеніе у всѣхъ было одинаково. Иной говорилъ о завидной долѣ умершихъ, которые ужъ освободились и отъ заботы и отъ трудовъ; другой сожалѣлъ о будущемъ поколѣніи, съ какими-то еще бѣдствіями и ему придется проходить свою жизнь. Наши развѣдчики также утомились, побѣжденные множествомъ золь, и не имѣли силы идти впереди, наобумъ и даромъ блуждая по снѣгу. Но самое большее бѣдствіе заключалось въ томъ, что мы шли по непріятельской землѣ, и уже вслѣдствіе этого наше положеніе не было безопасно; напротивъ, зло грозило намъ одинаково какъ отъ зимы, такъ и отъ враговъ».

1. Они (то есть, суда, τὰ πλοῖα) съ трудомъ приставали: δυσχερῶς κατήγετο = difficiliter applicabant lintres. Изъ дальнѣйшаго совершенно ясно, что описывается чья-то переправа черезъ Днѣпръ. Нѣкоторыя суда хотя съ трудомъ, но все-таки приставали, то есть, достигали противоположнаго берега, а самъ авторъ со своими спутниками былъ зрителемъ и не рѣшился на трудную и опасную переправу, тѣмъ болѣе, что его отрядъ или караванъ былъ конный и имѣлъ при себѣ обозъ или, по крайней мѣрѣ, вьючныхъ животныхъ (τὰ ὑπόζυγια).

Выскакивали изъ нея: ἐκπηδῶντες τοῦ πλοίου. πλοῖα нужно понимать какъ σκάφη μονόξυλα, лодки или однопорубки. Ср. Cedren. II, 551, 14: πλοίοις ἐγχωρίοις τοῖς λεγομένοις μονόξυλοις. Zonar. XVII, 24 p. 168, 2 ed. Dindorf.: πλοῖα-, ἃ παρ' αὐτοῖς μονόξυλα λέγονται. О тѣхъ же самыхъ лодьяхъ Пселль <Histor. p. 129, 4 ed. Lond.> употребляетъ выраженіе: σκάφη Ῥωσικά.

2. Мы подошли ближе и конные вступили на рѣку: προσίμεν, κατὰ πέλαγος ἰππασάμενοι = proxime accessimus, per aequos equitantes. πέλαγος здѣсь просто значитъ вода или рѣка, какъ это обычно у другихъ византийцевъ. Предлогъ κατὰ имѣеть то же значеніе, какъ и въ слѣдующемъ предложеніи.

Прибывъ въ селеніе Воріонъ: κατὰ τὴν κόμην γενόμενοι τὴν Βοριών. Гдѣ именно было селеніе Боріонъ или Воріонъ, положительно сказать невозможно. У Плинія и у Амміана Марцеллина одно изъ сѣверныхъ устьевъ Дуная называется Borionstoma. Извѣстно также одно придунайское укрѣпленіе, называемое Bireo (Itinerar. Anton., p. 225 Wess.), Βερόη (Simocatta), Bireo (Not. dign. or. XXXIX, p. 98 sq. Böck.), Birafo, Bireon (Geogr. Ravenn. IV, 5, p. 179, 1 Pind.), Vereo (Tabula Peutinger.).
 379 На его мѣстѣ найдена надпись, изъ которой видно, что укрѣпленіе построено было Константиномъ Великимъ въ 320 году, послѣ побѣды надъ Готами: [Imp. Caes. Fl. Valerius Constantin]us victor maximus triumphator [pius felix semper Augustus in Illy]rico victis superatisque Gothicis... [hunc burgum] tempore feliciter quinquennialiorum [a fundamentis] ob defensionem rei publicae extruxit и т. д. (C. I. L. III, № 6159). Ср. Anon. Vales. 21. Zosim. 2, 21. Но это придунайское укрѣпленіе можетъ только служить новымъ доказательствомъ, что одни

и тѣ же названія повторяются въ разныхъ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Понту. Предполагая, что греческое названіе села на Днѣпрѣ есть искаженное русское, мы могли бы думать о мѣстечкѣ Боровомъ (Боровой или Боровъ), находившемся на правой сторонѣ Днѣпра. Лѣтопись по Ипатьевскому списку (годъ 1190): «Половци - всѣдоша на коня: и ѣхавше изъѣхаша городъ Чюрнаевъ, и острогъвзяша, и дворъ зажгоша --; и ѣхавше и легоша по Висемь (Висемью), и тоу перепочивше конемъ своимъ, и ѣхаша ко Боровомуу, и слышавше Ростислава Рюриковича в Торьскомъ, и возвратишася к ватагамъ своимъ» (П. С. Р. Л., т. II, изд. 2. стр. 669).—Очень вѣроятно, что Боровой есть село Боровица въ Чигиринскомъ уѣздѣ, на правой сторонѣ Днѣпра, и въ такомъ случаѣ не одно и то же съ урочищемъ Борокъ (между Треполемъ и Кіевомъ). Но мы никакъ не рѣшаемся утверждать, что именно это мѣстечко слѣдуетъ разумѣть въ нашемъ отрывкѣ. Всего скорѣе селенія Боріонъ нужно искать при нижнемъ теченіи рѣки Днѣпра, гдѣ можно предполагать какія-либо греческія, въ частности корсунскія владѣнія или же поселенія и факторіи для торговли, для рыбной ловли. Послѣ оказывается, что путешественники, и во главѣ ихъ нашъ топархъ, были приняты въ Боріонѣ какъ свои люди и были напутствуемы самыми горячими благожеланіями. По Игореву договору Руси запрещалось зимовать въ устьѣ Днѣпра, и обезпечивалась свобода корсунскихъ рыболововъ. Послѣ для гречниковъ важнымъ пунктомъ было Олешье. Сверхъ того, самое названіе селенія не есть, повидимому, переводное съ русскаго языка, по крайней мѣрѣ не выдается намъ за такое (не прибавлено словъ τὴν λεγομένην - κόμην или чего-либо подобнаго).

Мы стали собираться въ путь, чтобъ идти по направлению къ Маврокастроу: ὡς πρὸς τὸ Μαυροκάστρον χωρεῖν ἢ περὶ ὁμιλεῖν: = accingebamus nos Maurocastrum profecturi. Авторъ хочетъ только обозначить направленіе пути, а не ближайшій пунктъ, котораго можно было достигнуть. На это указываетъ какъ самое построеніе фразы, такъ и дальнѣйшій 380 ходъ разсказа. Послѣ оказывается, что до Маврокастроу было вовсе не такъ близко.

Когда у насъ все было готово и т. д. Слѣдующій затѣмъ

періодъ изложенъ нѣсколько запутанно въ самомъ подлинникѣ, что осталось и въ нашемъ переводѣ. Смыслъ, повидимому, тотъ, что караванъ хотѣлъ пуститься въ дальнѣйшій путь ранѣе полуночи, вечеромъ (*πρωιαίτερον*), но уже тогда предводитель его замѣтилъ неблагоприятное положеніе неба и предсказалъ наступленіе бури; къ полуночи эта буря дѣйствительно разыгралась — и проч.

Я сказалъ это своимъ сотрапезникамъ: *ἐμοῦ τοῦτο τοῖς συσσίτοις εἰπόντος*. Въ словѣ «сотрапезники» (*σύσσιτοι*) не заключается никакого спеціальнаго или технического указанія, а просто имѣется въ виду обѣдъ или столъ (*εὐωχία*), за которымъ спутники сообща подкрѣпили свои силы.

И какъ мнѣ по звѣздамъ показалось и т. д. Греческій текстъ здѣсь представляетъ цѣлый рядъ исправленій, сдѣланныхъ самимъ авторомъ и вызванныхъ, очевидно, одними стилистическими соображеніями. Возстановляемъ, по замѣчаніямъ Газе, первоначальный видъ рукописи, отмѣчая зачеркнутыя слова скобками: [*καὶ ὡς ἐκ τῶν ἄστρον ἐμοὶ δέδειχται*] τοῦ πρώτου τῶν ἄστρον ἐσπέριον φάσιν ἤδη ποιούντος, καὶ πρὸς [τὴν ἑαυτοῦ φύσιν] αὐτὸν ἐκεῖνον μετατρεπομένου τοῦ περιέχοντος [φύσει ψυχρότατος καὶ χιωνώδης (sic) δοκῶν] Κρόνου δὴ καλουμένου. Зачеркнутыя слова не требуютъ объясненія: ясно, что они относятся все къ той же первой звѣздѣ, и что эта первая звѣзда есть Сатурнъ. Слова: Κρόνου δὴ καλουμένου, очевидно, очутились не на своемъ мѣстѣ вслѣдствіе поправокъ въ текстѣ; имъ слѣдовало стоять въ такомъ порядкѣ: τοῦ πρώτου τῶν ἄστρον, Κρόνου δὴ καλουμένου — «когда первая изъ звѣздъ, именно называемая Сатурномъ». Кронъ, или Сатурнъ, есть именно первая изъ подвижныхъ звѣздъ по обычному порядку перечисленія ихъ у древнихъ и средневѣковыхъ астрономическихъ писателей, и притомъ звѣзда холодная по природѣ. См. схолия къ *Germanici Caesaris Aratea*, ed. Breysig, p. 183, 6: *Summum igitur planetarum Saturni sidus est - - colore candidum, natura gelidum* и т. д. p. 226, 21: *septem errantes stellae—id est Saturnus Iouis Mars Sol Venus Mercurius Luna*. p. 221, 13: *Saturni stella - - frigida et sterilis, infecunda terris* и т. д. Pselli de omnifaria doctrina (*Patrol. gr.* 122, 748): *Οἱ δὲ ἑπτὰ πλανῆται, ὧν πρῶτός ἐστιν ὁ τοῦ Κρόνου λεγόμενος ἀστήρ*. Ср. огла-

thas, Biblioth. graeca, I, 116: Κρόνου, Ζηνός, Ἄρεως и т. д. Впрочемъ у Гигина (Astronomica, ed. Bunte, 1876, p. 79) другой порядокъ.

Ибо она именно тогда проходила около началъ Водолея, между тѣмъ какъ солнце пробѣгало зимніе знаки: Καὶ γὰρ ἔτιυε περί τὰς ἀρχὰς αὐτὸς διῶν ὑδροχόου, ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος = Transibat enim tunc Saturnus circa initia Aquarii, sole brumalia signa permeante. Подъ Водолеемъ нужно, конечно, разумѣть созвѣздіе Водолей, а не знакъ Водолея, такъ какъ замѣчаніе автора основано на непосредственномъ наблюдении: «какъ мнѣ по звѣздамъ показалось». Извѣстно, что Сатурнъ совершаетъ свое обращеніе между созвѣздіями въ продолженіе 10759,22 дней (29 лѣтъ, 174 дня) и остается въ одномъ и томъ же созвѣздіи около двухъ съ половиною лѣтъ. Итакъ, мы имѣемъ точныя данныя для ближайшаго опредѣленія времени описываемыхъ здѣсь событій.

Мысль о возвращеніи во-свои: τῆς πρὸς τὰ οἰκεῖα μνήμη τις ἐπανόδου. Итакъ, путешественники, переправляясь черезъ Днѣпръ и направляя свое тяжелое странствованіе къ Маврокастроу, возвращались туда, откуда они пришли. Отсюда ясно, что описываемое путешествіе не было какимъ-либо переселеніемъ изъ одного мѣста на другое, напримѣръ, изъ разоренной области въ Крыму или за Днѣпромъ на Дунай, или наоборотъ, а возвращеніемъ либо изъ посольства, либо изъ военной экспедиціи. Но это указаніе даетъ намъ только весьма неопредѣленный намекъ и на исходный пунктъ, и на конечный предѣлъ путешествія. Если принять, что подъ Маврокастрономъ разумѣется тотъ городъ, который становится послѣ извѣстнымъ подъ этимъ названіемъ, то авторъ нашей записки и предводитель отряда шелъ къ Днѣстру и, можетъ быть, къ Дунаю.

3. И вотъ мы вышли, торжественно провожаемые туземцами, при чемъ всѣ они рукоплескали мнѣ одобрительно, смотрѣли на меня каждый какъ на близкаго себѣ и напутствовали наилучшими пожеланіями: Καὶ δὴ ἐξήτημεν, δωροφоруόμενοι παρὰ τῶν ἐγχωρίων διαφανῶς, πάντων εἰς ἐμὲ τὰς χεῖρας ἀνακροτούντων, καὶ βλέπόντων ὡς πρὸς οἰκεῖον αὐτοῦ ἕκαστος καὶ τὰ μέγιστα εὐχομένων. По всѣмъ признакамъ, туземцы

не были варварами, а, напротивъ, именно Греками. Ничего, на-
примѣръ, русскаго не заключаютъ въ себѣ проводы съ рукопле-
сканіями, съ театральною обстановкой. *Χεῖρας ἀναχρῶτεῖν εἰς*
τινα = хлопать поднятыми вверхъ руками въ знакъ одобренія
кому-нибудь или въ знакъ удовольствія: такъ рукоплескала нѣ-
382 когда Аѳинскій демось Аристофановскому колбаснику. Сверхъ
того, туземцы или же мѣстные жители имѣли какую-то причину
смотрѣть на топарха какъ на своего или же на близкаго чело-
вѣка. Усердіе ихъ было такъ велико, что многіе изъ нихъ, не-
смотря на трудный путь, сопровождали своего земляка или же
соплеменника довольно далеко и только по необходимости верну-
лись назадъ. Упоминаемые ниже спутники или же проводники
(*τῶν ἀκολούθων*)—безъ сомнѣнія, эти самые жители селенія Бо-
ріона. Но за то нельзя сказать съ увѣренностію, кто были тѣ
другіе люди, которые прошли впереди нашего каравана и раз-
метали снѣгъ (*πρὸ ἡμῶν ἄλλων διαβεβηκότων*): были ли это преж-
ніе товарищи топарха, переправившіеся черезъ Днѣпръ еще въ
лодкахъ, или же обычные случайные пѣшеходы?

И ни откуда не ожидалось переменны къ лучшему:
Ἀναχωχῆς - οὐδαμῶθεν προσδοχωμένης. Отмѣчаемъ только выра-
женіе, часто встрѣчающееся у Агаѳіи: р. 290, 2 Dind.: *ἀναχωχῆς*
τῶν δεινῶν. р. 356, 13: *ἀναχωχῆ τοῦ κινδύνου*. Ср. р. 363, 23:
ἀναχωχῆς τινος μεταδοῦσα.

Отдохнуть хотя на короткое время: *ἀναπαύσασθαι πρὸς*
ἀχαρῆ χώραν. Вмѣсто послѣдняго слова наверху было написано
χρόνον, но потомъ поправка, не представляющая особой нужды,
зачеркнута. Выраженіе встрѣчается у Агаѳіи: *ἐν ἀχαρεῖ χρόνου*
(р. 322, 11), у Льва Діакона: *ἐν ἀχαρεῖ* (р. 68, 9).

4. Сонъ и - - сновидѣнія — были далеки отъ насъ:
Ὑπνος δὲ καὶ τὰ ἐξ ὀνείρων φαντάσματα, ὡς περ φοβηθέντα κάκεινα,
πάντα ἀπέστησαν. Газе безъ всякой нужды исправляетъ чтеніе
рукописи *ὑπνος* въ *ὑπνον* и ради того глаголь *ἀπέστησαν* пере-
водитъ *fugaverant* (аог. 1): то есть, сновидѣнія прогнали всякій
сонъ...

Иной говорилъ о завидной долѣ умершихъ: *Ἐμαχάρισέ*
τις τοὺς τεθνηκότας. Рѣчь идетъ вообще объ умершихъ, а не
о какихъ-либо погибшихъ во время похода или путешествія то-

варищахъ: это ясно изъ сопоставленія умершихъ съ имѣющими родиться (*κατὰ τῶν ἐσομένων*), съ будущими поколѣнiями. Отрывокъ не въ одномъ только этомъ мѣстѣ отзывается сильно риторикой.

Развѣдчики — *οἱ πρόσκοποι* — быть можетъ, тѣ изъ туземцевъ, которые не оставили каравана вслѣдствiе трудностей пути.

Мы шли по непрiятельской землѣ—зло грозило намъ одинаково какъ отъ зимы, такъ и отъ враговъ: *διὰ πολεμίας ἐπορευόμεθα γῆς -- ἐν ὁμοίῳ τὸ τε τοῦ χειμῶνος καὶ τὸ τῶν πολεμίων ὑφωρᾶτο κακόν.*

3.

383

Второй отрывокъ и объясненiе къ нему.

1. «[Именно ради этого и сѣверные берега Дуная]. Только тогда мы рѣшились начать войну съ варварами, или, если уже слѣдуетъ сказать сущую правду, мы отступили (передъ ними) изъ опасенiя, чтобъ они, предупредивъ, не истребили насъ (не покончили съ нами), и мы разсудили (за лучшее) противостоятъ имъ (здѣсь) сколько возможно, между тѣмъ какъ они самымъ безчеловѣчнымъ образомъ разоряли и губили всѣхъ, подобно нѣкоторымъ дикимъ звѣрямъ, вездѣ проявляющимъ свою ярость. Имъ не была доступна какая-либо пощада даже въ отношенiи къ самымъ близкимъ, и они не считали нужнымъ совершать убiйство съ какимъ-либо разборомъ или вниманiемъ къ справедливости; напротивъ, злымъ и бесполезнымъ образомъ задумали они сдѣлать изъ [нашей] ихъ земли — какъ говорится — добычу Мисянъ. Рушилась прежняя ихъ справедливость и законность,—тогда какъ сперва они оказывали къ нимъ наибольшее уваженiе, и вслѣдствiе того сами они достигли величайшихъ трофеевъ, а города и народы добровольно приступали къ нимъ (присоединялись къ нимъ). А теперь, какъ будто наоборотъ, имъ сопутствовала несправедливость и безправiе въ отношенiи къ подданнымъ. Вмѣсто того, чтобы заботиться о благѣ подвластныхъ городовъ и къ собственной выгодѣ управлять ими въ добромъ порядкѣ, они положили поработить и разорить ихъ. Жа-

луясь на своихъ властителей и ясно доказывалъ, что они ни въ чемъ не повинны, эти люди (то есть, подданные) добивались только того, чтобы они были оставляемы въ живыхъ. Похоже было на то, какъ будто разразился какой сильный злой порывъ, такъ что для человѣчества казалось наступилъ потопъ, и грозило самое страшное разрушеніе какъ бы вслѣдствіе землетрясенія или какой неожиданной и роковой (открывшейся) бездны. Болѣе десяти городовъ лишились своего населенія, не менѣе пятисотъ селеній превратились въ пустыню: словомъ, вся сосѣдственная и близкая къ нимъ область какъ будто послѣ бури лежала въ развалинахъ; люди, ни въ чемъ не повинные, подъ предлогомъ (нарушенной) клятвы сдѣлались добычею насилія и меча».

2. «Жестокая судьба привела, наконецъ, и къ моей о бласти ту заразу, которая злымъ образомъ губила всѣхъ и ужъ обошла (кругомъ) моихъ несчастныхъ сосѣдей. Я заранѣе ожидалъ этого прежде, и уже принималъ всякія мѣры предосторожности, 384 чтобъ она не захватила насъ врасплохъ, или чтобы внезапнымъ тайнымъ появленіемъ не нанесла намъ гибели. Когда жъ опасность наяву пришла къ намъ, и когда всѣ ясно сознали, что дѣло идетъ теперь о нашей жизни, то я тогдашнюю язву отвратилъ наиболѣе мудрымъ способомъ, какъ только умѣлъ, хотя при этомъ я самъ едва не подвергся послѣдней опасности (едва не рисковалъ своею жизнью). А что касается времени, затѣмъ послѣдовавшаго, то у насъ съ варварами безъ всякаго (предварительнаго) объявленія началась война, при чемъ они уже не вступали съ нами въ сношенія, хотя я тысячи разъ посылалъ къ нимъ предложенія о перемиріи, и уже между нами дѣло не обходилось безъ оружія. И вотъ война тотчасъ началась, и наступленіе зимы было близко, ибо солнце находилось недалеко отъ зимняго поворота. Между тѣмъ варвары, собравшись большими силами, вторгнулись въ нашу землю съ коннымъ и пѣшимъ войскомъ, думая захватить насъ при первомъ нападеніи и рассчитывая на слабость нашей страны и на нашу оробѣлость. Ихъ предположенія были довольно основательны, такъ какъ мы имѣли мѣстопробываніе въ городѣ совершенно разрушенномъ и дѣлали вылазки скорѣе изъ (открытаго) селенія, чѣмъ изъ настоящаго города. [Но, потерявъ многихъ изъ своихъ

и подвергшись посрамленію, къ вечеру они ушли, побоявшись (поопасшись) утра. Ибо противъ пѣхоты и я самъ противопоставилъ стрѣлковъ изъ лука, а противъ конницы—конницу, раздѣливъ войско на двѣ части]. Потому что эта земля ранѣе того была уже разорена самими варварами и превращена въ совершенную пустыню, при чемъ они разрушали до основанія и стѣны; и только тогда я первый пришелъ къ мысли снова поселиться въ Климатахъ. Итакъ, изъ находящихся на лицо матеріаловъ я выстроилъ подлѣ него сперва одну крѣпостцу, имѣя въ виду, что отсюда легко будетъ населить (занять) и весь остальной городъ».

1. Именно ради этого и сѣверные берега Дуная: *καὶ διὰ τοῦτο γὰρ καὶ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ*. Слова эти, хотя и зачеркнутыя, весьма важны для объясненія отрывковъ. Они указываютъ на мѣсто, гдѣ совершаются событія, непосредственно затѣмъ описываемыя. Мы видимъ изъ нихъ, что, приступая къ изложенію враждебныхъ отношеній своихъ къ варварамъ, авторъ имѣлъ прежде всего въ своей мысли сѣверъ Дуная, его сѣверные берега или же страны. Нужно думать, что зачеркнутыя слова зачеркнуты только потому, что затрудняли дальнѣйшее построеніе фразы, а не потому, чтобы мысль автора приняла другое направленіе, перескочила отъ Дуная къ сѣвернымъ берегамъ 385 Крыма. Другіе случаи такого же рода, то есть, исключенія и вымарыванія первоначальныхъ фразъ и реченій, говорятъ въ пользу того предположенія, что только требованія стиля или ясности заставили автора измѣнить фразу, которая ему представилась при первомъ замахѣ, но потомъ оказалась неловкою или неудовлетворительною для выраженія мысли.

Мы отступили: *ἀπέστημεν* = recessimus ab illis (Hase); мы отдѣлились отъ нихъ (Поповъ). Н. П. Ламбинъ, согласно съ русскимъ вольнымъ изложеніемъ, переводить эти слова «отстали отъ нея», объясняя ихъ такъ, что Херсонцы со своимъ правителемъ были сначала въ связяхъ, въ сношеніяхъ, въ союзѣ съ варварами, то есть, съ Русью, а потомъ отстали отъ союза, увидѣвъ его невыгоду для себя. Гораздо проще понимать выраженіе *ἀπέστημεν* въ его первоначальномъ физическомъ значеніи: «стали

вдали, удалились, отступили». Авторъ хочетъ сказать, что собственно онъ не могъ вести наступательной войны (*πολεμεῖν*), идти впередъ на враговъ, а долженъ былъ ограничиться болѣе скромнымъ образомъ дѣйствій, то есть, оборонительною войною, и для этого отступилъ, остановился вдали отъ варваровъ. Только при такомъ объясненіи будетъ понятна оговорка, сдѣланная къ слову «воевать, начать войну» и заключающаяся во фразѣ ἢ εἰ δεῖ τι τἀληθῆ φάναι - ἀπέστημεν («или, если слѣдуетъ сказать правду, отступили»), а также и ближайшій мотивъ дѣйствія, обозначеннаго словомъ ἀπέστημεν; — мотивъ, выраженный придаточнымъ предложениемъ: δέισαντες τὸ μὴ φθῆναι ὑπ' αὐτῶν ἀναρρέδντες («опасаясь, чтобъ они, предупредивъ, не истребили насъ»). Это гораздо больше, чѣмъ убѣжденіе въ невыгодѣ союза. Глаголь ἀφίστημι встрѣчается два раза уже въ первомъ отрывкѣ: ὑπνος - καὶ τὰ ἐξ ὄνειρων φαντάσματα - ἀπέστησαν («удалились», оставили насъ); τοῦ φροντίζειν καὶ τοῦ πολεῖν ἀποστάντες («удалившись», «освободившись отъ заботъ и трудовъ»).

Имъ не была доступна какая-либо пощада даже въ отношеніи къ самымъ близкимъ: Οὐδὲ γὰρ τῶν οἰκειότατων φειδώ τις εἰσῆει αὐτοῖς = Nulla his inerat vel erga coniunctissimos continentia (Hase); «они не дѣлали никакой пощады даже и ближнимъ своимъ союзникамъ» (Поповъ). А. А. Куникъ замѣчаетъ, что на древне-греческомъ языкѣ *οἱ οἰκειότατοι* суть принадлежащія къ семейству, домочадцы, и затѣмъ, въ болѣе обширномъ смыслѣ, соплеменники, сородичи. На этомъ основаніи онъ полагаетъ, что и нападающіе свирѣпствующіе варвары, и страдавшіе отъ нихъ жители городовъ и вообще страны были единоплеменники, то есть, по его толкованію, Хазары (О запискѣ готск. топарха, стр. 116). Образцомъ византійскаго словоупотребленія лучше всего можетъ служить именно Агаѳія, сочиненія котораго такъ ревностно изучались въ концѣ X вѣка. Царь Колхиды, Губазъ, вѣроломно убитый римскими генералами императора Юстиніана, и его подданные Грузины (*οἱ Κόλχοι*) не были одноплеменны съ Греко-Римлянами, а между тѣмъ отношенія ихъ къ имперіи постоянно обозначаются терминомъ *οἱ οἰκεῖοι, οἱ οἰκειότατοι*. Такъ, въ своей обвинительной рѣчи, произносимой предъ судебною императорскою комиссіей, Колхи, стараясь доказать,

что безнаказанность злодѣйства вредно подѣйствуетъ на расположеніе всѣхъ союзниковъ (*ἅπαν τὸ ζυμμαχικόν*), говорятъ: «Не разорвутъ ли они договора, если подумаютъ, что вы были участниками злодѣянія? Не разсудятъ ли, что если вамъ совсѣмъ непричастна пощада и справедливость даже къ самымъ близкимъ -- то едва ли вы останетесь надежными для чужеземниковъ и постороннихъ»: *λογιζόμενοι ὡς εἴ γε πρὸς τοὺς οἰκειοτάτους ὑμῶν καὶ ξυνήθεις φειδοῦς ἤμιστά μετέστι καὶ δικαιοσύνης, σχολῆ γε ἂν βέβαιαι διαμενεῖτε πρὸς τοὺς ἄλλογενεῖς καὶ ὀθνεῖους* (p. 297, 15 Dind.). Впрочемъ, здѣсь построеніе фразы еще какъ будто указываетъ на противоположеніе *τοῦ οἰκειότατοι τῶ ἄλλογενεῖς*, и она скорѣе можетъ быть интересна по ея крайне замѣтному родству съ выраженіемъ нашего топарха. Дальнѣйшіе примѣры: наказавъ преступниковъ, Римляне докажутъ, что они не суть предатели своихъ (союзниковъ) (*προδοῦναι τῶν οἰκείων* p. 298, 2). Убийцы Губаза сдѣлали все, чтобы вооружить противъ Римлянъ тѣхъ, которые прежде наиболѣе къ нимъ были близки: *τοὺς πρῶτην οἰκειοτάτους*. Здѣсь *οἱ οἰκειότατοι* противопоставляются уже чуждымъ и еще незнакомымъ народамъ (p. 300, 4: *τὰ ξένα καὶ οὐπω γνῶριμα τῶν ἔθνων*). Въ другихъ мѣстахъ у того же Агаѳія: p. 212, 20: *ἐπὶ τῇ τῶν οἰκείων προδοσίᾳ*—объ измѣнникахъ, передающихъ врагамъ извѣстія изъ своей арміи; p. 212, 32 sq.: *παρὰ τοῖς οἰκειοτάτοις = τοὺς φιλότατους* (нѣсколько выше) о лицахъ, сопровождающихъ персидскаго генерала въ походѣ, но не живущихъ съ нимъ, повидимому, вмѣстѣ; просто въ значеніи самыхъ близкихъ друзей p. 251, 23: *τὴν εὐνοίαν πρὸς τὸ οἰκεῖον καὶ ἐνσπονδον*—въ смыслѣ союзниковъ; p. 294, 3 (опять о Губазѣ, но здѣсь не въ личномъ значеніи): *φίλον - καὶ ξυνήθη καὶ ζυμμαχον καὶ ἐμοδιατον καὶ ἐμόσπονδον -- καὶ τί δὲ οὐχὶ τῶν οἰκειοτάτων κερτημένον*; p. 340, 31: *ἐκ δὲ ἰκέτου καὶ ξένου κηδεστής βασιλέως καὶ οἰκειότατος*—въ противоположность къ *ξένος*, чужой = близкій, а здѣсь, пожалуй, и родственнѣй. Предпоследній примѣръ ясно показываетъ, что можно быть *οἰκεῖος* и даже *οἰκειότατος* кому-нибудь по различнымъ отношеніямъ: по дружбѣ,³⁸⁷ по союзу, по образу жизни, по договору и т. д. *Οἰκειότατος* значить вообще самый близкій въ каковомъ бы то ни было отношеніи; въ нашемъ отрывкѣ, гдѣ рѣчь идетъ о союзникахъ, оно

означаетъ самыхъ лучшихъ союзниковъ или самыхъ вѣрныхъ союзниковъ.

Задумали сдѣлать изъ ихъ [нашей] земли—какъ говорится, добычу Мисянъ: ἀλλὰ τὴν Μυσῶν λείαν καλουμένην θέσθαι τὴν αὐτῶν [ἡμῶν] γῆν - μεμελετήχασαν. — Замѣчательно, во-первыхъ, то обстоятельство, что земля, опустошаемая варварами и населенная ближайшими ихъ союзниками, первоначально была названа нашею, то есть, греческою страной, и только одумавшись авторъ счелъ за лучшее признать ее принадлежащею имъ, то есть, варварамъ: какъ будто дѣло идетъ о такой странѣ, на которую права владѣнія были нѣсколько сомнительны или спорны. Αὐτῶν не относится къ οἰκιστάτων (союзникамъ), а именно къ самимъ варварамъ: они опустошали такимъ образомъ свою землю. Что касается до выраженія «добыча Мисянъ», то, конечно, авторъ Отрывковъ о варяжскомъ вопросѣ (А. С. Гедеоновъ) сдѣлалъ ошибку, увидѣвъ въ немъ прямое указаніе на Болгарію, точно такъ какъ эту же ошибку, но только при гораздо менѣе смягчающихъ обстоятельствахъ сдѣлалъ и византинистъ Лебо (Le Beau, Histoire du Bas-empire, XIV, 433; ср. Hase, Notae in Leon. Diac., p. 408). Уже Газе указалъ, хотя и по другому поводу, но въ томъ же самомъ изданіи, въ которомъ читаются отрывки, что λεία Μυσῶν есть просто греческая поговорка, proverbium, и сообщилъ при этомъ ссылки на сборники греческихъ пословицъ (См. Corpus paroemiographorum gr., ed. Leutsch et Schneidewin, t. I, 122, 15 cum not.). Ошибка г. Гедеонова указана Н. П. Ламбининымъ и А. А. Куникомъ. Но если «добыча Мисянъ» и не есть еще добыча Болгаръ, не смотря на обычное именованіе Болгаръ Мисянами у Византийцевъ, все-таки страна, изъ которой варвары хотѣли сдѣлать добычу Мисянъ, можетъ быть признана Болгаріей на основаніи другихъ, болѣе положительныхъ соображеній.

Рушилась прежняя ихъ справедливость и законность, тогда какъ сперва они оказывали къ нимъ наибольшее уваженіе, и вслѣдствіе того они сами достигли величайшихъ трофеевъ, а города и народы добровольно приступали къ нимъ: Ἀνατέτραπτο γὰρ τὸ πρὶν αὐτοῖς ἴσον καὶ δίκαιον· ἃ δὴ περὶ πλείστου τιμῶντες τὸ πρότερον τρόπαιά τε τὰ

μέγιστα κατωρθώεσαν, καὶ πόλεις καὶ ἔθνη αὐτεπαγγέλτως προσήεσαν αὐτοῖς = Evanuerat superior eorum aequitas et iustitia: quas praecipue colentes tropaea antehac maxima statuerant, 388 adeo ut civitates et gentes ultro accederent illis. — Слова въ высшей степени замѣчательныя, если даже въ нихъ и не заключается того иностраннаго и почти современнаго свидѣтельства о признаніи Варяговъ-Руси Новгородскими Славянами, которое находилъ здѣсь Н. П. Ламбинъ. Мы согласны съ замѣчаніемъ А. А. Куника, что такой въ высшей степени почетный отзывъ уже никакъ не могъ быть примѣненъ къ дикарямъ Печенѣгамъ (die wilden Pesnaere Нибелунговъ), какъ это предположилъ было Д. И. Иловайскій. Но точно такъ же мы не находимъ убѣдительными соображенія, по которымъ лестный отзывъ долженъ относиться къ Хазарамъ. Нигдѣ не найдемъ мы у Византійцевъ подобнаго отзыва о Хазарахъ, между тѣмъ какъ именно о Русскихъ Византіяцы послѣдней четверти X столѣтія высказываютъ мнѣніе, очень близкое къ смыслу вышеприведенныхъ словъ. По крайней мѣрѣ Левъ Діаконъ, современникъ или почти современникъ нашего топарха, заставляетъ русскаго князя Святослава въ своей Доростольской рѣчи къ сподвижникамъ говорить слѣдующее: «Исчезнетъ слава, до сихъ поръ слѣдовавшая за русскимъ оружіемъ, которому безъ труда покорялись соседственные народы и безъ кровопролитія подчинялись цѣлыя страны, если мы теперь безславно уступимъ Рямлянамъ»: οἴχεται τὸ κλέος - ὃ τῇ Ῥωσικῇ πανοπλίᾳ συνείπετο, τὰ πρόσαικα καταστρεφόμενη ἔθνη ἀπονητὶ, καὶ χώρας ὅλας ἀνδραποδίζομένη ἀναίμωντι, εἰ νῦν ἀκλεῶς Ῥωμαίοις ὑπείξομεν (р. 151, 13). — Сравни также р. 140, 16: Ῥῶς - δόξαν παρὰ τῶν προσοίκων ἔθνων ἔχοντες ἐν ταῖς μάχαις ἀεὶ τῶν ἀντιπάλων κρατεῖν, и р. 150, 14: Ταυροσκήδαι - τὸ ἔθνος - πᾶσι τοῖς ἡμέροις ἐπιτιθέμενον ἔθνεσι. «Народы подчинялись добровольно» или же: «были покоряемы безъ труда и кровопролитія» — это, конечно, одно и то же, и помимо всякихъ другихъ соображеній, ужъ этотъ параллелизмъ выражений Льва Діакона и нашего автора склоняютъ насъ въ пользу общепринятаго мнѣнія, что въ отрывкѣ идетъ рѣчь о Русскихъ. Но не слѣдуетъ находить въ немъ больше того, чтò въ немъ дѣйствительно заключается. Н. П. Ламбинъ наираетъ на выраже-

не αὐτεπαγγέλτως, которое, по его объясненію, можетъ быть передано русскимъ нарѣчіемъ самовозвѣстительно, и которое указываетъ, что общины и племена сами по своей доброй волѣ, возвѣщенной черезъ посольство, подчинялись призваннымъ князьямъ. Соображеніе остроумное, но уже слишкомъ уточненное. Слово αὐτεπαγγέλτως есть, конечно, сложное, составное слово, и вторая его половина напоминаетъ существительное ἄγγελος, вѣстникъ; но производныя и сложные слова 389 рѣдко удерживаютъ конкретность значенія, заключающагося въ коренныхъ и первообразныхъ словахъ. Уже глаголь ἐπαγγέλλομαι, находящійся въ ближайшемъ родствѣ съ интереснымъ нарѣчіемъ, просто значить «вызываюсь что-либо сдѣлать, общаюсь» и не заключаетъ въ себѣ непремѣнной идеи о посольствѣ. Сообразно съ этимъ, αὐτεπαγγέλτως значить добровольно и даже своевольно. Въ такомъ смыслѣ оно встрѣчается у Агаѳіи, и въ такомъ же смыслѣ и тамъ же нѣсколько разъ употребляется соотвѣтствующее ему прилагательное; см. Agath. p. 298, 25: καὶ τάναντία τῶν εὐ διατεταγμένων αὐτεπαγγέλτως ἐξεργασμένοι (своевольно); p. 254, 16: ἐς ζυμμαχίαν αὐτεπάγγελτον προσλαμβάνοντες (добровольный); ср. p. 258, 8: ἐς αὐτεπάγγελτον ἤλασαν κακοδαίμονίαν (своевольный), и т. д. Отмѣчаемъ, сверхъ того, другія сходныя выраженія у Агаѳіи: p. 220, 21: Πέρσαις - τὰ μὲν πρότερα ἔδη ἀνατέτραπται. p. 339, 10: κατὰ βαρβάρων τῶν προσοικούντων ἔστησε τρόπαια. p. 374, 12: κατὰ Βανδίων τε καὶ Γότθων ἀνεστήσατο τρόπαια. Какіе именно города и народы добровольно покорились (русскимъ) варварамъ, на это (русская) исторія можетъ дать не одинъ, а нѣсколько отвѣтовъ; угадать, кого именно разумѣлъ авторъ записки, было бы слишкомъ трудною задачею, да едва ли и необходимою для объясненія нашихъ отрывковъ.

Несправедливость и безправіе въ отношеніи къ поданнымъ: ἀδικία - καὶ ἀμετρία κατὰ τῶν ὑπηκόων = iniustitia et intemperantia adversus subditos. Подданные и далѣе «подвластные имъ города» (καὶ πόλεις ὑπηκόους) — выраженія сами по себѣ совершенно простыя и не требующія особаго объясненія, особенно въ виду дальнѣйшихъ намековъ самого автора записки. Изъ его словъ, сейчасъ же затѣмъ слѣдующихъ, видно,

что положеніе этихъ «подданныхъ» было нѣчто среднее между самостоятельностью и порабощеніемъ (*ἀνδραποδιζεσθαι*), и что, управляя въ добромъ порядкѣ, завоеватели или властители могли извлекать себѣ изъ этого выгоды: *καὶ πόλεις ὑπάρχουσ, ἀντὶ τοῦ θεραπεύειν καὶ συμφερόντως εὐνομεῖν, ἀνδραποδικεῖν καὶ διαφθεῖρειν ξυνέθεντο*. Газе переводить: neque ornare et ex re ipsarum administrare civitates dedititias, sed redigere in servitutum et excindere constituerant. Едва ли этотъ переводъ во всемъ вѣренъ. Авторъ записки настаиваетъ на томъ, что властители или завоеватели дѣйствовали именно безразсудно и безъ разбора, безъ соблюденія собственныхъ своихъ выгодъ: *κακῶς καὶ ἀσυμφόρως*, какъ онъ выразился выше. Власть разумѣется не кака-либо отвлеченная, идеальная либо далекая, а напротивъ, весьма реальная и присутствующая на лицо. Она далѣе обозначается 390 терминомъ «игемоніи». Въ словахъ «жалуюсь на своихъ властителей» (*σχετλιάζοντες κατὰ τῶν ἡγεμόνων*, *conquerentes de dominis*) подъ властителями разумѣются не какіе-либо начальники отдѣльныхъ грабительскихъ отрядовъ, а вообще властвующій народъ; ср. *Agath.*, p. 292, 13: τῷ Γουβάτζῃ - καταπροσμένῳ τοὺς - ἀνεκαθεν ἡγεμόνας, τοὺς Ῥωμαίους φαμέν, а также p. 266, 29: пришлое господствующее населеніе или же дружина завоевателя. Первоначально власть эта была довольно дружелюбною и справедливою, но затѣмъ произошелъ рѣзкій поворотъ къ самой свирѣпой и варварской жестокости. Нашъ авторъ не объясняетъ причины этой перемѣны, представляетъ ее слѣдствіемъ какого-то неразумнаго, стихійнаго и слѣпаго порыва. Но съ точки зрѣнія варваровъ, повидимому, было не такъ: ихъ прежніе союзники или подданные какъ будто въ чемъ-то оправдывались, а они ихъ въ чемъ-то обвиняли или подозрѣвали. Сюда относятся слѣдующія выраженія: *ὡς οὐκ ἀδικοῦσιν βεβαίως δεικνύντες οἱ ἄνθρωποι* (*seque nihil mali commisisse liquido demonstrantes*) и ниже: *ἄνθρωποι τε, ἡδίκηχότες μηδὲν, προβληθέντες ἐπ' ὁμωσίᾳ, χειρῶν ἔργον καὶ ξίφος ἐγένοντο* (*incolae innocentes, pactis iuratis traditi, manibus obtruncabantur gladiisque hostilibus*: у Попова отмѣченные разрядкой слова оставлены безъ перевода). Выраженіе *προβληθέντες ἐπ' ὁμωσίᾳ* не отличается ни правильностію, ни ясностію. Самое слово *ὁμωσίᾳ* не встрѣчается у

классическихъ писателей и не можетъ быть отыскано въ словаряхъ (его нѣтъ въ *Thesaurus linguae graecae*). Но легко догадаться, что оно означаетъ клятву и стоитъ, вѣроятно, вмѣсто *ὄρκ-ωμοσία* (въ Новомъ Завѣтѣ), *ὄρκος* или *ὄρκια*. Газе перевелъ выраженіе *ἐπ' ὀμωσία* — *practis iuratis*, понимая его какъ условіе, на которомъ были передаваемы или сдаваемы жители городовъ и сель, разоренныхъ варварами. Въ такомъ случаѣ нужно будетъ признаться, что и глаголъ *προβάλλομαι* употребленъ нашимъ писателемъ въ весьма необычномъ значеніи. Намъ кажется, что будетъ проще придавать ему значеніе, требуемое и самою связью рѣчи, значеніе «обвинять»: *προβληθέντες* значитъ обвиненные (*προβληθέντες ἀπέθανον*, Polyb. IX, 17). Тогда выраженіе *ἐπ' ὀμωσία* будетъ выражать причину или основаніе обвиненія, и *ὀμωσία* должно замѣнять или слово *ἐπιὄρκια* = нарушенную клятву, или же *ξυνωμοσία* = заговоръ. Повидимому, авторъ записки хотѣлъ избѣжать неловкаго выраженія *ἐπ' ἐπιὄρκια* и только ради этого употребилъ совсѣмъ неизвѣстное слово. Итакъ, подданные варваровъ (Русскихъ) были заподозрѣны или только обвиняемы своими властителями въ нарушеніи клятвы 391 или присяги. Но въ самомъ значеніи глагола *προβάλλομαι* заключается указаніе на то, что обвиненіе не было справедливо, а служило только предлогомъ; такъ, по крайней мѣрѣ, хотеть представить дѣло авторъ.

2. Жестокая судьба привела наконецъ и къ моей области. — Въ первой главѣ втораго отрывка описывались бѣдствія, которыя обрушились на сосѣдей топарха — *τὰ γείτονα καὶ πλησιόχωρα ἡμῶν* = *τοῖς ταλαιπώροις ἡμῶν ἀστυγείτοσι* (*vicinitates et confinia nostra* = *infelices conterminos nostros*). Во второй говорится объ опасностяхъ, которыя отъ тѣхъ же варваровъ грозили самой области топарха (*πρὸς τὴν ἐμὴν ἀρχήν*). Употребленіе слова *ἀρχή* въ смыслѣ государства, имперіи, области, находящейся подъ чьею-либо властію, очень обыкновенно (= *δύναμις καὶ χώρα*). Безъ особенной нужды Газе переводить полатыни — *ad praesidium meum*, къ моему посту, лагерю, укрѣпленію, защитѣ; далѣе слово *ἀρχή* замѣнено словомъ *γῆ*, земля (*ἐσέβαλον εἰς τὴν γῆν ἡμῶν*, *in regionem nostram*, вторгнулись въ нашу землю).

Я ожидалъ этого и прежде: ὑφορώμενον μὲν ἐμοὶ καὶ πρότερον = Quam quia iam antehac eram veritus. Несмотря на сходство выражений, едва ли здѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ же самыхъ опасеніяхъ, которыя чувствовалъ авторъ во время путешествія послѣ переправы черезъ Днѣпръ. Тамъ было сказано: τὸ τῶν πολεμίων ὑφωρᾶτο κακόν, зло было ожидаемо, грозило намъ отъ враговъ. Хотя враги могутъ быть одни и тѣ же, но моменты, повидимому, различны, какъ различны мѣста, въ которыхъ находился авторъ тогда и теперь. Тогда онъ былъ въ непріятельской землѣ, теперь говорить объ опасеніяхъ за свою область и представляетъ себя въ ней находящимся.

Отвратилъ наиболѣе мудрымъ образомъ, какъ только умѣлъ, хотя при этомъ я самъ едва не подвергся послѣдней опасности: σοφώτατ' ὡς εἶχον ἀπεκρουσάμην, ἐμοὶ καίπερ τὰ ἔσχατα παρὰ μικρὸν κινδυνεύσαντος = quam artissime poteram repuli, quamvis in extremum raene periculum adductus. «Какъ скоро оно (бѣдствіе) приблизилось къ намъ и жизнь наша была въ крайности, то я отразилъ его, несмотря ни на какую опасность» (Поповъ). Слова «хотя я самъ при этомъ подвергался послѣдней опасности» могутъ, повидимому, относиться къ тѣмъ крайнимъ опасностямъ, которыя описаны были въ первомъ отрывкѣ; тогда нашъ авторъ дѣйствительно рисковалъ своею жизнью. Но едва ли изъ этого слѣдуетъ заключать, что непріатели въ первый уже разъ были отражены силою, и что, слѣдовательно, въ первомъ отрывкѣ описана военная экспедиція. При глаголѣ ἀπεκρουσάμην, «отразилъ», стоитъ выра- 392
женіе σοφώτατ' ὡς εἶχον, а не ἀνδρείοτατα, «мудрымъ образомъ», а не «мужественно, храбро», такъ что мы можемъ догадываться, что опасность была отвращена какимъ-либо дипломатическимъ способомъ, то есть, сношеніемъ, переговорами либо съ повелителемъ самихъ варваровъ, грозившихъ нападеніемъ, либо съ какимъ-либо другимъ народомъ, способнымъ остановить «варваровъ» или помѣшать имъ.

А что касается времени затѣмъ послѣдовавшаго: Τὸ δὲ ἀπὸ τούτου = Verum inde. Отсюда видно, что отраженіе, устраниеніе опасности предшествовало тѣмъ событіямъ; тѣмъ прямымъ столкновеніямъ съ варварами, которыя должны опи-

сываться далѣе, и которыя соотвѣтствуютъ прямой, открытой войнѣ, упомянутой уже въ началѣ втораго отрывка. Вообще порядокъ изложенія у нашего автора представляется на первый взглядъ нѣсколько запутаннымъ и требуетъ особеннаго вниманія. Уже во второмъ отрывкѣ онъ три или, по крайней мѣрѣ, два раза возвѣщаетъ наступленіе одного и того же событія, то есть, открытой войны съ варварами, и всякій разъ отклоняется отъ разсказа о ней желаніемъ сдѣлать тѣ или другія объясненія. Въ началѣ отрывка сказано: «только тогда мы рѣшились воевать съ варварами», а затѣмъ описывается поведеніе варваровъ, вслѣдствіе котораго столкновеніе сдѣлалось неизбежнымъ:

1) Они свирѣпствовали противъ своихъ собственныхъ подданныхъ, находящихся въ сосѣдствѣ съ (греческою) областію топарха.

2) Они уже грозили и самой его области, хотя на первый разъ ихъ нападеніе и было отвращено. Такимъ образомъ дѣйствіе, обозначенное словами: «я отвратилъ тогдашнюю язву и подвергся при этомъ послѣдней опасности», въ самомъ дѣлѣ выходитъ изъ порядка событій, начинающихся объявленіемъ войны со стороны самого топарха, и можетъ быть считаемо тѣмъ путешествіемъ, которое описано въ первомъ отрывкѣ.

Между нами началась война безъ (предварительнаго) объявленія, при чемъ они уже не вступали съ нами въ сношенія: πόλεμος - ἀκηρυκτί - ἐγένετο, ἐν ᾧ οὔτε ἐπεμίγνυον ἔτι παρ' ἡμῖν. Внѣшнимъ образомъ выраженія напоминаютъ слова Фукидида въ концѣ первой, а также въ началѣ второй книги, которыми онъ характеризуетъ отношеніе между Аѳинянами и Спартанцами предъ началомъ Пелопоннесской войны: ἐπεμίγνυντο δὲ ὁμῶς-καὶ παρ' ἀλλήλους ἐφοίτων, ἀκηρυκτῶς μὲν, ἀνυπόπτως δὲ οὐ (I, 146). — Ἄρχεται δὲ ὁ πόλεμος ἐνθένδε ἤδη-, ἐν ᾧ οὔτε ἐπεμίγνυντο ἔτι ἀκηρυκτί παρ' ἀλλήλους (II, 1). Здѣсь ἀκηρυκτί означаетъ такое положеніе двухъ сторонъ, когда, несмотря на ихъ глухія враждебныя отношенія, на ссору (διαφοραὶ-πρὸ τοῦ πολέμου), обычныя связи еще не прерваны, и взаимныя сношенія совершаются безъ соблюденія формальностей, соблюдаемыхъ во время войны, то есть, безъ по-

средства герольда и его жезла (*ἄνευ κηρυκείου*). Но фразеологія нашего автора, заимствованная у Фукидида, конечно, путем школьнаго преданія и школьнаго образованія, не имѣетъ, очевидно, надлежащаго точнаго смысла. Далѣе сказано, что, по крайней мѣрѣ, съ одной стороны всякія сношенія были прерваны; а затѣмъ, когда идетъ рѣчь о другой сторонѣ, весьма неловко въ стилистическомъ отношеніи послѣ *ἀκηρυκτί* = безъ герольдовъ, поставлено *ἐκκηρύχουον* (посылалъ герольдовъ) — съ герольдами. Слово *ἀκηρυκτί* можетъ также обозначать такое положеніе воюющихъ сторонъ, когда уже не допускаются никакія сношенія, не принимаются никакія мирныя предложенія, даже дѣлаемые чрезъ герольдовъ, однимъ словомъ — войну непримиримую (*πόλεμος ἄσπονδος καὶ ἀκήρυκτος*). Такой смыслъ имѣетъ фраза у Льва Діакона (р. 29, 20): *ἀκήρυκτον ἐπέφερε πόλεμον*. Но и это значеніе не идетъ къ нашему отрывку: изъ дальнѣйшихъ словъ слѣдуетъ, что пока не было еще непримиримой войны, и положеніе точнѣе обозначалось мирными попытками съ одной стороны, перерывомъ сношеній съ другой, и только нѣкоторыми враждебными столкновениями (*οὕτε ἀμαχητὶ ἦμεν, nec sine praeliis mutuis res gesta est*, между нами дѣло не обходилось безъ оружія), при чемъ варвары еще и не вторгались собственно въ область топарха. Мы рѣшили поэтому перевести слово *ἀκηρυκτί* ближе къ его первоначальному простому этимологическому значенію: «безъ возвѣщенія, безъ предварительнаго объявленія», тѣмъ болѣе, что и въ классическомъ языкѣ такое значеніе имѣетъ себѣ аналогію (у Геродота, V, 81), и у образцоваго византійскаго писателя, то есть, у Агаѳіи, встрѣчается нѣчто подобное: р. 209, 19: *ἐσβολὰς ἀκηρύκτους* въ противоположность къ *ἐμφανεῖς παρατάξεις*, слѣдовательно, болѣе тайные неожиданные набѣги въ противоположность открытымъ, правильнымъ сраженіямъ. И Зонара <XVII 24, р. 168, 4 Dind.> въ рассказѣ о нашествіи Русскихъ въ 1043 г. употребилъ выраженіе: *ἀκήρυκτον ἐπέσεισε πόλεμον* въ подобномъ же значеніи (= *ἀπροφάσιστον πόλεμον* Пселла р. 130, 3 ed. Lond.). Итакъ, греческій топархъ имѣлъ дѣло съ такими варварами, отъ которыхъ можно было ожидать соблюденія извѣстныхъ международныхъ обычаевъ, или съ такимъ ихъ предводителемъ, который

какъ будто долженъ былъ сказать: «иду на васъ». Во всякомъ 394 случаѣ, въ объясненныхъ нами предложеніяхъ, нашъ авторъ имѣлъ намѣреніе обозначить нѣкоторый промежутокъ между приближеніемъ первой опасности, устраненной какимъ-то мудрымъ способомъ, и наступленіемъ явной открытой войны: это былъ промежутокъ недружелюбныхъ, враждебныхъ отношеній, военныхъ случайныхъ столкновеній, но еще не прямой, заявленной или непримиримой войны. Скоро, однако, глухая борьба, неоткрытая война превратилась въ явную войну.

И вотъ война тотчасъ началась: *Καὶ ὁ μὲν πόλεμος ἐὐθὺς ἤρξατο*. Членъ стоитъ здѣсь при словѣ «война» или потому, что эта война разсматривается какъ прямое продолженіе сейчасъ описанныхъ враждебныхъ отношеній (обозначенныхъ просто словомъ *πόλεμος* безъ члена), или же скорѣе потому, что авторъ, послѣ отступленія, сдѣланнаго для объясненія предшествовавшихъ обстоятельствъ, снова пришелъ къ тому пункту, которымъ началъ свой второй отрывокъ, то есть, къ войнѣ, которую онъ рѣшилъ вести или, лучше сказать, встрѣтить: эта война и началась. Итакъ, *πολεμεῖν ἐγγνωμεν* (*bellum inferre descivimus*) . . . . *καὶ ὁ μὲν πόλεμος ἐὐθὺς ἤρξατο* (*ita bellum continuo exarsit*), — вотъ два прямо связанные, непосредственно одинъ за другимъ слѣдующіе момента. Эта связь, очевидно, остается, если даже примемъ въ расчетъ и *πόλεμος ἀχρηστί* = враждебныя дѣйствія, предшествовавшія открытой войнѣ. Отсюда опять слѣдуетъ, что устраненіе первой опасности было достигнуто не путемъ военныхъ дѣйствій противъ варваровъ. Война началась, какъ сказано далѣе, при началѣ зимы, когда солнце было уже не далеко отъ зимняго поворота. Въ текстѣ стоитъ *χειρῖνῶν*, но, очевидно, читать слѣдуетъ *χειμερῖνῶν* (то есть, *τροπῶν*), какъ это и предложилъ Газе. Затѣмъ, это слово вмѣстѣ съ предыдущими было зачеркнуто, опять написано и снова зачеркнуто.

Вторгнулись въ нашу землю съ коннымъ и пѣшимъ войскомъ: *ἐσέβαλον εἰς τὴν γῆν ἡμῶν, ἰππικῶ τε ἄμα καὶ πεζῶ*. Уже выше было замѣчено, что «наша земля» есть то же самое, чтó и «моя область» (*ἡ ἐμὴ ἀρχή*), упомянутая выше. Но сверхъ того не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и земля, принадлежа-

шая сосѣдямъ, въ которой ранѣе свирѣпствовали варвары, могла быть названа тоже «нашею землею», то есть, конечно, греческою: по крайней мѣрѣ, такъ выразился было нашъ авторъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ «конное и пѣшее» войско. Мы ужъ обнаружили свою склонность подъ «варварами», которые покорили себѣ много городовъ и странъ, а потомъ стали свирѣпствовать противъ своихъ подданныхъ, — разумѣть Русскихъ. Нужно предвидѣть противъ этого такое возраженіе, 395 что ни Славяне, которые съ давняго времени жили въ нынѣшней Россіи, ни варяжскіе мореходы не были конниками. О послѣднихъ говорится, что «они верхомъ ѣздить не умѣли». А что касается Славянъ, то еще Тацитъ (Germ. 46) сказалъ о Венедахъ, сосѣдяхъ Финновъ, что они *pedum usu et pernitate gaudent* и тѣмъ отличаются отъ Сарматовъ, *in plastro equoque viventibus*. То же самое повторяетъ — чуть не черезъ пятьсотъ лѣтъ послѣ — и Прокопій (b. Goth. III, 14, 25) объ Антахъ и Славянахъ: πεζῶν ἐπι τοὺς πολεμίους ἵασιν (*pedibus tendunt in hostem*). Спустя четыре вѣка съ половиною, Левъ Діаконъ снова говоритъ о Скиѣсахъ, то есть, о Руси Святослава, что они пѣхотинцы, и сражаются на лошади для нихъ дѣло непривычное, потому что они въ этомъ не упражняются (р. 134). То же самое повторено у него еще разъ прямо о Руси: «народъ, сражающийся пѣшкомъ и совсѣмъ не умѣющий ѣздить на конѣ» (р. 140, 22; см. еще р. 150, 10). Этого достаточно, чтобы признать предпочтеніе къ пѣшему бою совершенно серьезнымъ и прочнымъ признакомъ Славянъ и Русскихъ, достаточно вполне для обличенія несостоятельности фантастической роксоланской теоріи¹⁾. Но это нисколько не можетъ помѣшать намъ видѣть 396

1) Роксоланы, по словамъ того же самаго Тацита (Hist. I, 79), который рѣзко отдѣляетъ Венедовъ (Славянъ) отъ Сарматъ, суть *Sarmatica gens*. Во-вторыхъ, они исключительно конники. По поводу ихъ вторженія въ Мезію, въ количествѣ девяти тысячъ всадниковъ, Тацитъ сообщаетъ намъ весьма отчетливую характеристику ихъ: *namque mirum dictu, ut sit omnis Sarmatarum virtus velut extra ipsos. nihil ad pedestrem pugnam tam ignavum: ubi per turmas advenerit, vix ulla acies obstiterit*. Въ-третьихъ, Венеды тѣмъ имѣютъ сходство съ Германцами, что *domos figunt et scuta gestant* (Germ. 46), а Роксоланы и вообще Сарматы — кочевники и легкаго вооруженія и щитовъ не употребляютъ: *neque enim scuto defendi mos est* (Histor. I, 79). Послѣ этого считать Роксоланъ Славянами и предками русскихъ Славянъ — просто нелѣпо. Венеды Тацита суть позднѣйшіе Анты и Славяны Прокопія и

Русскихъ въ лицѣ «варваровъ» нашего отрывка. Пѣшій народъ все-таки скорѣе способенъ сдѣлаться коннымъ, чѣмъ степной наѣздникъ — превратиться въ пѣхотинца. Левъ Діаконъ принимается ровно четыре раза говорить о неспособности Русскихъ къ конному бою; но, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ онъ уже дѣлаетъ ограниченіе. Во время Доростольской осады Скиѣы (разумѣется — Русскіе) сдѣлали вылазку на лошадяхъ, и по этому случаю Левъ Діаконъ замѣчаетъ, что здѣсь въ первый разъ они явились въ такомъ видѣ, то есть, конными, а вообще имѣютъ привычку сражаться всегда пѣшкомъ, и такъ далѣе (р. 143, 16). Впрочемъ, возраженіе, нами предполагаемое, еще легче можетъ быть устранено указаніемъ на обычай русскихъ князей нанимать конницу у тюркскихъ степныхъ народовъ. Въ войнѣ Святослава съ Греками его союзниками были Печенѣги и Угры.

Мы имѣли мѣстопробываніе въ городѣ, совершенно разрушенномъ: ἐπὶ κατεσχαμμένῃ πόλει τὴν οἰκησιν ποιούμενων ἤρῳν. Выше было сказано, что варвары могли разсчитывать на слабость стѣны, которая защищала топарха; далѣе разрушенный городъ сравнивается съ открытымъ селеніемъ, на которое онъ болѣе походилъ. Все это просто, хотя и не лишено значенія. Совершенно вѣрно замѣчаніе А. А. Куника, что тутъ не можетъ идти рѣчь о Корсуни. Но особеннаго вни-

---

другихъ византійцевъ: это ужъ обнаруживается изъ сходства быта и считается общепризнанною истиной. Утверждать, что Анты и Славны не суть Венеды (Venedi), а прежніе Роксолане, совершенно непохожіе на Венедовъ или Славянъ, значитъ — вносить въ исторію никому не нужную путаницу и совершенно незаконный произволъ, которому равняется только забавное превращеніе Роксоланъ въ Росс-алановъ. Ссылаться на Певтингеру карту въ доказательство того, что Роксолане не исчезли изъ исторіи до VI в., значитъ — не имѣть никакого понятія о происхожденіи карты. Въ послѣднее время Дежардэнъ, ея издатель, показалъ, что она не была составлена вдругъ и за одинъ разъ, а, напротивъ, элементы, изъ которыхъ она образовалась, принадлежатъ различнымъ эпохамъ: времени Августа, царствованію Траяна, половинѣ IV вѣка, царствованію Юстиніана, наконецъ — кое-что прибавлено въ XIII вѣкѣ: Италия, напримѣръ, изображена такъ, какъ она дѣлилась при Августѣ, Дакія — такою, какою она была при Траянѣ, и т. д. Это не значитъ, что «Певтингеровы таблицы обнимаютъ время отъ Августа до Юстиніана включительно» (?!). Именно полное отсутствіе именъ, сдѣлавшихся извѣстными въ вѣкѣ Юстиніана, доказываетъ, что придунайскія области (Дакія) изображены на картѣ не въ томъ видѣ, какъ онѣ были въ VI вѣкѣ, а гораздо ранѣе.

манія требуетъ то, что слѣдуетъ далѣе. Во-первыхъ, авторъ записки здѣсь же написалъ было о нападеніи и отраженіи варваровъ. Затѣмъ онъ написанное и обозначенное въ нашемъ переводѣ скобками зачеркнулъ, но только для того, чтобы перенести тѣ же самыя слова — даже съ тѣми же грамматическими ошибками (*ἀποβαλλόντες* вмѣсто *ἀποβαλόντες*) — на другое мѣсто (въ началѣ третьяго отрывка). Причина, почему онъ сдѣлалъ это, совершенно очевидна. Онъ опять почувствовалъ потребность воротиться назадъ, сообщить нѣкоторыя объясненія, заимствованныя изъ прошедшаго. Мы находились въ разрушенномъ городѣ, — скорѣе въ селеніи, чѣмъ въ городѣ: далѣе идетъ рѣчь о томъ, какъ это случилось, то есть, кѣмъ былъ разрушенъ городъ, и какъ въ него попали осажденные. . . . Однимъ словомъ, 397 все то, что будетъ слѣдовать до новаго повторенія словъ, заключенныхъ здѣсь, все это будетъ относиться къ предыдущему времени. Но и внутри этого промежуточнаго вставочнаго мѣста должны быть отличаемы два или три различные момента: 1) территория, гдѣ находилась крѣпость, была разрушена тѣми же самыми варварами; 2) послѣ авторъ записки избралъ здѣсь мѣсто для поселенія, рѣшилъ возстановить городъ и началъ строить пока крѣпостцу; 3) когда крѣпостца была выстроена, и весь городъ сталъ населяться, тогда началась война. . . . Последний моментъ указывается уже въ третьемъ отрывкѣ, который сейчасъ слѣдуетъ. Тамъ снова, еще разъ, повторена будетъ фраза о началѣ войны: *καὶ ὁ πόλεμος ἤρξατο*. Слѣдовательно, крѣпостца строилась, и городъ возстановлялся въ то время, когда варвары свирѣпствовали по сосѣдству надъ своими союзниками и подданными, или вообще когда они тамъ утвердились. А опустошеніе территорія и разрушеніе старыхъ городскихъ стѣнъ относится ко времени болѣе раннему, вѣроятно, ко времени перваго появленія варваровъ въ подразумеваемыхъ мѣстахъ. Былъ ли здѣсь авторъ нашихъ отрывковъ во время этого опустошенія? Принадлежала ли вообще эта территорія Грекамъ и была ли въ ихъ рукахъ тогда, когда здѣсь хозяйничали прежде варвары? Яснаго отвѣта на эти вопросы нѣтъ. Но, судя по равнодушному тону замѣчанія о разореніи территорія тѣми же самими варварами, можно думать, что это мало касалось нашего

топарха и вообще интересовъ его верховнаго правительства. Прибавимъ, что, быть можетъ, глаголь ἀπέστημεν (отступили) въ началѣ объясняемаго отрывка относится къ избранію авторомъ новаго пункта для своего поселенія (именно въ прежде разрушенномъ городѣ).

Эта область (земля) ранѣе того была уже разорена самими варварами: Ἡ γῆ γάρ προκατέσκαπτο παρ' αὐτῶν τῶν βαρβάρων = Vastata enim prius fuerat ab ipsis barbaris regio. Ἡ γῆ — прежде говорилось ἡ γῆ ἡμῶν, наша земля. Авторъ до такой степени любитъ повторять одни и тѣ же обороты и слова, что, быть можетъ, опущеніе слова ἡμῶν (наша) не лишено значенія. . .

При чемъ они разрушали до основанія стѣны: ἐκ βάρων αὐτῶν καταβαλλόντων τὰ τείχη = muris solo aequatis. Почему сказано разрушали, а не разрушили (καταβαλόντων)? Были ли еще другіе города и другія стѣны въ этой территоріи или области (γῆ), разоренной варварами? Или же здѣсь такая же ошибка въ правописаніи, какая сдѣлана авторомъ еще два раза ³⁹⁸ въ рукописи (ἀποβαλλόντες вмѣсто ἀποβαλόντες: примѣчаніе Газе на стр. 501 и 503)? Намъ кажется вѣроятнымъ послѣднее.

И только тогда я первый пришелъ къ мысли поселиться въ Климатахъ: καὶ τότε ἀρχὴν ἐμοῦ πρώτου πάλιν οἰκῆσαι τὰ Κλίματα διανοησαμένου = ego autem tunc demum habitare denuo Clemata primus constitueram. Поповъ: «Тогда я рѣшился поселиться въ Климатахъ». — Тότε ἀρχὴν (tunc demum; ἀρχὴν = ἐξ ἀρχῆς съ начала), то есть, послѣ того, какъ область была разорена, и стѣны города были разрушены. ἐμοῦ πρώτου: итакъ, до разоренія города варварами ни самъ топархъ, ни его предшественники не имѣли въ немъ своего мѣстопробыванія, какъ мы это и выше предполагали, но тѣмъ не менѣе городъ былъ населенъ. Вмѣсто οἰκῆσαι (habitare) самъ Газе предлагаетъ поправку οἰκίσαι (instaurare): поправка совсѣмъ не нужная. А. А. Куникъ, принимая ее, указываетъ на заключительное слово разбираемаго отрывка (οἰκισθῆσεσθαι); но тамъ глаголь οἰκίζω — instaurare — совершенно на мѣстѣ, потому что идетъ уже рѣчь о возстановленіи разрушенныхъ стѣнъ, а здѣсь идетъ рѣчь о рѣшеніи поселиться въ данномъ мѣстѣ.

Οἰκῆσαι = *οἰκῆσιν ποιήσασθαι*, выраженіе, употребленное двумя строками выше. Въ третьемъ отрывкѣ опять стоитъ: *ῥηκεῖτο γὰρ ἡ πόλις*. У Льва Діакона точно такъ же употребляется глаголь *οἰκέω* въ видѣ глагола дѣйствительнаго (transit.): *ἀπελαθέντα πρὸς τῶν Σκυθῶν - αὐθις Θεσσαλίαν οἰκῆσαι* (р. 150, 8 объ Ахиллесѣ). У другихъ византіицевъ: *ὅς* (о св. Платонѣ) *καὶ τὸν Ὀλυμπον ἐκ νέου οἰκῶν* (*Vita Theodori Studitae*, с. IV: *Patrol. gr.* 99, 121). *Καὶ ἐξελθὼν ἀπὸ Ῥώμης οἰκῆσεν τὴν Ῥάβενναν* (о Теодорикѣ готскомъ *Chron. Paschale I*, р. 605, 9 Bonn.) и т. д. Итакъ, топархъ первый изъ представителей (греческой) власти поселился въ Климатахъ. Климаты — *Κλήματα* — это, очевидно, тотъ городъ (*πόλις*), стѣны котораго нѣкогда были разрушены варварами до основанія, и который, вслѣдствіе разрушенія, имѣлъ болѣе видъ селенія (*κώμη*), чѣмъ города. Существовалъ ли когда нибудь въ Крыму городъ Климаты, объ этомъ мы разсуждаемъ далѣе. Но здѣсь же мы замѣтимъ, что невнимательность къ значенію, въ которомъ употребляется въ нашихъ отрывкахъ слово *Κλήματα*, было главною причиною невѣрнаго объясненія любопытнаго документа.

Второй отрывокъ кончается словами: *Τοίγαρτοι φρούριον μὲν τὸ πρῶτον ἐκ τῶν ἐνόντων ἐξωκοδόμησα παρ' αὐτὴν, ὡς ἐκ τοῦτου ῥαδίως καὶ τὴν ἄλλην ἀπασαν πόλιν οἰκισθήσεσθαι* = *Quare in principio iuxta oppidum pro facultatibus feceram castellum, 399 quod inde facile reliquam quoque civitatem instaurari posse...*

Ἐκ τῶν ἐνόντων Газе переводить *pro facultatibus* (по возможности), но здѣсь, кажется, *τὰ ἐνόντα* имѣеть болѣе конкретный смыслъ — то, что тутъ было, находящіяся на лицо матеріалы. *παρ' αὐτὴν*, то есть, *πόλιν*, хотя собственно мѣстоименіе относится къ *τὰ Κλήματα* (согласованіе по смыслу). Далѣе же *τὰ Κλήματα* прямо получаетъ титулъ города (*ἄλλην — πόλιν*).

4.

Третій отрывокъ и объясненія къ нему.

«И она (крѣпость) была выстроена съ большею успѣшностію и ограждена была ровомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ... началась война. Крѣпость была раздѣлена между отдѣльными семьями, и

въ ней было положено на сохраненіе все наиболѣе цѣнное; а то, что затѣмъ оставалось, было помѣщено внѣ ея, въ другой оградѣ города. Ибо ужъ и весь городъ сталъ населяться; а крѣпость приготовлена была для того, чтобы спасти насъ въ большой опасности [сохранялось]. Но варвары, потерявъ тогда многихъ и подвергшись посрамленію, къ ночи ушли, поопасшись утра; а я вмѣстѣ съ зарею вывелъ войско съ намѣреніемъ вступить въ бой. У меня было тогда немногимъ болѣе ста всадниковъ, а пращниковъ и лучниковъ не болѣе трехсотъ. Не видя нигдѣ варваровъ, я занялся тѣмъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было полезно, воздвигая старую стѣну и научая своихъ лучше приготовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я разослалъ гонцовъ къ тѣмъ, которые держались насъ, приглашая ихъ къ себѣ (и при этомъ) имѣя въ виду принять окончательное рѣшеніе. [Но боясь, чтобы опять съ большою силою не при. . . . И съ ббльшимъ войскомъ не пришли, когда же составилось вѣче, о томъ, что я тогда сказалъ. . .]. Когда они пришли со всѣхъ сторонъ, и составилось вѣче изъ лучшихъ людей, то я держалъ рѣчь, въ которой объяснялъ, какихъ господъ (властителей) болѣе нужно желать и, какихъ получивъ, какую пользу нужно стараться извлекать изъ нихъ и вообще что теперь слѣдуетъ дѣлать: о чемъ я говорилъ тогда и все то, что я сказалъ, было бы слишкомъ длинно излагать здѣсь по порядку, если бы даже я и цѣнилъ это (свою рѣчь) болѣе всего.

«Но или потому, что они никогда будто бы не воспользовались благорасположеніемъ императорскимъ и не заботятся болѣе о еллинскихъ обычаяхъ, а прежде всего стремятся къ независимости, или потому, что они сосѣдять съ тѣмъ, кто царствуетъ на сѣверѣ Дуная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, могучъ большимъ войскомъ и надмевается силою въ бояхъ, и (потому, наконецъ, что) не отличаются по обычаямъ отъ тамошнихъ (жителей) въ своемъ собственномъ быту (такъ или иначе, но) они рѣшили заключить съ нимъ миръ и передаться ему и сообща всѣ подали голосъ, что и я долженъ сдѣлать то же самое. Итакъ, дабы наши владѣнія остались сохранными, я отправился къ нему и былъ принятъ имъ наилучшимъ образомъ, какъ только всякій могъ для себя пожелать. По возможности въ краткой бесѣдѣ я порѣшилъ съ

нимъ обо всемъ; и онъ счелъ это дѣло болѣе всего важнымъ, охотно далъ мнѣ опять всю власть надъ Климатами и присоединилъ къ этому цѣлую сатрапію, а сверхъ того, подарилъ въ своей землѣ достаточные ежегодные доходы».

Третій отрывокъ, очевидно составляетъ непосредственное продолженіе втораго. Крѣпостца, о которой было выше сказано, здѣсь представляется выстроенною. Когда... началась война: *καὶ ἄμα τούτων... καὶ ὁ πόλεμος ἤρξατο* = *unaque cum his... bellum quoque inserit*. На мѣстѣ, означенномъ точками, стояло еще какое-то слово, но оно зачеркнуто такъ, что невозможно было разобрать его. Война, которая началась, есть та самая война, которая уже нѣсколько разъ возвѣщаема была нашимъ авторомъ во второмъ отрывкѣ (см. выше).

Городъ населялся: *Ἰσκηίτο γὰρ ἤδη καὶ ἡ πόλις ἅπασα* = *Habitabatur enim tunc urbs iam tota*. Выше объяснено, какой городъ разумѣется: это городъ, называемый Климаты. *Ἰσκηίτο imperfectum* въ смыслѣ *inchoativi*.

Сохранялось: *ἐτηρείτο*, — слово, которымъ должно было начинаться какое-то новое предложеніе, вѣроятно, относящееся къ сохраненію имущества или же къ средствамъ охраненія крѣпости и мѣръ наблюденія за врагами. Но предложеніе не было dokonчено авторомъ, а первое слово его осталось не зачеркнутымъ вслѣдствіе забывчивости.

Ἄλλ' οἱ μὲν βάρβαροι τότε πολλοὺς αὐτῶν ἀποβαλλόντες καὶ κατασχυνηθέντες ἀπήεσαν πρὸς νύκτα... Слова эти разъ уже были написаны авторомъ—во второмъ отрывкѣ, но зачеркнуты тамъ по известной намъ причинѣ (см. стр. 169). Тамъ и здѣсь авторъ написалъ *ἀποβαλλόντες* вмѣсто *ἀποβαλόντες*. Далѣе: въ первый разъ было написано *κατασχυνηθέντες*, что правильно, а во второй — *κατασχυνηθέντες*, что уже представляетъ грамматическую ошибку; *πρὸς ἑσπέραν* первой редакціи замѣнено здѣсь словомъ *πρὸς νύκτα*.

Поопасшись утра: *φυλάξαντες τὸ περίορθρον* (у Газе: *servato diluculo?*).

Воздвигая старую стѣну: *τείχος μὲν τὸ παλαιὸν ἀνεγει-*

ρων, то есть, стѣну города «Климаты», разрушенную варварами при прежнемъ ихъ нашествіи на территорію этого города. παλαιόν=ἐκ τῶν ἐνόντων.

Я разослалъ гонцовъ къ тѣмъ, которые держались насъ: Πρὸς δὲ τοὺς ἡμῖν προσέχοντας δρόμῳ χήρυκας ἔπεμπον = Eos autem qui ditionis nostrae erant, nunciis cursim missis accessivi. Поповъ: «Я разослалъ къ моимъ союзникамъ вѣстниковъ съ приглашеніемъ.»—Мы думаемъ, что нашъ болѣе буквальный переводъ точнѣе передаетъ смыслъ подлинника; ср. Agath. p. 252, 22: τούτοις οὖν, εἴπερ εἰ φρονούμεν, οὐ προσεχτέον, οἷς οὔτε τὰ τῆς γνώμης ἀριστα ζύχεται и т. д.; такъ говорится въ рѣчи, въ которой союзники Римлянъ склоняются къ отпадению отъ нихъ (слѣдовательно: не нужно держаться тѣхъ, которые не отличаются наилучшимъ образомъ мыслей). Ударение въ приведенной фразѣ лежитъ на словѣ «намъ» (ἡμῖν). Мы уже знаемъ изъ второго отрывка, что «сосѣдственная и близкая область» (τὰ γείτονα καὶ πλησιόχωρα ἡμῖν) находилась во власти или же союзѣ варваровъ, хотя она могла считаться также принадлежащею Грекамъ (см. выше <стр. 158> объясненіе словъ: ихъ [нашей] земли). Оставались, однако, вблизи Климатовъ такіе обитатели, которые еще не перешли на сторону варваровъ, а продолжали быть вѣрными другой власти. Видно, что ихъ было не очень много, если они могли быть созваны такъ скоро посредствомъ пѣшихъ гонцовъ (δρόμῳ χήρυκας). Видно, что они не участвовали въ оборонѣ крѣпости и города Климатовъ и не были въ числѣ тѣхъ «своихъ» (= τοὺς ἐμούς) людей топарха, которыхъ онъ только что наставлялъ приготовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Итакъ, гарнизонъ крѣпости и его начальникъ, нашъ топархъ, были здѣсь людьми чуждыми, пришлыми, какъ это и оказывается далѣе съ большою ясностью. Наконецъ, и тѣ, которые «держались» топарха и его земляковъ, не были особенно крѣпко привязаны къ нему и уже готовы были передаться вслѣдъ за другими той же варварской власти.

Составилось вѣче изъ лучшихъ людей: ἐκκλησίας ἐκ τῶν ἀρίστων γενομένης. Вѣче изъ лучшихъ людей, конечно, не есть вѣче (ἐκκλησία) въ настоящемъ смыслѣ этого слова. А что касается «лучшихъ» людей, то нѣтъ общества или народа, среди

котораго такіе лучшіе люди не могли бы быть отысканы. Такъ, русскій князь Святославъ, замѣтивъ, что Болгары стали скло- 402
няться на сторону Грековъ, собралъ тѣхъ изъ нихъ, которые отличались родомъ и значеніемъ. Такъ какъ число явившихся на приглашеніе простиралось до 300 человекъ, то такое собраніе тоже могло быть названо вѣчемъ, хотя оно въ дѣйствительности и кончилось вѣроломнымъ избіеніемъ болгарской аристократіи. См. Leonis Diac. histor., p. 139: ὄρων δὲ Μουσούς τῆς ἐκείνου μὲν ἑταιρείας ἀφηνιάζοντας, τῷ δὲ βασιλεῖ προσχωροῦντας, τοὺς γένοι καὶ δυναστεία διαφέροντας συνειλοχῶς τῶν Μουσῶν, εἰς τριακοσίους ἀριθμουμένους и т. д.

То я держалъ рѣчь. — Содержаніе этой рѣчи изложено слишкомъ въ общихъ чертахъ и притомъ нѣсколько запутанно: ἃ μὲν εἶπον ἐγὼ τότε, καὶ ὡς οἶων δεσποτῶν μᾶλλον ἀντιποιεῖσθαι προσήκει, καὶ πρὸς οἷους ἐλθόντας τίνα ὠφέλειαν πειρᾶσθαι ἀπ' αὐτῶν εὐρίσκειν, καὶ τί ποιητέον ἐστί, καὶ τᾶλλα πάντα, ὅσα τότε εἶπον ἐγὼ, ἃ καὶ παντός μᾶλλον τιμησαίμην, μακρὸν ἂν εἴη πάντα ἐφεξῆς λέγειν βούλεσθαι = quos tunc ego sermones habuerim, qui domini potius essent expetendi, ad quos venire quamque commoditatem conari oporteret ab illis percipere, quid denique faciendum esset, et caetera universa tunc a me dicta, quae ipse quoque reliquis omnibus praestabilia duxissem, longum est singula ordine dicere velle. — Построеніе періода здѣсь слѣдующее: 1) ἃ μὲν εἶπον ἐγὼ — καὶ τᾶλλα πάντα, ὅσα τότε εἶπον ἐγὼ — μακρὸν ἂν εἴη πάντα ἐφεξῆς λέγειν βούλεσθαι: было бы слишкомъ длинно, если бъ я захотѣлъ по порядку излагать то, о чемъ я тогда говорилъ, и все то, что я именно сказалъ тогда; 2) если бъ я даже и цѣнилъ это (то есть, свою рѣчь) болѣе всего (ἃ καὶ παντός μᾶλλον τιμησαίμην); 3) тѣмъ не менѣе краткія указанія на то, о чемъ говорилъ (содержаніе рѣчи: ἃ εἶπον), сдѣланы авторомъ въ слѣдующихъ вставочныхъ предложеніяхъ:

a) οἶων δεσποτῶν μᾶλλον ἀντιποιεῖσθαι προσήκει (какихъ господъ нужно желать себѣ);

b) πρὸς οἷους ἐλθόντας (къ какимъ господамъ они пришли);

c) τίνα ὠφέλειαν πειρᾶσθαι ἀπ' αὐτῶν εὐρίσκειν (какую пользу они могутъ изъ нихъ извлечь);

d) τί ποιητέον ἐστί (что слѣдуетъ дѣлать).

Отсюда видно, что рѣчь нашего топарха была построена по всѣмъ правиламъ риторики и, конечно, имѣла большое сходство съ другими образцами византійскаго краснорѣчія: извѣстно, что это наслѣдіе древней свободной Эллады имѣло все-таки большое приложеніе въ публичной жизни Ромеевъ. За приступомъ слѣдовало общее изложеніе темы: какихъ господъ или властителей 408 долженъ желать себѣ каждый народъ или же всякое общество. Здѣсь, разумѣется, дѣлалось различіе между варварами и Римлянами-Греками, между христіанскою имперіей и чуждымъ ей міромъ. О варварахъ весьма кстати было сказать, что они дерзки и наглы въ отношеніи къ подданнымъ: θαρραλέωτεροι πρὸς τοὺς ὑπέικοντας καὶ ὑπερφρονεῖν εἰδισμένοι τὸ θεραπεύον; что они непостоянны и измѣнчивы въ своемъ расположеніи: ταῖς μεταβολαῖς τῶν αἰεὶ παρόντων ἠδόμενοι; что отъ нихъ безъ всякой причины, а только вслѣдствіе прирожденной варварамъ жестокости и кровожадности пострадали жесточайшимъ образомъ города и области, покорившіеся имъ добровольно и находящіеся въ сосѣдствѣ: πεπὸρθηται πρὸς αὐτῶν οὔτε ἀδικήματος ἄρξαντες οὔτε τινὸς ἐχθροῦ συμβάντος, ἀλλ' ὅποιας πρότερον εἶχοντο ξυνηθείας, τῆς αὐτῆς ἐχέσθαι δοκοῦντες, πεπράχασιν ὁμῶς τὰ πάντων ἀνοσιώτατα, ὡσπερ αὐθωρὸν ἀναπλησθέντες ὠμότητος καὶ ματίας καὶ μίσους καὶ πάντων ὁμοῦ τῶν τσιῶνδε. Затѣмъ слѣдовала вторая часть рѣчи, гдѣ аргументація начиналась а contra. Она должна была начинаться словами, что не таковы обычаи Римлянъ: ἀλλ' οὐ τὰ Ῥωμαίων ἦδη τοιάδε, πολλοῦ γε καὶ δεῖ; они вѣрны и тверды въ своей привязанности къ пріобрѣтенымъ разъ друзьямъ: φίλους τε γὰρ οὐκ ἂν ἐξ ἀρχῆς κτήσαιντο, βεβαιότατα στέργειν πειρῶνται καὶ τὴν ὀργὴν πρὸς τὸ ἀντίπαλον διατηροῦσιν ἔστ' ἂν ἀντίπαλον ἦ. Лучшее всего приступить къ тѣмъ (προσχωρεῖν) или держаться тѣхъ (προσέχειν) господъ, которые отличаются умѣренностью и неизмѣнною любовью къ своимъ подданнымъ: τοῖς ἐμφρονεστέροις καὶ τὴν εὐνοίαν πρὸς τὸ οἰκεῖον καὶ ἔνσπονδον ἐν τῷ ἀτρέπτῳ παρεχομένοις и т. д. Намъ слѣдуетъ прибавить только еще одно замѣчаніе: топархъ характеризовалъ «владыкъ или господъ», къ которымъ пришли его слушатели (πρὸς οἷους ἐλθόντας): въ какомъ смыслѣ употреблено отмѣченное слово, и къ кому оно относилось? къ членамъ ли только вѣча, пришедшимъ къ топарху на собраніе,

или же ко всему народу, поступившему подъ власть того правительства, представителемъ котораго былъ ораторъ? Для насъ кажется очевиднымъ послѣднее, между прочимъ потому, что ниже топархъ упоминаетъ объ императорѣ, о расположеніи императора, которымъ могли пользоваться его слушатели: онъ не могъ, слѣдовательно, называть владыкою себя, когда владыкою собственно была гораздо болѣе высокая и священная особа, а власть этой особы простиралась, конечно, не на одно только случайное собраніе. Притомъ рѣчь идетъ о тѣхъ, которые уже «держались» (πρὸςέχοντες) стороны, представляемой топархомъ. Итакъ, глаголь ἐλθεῖν употребленъ здѣсь въ смыслѣ προσυφρεῖν, а слово δεσποτῶν, хотя и не относится прямо къ императорамъ (которыхъ слѣдовало бы предполагать 404 двухъ или болѣе, что бывало много разъ въ Византіи), но все-таки этотъ терминъ избранъ не безъ причины, а въ виду императорскаго титула. Именно императоры второй половины X вѣка (Романъ, Никифоръ и Іоаннъ) называются на монетахъ деспотами. Когда рѣчь шла о власти варваровъ надъ союзниками, то употреблено было выраженіе ἡγεμόνων; другое возможное здѣсь выраженіе было бы ἀρχόντων. Во всякомъ случаѣ, ораторъ былъ представителемъ не какой-либо мѣстной или же туземной власти, но власти собственно чуждой и отдаленной, которая могла быть признаваема, или же не признаваема; слѣдовательно, и самъ онъ былъ всего скорѣе челоѣкъ здѣсь пришлый. За лестною и похвальною характеристикою «владыкъ» слѣдовало указаніе выгодъ, которыя сопряжены были съ подчиненіемъ ихъ власти. Общее развитіе этого аргумента могло заключаться въ общаніи благосклонности императора, его защиты противъ варваровъ: στήρξουσιν ὑμᾶς εἰκότως καὶ ὑπερμαχοῦνται, χρηστοὶ τε ὄντες καὶ μεγαλόφρονες и т. д. Заключение рѣчи (τί ποιητέον ἐστί) само собою понятно: μὴ τοίνυν ἕτερόν τι παρὰ ταῦτα διανοεῖσθε, ἀλλ' εὐθὺς ἐπιχειρεῖν τοῖς πράγμασι καὶ τὸ μελετηθὲν ἀνακαλύπτειν, — не думайте ни о чемъ другомъ, но сейчасъ же приступайте къ дѣлу, то есть, къ борьбѣ съ варварами; οὕτω γὰρ ἂν εὐκλείαν μεγίστην ἀροῖσθε, θσιὰ τε δρῶντες καὶ δίκαία καὶ πρὸς τὸ ξυνοῖστον ἐξευρημένα, — такъ вы приобретете большую славу, исполнивъ свой долгъ, и въ то же время изберете то, что для васъ самихъ вы-

годно. Все это, конечно, были довольно общія мѣста, хорошо развитыя въ тѣхъ образцовыхъ писателяхъ, которыхъ изучалъ въ школѣ нашъ ораторъ (преимущественно въ сочиненіи ритора Агаѳи: см. р. 250 sq. 254). Нѣкоторыя спеціальныя приложенія къ обстоятельствамъ, безъ сомнѣнія, были сдѣланы, и они могутъ быть угаданы изъ дальнѣйшаго разсказа самого топарха. Между прочимъ рѣчь касалась, повидимому, и религіозныхъ отношеній, что могло служить обильнымъ источникомъ для развитія темы о пользѣ союза съ единовѣрцами.

Рѣчь топарха не показалась слушателямъ убѣдительною, и они приняли рѣшеніе, совершенно противоположное его совѣтамъ. Мотивы, руководившіе собраніемъ лучшихъ людей, указаны въ слѣдующемъ періодѣ: *Οἱ δὲ, εἶτε ὡς μηδέποτε βασιλικῆς εὐνοίας ἀπολελαυκότες, μηδ' Ἑλληνικωτέρων τρόπων ἐπιμελούμενοι, αὐτονόμων δὲ μάλιστ' ἔργων ἀντιποιοῦμενοι, εἶτε ὄμοροι ὄντες πρὸς τὸν κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου βασιλεύοντα, μετὰ τοῦ*
 405 *στρατῶ ἰσχύειν πολλῶ καὶ δυνάμει μάχης ἐπαίρεσθαι, ἤθεσί τε τοῖς ἐκεῖ τὰ παρὰ σφῶν οὐκ ἀποδιαφέροντες, ἐκείνων καὶ σπείσασθαι καὶ παραδώσειν σφᾶς ζυνέθεντο* = *Illi, seu quod nunquam benevolentiae imperatoriae fructum ullum cepissent, seu quod, Graecanicam vitae rationem parum curantes, instituta ad arbitrium ipsorum facta maxime requirerent, sive quod regi ad septentrionem Istri dominanti conterminantes, praeterquam quod ille exercitu magno valeret vique bellica efferret sese, ab illius vitae ratione propriis moribus non differrent: idcirco statuerunt pacisci cum illis. . .* — Поповъ: «Но или не имѣя никакого понятія о царской милости, или не зная греческихъ нравовъ и любя болѣе всего независимость, или наконецъ, будучи сосѣдями сильнаго сѣвернаго царя, обитавшаго на рѣкѣ Истрѣ, коего народъ одинакіе съ ними имѣеть обычаи, — они рѣшились къ нему присоединиться». Здѣсь каждое почти слово требуетъ вниманія; между тѣмъ не только вольное изложеніе русскаго переводчика, но и латинскій переводъ ученаго Газе недостаточны для точнаго объясненія и пониманія этой наиболѣе важной части нашего текста.

ὡς μηδέποτε βασιλικῆς εὐνοίας ἀπολελαυκότες: потому что они никогда будто бы не воспользовались расположеніемъ императорскимъ. Что подъ императоромъ или импе-

раторами здѣсь могутъ разумѣться только византійскіе императоры,—это ясно само собою. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что нашъ авторъ не выдаетъ это отсутствіе царской милости за дѣйствительный фактъ, а напротивъ, хочетъ указать на субъективность такого основанія (= союзъ *ὡς*), бросаетъ нѣкоторую тѣнь на благодарныхъ подданныхъ. Самъ онъ въ своей рѣчи, конечно, говорилъ о царскихъ благодѣяніяхъ.

μηδ' Ἑλληνικωτέρων τρόπων ἐπιμελούμενοι: не заботятся о болѣе еллинскихъ обычаяхъ. Для правильнаго пониманія этой фразы нужно прежде всего вспомнить, что византійцы ни въ литературной, ни въ разговорной народной рѣчи не называли себя Еллинами, а усвоили имя Римлянъ — *Ῥωμαῖοι*, или именовали себя Греками (*Γραικοί*). Только въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ войнѣ за независимость, имя Еллиновъ снова было принято ихъ не очень-то безспорными потомками и въ такомъ смыслѣ встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ этого періода. Имя Ромеевъ = Римлянъ усвоено было древними Еллинами со времени обращенія ихъ къ христіанству, римской государственной религіи. Только тѣ, которые упорствовали въ своей старой вѣрѣ, удерживали старое имя; отсюда произошло то, что *Ἕλλην* въ средніе вѣка стало употребляться какъ синонимъ язычника, идолопоклонника: *εἰδωλόλατρης, ἑθνικός*. Въ старинныхъ пѣсняхъ Трапезунтскихъ Грековъ на это можно найти немало примѣровъ. До сихъ поръ у Геговъ въ Албаніи *ἔλι* есть обычное выраженіе для обозначенія язычника. Въ самой Греціи новое національное имя не усвоено еще вполнѣ сельскимъ населеніемъ, и Еллины представляются крестьянину больше какими-то старинными великанами и вовсе уже не христіанами; отсюда поговорка: *εἶνε σῶχος σὰν Ἕλληνας* (= силенъ, какъ исполинъ). Что касается византійской литературы, то достаточно будетъ привести только нѣсколько примѣровъ обычнаго словоупотребленія. У одного византійца (*Simocatta, hist. V, 14, 3, p. 214, 15 de Boor.*) Еллиномъ называется Персидскій, то есть, Сассанидскій царь. Патриархъ Фотій въ извѣстномъ окружномъ посланіи говоритъ (*Patrol. gr. 102, 736 D*), что народъ Русь (*Ῥῶς*) обратился къ христіанской религіи отъ еллинской безбожной вѣры: *τῆς Ἑλληνικῆς καὶ ἀθέου δόξης*. Левъ Діаконъ (*p. 149 sq.*) въ выраженіяхъ,

напоминающихъ слова разбираемаго нами документа, описываетъ еллинскіе обряды Тавроскиѳовъ, то есть, Русскихъ, и еллинскій обычай ихъ погребальныхъ жертвоприношеній и возліаній: λέγεται γάρ Ἑλληνικοῖς ὀργείοις κατόχους ὄντας, τὸν Ἑλληνικὸν τρόπον θυσίας καὶ χοῶς τοῖς ἀποικοιμένοις τελεῖν. Слѣдуетъ ли послѣ этого понимать здѣсь выраженіе «еллинскіе обычай» (οἱ Ἑλληνικοὶ τρόποι) какъ-нибудь иначе и относить ихъ не къ варварамъ-язычникамъ, а къ Грекамъ? Несмотря на авторитетъ Газе, несмотря на интересныя соображенія, дѣлаемая по этому поводу новѣйшими учеными (даже Англичаниномъ Фрименомъ въ статьѣ о «Единствѣ исторіи»), мы сильно въ томъ сомнѣваемся. Когда еще въ слушателяхъ рѣчи топарха находили Корсунянь, то все-таки было основанія подразумѣвать подъ еллинскими обычаями собственно греческіе. Но о Корсуні самые авторитетные изслѣдователи перестаютъ теперь думать при чтеніи записки топарха; и мы полагаемъ, что это отступленіе отъ первоначальнаго толкованія, сдѣланнаго издателемъ ихъ, совершенно необходимо. Еллинскіе обычай суть языческіе варварскіе обычай, именно — русскіе, какъ у Льва Діакона. Выраженіе: μὴ ἐπιμελούμενοι, «не заботясь», «не обращая вниманія» (= ἀμελοῦμεν) — не заключаетъ въ себѣ идеи о приобрѣтеніи того, чего недостаетъ слушателямъ топарха, а только указываетъ на ихъ малое вниманіе къ тому качеству, которое было присуще другимъ и собственно должно было отвращать, отталкивать отъ варваровъ. Участники вѣча готовы были предаться варварамъ, несмотря на то, что это были язычники. За то самымъ оборотомъ своей фразы авторъ записки бросаетъ нѣкоторую легкую 407 тѣнь на своихъ нетвердыхъ друзей, отчасти заподозрѣваетъ чистоту ихъ христіанства и допускаетъ въ нихъ самихъ долю еллиназма, то есть, язычества, неправославія. Такъ объясняется сравнительная степень μὴδ' Ἑλληνικωτέρων τρόπων ἐπιμελούμενοι = μὴδ' ἐπιμελούμενοι τρόπων Ἑλληνικωτέρων αὐτῶν = ἢ αὐτῶν, scilicet οἱ τρόποι (или же просто: ἢ τὸ δέον, τοῦ δέοντος).

Прежде всего стремились къ самостоятельности: αὐτονομῶν δὲ μάλιστα ἔργων ἀντιποιούμενοι. Αὐτόνομα ἔργα = αὐτονομία. Нужно, однако, замѣтить, что, несмотря на свое стремленіе къ автономіи, а, по объясненію нашего автора, именно вслѣд-

ствіе этого стремленія—союзники его рѣшили передаться властителю сѣверныхъ странъ Дуная.

Или потому, что они сосѣдять съ тѣмъ, кто царствуетъ на сѣверѣ Дуная: εἶτε ἄμωροι ὄντες πρὸς τὸν κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου βασιλεύοντα. Итакъ, дѣйствіе происходитъ въ странѣ, сосѣдственной съ Дунаемъ: вотъ прямой и необходимый выводъ изъ приведенныхъ словъ, какъ бы мы ихъ ни объясняли. Значить ли здѣсь ἄμωρος сопредѣльный (= ἄμωρος), пограничный, что оно собственно должно значить, или же только сосѣдственный, близкій (въ послѣднемъ смыслѣ, повидимому, у Льва Діакона р. 62, 12: φρούρια-, ὅσα Ῥωμαίοις ἄμωρα ἦν, εἶλεν ἐξ ἐπιδρομῆς): различія большого это не дѣлаетъ. Въ выраженіи κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου можетъ остановить вниманіе предлогъ κατὰ, поставленный тамъ, гдѣ можно было ожидать ἐν; но это очень обычное сочетаніе у византійцевъ и особенно у Льва Діакона, напр., р. 175, 3: ταῖς κατὰ τὴν Ἀσίαν στασιάζουσι = rebellantibus in Asia (ср. Hase, praefatio, р. XX). Въ глаголѣ βασιλεύοντα не заключается, конечно, формальнаго присвоенія царскаго, императорскаго титула тому, кто властвуетъ на сѣверѣ Дуная: и мы говоримъ: «царствующій король, царствующій великій герцогъ», не присвояя тѣмъ высшаго, не принадлежащаго титула разумѣемымъ государямъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подъ царствующимъ на сѣверѣ Дуная можетъ быть разумѣемъ только русскій князь: въ этомъ согласны, кажется, всѣ ученые, занимавшіеся объясненіемъ нашихъ отрывковъ. О Печенѣгахъ не можетъ быть и рѣчи — какъ потому, что эти кочевники въ X столѣтіи были раздѣлены на восемь колѣнъ, и каждое колѣно имѣло своего хана (см. Constant. Porphyrog., de administr. imp. р. 164 sq.), такъ и потому, что ни одинъ византіецъ никогда не вздумалъ бы приписывать этимъ дикарямъ понятія о политическомъ правѣ (ἴσον καὶ δίκαιον) и притомъ утверждать, что, вслѣдствіе ихъ уваженія къ справедливости, имъ добровольно подчинялись какіе-то небывалые города и народы. Всѣ мелкія подробности также не идутъ совсѣмъ 408 къ Печенѣгамъ (пѣхота, предполагаемый способъ управленія покоренной страной и т. д.). Но если подъ царствующимъ на сѣверѣ Дуная разумѣется князь русскій, то спрашивается: гдѣ

же та страна, которая лежитъ въ сопредѣльности съ Русью, и притомъ на югъ? А. А. Куникъ, хотя онъ и принимаетъ вслѣдъ за Газе, что событія, описываемыя въ отрывкахъ, происходятъ въ Крыму, замѣтилъ все-таки ту несообразность, что житель Тавриды, обладавшій, какъ нашъ топархъ, нѣкоторыми астрономическими познаніями и притомъ самъ бывавшій у великаго князя Русскаго въ Кіевѣ или въ другомъ его мѣстопробываніи, называетъ этого государя царствующимъ на сѣверъ отъ Дуная и еще своимъ сосѣдомъ: «Такъ не можетъ выражаться человекъ, живущій около Киммерійскаго Воспора». Силу этого замѣчанія мы вполне признаемъ и думаемъ, что затрудненіе не можетъ быть устранено такимъ предположеніемъ, что авторъ записки, нашъ топархъ, хотѣлъ поставить себя на точку зрѣнія жителя византійской столицы, такъ какъ записка назначалась для Константинополя. Скорѣе и съ бѣльшимъ правомъ можно сказать, что здѣсь авторъ записки становится на точку зрѣнія своихъ союзниковъ: изложивъ кратко содержаніе своей рѣчи, онъ затѣмъ указываетъ причины, по которымъ слушатели приняли собственное и притомъ противоположное рѣшеніе: ихъ побужденіе, ихъ точка зрѣнія — вотъ чтѣ выставляется на видъ. При первой части періода даже стоитъ впереди союзъ *ὅς*, означающій, что приведенное основаніе не имѣетъ объективнаго значенія, а только существовало въ умѣ тѣхъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Правда, этотъ союзъ не повторенъ тамъ, гдѣ какъ будто начинается другой рядъ соображеній, и гдѣ вторично стоитъ союзъ *εἴτε*, но едва ли такое обстоятельство имѣетъ большое значеніе. Все-таки остается яснымъ и очевиднымъ, что мысль автора крѣпко держится самага театра событій, какъ это видно изъ послѣдующей фразы; сверхъ того, мы знаемъ, что и ранѣе, въ началѣ второго отрывка, первыя слова, которыя топархъ написалъ, были «сѣверъ Дуная». Не въ Крыму, а въ Болгаріи нужно искать ту область, покоренную варварами, съ которою по сосѣдству жилъ и нашъ топархъ. Дальнѣйшая замѣтка о многочисленности войска, которымъ располагалъ сѣверный государь, и о его военной гордости, конечно, намекаетъ на того русскаго князя, который наибольшую славу приобрѣлъ именно въ Болгаріи. Левъ Діаконъ (р. 105) говоритъ о Святославѣ: *ταῖς κατὰ τὸν Μισῶν*

νίχαις ἐπὶ μέγα αἰρόμενος καὶ τῇ βαρβαρικῇ αὐθαδεῖα ὑπέροπλα 409
 βρενθυόμενος,—слѣдовательно, употребляетъ очень сходныя вы-
 раженія съ Запискою топарха.

Не отличаясь по обычаямъ отъ тамошнихъ (жителей) въ собственномъ быту: ἤθεσι τοῖς ἐκεῖ τὰ παρὰ σφῶν αὐτῶν οὐκ ἀποδιαφέροντες—ab illius vitae ratione propriis moribus non differrent,—отъ тамошнихъ жителей (τοῖς ἐκεῖ), то есть, очевидно—жителей страны, находящейся на сѣверъ отъ Дуная, отъ подданныхъ того государя, который властвуетъ на сѣверѣ Дуная. Опять очень трудно допустить, чтобы такъ могъ выражаться какой-либо греческій намѣстникъ, обитающій и правящій на югѣ Крымскаго полуострова, въ Готскихъ Климатахъ; точкою дѣленія между народами, ему подвластными и не подвластными, не могла быть для него рѣка Дунай. Что касается самаго сходства въ обычаяхъ между подданными сѣверно-дунайскаго государя и жителями Болгаріи, то вовсе не нужно прибѣгать къ какимъ-либо соображеніямъ для объясненія этого указанія: тамъ и здѣсь было славянское населеніе, говорившее очень близкими нарѣчіями. Если бы даже была какая-нибудь необходимость искать здѣсь косвеннаго свидѣтельства въ пользу норманскаго происхожденія Кіевскихъ князей (хотя рѣчь идетъ не о княжескомъ, а о народномъ бытѣ), то и въ такомъ случаѣ на Дунаѣ можно было бы найти для X столѣтія точно такихъ же Готовъ, какіе были въ Крыму. Еще въ IX столѣтіи готскій языкъ употреблялся въ странахъ придунайскихъ. Валафридъ Страбо, современникъ Карла Великаго и Людовика Благочестиваго (умершій въ 849 году), сообщаетъ объ этомъ совершенно положительныя и вполне достовѣрныя свѣдѣнія. Какъ аббатъ монастыря Рейхенаускаго, одного изъ главныхъ центровъ просвѣщенія тогдашняго времени, какъ товарищъ по монастырю тѣхъ монаховъ, которые, въ 811 году, правили посольство Карла Великаго въ Константинополь, Валафридъ могъ имѣть точныя свѣдѣнія о церковныхъ дѣлахъ въ областяхъ Дунайскихъ; онъ даже ссылается на сообщенія своихъ собратій по монастырю, то есть, повидимому, монаховъ Гайтона и Ерлебода (см. Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen, I, 278, 7-го изд.), посѣтившихъ Византію. Въ своемъ сочиненіи «De ecclesiasticarum rerum exordiis et incrementis» Ва-

лаФридъ объясняетъ, какимъ путемъ проникли въ нѣмецкій языкъ, которымъ онъ самъ говорилъ, слова греческаго и латинскаго происхожденія (какъ *kirche* отъ *κίρκος*, *Heer* отъ *heros*, *kelch* отъ *κύλιξ* и т. д.). Онъ указываетъ на то, что съ одной стороны, варвары служили въ Римской имперіи, а съ другой —

410 проповѣдниками христіанства у нихъ были люди, знакомые съ греческимъ и латинскимъ языками; особенно чрезъ посредство Готовъ, которые были обращены въ христіанство во время своего жительства въ римскихъ провинціяхъ и говорили тогда «нашимъ, то есть, нѣмецкимъ языкомъ» (*nostrum, id est Theotiscum sermonem habuerint*), соплеменники автора научились многому полезному. «*Et, ut historici testantur, postmodum studiosi illius gentis (то есть Готовъ) divinos libros in suae locutionis proprietatem transtulerint, quorum adhuc monumenta apud nonnullos habentur. Et fidelium fratrum relatione didicimus, apud quasdam Scytharum gentes maxime Tomitanos eadem locutione divina hactenus celebrari officia*» (*Patrol. lat. 114, 927 C*; приведено также у Ф. К. Бруна, Черноморскіе Готы, стр. 17 = Черноморье, II, 205). Итакъ, въ первой половинѣ IX вѣка богослуженіе на готскомъ языкѣ совершалось у нѣкоторыхъ «скиѣскихъ» народовъ и преимущественно у тѣхъ, кои жили около города Томи (теперь Кюстенджи). Рѣчь идетъ тутъ прежде всего о такъ-называемой Малой Скиѣи (*Scythia Minor*), или Добруджѣ, и о гѣхъ Готахъ (*Gothi Minores*), которые поселились здѣсь еще при Констанціи, въ 348 году, вмѣстѣ съ своимъ епископомъ Ульфилою, спасаясь отъ гоненія, воздвигнутаго на христіанъ на прежней ихъ родинѣ, между Вестготами. У этихъ Готовъ во времена Златоуста былъ епископомъ извѣстный Θεотимъ, «управлявшій церковью города Томи и всей Скиѣи» (*Zozim. VII, 26, 6 sqq.*; ср. *Socrat., VI, 12, 4 sqq.* *Thierry, Saint Jean Chrysostome, p. 156 sq.*). Какъ извѣстно, Готы Ульфилы не участвовали въ возстаніи противъ римской власти ихъ соплеменниковъ, переселившихся за Дунай въ 376 году, и остались тогда на своихъ мѣстахъ. Въ 386 году мы находимъ ихъ попрежнему въ окрестностяхъ Томи (*Zosim., IV, 40*). Очень вѣроятно, что и дальнѣйшія вѣсть-готскія передвиженія не могли увлечь ихъ за собою. Да и вообще не слѣдуетъ преувеличивать способ-

ности народовъ къ переселенію и думать, что другіе отдѣлы готскаго племени, оставляя Дунайскія страны, не оставляли послѣ себя никакихъ остатковъ. Тѣ же самые Готы Ульфилы, по словамъ Иордана, жили около Никополя¹⁾: о нихъ мы имѣемъ полное право предполагать то же самое, что намъ положительно извѣстно о Готахъ Добруджи. Что же касается Оствъ-Готовъ, то мы знаемъ, что далеко не всѣ они ушли съ Теодорихомъ въ Италію, 411 а напротивъ, многіе остались во Фракіи въ видѣ мирныхъ земледѣльцевъ или не состоящихъ на Римской службѣ воиновъ. О такихъ Готахъ не разъ говоритъ Прокопій: de b. Pers. I, 8, 3: Γότθων τῶν οὐκ ἐπισπομένων Θεοδορίῳ ἐς Ἰταλίαν ἐκ Φράκῃς ἰόντι. de b. Goth. I, 16, 2: ἡ δὲ Βέσσας οὗτος Γότθος μὲν ἦν γένος τῶν ἐκ παλαιοῦ ἐν Φράκῃ φηγμένων, Θεοδορίῳ τε οὐκ ἐπισπομένων. Ср. de aedific. III, 7, p. 262, 7. Такъ какъ Оствъ-Готы Теодориха жили не въ одной собственной Фракіи, но и въ Мезіи, около города Novaе, гдѣ нѣкоторое время была его столица (между Осмой и Янтрой, недалеко отъ древняго Никополя), а также около городовъ Ниша и Ульпіаны, то слѣды готскихъ поселеній могли долго оставаться и въ Мезіи, ближе къ Дунаю, тѣмъ болѣе, что тутъ не подалеку, около Сингидона (Бѣлграда) и Сирмія (Срѣма) долго держались Гепиды, также готское племя, въ VII столѣтіи упоминаемые въ исторіи славянскихъ набѣговъ на Византію (Procop., de b. Vand. I, 2; Simocatta, hist. VI, 8—9, p. 236 sq. de Boog. и др.) и, слѣдовательно, не совсѣмъ уничтоженные Лонгобардами. Воспоминаніе о пребываніи Готовъ долго сохранялось въ придунайскихъ областяхъ. Матвѣй Эдесскій, армянскій писатель XII в., называетъ Болгарію страню Готовъ (Dulaugier, Biblioth. hist. Armén., p. 72; Брунъ, Черноморье, II, 206). По словамъ византійскаго поэта Теццы (во второй половинѣ XII вѣка) даже за Дунаемъ еще живутъ Готы: Πέραν Δανουβίου δὲ τῶν Γετθῶν ἕθνος (histor. chil. XI, 939, p. 437 Kiessling.). Можетъ быть, гораздо важнѣе и знаменательнѣе то, что въ позднѣйшихъ сербскихъ памятникахъ удержалось имя Готовъ, какъ названіе для извѣстной части Болгаръ: «Отъ тогожде

1) По словамъ Авксентія, ученика Ульфилы, его Готы, въ 348 году, поселились въ горахъ; по словамъ Филосторгія—въ Мезіи и Фракіи, гдѣ кто хотѣлъ; по словамъ Иордана—въ Гемимонтѣ около Никополя.

племене Гоюина, рекомаго Българскаго» (житіе св. Симеона, написанное Стефаномъ Первовѣнчаннымъ), «Бѣ и ть Гоюинъ» (Доментиана житіе), «О ононь поль рѣкы Дунава живущихъ Готѣ» (Гласникъ, XI, 71): Даничичъ, Рѣчник, I, 228. Изъ всего этого слѣдуетъ только то, что, если бѣ оказалось невозможнымъ въ нашемъ топархѣ, очевидно, выдѣляющемъ себя и свою землю изъ среды мѣстнаго (придунайскаго) населенія, видѣть просто византійскаго Грека, то можно будетъ предположить въ немъ и его немногочисленныхъ подчиненныхъ и друзейхъ остатокъ прежнихъ готскихъ поселеній на Дунаѣ, въ Добруджѣ или около Никополя.

Согласились примириться съ нимъ и передаться ему и сообща всѣ рѣшили, что и я долженъ сдѣлать то же самое: ἐκείνων καὶ σπείσασθαι καὶ παραδώσειν στραῶς ζυγέθεντο, κάμει τὰ τοιαῦτα πράξειν κοινῇ πάντες ἐπέφηρίσαντο. — ἐκείνων, конечно, есть ошибка, и читать нужно ἐκείνω. — σπείσασθαι можетъ значить 412 и «заклѣчить договоръ» (безъ предварительной войны), и «заклѣчить миръ» (которымъ оканчивается война). Здѣсь повидимому, нужно понимать въ послѣднемъ смыслѣ. Опасность, которою грозили вышеупомянутые варвары, была такъ близка и настоятельна, что не было возможности искать защиты отъ нихъ гдѣ-либо вдали; согласно съ этимъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи хода дѣлъ слѣдуетъ непосредственно путешествіе нашего топарха къ властителю придунайскаго сѣвера и свиданіе съ нимъ; все это рассказано такъ, какъ будто подразумѣваемый государь былъ недалеко. Отсюда мы заключаемъ, что варвары, опустошавшіе сосѣднія области и угрожавшіе владѣнію топарха, были именно подданные или же подчиненные союзники того государя, къ которому теперь рѣшено обратиться. Тѣмъ болѣе мы имѣемъ право такъ думать, что именно варварамъ, о которыхъ была рѣчь во второмъ отрывкѣ, принадлежитъ лестная характеристика относительно ихъ прежняго поведенія, и что именно къ нимъ ужъ и прежде обращался нашъ авторъ съ предложеніями о мирѣ или перемиріи (περὶ σπονδῶν ἐκλήρησον). Предполагать, что враги топарха были одно (= Хазары), а народъ, подчиненный государю, которому рѣшено покориться, — другое (= Русскіе), — по нашему мнѣнію, нѣтъ основанія; напротивъ, въ такомъ объясненіи было бы слишкомъ много искусственности и произвола.

Заключительныя слова по-гречески читаются такъ:

ἐμοὶ δὲ τὴν τῶν Κλημάτων ἀρχὴν αὐθις ἀσμένως
 πᾶσαν ἔδοτο, καὶ προσέθηκε καὶ σατραπείαν ἄλλην, ἐν τε γῆ
 τῇ αὐτοῦ προσόδους ἐπετείους ἰκανὰς ἐδώρησατο. — Здѣсь
 опять дѣло представляется такимъ образомъ, что отъ одной только
 воли (ἀσμένως) задунайскаго государя зависѣло возстановить
 (αὐθις) власть монарха въ прежнихъ его владѣнiяхъ, и что для
 этого не нужно было какого-либо военнаго вмѣшательства про-
 тивъ какихъ-либо постороннихъ «враговъ». Далѣе слова τὴν τῶν
 Κλημάτων ἀρχὴν πᾶσαν слѣдуетъ переводить «всю власть надъ
 Климатами» (какъ у Газе: *Clematum imperium omne*), а не «всю
 область Климатовъ», потому что сама по себѣ область Климат-
 овъ была весьма незначительна и равнялась территорiи одного
 городка; почему затѣмъ и слѣдуетъ выраженiе: *σατραπείαν ἄλλην*,
 цѣлую сатрапiю, — неловкое и неумѣстное въ томъ случаѣ, если бѣ
 уже и *πᾶσα ἀρχή* было сказано въ смыслѣ территориальнаго
 объема. «Вся сатрапiя» или цѣлая сатрапiя есть, конечно, та са-
 мая область, подчиненная топарху, о которой рѣчь была во вто-
 ромъ отрывкѣ въ словахъ «эту язву—судьба привела и къ моеѣ 413
 области» — *πρὸς τὴν ἐμὴν ἀρχήν*, а также «варвары вторгнулись
 въ нашу землю» — *εἰς τὴν γῆν ἡμῶν*. Городъ или крѣпостца Кли-
 маты составляли естественно только часть этой области, и въ
 нихъ поселился топархъ уже послѣ того, какъ прочая его область
 была разорена варварами. Теперь русскiй князь не только оста-
 вляетъ за топархомъ власть надъ небольшимъ городомъ Климат-
 ами, но и возвращаетъ ему всю прежнюю его область, изъ ко-
 торой онъ принужденъ былъ удалиться (*ἀπέστημεν* въ началѣ вто-
 рого отрывка). Терминъ «сатрапiя», хотя и заимствованъ съ вос-
 тока, но не былъ совершенно чуждъ греческому официалъному
 языку; онъ могъ быть употребляемъ для обозначенiя небольшой
 области. Въ 31-й <№ 45, р. 279 ed. *Zachariae*> новеллѣ Юсти-
 ниана (объ административномъ устройствѣ четырехъ Армeнiй)
 говорится: *συνεστησάμεθα δὲ καὶ τετάρτην Ἀρμενίαν, ἣ πρότερον
 οὐκ εἰς ἐπαρχίας συνέκειτο σχῆμα, ἀλλὰ τῶν τε ἔθνων ἦν καὶ ἐκ
 διαφόρων συνεϊλεκτο βαρβαρικῶν ὀνομάτων, Τζοφανηνή τε καὶ Ἀνζη-
 τηνή ἢ Τζοφανή, Ἀσδιανηνή, ἢ καὶ Βαλαβιτηνή καλουμένη, καὶ ὑπὸ
 σατράπαις οὖσα. ἀρχῆς δὲ ὄνομα τοῦτο ἦν οὐδὲ Ῥωμαϊκὸν οὐδὲ*

τῶν ἡμετέρων προγόνων, ἀλλ' ἐξ ἐτέρας πολιτείας εἰσενηνεγμένον (ср. Basilica, VI, 14, 3, t. I, p. 200 Heimbach.). Изъ позднѣйшихъ писателей Никита Акоминатъ называетъ сатрапомъ сербскаго жупана (р. 132, 17) и подобнымъ же образомъ королевскую власть короля Венгерскаго сатрапіей (σατράπεισις, р. 166, 3). Примѣровъ такого словоупотребленія можно бѣ отыскать гораздо больше, но едва ли въ этомъ предстоитъ надобность. Можно удовольствоваться тѣмъ предположеніемъ, что въ запискѣ нашего топарха слово сатрапія употреблено только въ смыслѣ области, не имѣющей настоящаго греческаго устройства. — Чтò, наконецъ, касается ежегодныхъ доходовъ, данныхъ топарху въ землѣ самого государя, властвующаго на сѣверѣ Дуная, то нѣтъ никакой необходимости подъ этою землей (γῆ ἢ αὐτοῦ) разумѣть слишкомъ отдаленныя страны; всего скорѣе это та самая страна ихъ, то есть, варваровъ, изъ которой они сдѣлали добычу Мисявъ, и которая могла быть названа представителемъ греческой власти также и «нашею» странюю (τῆν αὐτῶν [ἡμῶν] γῆν второго отрывка).

Свиданіемъ съ русскимъ государемъ кончаются наши отрывки; оно, дѣйствительно, составляло естественную и окончательную развязку событій. Совершенно напрасно Газе высказалъ предположеніе, усвоенное потомъ другими, что первый (по мѣсту, занимаемому въ кодексѣ) отрывокъ долженъ собственно въ порядкѣ событій занимать послѣднее мѣсто, и что путешествіе, 414 описанное въ этомъ первомъ = послѣднемъ отрывкѣ, есть возвратный путь топарха послѣ свиданія съ княземъ. Мы уже замѣтили, что по ходу и тону разсказа нельзя предполагать труднаго и длиннаго пути къ князю: если бѣ этотъ путь былъ такъ длиненъ и труденъ, какъ онъ оказался при возвращеніи, то естественно и необходимо было бы сказать хотя нѣсколько словъ сначала о путешествіи туда, къ князю, и уже затѣмъ о возвращеніи оттуда и о результатахъ путешествія. Говоря другими словами, возвратное путешествіе отъ Диѣпра чрезъ Маврокастронъ предполагаетъ совершенно иное и болѣе затруднительное путешествіе къ Диѣпру, чѣмъ какое разумѣется въ третьемъ отрывкѣ. Сверхъ того, уже во второмъ отрывкѣ, тѣсно и непосредственно связанномъ съ послѣднимъ, говорится о «зимнемъ солнцехоборогѣ», то есть, разумѣется самый конецъ ноября или начало декабря.

Предположимъ ли мы, что исходнымъ пунктомъ путешествія былъ южный берегъ Крыма, или, какъ мы готовы предположить, придунайская область, — во всякомъ случаѣ на путешествіе до Кіева или просто до Днѣпра, для отдыха, для переговоровъ съ княземъ понадобилось бы, конечно, болѣе двухъ недѣль, и едва ли бы тогда нашъ топархъ на возвратномъ пути нашелъ Днѣпръ еще не замерзшимъ. Онъ замерзаетъ въ ноябрѣ и не позже начала декабря. Нужно согласиться, что хронологическое затрудненіе останется и въ томъ случаѣ, если мы оставимъ отрывки въ порядкѣ, въ какомъ они находятся въ кодексѣ: въ первомъ зима съ замерзаніемъ рѣки Днѣпра, во второмъ — наступленіе зимы съ близостію зимняго солнцеворота. Промежутокъ слишкомъ малъ для находящихся по срединѣ событій. Затрудненіе можетъ быть устранено только тогда, когда мы признаемъ, что здѣсь рѣчь идетъ о двухъ различныхъ зимахъ, и что между возвратнымъ путешествіемъ топарха чрезъ Маврокастронъ и новымъ его путешествіемъ къ князю прошло цѣлое лѣто. Никакихъ препятствій къ такому толкованію текстъ не представляетъ; напротивъ, недоконченность перваго отрывка можетъ скрывать за собою именно часть этого промежутка. Впрочемъ о хронологіи рѣчь будетъ еще идти въ слѣдующей главѣ.

5.

Мѣсто и время событій, описываемыхъ въ трехъ отрывкахъ.

Не касаясь прямыхъ географическихъ данныхъ, заключающихся въ указаніяхъ на Боріонъ, Маврокастронъ и Климаты, мы уже приходили въ своихъ предыдущихъ объясненіяхъ къ тому заключенію, что событія, описываемыя во второмъ и третьемъ 415 отрывкахъ, совершаются на Дунаѣ и всего скорѣе въ Болгаріи. Основаніемъ для такого толкованія служили намъ два мѣста, гдѣ былъ упомянутъ Дунай, и нѣкоторые намеки, всего ближе идущіе къ дѣйствіямъ князя русскаго Святослава въ Болгаріи. Теперь представляется вопросъ, можетъ ли такое толкованіе быть согласнымъ съ наличною географическою номенклатурою.

По нашему убѣжденію, не только можетъ быть согласно, но именно Маврокастронъ и Климаты дѣлаютъ наше объясненіе единственно возможнымъ.

Что касается до Боріона (Βορίων), то онъ остается для насъ почти столь же темнымъ, какъ онъ былъ темнымъ и неизвѣстнымъ для всѣхъ другихъ. Ни Ф. К. Брунъ, ни А. А. Куникъ не нашли ничего подходящаго на правой сторонѣ Днѣпра, хотя, повидимому, представлялась возможность думать объ Олешѣ, находя въ греческомъ названіи славянскій корень «боръ», а въ русскомъ—«лѣсъ». Впрочемъ, въ настоящее время лѣвобережность Олешья сдѣлалась такъ же сомнительною, какъ и его тождество съ городомъ Алешками Таврической губерніи. Изслѣдованія г. Бурачкова («Замѣтки по древней географіи Новороссійскаго края» — въ Извѣстіяхъ Имп. Русскаго географическаго общества за 1875 г., отд. II, стр. 302 сл.) довольно убѣдительно опровергаютъ мнѣніе, котораго держались всѣ авторитетные знатоки древней географіи (Н. И. Надеждинъ, Ф. К. Брунъ). По этимъ изслѣдованіямъ оказывается, что Олешье находилось ниже, но вблизи пороговъ и рѣки Хортицы, и притомъ на правой сторонѣ Днѣпра. Такъ какъ Олешье служило въ XI и XII вѣкахъ пристанищемъ для гречниковъ, такъ какъ здѣсь останавливались послы императорскіе и митрополиты, присылаемые изъ Византіи (Ипатьевск. лѣтоп. подъ 1164 годомъ)¹⁾, то довольно естественно было бы предположить здѣсь переправу нашего топарха (хотя и не въ бродъ—вслѣдствіе осени). Но съ филологической точки зрѣнія, конечно, ближе будетъ къ Боріону Боровой, или Боровица, находящейся выше пороговъ, близъ Канева и древняго Заруба, гдѣ также была переправа черезъ Днѣпръ. Если жъ это будетъ слишкомъ далеко на сѣверъ, то остается еще переправа черезъ Днѣпръ, о которой есть извѣстіе изъ позднѣйшаго времени; она также находится ниже пороговъ, и при ней есть названіе, опять таки напоминающее Боріонъ. Это переправа Тягинская или Бургунская, въ 40 верстахъ выше Алешекъ (см. статью Бурачкова, стр. 305), гдѣ, по словамъ Бошлана (стр. 58), нужно было «переходить три глубокіе и широкіе потока: Конскія воды и два раза глубокій Днѣпръ». Въ описаніи рѣки Днѣпра, составленномъ въ 1697 году, на Чигиринской сторонѣ рѣки отмѣчается рѣчка Боргунка Верхняя и рѣчка Боргунка

1) <П. С. Р. Л., т. II, изд. 2, стб. 522.>

Нижняя, впадающія въ Казацкое рѣчище, а затѣмъ — «скеля Бургунъ противъ Хруловаго острова, на которомъ городище есть» (Записки Одесскаго общества, III, 576). На этомъ мы можемъ остановиться, довольствуясь тѣмъ результатомъ, что есть полная возможность принимать переправу съ лѣваго берега Днѣпра на правый, и притомъ ближе къ Лиману, гдѣ, конечно, нашъ путешественникъ могъ найти греческихъ поселенцевъ или торговыхъ людей.

Что же касается Маврокастроны, къ которому имѣли въ виду направить свою дорогу путешественники послѣ переправы черезъ Днѣпръ, то въ средніе вѣка существовалъ очень извѣстный городъ съ такимъ названіемъ, и находился онъ при устьѣ рѣки Днѣстра. Это былъ центръ хлѣбной торговли въ періодъ генуэзскихъ поселеній въ Крыму и Южной Россіи, не уступавшій по своему значенію Родосто, Кафѣ и Анхіалу. Флорентинецъ Пеголотти, агентъ одного богатаго дома (Bardi), имѣвшаго торговыя связи на востокѣ, въ двадцатыхъ или тридцатыхъ годахъ XIV столѣтія упоминаетъ о немъ въ своемъ сочиненіи (*Della pratica della mercatura*) на тѣхъ любопытныхъ страницахъ, которыя посвящены торговлѣ Константинополя и Перы. Лучшій хлѣбъ, привозимый въ Константинополь, есть тотъ, который приходитъ изъ Родосто; онъ продается дороже, чѣмъ хлѣбъ, привозимый изъ Кафы; хлѣбъ кафинскій есть лучшій изъ хлѣбовъ Чернаго моря и Хазаріи; хлѣбъ изъ Анхіала продается по одной цѣнѣ съ кафинскимъ, а хлѣбъ Маврокастроны слѣдуетъ за анхіальскимъ, и хотя онъ не лучше анхіальскаго, но идетъ лучше въ продажѣ, потому что лучше сохраняется при перевозкѣ, и т. д.¹⁾ Средневѣковыя карты не оставляютъ никакого сомнѣнія, 417

1) Отрывокъ изъ Пеголотти приведенъ въ приложеніяхъ къ сочиненію: Sauli, *Della colonia dei Genovesi in Galata*, t. II, p. 243: «Avisamento dello svaro, che ha da una ragione di grano a un'altra in Constantinopoli, e in Pera, e quanto è migliore l'una ragione di grano dall'altra. Grano di Rudistio, si è grano che nasce nella Grecia di Constantinopoli, ed è il migliore grano di Romania, e sempre si vende più caro lir. 6 in 8 il moggio, che quello di Caffa: sicche grano di Caffa viene presso a quello di Rudisto. Grano di Caffa è il migliore grano che sia nel Mare Maggiore, e in Gazeria e vale più che non vale grano di Lifetti del Mare Maggiore. Lire 2 in 4 il moggio, sicche tutto grano del Mare Maggiore vale quanto quello di Caffa, salvo quello di Lifetti, che non è si buono grano come quello di Caffa, e degli altri porti del Mare Maggiore. Grano del'Asilo vale quasi a uno pregio come quello di Caffa, e non ha quasi di svaro dall' uno all'atro, ma sempre

что Маврокастронъ есть нынѣшній Аккерманъ. Все эти карты помѣщаютъ его на правой сторонѣ Днѣстра на мѣстѣ Аккермана. Такъ на картѣ Висконти 1318 года: Maugocastro; на картѣ Пиццигани 1367 года: Mancastro; на Каталанской Mара mundi 1375 года: Maucastro; на картѣ Пассквалини 1408 года: Maugocastro и т. д. (см. *Periplus Ponti Euxini octuplus* у Тафеля при изданіи: *Constantinus Porphyrogenitus de provinciis regni Byzantini*, p. 38; карта Каталанская приложена въ сочиненіи князя П. П. Вяземскаго: *Замѣчанія на слово о плѣку Игоревѣ*). Ясно само собою, что названіе Маврокастронъ, означающее на греческомъ языкѣ Черный городъ, не могло быть дано кѣмъ-либо другимъ, кромѣ Грековъ и, слѣдовательно, существовало гораздо ранѣе XIV столѣтія. Имъ было замѣнено гораздо болѣе древнее и гораздо болѣе громкое имя почтенной милетской колоніи Тираса, стоявшей также на мѣстѣ нынѣшняго Аккермана и уже въ древности извѣстной своею цвѣтущею торговлею, между прочимъ, именно хлѣбомъ, какъ объ этомъ можно судить по тиритскимъ монетамъ съ головою Цереры въ вѣнкѣ изъ колосьевъ и т. п. Страннымъ можетъ представляться только то, что «Черный городъ» византійской эпохи былъ переименованъ Русскими въ Бѣлгородъ («на усть Днѣстра надъ моремъ Бѣлгородъ») въ Спискѣ градомъ Русскимъ, Румынами—въ Четате Альба и Татарами—въ Аккерманъ, что опять значить Бѣлый городъ. Хотя люди такъ же часто называютъ черное бѣлымъ, какъ и бѣлое чернымъ, но дѣлаютъ это обыкновенно по какимъ-либо побужденіямъ. Быть можетъ, мѣсто нахожденія знаменитой надписи, содержащей грамоту императоровъ Септимія Севера и Каракаллы Тиритамъ, можетъ служить къ объясненію указаннаго превращенія. Камень, на которомъ начертана надпись 201 года, найденъ былъ въ селѣ Коротномъ (Тираспольскаго уѣзда), на лѣвомъ берегу Днѣстра, стоящимъ на пьедесталѣ, подъ которымъ были слѣды угля; 418 слѣдовательно, онъ не былъ перенесенъ съ противоположнаго

si troverebbe comperatore piuttosto di quello di Caffa che di quello dall'Asilo. Grano da Maocastro è appresso all'Asilo, e va quasi a un pregio, benchè quello dell'Asilo non sia migliore, pure è piu vendereccio, e conservasi meglio a navicarlo. Затѣмъ слѣдуетъ—grano di Varna, della Zaorra, di Vezina, di Sinopoli. Asilo есть, конечно, Анхιάль; на средневѣковыхъ картахъ: Axello, Lassillo, Lassello, Axillo и Asilo = Ахиоло и Анхιάль.

берега, а стоялъ такъ съ самаго начала, какъ это справедливо доказывалъ проф. Ф. К. Брунъ, вопреки мнѣнію П. В. Беккера. Но едва ли отсюда слѣдовало заключать, вопреки яснымъ указаніямъ древнихъ, о лѣвобережности самаго древняго Тираса; удовлетворительнымъ объясненіемъ будетъ то, что территорія Тиритовъ простиралась и на лѣвый берегъ Днѣстра, и что, быть можетъ, при теперешнемъ селѣ Коротномъ была ихъ пристань (В. И. Григоровичъ). Итакъ, на этой территоріи могли существовать два тиритскія укрѣпленія, два града (*χάστρον*), Бѣлый и Черный; тотъ и другой могли послужить къ замѣнѣ, конечно, упавшаго и разрушеннаго варварами собственнаго города Тираса. Есть основаніе думать, что сами византійцы на мѣстѣ древняго Тираса, нынѣшняго Аккермана, знали не только Черный, но и Бѣлый городъ (*Ἀστροχάστρον*); а съ другой стороны, до сихъ поръ, недалеко отъ Коротнаго существуетъ селеніе Граденица, въ которомъ почтенный русскій ученый филологъ или антикваръ, какъ онъ себя называетъ, не безъ основанія находить городъ Чернѣ «Списка градомъ Русскимъ». Но уже въ началѣ XV вѣка рыцарь и путешественникъ Гильберъ де-Лануа могъ выражаться о Тирасѣ-Аккерманѣ, что это укрѣпленный городъ, называемый Чернымъ или Бѣлымъ: *une ville fermée et port sur la ditte mer Majour* (Черное море), *nommée Mancastre ou Bellegard* — то есть, Маврокастронъ или Бѣлгородъ¹⁾. Искать какого-либо другаго Маврокастропа помимо того, который стоялъ на Днѣстрѣ, тѣмъ менѣе предстоить надобности, что такіе поиски оказываются напрасными. Замокъ или крѣпость «Нигрополи», обозначаемый на нѣкоторыхъ позднѣйшихъ кар-

1) Объ Аккерманѣ см. статью проф. Бруна: «Les noms de la ville d'Akkerman» (*Journal d'Odessa* 1852, № 42), и потомъ въ другихъ его сочиненіяхъ (было бы весьма желательно полное ихъ собраніе въ одномъ изданіи). О Тирасѣ—его же статья въ Запискахъ Одесскаго Общества, т. III, стр. 47 и сл. (См. теперь Ф. К. Бруна Черноморье, I, 3 сл.). Надпись 201 года въ первый разъ напечатана Беккеромъ, «а теперь издана В. В. Латышевымъ: *Inscr. ant. or. verit. Ponti Euxini*, I, № 3». Въ высшей степени любопытныя и важныя замѣтки В. И. Григоровича можно читать въ двухъ его брошюрахъ «Записки антиквара» (Одесса, 1874) и «Записка объ археологическомъ изслѣдованіи Днѣстровскаго побережья». Въ послѣдней—замѣчаніе объ *Ἀστροχάστρον*, которое нужно сравнить съ тѣмъ, что писано по этому предмету г. Бруномъ, въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ—въ комментаріяхъ къ переводу отрывковъ изъ де-Лануа (Записки Одесскаго Общ., т. III, стр. 438, 451 и сл.).

тахъ къ сѣверу отъ Перекопскаго залива, происходитъ, очевидно, 419 отъ греческаго τὰ Νεχροπόλια, какъ этотъ заливъ назывался у Грековъ, и, слѣдовательно, никакъ нельзя думать, что Нигрополи есть итальянскій переводъ Маврокастропа. Мнѣніе, что Нигрополи есть позднѣйшій Очаковъ, называемый по-турецки Кара-Керманъ (Черный городъ), едва ли основательно «Брунь, Черноморье, I, 177 сл.», хотя мы и могли бы съ нимъ легко помириться. Ни Мангупъ, ни Карасу-базаръ не имѣютъ точно такъ же никакихъ особыхъ правъ присвоивать себѣ чужое имя: первый назывался по-гречески въ византийскую эпоху οἱ Θεόδωροι (Castello Teodoro) или просто Δορός; послѣдній, хотя и заключаетъ въ себѣ указаніе на Черную воду (= Кара-су), за то едва ли даже существовалъ въ средніе вѣка.

Профессору Ф. К. Бруну и академику А. А. Кунику, конечно, было хорошо извѣстно существованіе Маврокастропа на мѣстѣ нынѣшняго Аккермана; если они считали нужнымъ искать его въ другомъ мѣстѣ, то въ этомъ виноваты «Климаты», то есть, одно слово, читаемое въ концѣ второго отрывка и повторенное въ концѣ третьяго. Это названіе заставляло думать, что мѣсто во второмъ и третьемъ отрывкахъ есть несомнѣнно южный берегъ Крыма, и что, слѣдовательно, возвращеніе нашего автора «отъ Днѣпра во-свои» было возвращеніе въ Тавриду, что заставляеть предполагать путешествіе по лѣвой сторонѣ Днѣпра, а не по правой. Газе первый указалъ, при изданіи отрывковъ, на крымскіе Климаты, извѣстные изъ сочиненій Константина Багрянороднаго: *tem in Chersoneso Taurica geri declarat mentio Clematum*; а за нимъ пошли всѣ русскіе изслѣдователи, несмотря на большую или меньшую самостоятельность своихъ другихъ объясненій. «Климаты» несомнѣнно существовали въ Крыму; даже болѣе того: слово «Климаты» всего чаще примѣняется у византийскихъ писателей къ крымскимъ областямъ. Тѣмъ не менѣе мы находимъ, что до сихъ поръ былъ опускаемъ изъ виду самый первоначальный вопросъ, именно: употреблено ли въ нашихъ отрывкахъ слово Климаты въ томъ же самомъ смыслѣ и значеніи, въ какомъ оно прилагается къ крымскимъ областямъ и въ какомъ вообще употребляется въ другихъ мѣстахъ, у другихъ писателей?

Мы полагаемъ, что на этотъ вопросъ придется отвѣчать отрицательно.

Κλίμα (отъ κλίνω и поэтому собственно должно бы быть κλίμα, но въ греческомъ съ короткимъ: ¹⁾) и только въ латинскомъ clima і долгое), или, какъ часто пишется у византійцевъ, κλημα (вѣроятно, вслѣдствіе латинскаго вліянія—для обозначенія дол- 420 готы) этимологически значить склонъ, покатость:

1) Склонъ, наклоненіе неба къ полюсу—и страну свѣта, подъ нимъ находящуюся. Греческіе, а за ними и арабскіе географы принимали собственно семь странъ или семь климатовъ. Нѣтъ нужды повторять примѣровъ, приводимыхъ въ словаряхъ; отмѣчаемъ только одно любопытное мѣсто, читаемое въ нѣкоторыхъ спискахъ Пасхальной хроники (vol. II, p. 249 ed. Bonn., not. ad p. 64, 8): τὸ δὲ ἑβδομον κλίμα ἐστὶ τὸ διὰ Βορυσθένους, καὶ τοῦ Δαννοῦβε, καὶ τῶν βορειωτέρων, ὅπου κατοικοῦσιν Φράγγοι καὶ Χάζαροι ἐγγίζοντες τῷ Ὁκεανῷ. Впрочемъ у Агаеи (p. 350, 29 Dind.) говорится о «восьмомъ климатѣ, который получилъ свое названіе отъ Евксинскаго Понта» (?): ἐν τῷ κλίματι - τῷ ὀγδόῳ -- ὅπερ, οἶμαι, ἐκ τοῦ Εὐξείνου πόντου παρὰ τοῖς ταῦτα σοφοῖς ἐπικέκληται.

2) Вообще всякую страну, провинцію или область, какъ большую, такъ и малую. Въ схолияхъ юридическихъ: Οἱ βικάριοι τοῦ Ποντικῷ ἢ ἐτέρου τινός ὄλου κλίματος. — Отсюда областеначальникъ у Теофилакта Симокатты часто называется κλιματάρχης: Σουρήνην κλιματάρχην ὑπὸ τοῦ Περσῶν βασιλέως τῆς Ἀρμενίας γενόμενον (hist. p. 129, 11 de Boog.). ἐλθὲ πρὸς ἡμᾶς, καὶ κλιματάρχης τῆς Περσικῆς πολιτείας παραυτίκα γενήσῃ (p. 163, 24); по-латыни совершенно вѣрно объяснено въ переводѣ: climatarcha Persidis (hoc est, tractus alicujus terrarum seu regionis praefectus). Вмѣсто κλίμα Симокатта употребляетъ иногда выраженіе κλίτος (что въ другихъ случаяхъ у него значить часть, крыло войска: p. 165, 23. 207, 18): ἐπὶ τὸ κλίτος τῆς Δαρδανίας (p. 292, 12) точно такъ, какъ въ другомъ мѣстѣ: Ῥωμαῖοί τε καὶ Πέρσαι προσβάλλουσι κλίματι Χναιθᾶς λεγομένῳ (p. 202, 14). Ни здѣсь, ни равнымъ образомъ у Менандра κλίμα не зна-

1) <Ср., однако, А. Nauck, Mélanges Gr.-Rom. III, 322 сл.>.

читать градъ или замокъ (castrum или castellum), какъ это утверждалъ Тафель (въ экскурсѣ къ опыту изданія Теофана: *Epimetrum tertium de climatibus Chersonesi Taurici: Sitzungsber. d. k. (Wiener) Akademie d. Wissensch., phil.-hist. Cl., IX, 172*) на основаніи Менандра: *τὴν ὁδοπορίαν διανύσας διὰ τοῦ λεγομένου Ἀρρεστῶν κλίματος καὶ τοῦ Μαρεπτικῶν* (Menand., p. 79 sq. Dind.). *ἐν τῷ κλίματι Μάκραβανδῶν καὶ Ταραννῶν* (p. 81, 8). Во второмъ мѣстѣ, очевидно, разумѣются провинціи Багревандъ (Bagrevand) и Таронъ, такъ какъ путь царя Персидскаго былъ направленъ къ Θεοδοσιῶπολι (Эрзеруму): городовъ или крѣпостей соотвѣтствующаго имени эти провинціи совсѣмъ не имѣли, и названіе ихъ заимствовано отъ племени, населявшаго ихъ. То же самое слѣдуетъ думать и о климатахъ, упомянутыхъ у Менандра выше. Вообще терминъ *κλίμα* употреблялся для обозначенія многихъ армянскихъ областей, во главѣ которыхъ не было ни города (*πόλις*), ни крѣпости или замка (*κάστρον*); это видно изъ одного древнѣйшаго списка христіанскихъ епархій (Rhally, *Σύνταγμα*, V, 470 sq.).

3) Въ частности и спеціально, *κλίμα*, согласно съ своимъ первоначальнымъ этимологическимъ значеніемъ, указываетъ, повидимому, область покатую, низменную, будетъ ли она находиться при морѣ, или между горами. Такъ уже въ посланіи ап. Павла къ Галатамъ (I, 21): *ἦλθον εἰς τὰ κλίματα τῆς Συρίας καὶ τῆς Κιλικίας*. Въ 28-й новеллѣ Юстиніана: восемь городовъ составляютъ (провинцію) Еленопонтъ: Амасія, Ивора, Евхаита, Зила, Андрапа — *καὶ αἱ γὰρ πρὸς τοῖς κλίμασι κείμεναι Συνώπη τε καὶ Ἀμισσός* (ср. *Basilica*, VI, 12, 1, t. I, 192 Heimb.). Такъ же у Георгія Писиды и у Теофана (p. 304, 19 de Boor.): *τὸ Πόντιον κλίμα* (var. *κλήμα*), и у Никиты Хониата: *τὰ Πόντια Κλίματα* (Sathas, *Biblioth. gr. medii aevi*, I, 119).

4) Наконецъ, *κλίμα* означало, судя по нѣкоторымъ примѣрамъ, опредѣленную административную единицу, гораздо меньшую, чѣмъ провинція или тема, при чемъ въ основѣ дѣленія лежали, повидимому, финансовыя или податныя отношенія. *Iohannes Lydus de magistr.*, III, 68, p. 159, 13 Wuensch: *Ὅ τῶν ἀρμόδιοις τῶν χωρῶν ἐπιστάταις—οὗς καλοῦσι τρακτευτάς ἀντὶ τοῦ κληματάρχας—ἢ διαψηφισταῖς ἐδίδου τὰ πραττόμενα πρὸς πλήρωσιν.*

Но tracteatae = tractatores, chartularii, суть финансовые чиновники, scriniarii, qui annonas publicas computant et tractant: συνέβη πάντας τοὺς τὴν ἐπαρχίαν τοῦ Πόντου διοικοῦντας, τραχτευτάς φημι καὶ ἀντάς τῶν δημοσίων (Vita S. Eutychiei Patr. CP.: Migne, Patr. gr. 86, 2352 A; ср. новеллы Юстин. 28, 30, 128 — 129, 147 и т. д.). Въ этомъ отношеніи clima соотвѣтствуетъ вполне латинскому regio, такъ какъ и дѣленіе, напримѣръ, Италіи на XI regiones имѣло первоначально финансовое или податное значеніе. Согласно съ этимъ, въ глоссахъ, приводимыхъ у Дюканжа, κλίμα и κλίματα объясняется какъ μέρη (части); а съ другой стороны, κλίμα, подобно латинскому regio, употребляется для обозначенія частей города или кварталовъ (многочисленные примѣры собраны у Дюканжа). Прибавимъ здѣсь τὰ Θρακῶα κλίματα у Льва Діакона (р. 104, 11) и выраженіе κλιματάρχης, употребляемое въ XII в. Манассіемъ (Chron. v. 43, 66) параллельно χωράρχης. — Κληῖμα Μεσσιχόν (v. I. Μεσσιχόν) во Фракіи (у Константина Багрянор. de thematibus p. 47, 10 и въ Synecdemus Hieroclis 640, 8 Wessel.) есть область, лежащая на рѣкѣ Мстѣ (Νέστος, на монетахъ Μέστος; см. Wesseling, in Hier. Synecd. commentar. p. 414 ed. Bonn. и одинъ позднѣйшій хрисовуль въ Biblioth. medii aevi. I, 237: πέρα τοῦ Μέ- 422 στου). Девять Климатовъ Хазарскихъ (τὰ ἐννεα κλίματα Χαζαρίας), о которыхъ говорится въ другомъ сочиненіи Константина (de administr. impregio, с. 10), не могутъ также возбуждать никакого недоумѣнія.

Какъ уже выше было замѣчено, выраженіе «Климаты» особенно часто употребляется для обозначенія южныхъ крымскихъ областей и какъ будто въ отношеніи къ нимъ изъ нарицательнаго имени превратилось въ собственное. Почти всѣ сюда относящіяся мѣста собраны въ изслѣдованіи А. А. Куника (О запискѣ Готскаго топарха, стр. 74 сл.). Но ни одинъ изъ этихъ примѣровъ не доказываетъ того, чтобы κλίμα когда-нибудь значило «укрѣпленное мѣсто», какъ это предполагаетъ ученый изслѣдователь согласно съ Тафелемъ. Въ послѣдней главѣ сочиненія «О темахъ» (провинціяхъ) Константинъ говоритъ, что Корсунъ въ старину не былъ римскою провинціей, но что властители Киммерійскаго Воспора владѣли также Корсунью и прочими

Климатами (р. 62 sq.: ἐκράτουσιν καὶ Χερσῶνος αὐτῆς καὶ τῶν λοιπῶν κλιμάτων): разумѣется Корсунь съ его территоріей, какъ городская община, и другія области въ Крыму. Въ сочиненіи De admin. impreg. нѣсколько разъ упоминается о Климатахъ въ связи съ Херсономъ. Гл. 1: Та часть Печенѣговъ, которая со-сѣдитъ съ областью Корсунскою (р. 68, 20 sqq.: τῷ μέρει τῆς Χερσῶνος), когда имѣеть враждебные замыслы противъ Византійцевъ, легко можетъ напасть и на Корсунь, и на такъ называемые Климаты и разорить ихъ (κουρσεύειν καὶ ληΐζεσθαι αὐτὴν τε Χερσῶνα καὶ τὰ λεγόμενα κλήματα). Гл. 11: Такъ какъ правитель Аланіи не находится въ мирѣ съ Хазарами, а предпочитаетъ дружбу римскаго императора, то онъ можетъ дѣлать много вреда Хазарамъ, когда они идутъ къ Саркелу, Климатамъ и Корсуніи (р. 80, 17 sqq.: ἐν τῷ διέρχεσθαι πρὸς τε τὸ Σάρκελ καὶ τὰ κλήματα καὶ τὴν Χερσῶνα). Если онъ захочетъ серьезно помѣшать имъ, то Корсуніи и Климатамъ обезпеченъ глубокий миръ (μεγάλης καὶ βαθείας εἰρήνης μετέχουσιν ἢ τε Χερσῶν καὶ τὰ κλήματα) и т. д. Въ написаніи 42-й главы того же сочиненія читается: Χερσῶνος ὁμοῦ καὶ Восπόρου, ἐν οἷς τὰ κάστρα τῶν κλιμάτων εἰσὶν; а въ текстѣ этой главы говорится, что между Херсономъ и Восворомъ находятся грады Климатовъ (р. 180, 5: ἀπὸ δὲ Χερσῶνος μέχρι Восπόρου εἰσὶ τὰ κάστρα τῶν κλιμάτων). Нѣсколько выше Петронъ говоритъ императору Теофилу: «если хочешь дѣйствительно властвовать надъ градомъ Херсономъ и принадлежащими къ нему областями, то пошли туда своего стратига». Р. 178, 18: εἰ θέλης ὄλωσ τὸ τῆς Χερσῶνος κάστρον καὶ τοὺς ἐν αὐτῇ τόπους (= κλήματα?) κυρίως ἐξουσιάσαι. Здѣсь же 423 разсказывается, что въ древности былъ прорытъ ровъ (р. 180, 15 σούδα) отъ Понта до Азовскаго моря (черезъ Перекопскій перешеекъ), и такимъ образомъ область Корсунская, Климаты и земля Керченская были совершенно заперты отъ враговъ; но во время Константина ровъ заросъ лѣсомъ, среди котораго существовали только два пути, служившіе для печенѣжскихъ набѣговъ на Корсунь, Керчь и Климаты.

Въ другихъ византійскихъ источникахъ также нерѣдко упоминается о климатахъ Крымскихъ. Можно отмѣтить слѣдующія мѣста: у Теофана подъ 6268 (768) годомъ разсказывается, что

императоръ Левъ Хазаръ сослалъ своего брата Никифора и его сообщниковъ въ Херсонскіе Климаты (р. 451, 1 de Boor.: εἰς Χερσῶνα καὶ τὰ κλίματα). Другія подобныя мѣста въ лѣтописи Θεοφана см. у Тафеля и Куника. Въ подробной редакціи житія св. Θεοдора Студита говорится (Migne, Patrol. gr. 99, 253 sq.), что, когда этотъ святой возсталъ противъ незаконнаго брака императора Константина, сына Ирины (около 795 г.), то примѣръ его нашель себѣ сочувствіе и подражаніе у епископовъ и пресвитеровъ въ областяхъ Херсона и Воспора (Керчи): οἱ γὰρ ἐν ταῖς κλίμασι τῆς κατὰ Χερσῶνα καὶ Βόσπορον παροικίας ἐπίσκοποι καὶ πρεσβύτεροι -- ζηλοῦσιν ἐν καλῶ τὴν αὐτοῦ παρῆρσιαν. Выше (col. 252 D) было указано, что беззаконному примѣру византийскаго императора послѣдовали король Лонгобардіи, властитель Готіи, а также топархъ Керченскій (οὕτως ὁ τῆς Γοτθίας, οὕτως ὁ τῆς Βοσπόρου τοπάρχης); теперь духовныя лица областей Херсонской и Воспорской, по примѣру Θεοдора, отвергли всякое общеніе съ нарушителями церковнаго преданія, то есть, очевидно съ топархами Готіи и Керчи. Ужъ изъ этого сопоставленія дѣлается яснымъ, что подъ Климатами Херсона разумѣется между прочимъ Готія, то есть, извѣстныя готскія поселенія между Балаклавой и Сурожемъ, или Судакомъ, Сугдею. Въ житіи св. Стефана Новаго (около 775 г.), написанномъ его соименникомъ діакономъ Константинопольскимъ Стефаномъ въ 809 году, говорится о времени Константина Копронима, что тогда въ трехъ только мѣстахъ можно было бы найти убѣжище отъ гоненія, такъ какъ вездѣ почти суесловіе дракона не встрѣчало болѣе сопротивленія. Изъ этихъ трехъ мѣстъ первое — припонтійскія области, затѣмъ острова Архипелага и въ-третьихъ—Италія. Въ припонтійскихъ областяхъ въ частности отмѣчается Корсунь, Керчь и Готія впалая (Migne, Patrol. gr., 100, 1117 C): ἀπὸ τε Βοσπόρου, Χερσῶνος, Νικόψεως, καὶ τὰ πρὸς τὴν Γότθιον Κοίλην (al. Γοτθίαν Κοίλην) ἀπαντῶντα. Эта Готія впалая, или же низменная, есть синонимъ слова κλίματα (Γοτθίας) и, быть можетъ, объясняетъ намъ, почему этотъ послѣдній терминъ получилъ такое 424 специальное приложеніе къ южному побережью Крыма: — онъ вполне приличествовалъ самому характеру мѣстности. — Въ гораздо позднѣйшихъ дѣяніяхъ св. Евгенія Трапезунтскаго уже

прямо говорится о Корсунѣ и находящихся тамъ климатахъ Готіи (τῆς Χερσῶνος καὶ τῶν ἐκεῖσε κλιμάτων Γοτθίας). Вѣроятно, эти же самые Готскіе Климаты разумѣются далѣе и подъ выраженіями: τὰς χώρας αὐτῆς, то есть Χερσῶνος, а также ἐκ τῶν κλιμάτων Χερσῶνος. См. у А. А. Куника, О запискѣ Готск. топарха, стр. 75¹⁾.

Мы не имѣемъ нужды разбирать вопроса о томъ, вполнѣ ли совпадало пространство Готіи съ Климатами, и не составляла ли Готія только часть Климатовъ; вообще любопытный, но достаточно разъясненный вопросъ о Крымскихъ Готахъ и судьбѣ ихъ мы оставляемъ въ сторонѣ. Для насъ имѣетъ важное значеніе только самый смыслъ термина, и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить только то, что ужь одна Готія сама по себѣ заключала въ себѣ нѣсколько городовъ или замковъ, и что ни одинъ изъ этихъ градовъ (κάστρα) не носилъ названія «Климаты» или просто «κλίμα». Болѣе важный городъ Готіи Δορός или Θεοδορώ (= Θεόδωρο), считаемый часто за главный городъ; другіе города: Ускутъ (Scuti), Алушта, Ламбатъ, Партенитъ, Урсуфъ, Ялта и пр. Итакъ, были въ Крыму Климаты, были въ этихъ Климатахъ грады, τὰ κάστρα, но не было града, τὸ κάστρον, который назывался бы Климатами. Всѣ города въ Климатахъ были такъ мало значительны, такъ мало шли въ сравненіе съ Корсунемъ и Керчью, что ни одинъ изъ нихъ не могъ сообщать своего имени территоріи, ни одинъ изъ нихъ не былъ городомъ (πόλις, civitas) въ грекоримскомъ смыслѣ. Отъ этого за территоріей между Воспоромъ и Херсономъ, въ частности за южнымъ ея берегомъ, осталось названіе «склоновъ, округовъ, областей», первоначально нарицательное, потомъ какъ будто собственное. Эти округа находились всегда или почти всегда въ зависимости отъ Корсуни: и въ этомъ заключалось, быть можетъ, другое основаніе къ закрѣпленію за ними термина Климаты или даже «Херсонскіе Климаты», то есть, въ смыслѣ маленькихъ округовъ, составляющихъ часть провинціи или темы Корсунской или же только причисляемыхъ къ ней. Однимъ словомъ, κλίματα въ Крыму всегда значить regiones, tractus, какъ и въ другихъ мѣстахъ.

1) «Ср. А. И. Пападопуло-Керамевса, Сборникъ источниковъ по исторіи Трапезундской Имперіи, I, стр. 117, 11. 18. 118, 2.»

Между тѣмъ всякій, кто рѣшится читать фрагменты Газе внимательно и безъ предубѣжденія, долженъ убѣдиться, что здѣсь Климаты есть названіе единичнаго, отдѣльнаго города, притомъ очень небольшого, который былъ разрушенъ и запустѣлъ, а по- 425 томъ стараніемъ нашего топарха отчасти возстановленъ и снова сталъ населяться. Слѣдовательно, рѣчь идетъ вовсе не о Готскихъ «склонахъ», не о южно-крымскихъ областяхъ, и для объясненія нашихъ отрывковъ мы не только имѣемъ право, но и обязаны искать въ древнихъ источникахъ какого-либо другого города или мѣстечка, которое носило бы названіе, близкое къ «Климатамъ». Если бы, помимо Климатовъ, были другія болѣе прочныя и несомнѣнныя основанія приурочивать мѣсто дѣйствія фрагментовъ именно къ Крыму, если бы такое приурочиваніе не основывалось единственно на отождествленіи города или селенія Климаты съ τὰ κλίματα Константина Багрянороднаго и другихъ византійцевъ, то, конечно, все-таки оставалась бы возможность и въ самомъ Крыму отыскать названіе, если не тождественное, то очень близкое къ τὰ κλίματα (или τὰ κλίματα). Мы указываемъ, — но только для другихъ, а не для себя,—на Каламиту (Calamita, Calami и т. д.), городокъ или селеніе, обозначаемое на средневѣковыхъ картахъ рядомъ съ Корсунемъ, слѣдовательно, находящееся въ ближайшемъ—къ сѣверу—разстояніи отъ него. Но сами мы не можемъ остановиться на такъ легко представляющемся объясненіи. При этомъ намъ пришлось бы опять странствовать въ сѣверныхъ частяхъ Крыма или около Перекопа, отыскивая тамъ Маврокастронъ, пришлось бы допустить существованіе такой средневѣковой географіи, по которой Русь представлялась бы изъ Крыма лежащею какъ разъ на сѣверъ — не отъ Крыма, а отъ Дуная, чтѣ совсѣмъ не похоже даже на арабскую карту Едриси (XIII ст.). Однимъ словомъ, освободившись отъ Готскихъ Климатовъ, мы должны освободиться и отъ другихъ противорѣчій и затрудненій, порожденныхъ ими. Мы думаемъ, что подъ Климатами въ нашихъ отрывкахъ разумѣется какое-либо укрѣпленіе или городокъ, находившійся на Дунаѣ, потому что другія данныя, заключающіяся въ текстѣ, ведутъ именно къ Дунаю, а не въ Крымъ.

Въ настоящее время изъ надписей, еще далеко не вполне со-

бренныхъ, изъ множества древнихъ развалинъ, еще далеко не описанныхъ въ подробности, изъ рассказовъ путешественниковъ, изъ которыхъ далеко не всѣ относятся со вниманіемъ къ остаткамъ исторической древности, болѣе и болѣе раскрывается благосостояніе и густая населенность Дунайскихъ областей въ римское время, въ частности—древней Мезіи, нынѣшней Сербіи и Болгаріи. Можно сказать, что почти на каждомъ шагу мы встрѣ-
426 чаемъ здѣсь развалины старинныхъ городовъ или укрѣпленій, самыя названія которыхъ для насъ часто остаются неизвѣстными. Не было бы ничего удивительнаго, если бы Климаты были однимъ изъ такихъ городовъ или мѣстечекъ, о которыхъ историческая память совсѣмъ заглухла и не дошла до насъ. Историки и изыскатели часто съ изумленіемъ останавливаются надъ длиннымъ спискомъ придунайскихъ городовъ и укрѣпленій, восстановленныхъ Юстиніаномъ и перечисленныхъ секретаремъ Велизарія Прокопіемъ (*De aedificiis* IV, 4 p. 285 Bonn.). Большая часть ихъ до сихъ поръ остается непріуроченною къ извѣстной мѣстности, то есть, совсѣмъ не оставила никакихъ слѣдовъ въ позднѣйшей номенклатурѣ городовъ и селъ. Тѣмъ не менѣе мы сдѣлаемъ попытку отыскать у Прокопія какое-либо указаніе на наши Климаты, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что разстояніе между временемъ, когда Прокопій писалъ свое сочиненіе *De aedificiis*, и временемъ, когда жилъ авторъ Записки топарха, было не такъ значительно, какъ разстояніе между X вѣкомъ и XIX. Само собою разумѣется, что наши поиски будутъ направлены на ту мѣстность, которая представляется намъ подходящею, то есть, соответствующею другимъ даннымъ.

«Въ области Аквесійской Юстиніанъ вновь выстроилъ Тимаохиумъ и возобновилъ слѣдующія укрѣпленія» (*Ἐν ἡώρα Ἀκвесία νέον μὲν Τιμαδοχιώμ, τὰ δὲ ἀνανεωθέντα*). И затѣмъ слѣдуетъ 36 названій, изъ которыхъ мы сообщаемъ начальныя и послѣднія:

Πετέρες	Peteres.
Σκουλοβοῦργο	Sculcoburgo.
Βινδιμιόλα	Vindimiola.
Βραίολα	Braiola.
Ἀργανόκιλον	Arganocilum.

Καστελλόνοβο	Castellonovo.
Φλωρεντιάνα	Florentiana.
Ῥωμυλιάνα	Romyliana.
Σκεπτεκάσας	Sceptecasas.
Ἀργένταρες	Argentares.
Αὐριλιάνα	Auriliana.
Γέμβρο	Gembro.
Κλέμαδες	Clemades.
Τουρρίβας	Turribas.
— — —	— — —
— — —	— — —
Μώτρες	Motrees.
Βικάνοβο	Vicanovo.
— — —	— — —
Πόντζας	Pontzas.
Ζάνες	Zanes.

427

Уже порядокъ, котораго держится Прокопій при описаніи построекъ Юстиніана, даетъ намъ понять, что область Аквесійская находится близъ Дуная: ей предшествуетъ область извѣстной Ремесіаны, а за нею слѣдуетъ описаніе укрѣпленій на самомъ Дунаѣ. Аквесійская область есть область, названная такъ по имени города Aquae, о которомъ рѣчь идетъ и у Прокопія нѣсколько ниже: πολίχνιον - Ἄκυε̄ς ὄνομα (р. 289, 19); названный вслѣдъ затѣмъ городъ Дортикъ (Δορτικόν), то есть, нынѣшняя Раковица, при впаденіи Тимокъ въ Дунай (на правой сторонѣ того и другого), несомнѣнно указываетъ, что подразумѣваются тѣ самыя Aquae, которыя обозначены также рядомъ съ Dortico на картѣ Певтингеровой (ad Aquas) и въ дорожникѣ Антонина (Aquis. Dortico), слѣдовательно — городъ, лежавшій на лѣвой сторонѣ Тимокъ въ нынѣшней Сербіи, въ древней Береговой Дакии (Dacia ripensis). Самый Тимаохиумъ, вновь построенный Юстиніаномъ, напоминаетъ рѣку Тимокъ. Мы не имѣемъ нужды, да и не были бы въ состояніи точно опредѣлить положеніе всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстечекъ, находящихся въ приведенномъ нами списокѣ Прокопія. Но Castellonovo есть, конечно, Castris novis Певтингеровой карты, тѣмъ болѣе, что на разстояніи 13 миль отъ нихъ на этой

картѣ обозначена *Romula*¹⁾, соответствующая, конечно, Ромуліанѣ Прокопіева списка. Та и другая мѣстность, судя по римской картѣ, находились, правда, на сѣверѣ отъ Дуная (въ Валахіи, между Ольтой и Шиломъ); но есть много другихъ признаковъ, что списки Прокопія не всегда слѣдуютъ строгой системѣ; и что Римляне во времена Юстиніана еще могли держаться на лѣвой сторонѣ Дуная, имѣть тамъ укрѣпленія—въ этомъ не будетъ ничего удивительнаго. Флорентіана, не обозначенная на картѣ Певтингеровой, но извѣстная изъ другого источника (*Notitia dignit.; Forbiger, III, 1093*), есть, по всей вѣроятности, нынѣшнее болгарское село Флорентинъ неподалеку отъ Видина (*Вопонія*), гдѣ одинъ изъ новѣйшихъ, знакомыхъ съ древностію путешественниковъ нашелъ слѣды римскихъ укрѣпленій (см. *Kanitz, Donau-Bulgarien, I, 278*). *Γέμβρο*—если это есть то же самое, что и упомянутый у Прокопія ниже *ϙρ. 290, 17* *Κεβρός* (*Cebro: Notitia dignit.* и *Itiner. Anton., Κίαβρος* Птолемея), то въ немъ можно узнать нынѣшнюю Джибра-Паланку (*Zibru*) противъ впаденія 428 Джибрицы (*Cebras*) въ Дунай²⁾. Во всякомъ случаѣ, то есть, и тогда, если *Γέμβρο* = *Cimbriana*, это мѣстечко находилось въ сѣверо-западной Болгаріи (см. *Böcking, Notitia dign. t. I p. 466*). Далѣе слѣдуютъ *Κλέμαδες*, въ которыхъ есть полная возможность признать *Κλίματα* или *Κλήματα*, такъ какъ различіе и само по себѣ не велико и еще уменьшается несущественностію латинскаго окончанія, придаваемого Прокопіемъ многимъ городамъ (даже *Ἀχιές*). Нѣсколько дальнѣйшихъ указаній могутъ служить къ подкрѣпленію предыдущихъ приурочиваній. *Τουρρίβας*, конечно, не есть Тирасъ (Аккерманъ), какъ полагалъ проф. Брунъ, а городъ придунайскій: безъ сомнѣнія, онъ же разумѣется подъ *Τούρρις*, о которомъ говорится въ другомъ сочиненіи Прокопія (*Bell. Gothic., III, 14, p. 359, 7 Haug.*), какъ о городѣ, лежащемъ надъ Дунаемъ. *Μώτρες* напоминаетъ теперешнюю рѣчку Мотру (*Motru*) въ Валахіи, латинскую *Amutria*, городъ помѣщаемый при впаденіи ея въ Шиль. *Πόντζας* = *Pontes* (Мостъ Траяновъ) близъ Орсовы, и *Ζάνες* тамъ же (см. *Prosop. de aedif. p. 288*,

1) *ϙр. C. Schuchhardt, Wälle u. Chausseen im südl. u. östl. Dacien: Arch.-epigr. Mitth. IX, 231.*

2) *ϙр. Изв. Русск. Арх. Инст. въ Константинопл., X, 262. 469.*

9)¹⁾. Такъ или иначе, но кажется, мы можемъ считать доказаннымъ существованіе Климатовъ въ восточной Болгаріи, притомъ—именно въ такомъ видѣ, какой вполне соответствуетъ описанію ихъ въ Запискѣ топарха—въ видѣ небольшого городка съ укрѣпленными стѣнами. Этого для насъ достаточно.

Что касается времени, къ которому относятся событія, описанныя въ Запискѣ топарха, то мы уже выше указали данныя, служащія для опредѣленія эпохи. Приблизительное опредѣленіе получается изъ указаній Газе на почеркъ автографа, принадлежащій ко второй половинѣ X вѣка или къ началу XI вѣка. Всякій, кто хотя немного знакомъ съ греческою палеографіей, не усомнится повѣрить въ возможность довольно точнаго опредѣленія древности той или другой рукописи по ея признакамъ, особенно со стороны такого знатока рукописей, какимъ былъ Газе и какимъ онъ является въ своихъ комментаріяхъ къ исторіи Льва Діакона. Слишкомъ далеко отступать отъ времени Владиміра, къ которому, по мнѣнію Газе, относились отрывки, мы не имѣемъ права. Болѣе точное опредѣленіе эпохи и года заключается въ указаніи на положеніе Сатурна въ знакѣ Водолея, замѣченное топархомъ послѣ переправы черезъ Днѣпръ при наступленіи той бурной ночи, которую онъ провелъ въ Боріонѣ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ достаточно знаній и средствъ, чтобы воспользоваться замѣченнымъ нами мерцаніемъ планеты для полнаго и несомнѣннаго освѣщенія исторіи и хронологіи. Мы въ состояніи были извлечь отсюда только слѣдующія соображенія: такъ какъ Са- 429 турнъ совершаетъ свое обращеніе между созвѣздіями въ періодъ 10759, 22 дней (29 лѣтъ, 174 дня) и, слѣдовательно, въ одномъ и томъ же созвѣздіи видимъ бываетъ въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ, то мы будемъ имѣть только два или три такіе періода (для второй половины X вѣка и начала XI), которые могутъ быть приняты въ расчетъ; внутри этихъ (29-ти-лѣтнихъ) періодовъ должны быть отысканы опредѣленные годы, когда Сатурнъ могъ быть наблюдаемъ нашимъ топархомъ въ знакѣ Водолея. По справкамъ оказывается, что Сатурнъ будетъ видимъ въ знакѣ Водолея въ будущемъ 1877 году и въ слѣдующихъ за

1) <Ср. F. Kanitz, Römische Stud. in Serbien: Denkschr. d. (Wien.) Akad. phil.-hist. Cl. XLI, 45. 49.>

нимъ ближайшихъ годахъ. Идя назадъ и послѣдовательно вычитая (изъ 1877 г. по 10759 дней), мы прійдемъ къ 993—996 гг. и далѣе къ 964—967. Изъ этого слѣдовало бы, что время Владиміра никакъ не идетъ для объясненія фрагментовъ, такъ какъ въ подлежащихъ годахъ мы не можемъ допустить непріязненныхъ отношеній Руси съ Греками—ни въ Крыму, ни въ Болгаріи, и что, напротивъ, путешествіе топарха изъ-за Днѣпра весьма близко къ первому походу Святослава въ Болгарію. Если мы останавливаемся на послѣднемъ объясненіи, то конечно, не потому, чтобы слишкомъ много довѣряли своему астрономическому разсчету, сдѣланному безъ всякой помощи астрономіи и, можно опасаться, даже съ нарушеніемъ ея законовъ. Насъ соблазняетъ только то, что такой разсчетъ вполнѣ сходится со всѣми историческими и географическими соображеніями, которыя нами высказаны выше, съ содержаніемъ и смысломъ отрывковъ, какъ мы понимаемъ это содержаніе; а мы его понимаемъ такъ, что событія, о которыхъ идетъ рѣчь въ отрывкахъ, могутъ только относиться къ дѣйствіямъ Святослава въ Болгаріи, на Дунаѣ.

Во всякомъ случаѣ самое заблужденіе свое мы будемъ считать заслугой, если кто-нибудь обратитъ вниманіе на соображенія наши и повѣритъ ихъ строгимъ и научнымъ астрономическимъ вычисленіемъ¹⁾.

6.

Историческое объясненіе.

Итакъ мы знаемъ приблизительно мѣсто и время событій, къ которымъ относится документъ, доселѣ объясняемый нами изъ себя самого. Въ первомъ изъ отрывковъ идетъ рѣчь о возвращеніи автора изъ-за Днѣпра по направленію къ Дунаю — во-свояси; во второмъ и третьемъ—о столкновеніи со врагами гдѣ-то
430 въ сѣверо-западной Болгаріи и о рѣшеніи покориться русскому князю Святославу; однимъ словомъ, рѣчь идетъ о событіяхъ русско-болгарской войны. Остаются подробности, болѣе или менѣе отчетливо выступающія на видъ при изученіи фрагментовъ, и во-просъ о томъ, въ какой степени онѣ согласны съ извѣстнымъ намъ

1) <Ср. Westberg, Die Fragmente des Top. Got., стр. 109 слл.>

изъ другихъ источниковъ ходомъ русско-болгарской войны, и могутъ быть вставлены въ общую рамку ея основныхъ фактовъ. Мы не надѣемся, чтобы мы были въ состояніи дать вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на эти вопросы: отрывочность объясняемаго документа, недостаточная полнота и отчетливость извѣстій, сообщаемыхъ Львомъ Діакономъ и Кедринимъ о дѣйствіяхъ Святослава въ Болгаріи, сомнительная достовѣрность русской лѣтописи и еще большая легендарность лѣтописи венгерской могутъ служить намъ оправданіемъ. Мы попытаемся, однако, отвѣчать на самые существенные вопросы, какіе, по нашимъ соображеніямъ, могутъ быть намъ поставлены, избирая притомъ порядокъ, соотвѣтствующій нашимъ комментаріямъ и болѣе для насъ удобный.

Прежде всего — кто былъ авторъ нашихъ отрывковъ? По всѣмъ признакамъ, это былъ Грекъ, такъ какъ трудно предполагать, чтобы какой-нибудь Болгаринъ, Сербъ или Готѣинъ до такой степени усвоилъ себѣ плоды обычнаго византійскаго школьнаго образованія, какъ это обнаруживается въ языкѣ и слогѣ записки. Но если это былъ Грекъ, то представляется вопросъ: какимъ образомъ онъ очутился правителемъ какой-то хотя и небольшой придунайской области? Дунай вѣдь не принадлежалъ Греческой имперіи предъ началомъ русско-болгарской войны, и Болгарія при Петрѣ Симеоновичѣ была самостоятельнымъ государствомъ.

На это мы можемъ предложить только гадательный отвѣтъ и слѣдующія соображенія. Предъ первымъ походомъ Святослава дунайская граница, на которую Римляне, а вслѣдъ за ними и Ромѣи всегда — до XII вѣка — смотрѣли какъ на естественную границу имперіи, дѣйствительно не была въ рукахъ византійскихъ, но самый союзъ Никифора Фоки съ русскимъ княземъ Святославомъ вызванъ желаніемъ возстановить эту границу. Старыя преданія имперіи, которыя послѣ одушевляли даже Анну Комнину и затѣмъ Мануила, были живы и пробудились съ особенною силою послѣ блистательныхъ успѣховъ Никифора Фоки на Востокѣ. Византія сверхъ того имѣла нѣкоторое право жаловаться, что союзное болгарское правительство или не умѣетъ, или не хочетъ исполнять обязанности, лежащей на немъ по отношенію къ имперіи, въ смыслѣ строгаго охраненія дунайской переправы. 431

Требованіе, съ которымъ обратился Фока къ Болгарскому царю — преградить Венграмъ, вторгавшимся во Фракію и опустошавшимъ греческія провинціи, доступъ въ предѣлы собственной имперіи и впредь строже оберегать дунайскую границу, было не пустымъ предлогомъ и открываетъ намъ истинную причину, а также и необходимость разрыва Византіи съ Болгарами. Отвѣтъ болгарскаго правительства, который передаетъ намъ одинъ изъ нашихъ источниковъ (Zonar., XVI 27, p. 87 Dind.), былъ или просто отговоркой, или признаніемъ собственнаго безсилія.

Святославъ явился на Дунаѣ первоначально какъ союзникъ Византіи, и нѣкоторое время казалось, что онъ дѣлаетъ завоеванія въ пользу имперіи. Даже договоръ его съ Калокиромъ, который — любопытная черта — заключилъ съ русскимъ язычникомъ союзъ названнаго братства (побратимства), то есть, договоръ, направленный противъ имперіи и императора, едва ли состоялся ранѣ смерти Никифора Фоки. Кедринъ и Зонара говорятъ о намѣреніи Калокира сдѣлаться императоромъ при помощи Святослава и о готовности уступить русскому князю Болгарію — болѣе на мѣстѣ, чѣмъ это дѣлаетъ Левъ Діаконъ. Очень вѣроятно, что дѣятельное византійское правительство воспользовалось благоприятнымъ моментомъ для того, чтобы возстановить, хотя отчасти, свою власть на Дунаѣ, тѣмъ болѣе, что оно располагало значительнымъ флотомъ. Очень возможно также, что послѣ разрушенія болгарскаго царства Святославомъ власть Византіи была охотно признана многими болгарскими властителями или династами, а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ здѣсь еще сохранились остатки самобытной готской народности, на примѣръ, около Никополя, и въ такомъ случаѣ тѣмъ удобнѣе и легче было найти Византійцамъ точку опоры для возстановленія своего положенія на Дунаѣ. Природный ли Грекъ, или Болгаринъ, либо Готевинъ, выросшій въ столицѣ и получившій греческое образованіе, но во всякомъ случаѣ — представитель имперской власти явился на Дунаѣ съ небольшою свитой, съ небольшимъ гарнизономъ. Онъ былъ потомъ близкимъ свидѣтелемъ дальнѣйшихъ переворотовъ въ ходѣ политики и войны. Наступило время, когда онъ не зналъ болѣе, кому принадлежитъ въ самомъ дѣлѣ Болгарія — Грекамъ или Русскимъ, слѣдуетъ ли о ней говорить «наша земля», или «ихъ

земля». Русская власть въ Болгаріи, первоначально довольно кроткая и мягкая или казавшаяся такою греческому топарху, пока Святославъ дѣйствовалъ отъ имени императора, сдѣлалась жестокою и свирѣпою. Въ византійскихъ источникахъ мы имѣемъ очень ясныя указанія на то, когда и почему совершился этотъ 482 поворотъ. Уже Никифоръ Фока убѣдился, что Святославъ не уйдетъ добровольно изъ Болгаріи и вовсе не намѣренъ отдать другимъ свое завоеваніе. Византійское правительство вступило въ союзъ съ царемъ Петромъ, начало возбуждать Болгаръ противъ русской власти. Понятно, что это должно было вызвать реакцію съ противоположной стороны. Левъ Діаконъ (р. 79. 105; ср. р. 139) говоритъ о томъ, что Святославъ старался навести страхъ на своихъ противниковъ и вполне подчинить себѣ Болгаръ—именно въ такой связи, какая и сама по себѣ естественна и соответствуетъ нашимъ объясненіямъ. Вотъ тогда-то «варвары» забыли справедливость и пощаду и безъ разбора начали истреблять всѣхъ своихъ «подданныхъ». Они обвиняли ихъ въ измѣнѣ, въ нарушеніи клятвы, то есть, въ союзѣ съ Греками, въ готовности передаться имъ или же своему прирожденному царю.

Нашъ авторъ слѣдилъ за бѣдствіями, которыя разразились надъ его несчастными сосѣдями. Но опасность скоро достигла и его убѣжища. Конечно, мы не имѣемъ указаній на то, чтобы русскія завоеванія и даже русскіе набѣги простирались такъ далеко на западъ, какъ далеко мы должны предполагать мѣстопребываніе нашего топарха, и какъ далеко на западъ были Климаты, но не слѣдуетъ опускать изъ виду союзниковъ Святослава—Венгровъ. Ихъ собственныя сказанія объ участіи въ болгарской войнѣ, правда, любопытны только какъ образецъ того, какой легендарный характеръ принимаютъ историческія событія у народовъ, долго не имѣвшихъ современныхъ историческихъ записей,—то есть, въ данномъ случаѣ представляютъ весьма подходящее сравненіе для русской лѣтописи. Однако участіе Венгровъ въ походахъ Святослава несомнѣнно—даже помимо византійскихъ источниковъ. Въ 969 г. они явились во Фракіи, отряды ихъ доходили до Солуни, являлись въ виду Константинополя и были причиною замедленія для Ліутпранда, сгоравшаго желаніемъ воротиться на родину (Liudpr. leg., с. 45). Потомъ они признали водительство Святослава и подъ его

начальствомъ сражались въ рѣшительной битвѣ при Аркадіуполѣ. Такъ какъ они приходили изъ Панноніи, то именно они-то и были тѣми варварами, которые разорили область, гдѣ былъ городъ Климаты, прежде чѣмъ здѣсь утвердился топархъ. Очень естественно, что нашъ авторъ не отличаетъ ясно однихъ варваровъ, находившихся подъ рукою Святослава, отъ другихъ, признававшихъ ту же самую власть. Нужно, впрочемъ, помнить, что авторъ нашей записки сначала находился ближе къ центру русскихъ операций въ Болгаріи, то есть, къ Доростолу и Переяславцу, и только потомъ перешелъ въ Климаты, угрожаемый близостію варварскихъ набѣговъ (ἀπέστρεψε). Были ли враги, которые ему здѣсь снова угрожали, опять Венгры, или же Русскіе, либо Печенѣжскіе загоны—все одно; то есть, въ томъ и другомъ случаѣ естественно было мѣстнымъ жителямъ, доселѣ «державшимся» топарха, искать спасенія въ признаніи верховной власти русскаго князя, ибо онъ дѣйствительно имѣлъ царственное положеніе на сѣверѣ Дуная, и отъ него зависѣли и Печенѣги, и Венгры, участвовавшіе въ его походахъ.

Остается вопросъ: когда и зачѣмъ топархъ совершилъ путешествіе къ Днѣпру или даже за Днѣпръ? На этотъ вопросъ съ нѣкоторою увѣренностью можно будетъ отвѣчать только тогда, когда точнѣе будетъ опредѣленъ, по указаннымъ нами признакамъ, годъ этого путешествія. Очень возможно, что нашъ топархъ былъ спутникомъ Калокира въ его посольствѣ къ Святославу; не будетъ противорѣчія нашимъ соображеніямъ, если мы предположимъ, что онъ былъ главою или участникомъ одного изъ слѣдующихъ посольствъ, о которыхъ говорится у Льва Діакона (р. 103, 13: πρέσβεις ὡς αὐτὸν ἐπέμπει. р. 105, 16: αὐθις τοῖς προαπεσταλμένοις ἀμείβεται τότε и т. д.), и которыя—то или другое—могли падать на время пребыванія Святослава въ Кіевѣ, въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ походомъ. Наконецъ, возможно, что посольство, описанное въ первомъ отрывкѣ, возвращалось вовсе не изъ Кіева, а отъ Печенѣговъ. Извѣстно значеніе, которое Печенѣги имѣли для византійской политики по отношенію къ Руси. «Договоры съ Печенѣгами слѣдуетъ заключать въ томъ смыслѣ», пишетъ Константинъ Багрянородный,—«чтобъ они обязывались нести службу противъ Руси, Болгаръ и Вен-

гровъ, когда это нужно будетъ императору». Императорскимъ посланцамъ нѣтъ необходимости—говорится далѣе—отправляться на Корсунь, чтобы вести переговоры съ Печенѣгами; къ нимъ можно ѣхать прямо на хеландіяхъ и отыскать ихъ при устьяхъ Днѣстра и Днѣпра. Когда читаешь восьмую главу сочиненія «Объ управленіи имперіей», то невольно приходитъ на умъ, что нападеніе Печенѣговъ на Кіевъ, принудившее Святослава на время оставить Болгарію, вызвано какимъ-нибудь «царскимъ мужемъ» (βασιλικός), пріѣзжавшимъ съ подарками въ хеландіяхъ. Если бъ это былъ авторъ нашей записки, то, конечно, не было бы трудно найти объясненіе для того, почему ему пришлось возвращаться сушей. То, что Печенѣги являются союзниками Святослава во время борьбы съ Цимисхіемъ, нисколько не противорѣчило бы нашему предположенію. Дикіе кочевники не имѣли одной общей власти, и связь между улусами, разбѣянными между Дономъ и Дунаемъ, не была крѣпка, такъ что варвары часто переходили съ одной стороны на другую, а иногда и сражались на обѣихъ сторонахъ.

Византійцы (Scylitz. = Cedren., II, 401) сообщаютъ намъ слѣдующій въ высшей степени интересный и важный фактъ: «Когда Цимисхій держалъ Доростоль въ осадѣ, въ греческій лагерь прибыли послы изъ Константіи (ἐκ Κωνσταντίας) и другихъ крѣпостей, находящихся на той сторонѣ Дуная, и, прося прощенія за зло, предавали себя въ руки вмѣстѣ съ укрѣпленіями». Мы хорошо знаемъ, гдѣ находилась эта Константія. По словамъ Приска (Histor. Gr. min. ed. Dindorf. I, 277) городъ Мезіи Маргъ (Μάργος) лежалъ на рѣкѣ Истрѣ противъ крѣпости Константіи (ἀντικρὺ Κωνσταντίας φρουρίου), находящейся на противоположномъ берегу. Симокатта (hist. VII 10, p. 262, 26 sq. de Boor.) говоритъ о Константіолѣ, находившейся вблизи Сингидона, то есть, теперешней столицы Сербскаго княжества, Бѣлграда. Что касается Марга, то слѣды его находятся у нынѣшняго Костолаца (castellum? См. Böcking, Notit. dignit., I, 484). Отсюда мы видимъ, какъ далеко на западъ заходили волны движенія, во главѣ котораго стоялъ Святославъ, ибо обратное движеніе на лѣвомъ берегу Дуная, простиравшееся едва не до Тисы, предполагаетъ такъ же далеко достигавшее завоевательное движеніе съ начала—

и конечно, сколько на сѣверной, столько же и на южной сторонѣ Дуная. Преданіе русской лѣтописи о 80 городахъ по Дунаю, завоеванныхъ Святославомъ, имѣетъ за себя ббольшую достовѣрность, чѣмъ дальнѣйшіе легендарные или же наивно-хвастливые рассказы о его борьбѣ съ Цимисхіемъ, идущіе, можетъ быть, изъ источника, не одинаковаго съ прочими лѣтописными отмѣтками. Указанный фактъ сильно подрываетъ основательность нѣкоторыхъ мнѣній, высказанныхъ новѣйшими изслѣдователями. Но для насъ здѣсь важно только то, что онъ даетъ намъ новое право предполагать крѣпость Клемады, находившуюся, очевидно, ближе къ Орсовѣ, чѣмъ къ Доростолу, въ числѣ тѣхъ 80 городовъ, въ которыхъ Святославъ взималъ дань «на Грьцѣхъ». Можетъ быть, въ числѣ пословъ, пришедшихъ въ Доростольскій лагерь Цимисхія съ изъявленіемъ раскаянія и покорности, находился и посланецъ нашего топарха.

ХОЖДЕНИЕ АПОСТОЛА АНДРЕЯ ВЪ СТРАНЪ МИРМИДОНЯНЪ ¹⁾.

Исполняя принятое въ одной изъ прежнихъ нашихъ статей ²⁾ намѣреніе, мы сдѣлаемъ сводъ историческихъ извѣстій, относящихся къ путешествію апостола Андрея по сѣвернымъ берегамъ Понта, а также и апокрифическихъ сказаній о «хожденіяхъ» этого апостола ³⁾. Сопоставленіе источниковъ того и другого рода необходимо какъ для рѣшенія вопроса о дѣйствительности самаго факта, такъ и для объясненія мотивовъ, по которымъ онъ могъ быть приуроченъ въ частности къ Русской землѣ. Что позднѣйшія, болѣе подробныя повѣствованія о путешествіяхъ апостола Андрея, замѣчающіяся въ памятникахъ византійской церковной литературы VIII и слѣдующихъ вѣковъ, находятся въ зависимости отъ апокрифическихъ источниковъ—это не подлежитъ сомнѣнію и давно признано; но очень возможно, что и нѣкоторыя изъ первоначальныхъ краткихъ свѣдѣній у церковныхъ писателей болѣе ранняго времени ведутъ свое начало изъ того же

---

1) <Журн. Мин. Нар. Пр. Часть 189 (январь и февраль 1877 г.), отд. II, стр. 41—82 и 157—185.>

2) <См. выше, стр. 50 сл.>

3) <Ср. С. Петровскаго, Сказанія объ апостольской проповѣди по сѣверо-восточн. Черноморскому побережью, Од. 1898. Отд. отд. изъ XX и XXI тт. Записокъ Имп. Од. Общ. Ист. и Др.>

источника. Наоборотъ, странное сказаніе о посѣщеніи Русской земли Первозваннымъ апостоломъ, внесенное въ нашу первоначальную лѣтопись, никакъ не можетъ быть считаемо изобрѣтеніемъ или пустою выдумкою мѣстнаго тщеславія, но, по крайней мѣрѣ, въ основѣ своей согласно съ воззрѣніями византійской учености XI-го столѣтія и, слѣдовательно, находится въ той или другой связи съ древнѣйшими преданіями.

I¹⁾.

Мы должны начать съ краткихъ извѣстій объ апостольскомъ удѣлѣ Первозваннаго Андрея, которыя находятся у Евсевія 42 Кесарійскаго и Евхерія Лионскаго: первый изъ этихъ отцовъ принадлежалъ Востоку и жилъ въ IV столѣтіи († 340), другой принадлежалъ Западу и умеръ въ половинѣ V вѣка († 449). Что же касается болѣе древнихъ свидѣтельствъ отцовъ III вѣка, Оригена и Ипполита, то относительно ихъ можетъ существовать большое сомнѣніе.

Въ церковной исторіи Евсевія Кесарійскаго (III, 1) мы читаемъ слѣдующее:

«Когда святые апостолы и ученики Господа нашего Иисуса Христа разсѣялись по всей вселенной, то Тома, какъ говоритъ преданіе (ὡς ἡ παράδοσις περιέχει), получилъ въ жребій себѣ Парсію, Андрей же — Скиѳію, а Іоаннъ — Азію, гдѣ онъ и провелъ свою жизнь въ Ефесѣ, и потомъ скончался. Петръ, какъ извѣстно, проповѣдывалъ въ Понтѣ и Галатіи, Вифиніи, Каппадокіи и Азій Іудеямъ, находящимся въ разсѣяніи, а наконецъ онъ прибылъ въ Римъ и здѣсь былъ распятъ внизъ головою, пожелавъ самъ пострадать именно такимъ образомъ. Что же слѣдуетъ сказать о Павлѣ, который совершилъ благовѣстіе отъ Іерусалима до Илирика, и потомъ пострадалъ при Неронѣ! Это сказано буквально (κατὰ λέξιν) у Оригена въ третьей части его толкованій на Бытіе».

Замѣчаніе, сдѣланное въ концѣ приведеннаго отрывка, вызы-

---

1) <Ср. R. A. Lipsius, Die apokryphen Apostelgeschichten u. Apostellegenden, 1883—1890, особ. I, 14 слл. и 603.>

ваецъ слѣдующій, не лишенный значенія вопросъ: кому принадлежитъ ссылка на преданіе, Оригену или самому Евсевию, то есть, гдѣ именно начинаются слова, приводимыя Евсевиємъ изъ Толкованій перваго на книгу Бытія? Вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ справокою съ сочиненіями Оригена, потому что въ нихъ даннаго мѣста не сохранилось, и оно дошло до насъ только въ этой ссылкѣ позднѣйшаго писателя. Но за то нѣкоторыя рукописи Церковной исторіи Евсевіа удержавшія особенную условную отмѣтку или значекъ предъ словами: «Петръ» и т. д., даютъ основаніе предполагать, что именно отсюда начинается буквальная выписка изъ Оригена. При этомъ предположеніи получается въ приведенномъ отрывкѣ вполне естественное противоположеніе извѣстія, взятаго изъ письменнаго источника, устному преданію ¹⁾.

Евхерій ²⁾ съ небольшимъ дополненіемъ почти буквально повторяетъ слова Евсевіа: «Для благовѣствованія слова Божія апостолы 48
направились во всѣ части вселенной, какъ повѣствуетъ исторія (*quantum narrat historia*), Варөоломей устремился въ Индію, Ѳома къ Парөянамъ, Андрей смягчилъ проповѣдію Скивовъ».

Ни тотъ, ни другой изъ обоихъ отцовъ не даютъ никакихъ прямыхъ данныхъ для ближайшаго опредѣленія, какую именно Скивою они разумѣютъ? То обстоятельство, что Евсевій въ другихъ своихъ сочиненіяхъ Скивами называетъ Готовъ, жившихъ при Черномъ морѣ, не можетъ, конечно, имѣть рѣшительнаго значенія въ данномъ случаѣ. По всей вѣроятности, онъ, какъ и Евхерій, соединялъ здѣсь съ именемъ Скивои такое же неопредѣленное представленіе, какъ неопредѣленно было самое преданіе.

Затѣмъ слѣдуютъ источники другого рода, то есть, списки или каталоги, перечисляющіе имена апостоловъ съ краткими за-

1) См. примѣч. въ изданіи Гейнихена: «*Quo fortasse spectat nota in BC teste Valesio apposita Ф. Neque enim, ut recte vidit Val., ὁραίων hoc loco (передъ словами Πέτρος и т. д.) posse illam significare, cum nulla elegantia in eo possit reperiri, sed fortasse hanc notam esse quam Isidorus vocet φ. et ρ., qua moneamur intendendum esse sollicite, undenam incipiant verba Origenis.*»

2) *Instruct. l. I (Corp. scr. eccles. Latin. ed. cons. Academiae Vindobon., XXX, 1), p. 135, 15 sqq.*

мѣщаніями о мѣстахъ ихъ дѣятельности или смерти. Нѣтъ сомнѣнія, что эти небольшія сочиненія, удовлетворяющія разнообразнымъ и настоятельнымъ потребностямъ практическимъ, ведутъ свое происхожденіе изъ временъ самой глубокой древности; но за то именно такого рода сочиненія весьма рѣдко сохраняютъ неприкосновеннымъ свой первоначальный составъ и характеръ. Подвергаясь измѣненіямъ и передѣлкѣ, они все-таки удерживаютъ надписаніе о принадлежности первоначальному виновнику ихъ составленія. Извѣстно, что списки епархій, подчиненныхъ Константинопольскому патриарху, носящіе имя императора Льва VI и, слѣдовательно, относящіяся къ началу X вѣка, называютъ не только Русскую митрополию, но даже, въ нѣкоторыхъ изводахъ, Литовскую. Опираясь свои выводы на такого рода источникахъ, безъ предварительнаго изученія ихъ различныхъ редакцій, значить — добровольно идти навстрѣчу заблужденіямъ и ошибкамъ. Сверхъ того, именно въ даннаго рода произведеніяхъ всего скорѣе возможны совершенно ложныя надписанія, сдѣланныя не только съ сознательною цѣлью, но иногда, можетъ быть, даже чаще — совершенно добросовѣстно.

Списки или каталоги апостоловъ, считаемые наиболѣе древними, носятъ имена Ипполита Римскаго, Доротея Тирскаго, Софронія и Епифанія Кипрскаго. Каталогъ съ именемъ Ипполита называется: *Ἰππολύτου περὶ τῶν β' ἀποστόλων, ποῦ ἕκαστος αὐτῶν ἐκήρυξεν καὶ ποῦ ἐτελείωθη* (О двѣнадцати апостолахъ: гдѣ каждый изъ нихъ проповѣдывалъ и гдѣ скончался)¹⁾. Сколько мы знаемъ, въ спискахъ этого каталога стоитъ просто имя Ипполита, безъ всякаго дальнѣйшаго прибавленія²⁾. Но извѣстны два Ипполита, писавшіе по-гречески, и притомъ такого рода сочиненія, въ которыя естественно могъ входить и каталогъ апостоловъ: Ипполитъ Римскій и гораздо позднѣйшій Ипполитъ Оиванскій. Первый, какъ теперь думаютъ, былъ собственно антипапою,

1) <См. Th. Schermann, Prophetarum vitae fabulosae indices apostolorum discipulorumque Domini Dorotheo, Epiphania, Hippolyto aliisque vindicata, 1907, p. 164.>

2) <Но ср. Th. Schermann, Propheten- u. Apostellegenden nebst Jüngerkatologen des Dorotheus u. verwandter Texte, 1907 (Texte u. Untersuchungen zur Gesch. der altchr. Lit., Bd. XXXI), стр. 154 сл.>

современнымъ Каллисту (отъ 220 до 235 года)¹⁾, и оставилъ нѣсколько сочиненій, которыя перечислены въ извѣстной надписи, найденной при его статуѣ (она приведена, между прочимъ, у И. И. Срезневскаго во введеніи къ изданію сказаній объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ), и въ каталогѣ Иеронима при его имени. Ни въ томъ, ни въ другомъ перечисленіи нѣтъ указанія ни на каталогъ двѣнадцати апостоловъ, ни на каталогъ семидесяти, также приписываемый, хотя уже совершенно ложно, Ипполиту Римскому, — и этого пропуска нельзя объяснять небольшимъ объемомъ этихъ трудовъ, потому что ихъ важность была бы понятна сама собою. Можно предполагать а priori, что списокъ двѣнадцати апостоловъ входилъ въ хронику Ипполита, отмѣченную и въ надписи между его сочиненіями. Дѣйствительно, въ хронографѣ 354 года, который, какъ теперь извѣстно изъ классическаго изслѣдованія Моммсена²⁾, сохранилъ въ своемъ составѣ большую часть хроники Ипполита, а затѣмъ и въ хроникѣ пасхальной, также имѣющей нѣкоторыя отношенія къ Ипполитовой хроникѣ, существуетъ ожидаемый каталогъ двѣнадцати апостоловъ. Такъ же, какъ и списокъ римскихъ епископовъ, онъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Ипполиту. Однако, это совсѣмъ не тотъ каталогъ, какой намъ теперь извѣстенъ съ именемъ Ипполита. Одинъ содержитъ простое перечисленіе именъ двѣнадцати апостоловъ (*nomina apostolorum*), а другой — указаніе на мѣста ихъ проповѣди и кончины ихъ. На основаніи приведеннаго соображенія каталогъ, которому въ изданіяхъ усвоено имя Ипполита, долженъ принадлежать другому Ипполиту, именно Ипполиту Фиванскому.

Ипполитъ Фиванскій (или Фивскій) есть авторъ хроники (*Хроникой συντάξιματος*), доселѣ извѣстной только въ отрывкахъ. Но характеръ ея и отсюда опредѣляется довольно ясно въ томъ 45 отношеніи, что она была сборникомъ разныхъ выписокъ и полез-

1) Döllinger, Hippolytus und Kallistus, стр. 249; Lipsius, Chronologie der römischen Bischöfe, стр. 41; ср. Сергій, Полный мѣсяцесловъ Востока, изд. 2-е, II, стр. 44 слл. замѣтокъ; A. Harnack, Die Chronologie d. altchristl. Litter. II, 210—213; A. Bauer, Die Chronik des Hippolytos im Matritensis graecus 121 (Texte u. Untersuch. zur Gesch. d. althchr. Lit., XXIV), стр. 143 сл.

2) Ueber den Chronographen vom Jahre 354, вт. Abhandlungen der philolog.-histor. Classe der k. Sächsisch. Gesellschaft der Wissensch., 1850, Bd. I.

ныхъ свѣдѣній¹⁾). Каталогъ апостоловъ съ отмѣтками, касающимися ихъ дѣятельности и кончины, могъ занимать въ ней совершенно подходящее мѣсто. Но когда жилъ авторъ этой новой хроники? У него встрѣчается ссылка на известнаго агіографа Симеона Метафраста, притомъ какъ на лицо, еще находящееся въ живыхъ²⁾. Въ настоящее время не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Симеонъ Метафрастъ жилъ и трудился въ первой половинѣ X вѣка³⁾.

Между тѣмъ точно такъ же не подлежитъ сомнѣнію, что каталогъ съ именемъ Ипполита, и притомъ такого характера и заглавія, какъ существующій въ нашихъ изданіяхъ со времени Комбефиза, то есть, съ историческими отмѣтками, былъ въ употребленіи гораздо ранѣе X столѣтія. Георгій Амартоль (р. 336 Murgalt), писатель IX вѣка, ссылается на сочиненіе Ипполита Римскаго о проповѣди и кончинѣ апостоловъ и дѣлаетъ изъ него выписку объ апостолѣ Іоаннѣ. Всѣхъ сомнѣній эта ссылка, конечно, не уничтожаетъ, — напротивъ того, даже возбуждаетъ новыя недоумѣнія, но все-таки ясно, что Ипполита Фиванскаго, о которомъ много толковали прежніе ученые, тоже слѣдуетъ оставить въ сторонѣ при поискахъ за авторомъ много разъ упомянутаго каталога. Но согласенъ ли, по крайней мѣрѣ, текстъ тѣхъ строкъ, которыя Амартоль привелъ изъ сочиненія Ипполита Римскаго, съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ въ отдѣльномъ и полномъ каталогѣ Ипполита, изданномъ Комбефизомъ? И этого сказать нельзя. По нашему Ипполитовскому каталогу апостолъ Іоаннъ написалъ евангеліе на островѣ Патмосѣ, а по Ипполитовскому каталогу Амартола — въ городѣ Ефесѣ; въ одномъ названъ Траянъ, а въ другомъ Нерва. Чтò жъ изъ всего этого слѣдуетъ? Мы полагаемъ то, что Ипполитовыхъ каталоговъ было много, что редакціи ихъ были очень различны, и что нѣкоторыя изъ нихъ только по достойной уваженія традиціи сохраняли надписаніе, напоминающее о первоначальномъ каталогѣ Ипполита Римскаго.

1) См. Migne, *Patrol. Gr.*, 117, 1025 сл.; <Fr. Diekamp, *Hippolytos von Theben*, 1898.>

2) <Но см. Diekamp, *op. cit.* p. VI. LIII. 141. 157; Schermann, *Prophet. vitae fab.* p. LIV sq.>

3) См. Rambaud, *L'empire Grec au dixième siècle*, pp. 92—104.

Все-таки слѣдуетъ признать, что существующій каталогъ съ именемъ Ипполита если и не принадлежитъ третьему вѣку, то и не слишкомъ далеко отстоитъ отъ него, то есть по всѣмъ признакамъ древнѣе остальныхъ¹⁾, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Вліяніе апокрифической литературы «хожденій», которое уже такъ явно выступаетъ на видъ въ подобномъ трудѣ Епифанія Кипрскаго, въ немъ мало замѣтно и не такъ осязательно. Примѣромъ могутъ служить извѣстія о Симонѣ Кананитѣ, объ апостолѣ Матеѣи и проч. Что же касается апостола Андрея, то о немъ читается слѣдующее: *Ἀνδρέας Σκύθαίς, Θρακίαις κηρύξας, ἐσταυρώθη ἐν Πάτρας τῆς Ἀχαιῶν ἐπὶ ἐλαίας ὄρθιος καὶ θάπτεται ἐκεῖ* (Андрей послѣ проповѣди Скиѣамъ, Θракіѣцамъ, былъ распятъ на масличномъ древѣ вверху главою въ Патрахъ Ахэйскихъ...)²⁾.

Скѣны здѣсь тѣ же, что и въ преданіи Евсевія Кесарійскаго. Θракіѣцы нѣсколько подозрительны и какъ будто имѣютъ видъ глоссы или дополненія къ первоначальному тексту, потому что это слово не соединено съ предыдущимъ никакимъ союзомъ. Остальное пока не вызываетъ замѣчаній.

По порядку древности, хотя бы и мнимой, долженъ быть разсмотрѣнъ каталогъ Дороея Тирскаго, сообщаемый намъ позднѣйшимъ его не то переводчикомъ, не то редакторомъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Церковное списаніе. О семидесяти ученикахъ Господнихъ Дороея, епископа Тирскаго, древняго мужа, духоноса и мученика, пострадавшаго во времена Лицинія и Константина императоровъ»³⁾.

Затѣмъ 1) слѣдуетъ предисловіе, излагающее болѣе подробно жизнь Дороея: «Онъ оставилъ много сочиненій на римскомъ языкѣ и еллинскомъ, такъ какъ былъ знатокомъ въ обоихъ. Послѣ смерти Діоклетіана и Лицинія (sic) онъ прибылъ въ свою епархію и управлялъ церковію Тирскою до тиранніи Юліана. Такъ какъ хотя и не явно, но тайно Юліанъ чрезъ посредство властей истреблялъ христіанъ, то Дороей удалился въ городъ

1) <Но см. Schermann, Propheten- u. Apostelleg., стр. 292, 353 сл.>

2) <Schermann, Prophet. vitae fab. p. 164.>

3) <Schermann, Prophet. vitae fab. p. 132 sqq.; ср. p. XLI sq. и Propheten- u. Apostelleg., стр. 6 слл., 144 слл., 174 слл.>

Одессъ (τὴν Ὀδησσὸν πόλιν), гдѣ и былъ схваченъ властена начальниками Юліановыми и умеръ вслѣдствіе мученій за исповѣданіе Христа въ глубокой старости, именно достигнувъ ста и семи лѣтъ». — 2) Изъ числа многочисленныхъ сочиненій Дороеея сообщается прежде всего каталогъ семидесяти, съ разными замѣчаніями о нихъ, гдѣ уже помѣщенъ Стахій, епископъ Византіи, поставленный Андреемъ. — 3) Потомъ идутъ новыя сообщенія отъ неизвѣстнаго намъ лица: «Все это блаженный Дороеей, будучи въ Римѣ (?), изложилъ въ своихъ запискахъ (или комментаріяхъ) на римскомъ языкѣ, а мы заимствовали (ἐρανισάμενοι) 47 отсюда и, переведя на еллинаскій языкъ, сообщили во всеобщее свѣдѣніе». Тутъ же оказывается, что въ сочиненіяхъ Дороеея можно было найти не только перечисленіе семидесяти съ именемъ Стахія, какъ епископа Византіи, но и довольно полную исторію всѣхъ его преемниковъ до Митрофана, который былъ современникомъ Константина и болѣе достовѣрными источниками отмѣчается какъ первый епископъ Византіи, или Константинополя. Неизвѣстный намъ компиляторъ утверждаетъ съ видимою настойчивостію, что все, чтò онъ разсказалъ о предшественникахъ Митрофана, онъ нашелъ въ латинскихъ сочиненіяхъ Дороеея и даже, въ консульство Филоксена и Проба, представилъ это самъ (ἀντεβλήθησαν παρ' ἡμῶν) Римскому епископу Іоанну, когда тотъ прибылъ въ Константинополь. При этомъ случаѣ возникъ будто бы споръ между Константинопольскимъ епископомъ и папой Іоанномъ о первенствѣ при сослуженіи въ день Рождества; когда послѣдній ссылался на то, что Римъ получилъ епископа ранѣе Константинополя, то его доводамъ противопоставлено было сочиненіе Дороеея, изъ котораго слѣдовало наоборотъ старшинство Византіи, то есть, старшинство по времени учрежденія епархіи. Іоаннъ будто бы призналъ такое старшинство и, слѣдовательно, авторитетъ Дороеея, и сталъ ужъ опираться на другого рода старшинство, то есть, на старшинство по достоинству основателей — на первенство между апостолами Петра. — 4) За симъ сообщается, что въ концѣ сочиненія Дороеея находился также списокъ двѣнадцати апостоловъ, съ указаніемъ, гдѣ каждый изъ нихъ проповѣдывалъ, и этотъ списокъ приводится вполнѣ и буквально. — 5) Наконецъ, мы читаемъ новыя увѣренія, что все до

сихъ поръ сообщенное дѣйствительно взято изъ сочиненія Дороея и собрано было имъ изъ книгъ еллинскихъ и еврейскихъ, а было написано по-латыни. А въ самомъ концѣ (опуская впрочемъ новыя отступленія) называется ужъ имя лица, потрудившагося надъ извлеченіемъ изъ Дороея: «пресвитеръ Прокопій, отличающійся жизнію и словомъ благочестія, встрѣтившись съ историческими сочиненіями Дороея, все это оставилъ намъ (кому?) письменно. Итакъ, да будетъ ему благодарность за его труды, и безсмертная слава».

Здѣсь почти все сомнительно. Прежде всего сомнительно то, чтобы когда-нибудь существовалъ Дороей, епископъ Тирскій. Такъ какъ онъ жилъ при Діоклетіанѣ и Константинѣ и уже при первомъ подвергся гоненію, то слѣдуетъ ожидать, что онъ непременно будетъ упомянутъ въ Церковной исторіи Евсевія Кесарійскаго. Между тѣмъ, кромѣ Дороея Никомидійскаго, принадлежавшаго къ числу придворныхъ Діоклетіана, пострадавшихъ въ началѣ гоненія, Евсевій упоминаетъ (VII, 32, p. 716 sq. Schwartz.) только пресвитера Антіохійскаго Дороея и говоритъ о немъ слѣдующее: «Питая добрую любовь къ Священному Писанію, онъ позаботился объ изученіи еврейскаго языка, такъ что умѣлъ читать написанное по-еврейски. Онъ принадлежалъ къ числу людей наиболѣе образованныхъ (*μαλίστα ἑλευθερίων*, *liberalissime educatorum*) и не былъ чуждъ еллинской науки; по естеству, однако, онъ былъ евнухомъ, что было у него природнымъ качествомъ, такъ что вслѣдствіе этой странности императоръ приблизилъ его къ себѣ и далъ ему почетную должность надзирателя надъ пурпурнымъ заведеніемъ въ Тирѣ. Мы сами слышали его, когда онъ разумно объяснялъ писаніе въ церкви». Но трудно признать въ этомъ послѣднемъ Дороеѣ первообразъ того, не совѣтъ правдоподобную исторію котораго мы прочитали выше. Правда, эта же исторія буквально повторена въ хроникѣ Θεοφана и въ греческихъ менологіяхъ (въ позднѣйшихъ даже по два раза подъ двумя разными днями), но изъ этого можно вывести только то заключеніе, что сочиненіе Прокопія появилось на свѣтъ ранѣе 818 года, когда писалъ Θεοφанъ. Но удивительно при этомъ то, что Θεοφанъ, знакомый съ мнимыми трудами Дороея (такъ какъ и онъ повторяетъ фразу о его

сочиненіяхъ греческихъ и латинскихъ, свидѣтельствующихъ о близкомъ знакомствѣ съ обоими языками и даже специально указываетъ на сочиненіе объ епископахъ византійскихъ), не воспользовался ими для исторіи константинопольской епископской кафедрѣ, ничего не говоритъ о посѣщеніи Византіи или ея предметія Андреемъ, о поставленіи Стахія, и въ довершеніе всего называетъ первымъ епископомъ Византіи Митрофана (подъ 5810 годомъ: Βυζαντίου ἐπίσκοπος πρῶτος Μιτροφάνης ἔτος θ'), слѣдуя въ этомъ болѣе древней Пасхальной хроникѣ (кончающейся 628 годомъ), гдѣ также Митрофанъ названъ первымъ епископомъ Византіи (подъ 313 годомъ). На всѣхъ анахронизмахъ, которыми изобилуетъ «церковное списаніе», на всѣхъ противорѣчійхъ съ несомнѣнною исторіей, какія встрѣчаются въ замѣчаніяхъ о жизни епископовъ отъ Стахія до Митрофана, который здѣсь названъ братомъ императора Проба¹⁾, не мѣсто оста-
 49 навливаться. Трудно повѣрить, чтобы такимъ сочиненіемъ можно было произвести впечатлѣніе на Римскаго епископа Іоанна. Самый рассказъ о посѣщеніи Іоанномъ Византіи, конечно, соотвѣтствуетъ дѣйствительной исторіи: оно, мы знаемъ, относится ко времени императора Юстина и Остготскаго короля Теодериха, къ 524 году. Но весьма трудно согласить дѣйствительныя историческія подробности этого посѣщенія съ повѣствованіемъ нашего автора о спорѣ между епископами стараго и новаго Рима (см. Сочиненія П. Н. Кудрявцева, т. III: Судьбы Италіи, стр. 35 и слѣд., особенно выписки изъ Анастасія въ примѣчаніяхъ). Сверхъ того, какъ самый 28-й канонъ Халкидонскаго собора 451 года, признавшій за епископомъ Византіи второе мѣсто послѣ Римскаго, такъ и дальнѣйшая исторія споровъ, возникшихъ по его поводу между обоими престолами, несомнѣнно убѣждаютъ, что до времени императора Юстиніана, который своею 131-ю новеллой окончательно подтвердилъ упомянутый канонъ, никто не думалъ ссылаться на апостольскую древность Константинопольской кафедрѣ, и папы не имѣли нужды опровергать такіе доводы, какихъ никто не выставлялъ. Они твердили только, что

1) Это противорѣчитъ показанію Вописка въ біографіи Проба (Scriptores historiae Augustae) с. 24, замѣчающаго, что потомки Проба поселились въ Италію, около Вероны, тогда какъ по «списанію» выходитъ другое.

мірское, случайное обстоятельство, по которому Константинополь сдѣлался столицею государства и резиденціей императора, не достаточно для признанія за Константинопольскою кафедрою патриаршескаго достоинства и равенства съ Римскою.

Все это заставляетъ насъ согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что «церковное списаніе» Дороея есть позднѣйшая поддѣлка, и что самые каталоги, ему приписанные, вовсе не относятся къ IV вѣку, ни даже къ VI, а ко времени гораздо болѣе позднему, хотя и могутъ быть основаны на другихъ болѣе древнихъ сочиненіяхъ такого же содержанія. Извѣстно, что мнимо-Дороеевскій каталогъ 12 апостоловъ почти совершенно тождественъ съ тѣмъ, который приписывается Епифанію Кипрскому, и какъ увидимъ, съ гораздо большимъ основаніемъ. Оба же они вмѣстѣ сходны съ тѣми отмѣтками объ апостолахъ, которыя приписываются Софронію. Мы скажемъ сначала объ этомъ послѣднемъ, такъ какъ онъ нѣсколько старше Епифанія; а затѣмъ приведемъ параллельно ихъ показаніе объ апостольскомъ удѣлѣ Андрея.

Софроній († 390) былъ другъ блаженнаго Иеронима и перевелъ на греческій языкъ его сочиненіе «De viris illustribus», то есть, каталогъ церковныхъ писателей, какъ объ этомъ и замѣчено самимъ авторомъ каталога, помѣстившимъ въ концѣ исчисленіе другихъ трудовъ своего переводчика. Въ этомъ исчисленіи, конечно, не упоминается о какомъ-либо самостоятельномъ 50 спискѣ апостоловъ, принадлежащемъ Софронію, или о какихъ-либо дополненіяхъ, сдѣланныхъ послѣднимъ къ сочиненію Иеронима. Между тѣмъ въ одномъ рукописномъ экземплярѣ, который былъ въ рукахъ гуманиста Еразма, оказались въ греческомъ текстѣ каталога писателей значительныя вставки, тѣмъ болѣе замѣтныя, что въ нихъ говорится о такихъ лицахъ, которыя не оставили послѣ себя никакихъ сочиненій и потому, согласно съ первоначальнымъ планомъ труда Иеронимова, совсѣмъ не должны были входить въ него. Безъ достаточныхъ основаній вставки были приписаны переводчику, то есть, Софронію. На самомъ дѣлѣ онѣ могутъ принадлежать какому-либо позднѣйшему переписчику, и такъ именно заставляютъ предполагать тѣ изъ нихъ, которыя для насъ нужны. Статья объ апостолѣ Андреѣ представляетъ такое близкое родство съ другими каталогами апосто-

ловъ, несомнѣнно обращавшимися въ отдѣльномъ видѣ, что всего естественнѣе предполагать заимствованіе дополнителя изъ этихъ послѣднихъ¹⁾; а что еще важнѣе, эта самая статья однимъ очень знающимъ византійскимъ писателемъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже, прямо приписывалась другому лицу.

Каталогъ апостоловъ, принадлежавшій или приписываемый современнику Иеронима и Софронія, св. Епифанію Кипрскому, носилъ, по сообщеніямъ ученыхъ, которые имѣли въ рукахъ рукописи, слѣдующее заглавіе: «Епифанія, епископа Кипрскаго о святыхъ апостолахъ, гдѣ каждый изъ нихъ проповѣдывалъ, и о томъ, гдѣ они скончались, гдѣ лежатъ ихъ святыя мощи и въ какихъ мѣстахъ» (таково заглавіе въ рукописи Парижской бібліотеки, указанной Дюканжемъ). Что касается содержанія, то оно, по свидѣтельству тѣхъ же самыхъ ученыхъ, вовсе не разнится отъ мнимо-Дороеева сочиненія. Это приводило бы насъ къ весьма удовлетворительному предположенію, что истиннымъ авторомъ апостольскаго каталога, который находится въ «церковномъ списаніи», былъ дѣйствительно св. Епифаній Кипрскій. Но есть одно обстоятельство, которое противорѣчитъ такому заключенію и, вопреки рукописямъ или сообщеніямъ о рукописяхъ, заставляетъ думать, что настоящій каталогъ Епифанія скорѣе сохранился въ другомъ сочиненіи, именно въ предполагаемыхъ дополненіяхъ Софронія къ сочиненію блаженнаго Иеронима. Мы имѣемъ ссылку на каталогъ св. Епифанія, сдѣланную лицомъ, которое прямо утверждаетъ о себѣ, что у него въ рукахъ нахо-

51 дилось подлинное сочиненіе Епифанія Кипрскаго. Такъ какъ византійскій писатель, котораго мы разумѣемъ, жилъ въ VIII вѣкѣ, то нужно признать, что его рукопись была наиболѣе древняя. Судя по упомянутой ссылкѣ, имѣющей характеръ буквальной выписки, оказывается, что въ статьѣ объ апостолѣ Андреѣ у Епифанія Кипрскаго читались такія слова, какихъ нѣтъ въ каталогахъ, написанныхъ именами Дороея и Епифанія, и которыя

---

1) <См. O. v. Gebhardt, Hieronymus de viris illustribus in griech. Übersetzung (der sogenannte Sophronius), 1896 (Texte u. Unters. zur Gesch. der altchr. Lit. XIV), стр. III сл., IX сл.; Schermann, Propheten- u. Apostelleg., стр. 139 сл.>

читаются только въ статьѣ Софронія, хотя, впрочемъ, и здѣсь сходство неполное¹⁾.

Общій результатъ относительно всѣхъ четырехъ каталоговъ сводится къ тому, что древность ихъ можетъ быть признаваема только условно и вовсе не опредѣляется ихъ надписаніемъ, что если существовали древнѣйшія редакціи, принадлежавшія дѣйствительно Ипполиту и Епифанію, то онѣ не дошли до насъ, и что тѣ, которыя мы теперь имѣемъ, никакъ не представляютъ твердаго и неизмѣннаго церковнаго преданія, идущаго отъ времени близкаго къ апостольскому.

Приводимъ теперь тѣ статьи трехъ послѣднихъ каталоговъ, которыя ближе насъ касаются.

Въ каталогѣ Дорооея и тожественномъ Епифанія Кипрскаго²⁾ объ апостолѣ Андреѣ читается:

«Андрей, братъ его (то есть, Петра) прошелъ все побережье Вноиніи и Понта, Θρακίи и Скиоовъ (sic), благовѣствуя Господа. Потомъ пришелъ въ Великій Севастополь, гдѣ укрѣпленіе Апсаръ и рѣка Фазисъ, гдѣ живутъ внутренніе Эіюпы. Погребень въ Патрахъ Ахейскихъ, распятый Егіатомъ».

Ἀνδρέας ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ πᾶσαν τὴν παραλίαν τῆς Βιθυνίας τε καὶ Πόντου, Θράκης τε καὶ Σκυθίας (Σκυθίας?) διῆλθεν εὐαγγελιζόμενος τὸν κύριον. Μετέπειτα δὲ ἐπορεύθη ἐν Σεβαστοπόλει τῇ μεγάλῃ, ὅπου ἡ παρεμβολὴ Ἄψαρος καὶ ὁ Φᾶσις ποταμὸς, ἔνθα οἱ ἐσώτεροι Αἰθίοπες κατοικοῦσιν. Ἐτάφη ἐν Πάτραις τῆς Ἀχαΐας, σταυρωθεὶς ὑπὸ Αἰγεάτου.

Объ апостолѣ Матоіи (отличаемомъ отъ Матѣя).

«Матоій, сопричисленный къ одиннадцати апостоламъ вмѣсто Иуды, проповѣдавъ Христа въ первой Эіюпіи,—тамъ же кончилъ жизнь и погребень».

Въ дополненіяхъ къ сочиненію Иеронима, приписываемыхъ Софронію³⁾, статья объ апостолѣ Андреѣ читается такъ:

«Андрей, братъ его (Петра), какъ предали намъ предки,—

1) <Ср. Schermann, Propheten- u. Apostelleg., стр. 134 сл. и Prophet. vitae fab., p. XXXV sq.>

2) <Schermann, Prophet. vitae fab., p. 153 sq. 156.>

3) <O. v. Gebhardt, op. cit., p. 3, 7—14. Ср. Schermann, Prophet. vitae fab., p. 108, 7 sq.>

проповѣдалъ евангеліе Господа нашего Иисуса Христа Скиѳамъ и Согдіанамъ и Саккамъ, и проповѣдалъ въ Севастополѣ 52 Великомъ, гдѣ находится укрѣпленіе Апсара и рѣка Фазисъ, гдѣ живутъ внутренніе Эіюшы. Погребень же онъ въ Патрахъ Ахейскихъ, преданный распятію Егіатомъ, царемъ Едескимъ» (?).

Ἀνδρέας ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ, ὡς οἱ πρὸ ἡμῶν παραδεδώκασι, Σκύθαις καὶ Σογδιανοῖς καὶ Σάκκαις ἐκήρυξε τὸ εὐαγγέλιον τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ ἐν Σεβαστοπόλει ἐκήρυξε τῇ μεγάλῃ, ὅπου ἐστὶν ἡ παρεμβολὴ Ἀψάρου καὶ Φᾶσις ὁ ποταμὸς, ἔνθα οἰκοῦσιν Αἰθίοπες οἱ ἐσώτεροι. θάπτεται δὲ ἐν Πάτραις τῆς Ἀχαιίας, σταυρῶ παραδοθεὶς ὑπὸ Αἰγεάτου βασιλέως Ἑδεσηνῶν.

А объ Матѳеѣ¹⁾: «Матѳеѣ, бывъ однимъ изъ семидесяти, избранъ вмѣсто Иуды; проповѣдалъ евангеліе во второй Эіюпії, гдѣ укрѣпленіе Апсара и гавань Исса (Ἰσσοῦ λιμὴν), людемъ, которые были дикими. Тамъ же онъ почилъ и погребень до-днесъ» (ἕως τῆς σήμερον).

Ссылка на Епифанія Кипрскаго, о которой мы упомянули, находится у соименнаго ему монаха, написавшаго въ VIII вѣкѣ житіе апостола²⁾.

«По словамъ святаго Епифанія, онъ зналъ изъ преданія, что блаженный апостоль Андрей училъ Скиѳовъ, Косогдіанъ (и Согдіанъ) и Горсиновъ, въ Севастополѣ Великомъ, гдѣ находится укрѣпленіе Апсара и гавань Исса и рѣка Фазисъ» и т. д.

Τοῦ δὲ ἀγίου Ἐπιφανίου ἐπισκόπου Κύπρου λέγοντος ὡς ἐκ παραδόσεως ἔχειν, τὸν μακάριον ἀπόστολον Ἀνδρέαν διδάξει Σκύθας, Κωσογδιανούς (= καὶ Σογδιανούς) καὶ Γορσίνοους ἐν Σεβαστοπόλει τῇ μεγάλῃ, ὅπου ἐστὶν ἡ παρεμβολὴ Ἀψάρου καὶ Ἰσσοῦ λιμὴν καὶ Φᾶσις ποταμὸς.

Изъ словъ, отмѣченныхъ разрядкой, обнаруживается, что каталогъ, который былъ въ рукахъ Епифанія, имѣлъ большее сходство съ тѣмъ, который теперь приписывается Софронію,

1) <O. v. Gebhardt, op. cit., p. 9, 17 — 22; Schermann, op. cit., p. 113 sq.>

2) <См. Schermann, Propheten- u. Apostelleg., стр. 134 сл.>

чѣмъ съ другими, то есть, съ каталогами псевдо-Дорооея и Епифанія Кипрскаго.

Въ мѣсяцесловѣ императора Василя 1), редакція котораго относится къ концу X или началу XI вѣка, статья объ апостолѣ Андрѣ, напротивъ, имѣетъ большее родство съ послѣдними, но только она подверглась нѣкоторому искаженію вслѣдствіе непониманія.

«Апостоль Андрей - - проповѣдывалъ по всему побережью Визиніи и Понта, Фракіи и Скиѳіи. Послѣ того отправился въ Севастополь Великій, въ которомъ рядомъ впадаютъ (?) рѣки Псарь и Фазисъ (ἐν ἡ παραβάλλουσι τὸ Ψάρος καὶ ὁ Φάσις οἱ ποταμοί). Внутри (= по эту сторону) этого Фазиса живутъ Эѳіопы. Потомъ отправился въ Патры Ахейскіе» и т. д.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ каталогахъ читается, что «апостоль Матѳей умеръ въ Эѳіопіи внѣшней, гдѣ укрѣпленіе 53 Апсаръ, проповѣдавъ тамъ евангеліе» 2).

III).

Апокрифическія сказанія объ апостолѣ Андрѣ такъ же древни или даже еще древнѣе, чѣмъ тѣ краткія свѣдѣнія, которыя находятся у церковныхъ писателей и въ спискахъ апостоловъ. Евсевій, сообщающій намъ первое несомнѣнное свидѣтельство о существованіи преданія, по которому Скиѳія являлась апостольскимъ удѣломъ Первозваннаго ученика Христова, въ другомъ мѣстѣ 4) упоминаетъ о «Дѣянїяхъ Андрея и Іоанна и другихъ

1) <Migne, Patrol. gr. 117, 185 A. Ср. Schermann, Propheten- u. Apostelleg., стр. 163 сл., 324 сл. и Prophet. vitae fab., p. LX.>

2) Текстъ, приведенный въ примѣчаніи Дюканжа къ Пасхальной хроникѣ (vol. II, p. 247 Bonn.). Что касается до значенія слова παραβάλλω, то глоссы объясняютъ его какъ = *хѣтровъ, стратѳгедовъ, тѳфросъ*. По объясненію Проконія (de bello Goth. IV, 2 p. 492, 8 Haug.), Апсарунтъ (Ἀψαρῶς), чѣдъ, конечно, то же самое, какъ и Апсаръ, есть древній Апсартъ, гдѣ, по мѣстному преданію, былъ убитъ братъ Медеи, и находился онъ въ Лазикѣ. Во время Проконія существовали только развалины этого прежде многолюднаго города; въ виду этого, быть можетъ, лучше было бы слово παραβάλλω передавать выраженіемъ «градъ». Впрочемъ мы еще возвратимся къ географическимъ указанїямъ каталоговъ.

3) <Ср. Th. Zahn, Acta Ioannis, 1880, стр. 195 сл.; R. A. Lipsius, Die apocryphen Apostelgeschichten u. Apostelleg., I, 44 сл.; A. Harnack, Geschichte der altchristl. Litt., I, 116 сл.>

4) Histor. eccl., III, 25, 6 sq.

апостоловъ» (Ἀνδρέου καὶ Ἰωάννου καὶ τῶν ἄλλων ἀποστόλων πράξεις). Онъ относитъ эти сочиненія къ тому же разряду, какъ евангелія Петра и Θомы, то есть, къ числу подложныхъ книгъ, не принимаемыхъ церковію и носящихъ на себѣ явную печать еретическаго происхожденія. Ихъ содержаніе и направленіе до такой степени противорѣчили истинному ученію, что Евсевій называетъ сочиненія «недѣльными и нечестивыми», а содержаніе ихъ «живыми выдумками еретиковъ» (αἱρετικῶν ἀνδρῶν ἀναπλάσματα). Епифаній Кипрскій, въ сочиненіи объ ересяхъ <47, 1. 61, 1. 63, 2>, ближе обозначаетъ ту неправомыслящую среду, въ которой имѣли наибольшій ходъ произведенія такого рода, и преимущественно «такъ называемыя дѣянія Андрея». Такою средою были секты гностическаго происхожденія, послѣдователи которыхъ находились въ Писидіи, Фригіи и другихъ областяхъ Азіи и отличались, кромѣ дуалистическихъ воззрѣній, преувеличеннымъ аскетизмомъ: они отвергали бракъ, вкушеніе животной пищи и считали «нестяжаніе» или совершенную бѣдность необходимымъ условіемъ христіанскаго совершенства. По другимъ извѣстіямъ, Дѣянія апостола Андрея принадлежали къ сочиненіямъ, обращавшимся среди манихеевъ, еретиковъ, кото-
 54 рые во многихъ пунктахъ ученія сходились съ гностиками. Названный у патріарха Фотія <Biblioth. cod. 179, p. 125^a, 3 sq. Bekk.> еретикъ манихейскаго толка Аганій питалъ большое довѣріе къ «такъ называемымъ Дѣяніямъ апостоловъ и особенно (къ Дѣяніямъ) Андрея» и въ нихъ почерпалъ свою самоувѣренность. Тотъ же самый патріархъ Фотій въ другомъ мѣстѣ своей бібліотеки (cod. 114) называетъ по имени автора, которому приписывались любимыя еретиками сочиненія. «Прочитана была книга такъ называемыя хожденія апостоловъ, въ которыхъ содержались дѣянія Петра, Иоанна, Андрея, Θомы и Павла. Написаны они, какъ показываетъ самая книга, Левкіемъ Хариномъ»¹⁾. Нужно думать однако, что названный здѣсь Левкій (= Леуцій) Харинъ, о которомъ есть и другія свѣдѣнія, представляющія его то гностикомъ, то манихеемъ, только олицетворяетъ своимъ име-

1) Ἀνεγνώσθη βιβλίον, αἱ λεγόμεναι τῶν ἀποστόλων περίοδοι, ἐν αἷς περιείχοντο πράξεις Πέτρου, Ἰωάννου, Ἀνδρέου, Θωμᾶ, Παύλου. γραφεὶ δὲ αὐτάς, ὡς δηλοῖ τὸ αὐτὸ βιβλίον, Λευκίος Χαρίνος.

немъ отдѣль и родъ богатой и широко распространенной литературы, едва ли ведущей свое начало отъ одного извѣстнаго автора. Во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобъ его имя могло стоять въ заглавіи тѣхъ экземпляровъ сборника хожденій, которые обращались въ рукахъ самихъ еретиковъ¹⁾. Судя по указаніямъ западныхъ, латинскихъ церковныхъ писателей IV и V вѣковъ, современные имъ манихеи, многочисленные въ Италіи, Африкѣ и Галліи, приписывали сочиненіямъ такого рода наиболѣе высокое и священное происхождение. Епископъ Брешианскій Филастрій, жившій въ царствованіе Θεодосія Великаго, сообщаетъ намъ характеристику апокрифической манихейской литературы, весьма ясно указываетъ на этотъ ея признакъ лженадписанности. «Тайныя, то есть, апокрифическія сочиненія», говоритъ онъ, «хотя и могутъ быть читаемы ради назиданія (*magis causa*), но не всѣми, а только совершенными, потому что въ нихъ много еретическихъ прибавленій; такъ манихеи имѣютъ апокрифы о блаженномъ апостолѣ Андреѣ, то есть, дѣянія, которыя онъ совершилъ на пути отъ Понта въ Грецію, и которыя (будто бы) описали тогда ученики, сопровождавшіе апостола, а также дѣянія Іоанна Евангелиста и равнымъ образомъ Петра апостола. Здѣсь разсказывается о знаменіяхъ и чудесахъ, сотворенныхъ апостолами, о томъ, какъ говорили (по-человѣчески) скоты, собаки и дикіе звѣри, и о томъ, какъ души человѣческія превращались въ души собакъ и скотовъ»²⁾. Блаженный Августинъ, упоминая о «Дѣяніяхъ Андрея»³⁾ говоритъ, что они напи-

1) <Ср. C. Schmidt, Die alten Petrusakten im Zusammenhang der apokryphen Apostelliteratur - - untersucht, 1903 (=Texte u. Unters. zur Gesch. d. altchr. Lit., Bd. XXIV), стр. 27 слл.>

2) Filastrii div. heres. I. (rec. Marx: Corp. scr. eccl. Lat. ed. Vindobon. vol. XXXVIII) cap. 88, 5, p. 48, 13: Scripturae autem absconditae, id est apocrypha, etsi legi debent morum causa a perfectis, non ab omnibus debent, quia non intelligentes multa addiderunt et tulerunt quae voluerunt heretici. Nam Manichei apocrypha beati Andreae apostoli, id est Actus quos fecit veniens de Ponto in Greciam, quos conscripserunt tunc discipuli sequentes beatum apostolum, unde et habent Manichei et alii tales Andreae beati et Iohannis Actus euangelistae beati, et Petri similiter beatissimi apostoli, et Pauli pariter beati apostoli: in quibus quia signa fecerunt magna et prodigia, ut et pecudes et canes et bestiae loquerentur, etiam et animas hominum tales velut canum et pecudum similes inputaverunt esse heretici perditii.

3) <Contra Felicem (rec. Zycha: Corp. Vindob. vol. XXV), II, 6, p. 833, 12.>

саны Леуціемъ, но «какъ будто дѣянія апостоловъ»: *in Actibus conscriptis a Leutio, quos tamquam actus apostolorum scribit*; смыслъ послѣдняго выраженія объясняется другимъ замѣчаніемъ автора¹⁾, что если бы дѣянія Андрея и Іоанна дѣйствительно принадлежали апостоламъ, то были бы приняты церковію (*quae si illorum essent, recepta essent ab ecclesia*). Современникъ Августина Еводій²⁾ прямо утверждаетъ, что акты Леуція, изъ которыхъ онъ приводитъ нѣсколько любопытныхъ частныхъ относительно мученія апостола Андрея въ Ахаіи, были написаны отъ имени апостоловъ (*sub nomine apostolorum*). Папа Иннокентій I (402—417) въ письмѣ къ Екксуперію, епископу Тулузскому³⁾, перечисляя книги, которыя не принимаются церковію, но подлежатъ осужденію, выражается подобнымъ же образомъ: *Caetera autem quae vel sub nomine Matthiae sive Jacobi minoris vel sub nomine Petri et Joannis, quae a quodam Leucio scripta sunt [vel sub nomine Andreae, quae a Nexocharide (al. Xenocharide) et Leonida philosophis], vel sub nomine Thomae, et si qua sunt alia, non solum repudianda, verum etiam noveris esse damnanda*. Отсюда видно, что сочиненія, приписываемыя папою Леуцію, носили имена апостоловъ Петра, Іоанна, Матѣя; но относительно произведенія, украшеннаго именемъ апостола Андрея, папа Иннокентій, если только ему принадлежатъ слова, отмѣченныя скобками и читаемыя не во всѣхъ рукописяхъ⁴⁾, нѣсколько разногласитъ съ другими показаніями и называется дѣйствительными его авторами какого то философа Леонида и Нексохариды. Затѣмъ епископъ Астурійскій Туррибій указываетъ на то, что дѣянія Іоанна и Андрея, принадлежація «свято-татственнымъ уставамъ» Леуція, особенно были уважаемы манихеями и родственными имъ присциллианистами⁵⁾. Въ декретѣ

1) <Contra advers. leg. et proph. I, 20, ed. Migne, Patr. lat. 42, 626.>

2) <De fide contra Manich. (rec. Zycha: Corp. Vindob. vol. XXV), с. 38, p. 968, 24.>

3) <Migne, Patr. lat. 20, 502 A.>

4) См. Thilo, Acta ss. Apostolorum Andreae et Matthiae, prolegom. p. V.

5) Migne, Patr. lat. 54, 694 C.: *Per cujus (i. e. haeresis) auctores vel per maximum principem Manem ac discipulos ejus libros omnes apocryphos vel compositos vel infectos esse manifestum est, specialiter autem Actus illos qui vocantur S. Andreae, vel illos qui appellantur S. Joannis, quos sacrilego Leucius ore conscri-*

папы Геласія (496 г.) объ отреченныхъ книгахъ¹⁾ Леуцій на- 56 зывается ученикомъ діавола, и въ числѣ книгъ, имъ написанныхъ, поименованы акты апостола Андрея.

Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что часто осуждаемая литература не только имѣла каноническое значеніе для еретиковъ гностическихъ, а потомъ манихейскихъ сектъ, но находила себѣ многочисленныхъ читателей и среди вѣрнаго церкви православнаго люда. Именно тѣ ея качества, которыя отчасти были причиною строгихъ противъ нея осужденій, должны были содѣйствовать ея популярности. Фантастическій и сказочный характеръ разсказа, богатый аппаратъ чудесъ, видѣній, явленій ангеловъ, многочисленный и сложный персоналъ дѣйствующихъ лицъ,—всѣ эти признаки, обличающіе гностическій вкусъ, составляли въ то же время качества, привлекательныя для народной и суевѣрной массы. Совѣты, которые стремились ограничить кругъ читателей Леуція Харина болѣе образованною и трезвою средою людей избранныхъ или совершенныхъ, едва ли достигали своей цѣли и только указываютъ на существованіе противоположнаго явленія. Впрочемъ, и самыя осужденія, часто произносимыя противъ еретическихъ «дѣяній» и «хожденій», не всегда были рѣшительны и безусловны и касались болѣе идей, въ нихъ развиваемыхъ, чѣмъ фактовъ, въ ней повѣствуемыхъ. Самъ Туррибій Астурійскій, которому принадлежитъ выраженіе о святотатственныхъ устахъ Леуція, осуждалъ въ отреченныхъ книгахъ, о которыхъ онъ говоритъ, далеко не все. «Нѣтъ сомнѣнія», пишетъ онъ,—«что тѣ чудеса и дѣянія, которыя приписываются въ апокрифахъ святымъ апостоламъ, или дѣйствительно были, или могли быть, но разсужденія и мнѣнія злонамѣреннаго содержанія, которыя имъ приписываются, составляютъ явныя вставки, сдѣланныя еретиками». Подобнымъ же образомъ выражается и блаженный Иеронимъ въ письмѣ, которое впрочемъ не всѣми считается подлинно ему принадлежащимъ: «Леуцій, написавшій дѣянія апостоловъ, о дѣлахъ, которыя совершены были чрезъ нихъ Господомъ, гово-

psit - -, ex quibus Manichaei et Priscillianistae vel quaecumque illis est secta germana, omnem haeresim suam confirmare nituntur.

1) (Patr. lat. 59, 162.)

рилъ правду, но относительно ученія многое солгать»¹⁾). Такимъ образомъ являлась настоятельная потребность въ исправленныхъ и очищенныхъ изданіяхъ еретическихъ книгъ, въ которыхъ бы все, что казалось вреднымъ и соблазнительнымъ для слуха правовѣрныхъ, было устранено и вычеркнуто заботливою рукою. Такъ поступилъ тотъ неизвѣстный составитель апостольской исторіи, которая читается въ двухъ средневѣковыхъ кодексахъ Вольфенбюттельской библіотеки. Во главѣ изданія стоитъ письмо псевдо-Мелитона, епископа Лаодикійскаго, гдѣ излагается сейчасъ указанный взглядъ на «дѣянія» апостоловъ Іоанна, Андрея и Ѳомы, сочиненныя нѣкоторымъ Леуціемъ. Онъ говорилъ правду о дѣяніяхъ апостольскихъ и ложь относительно ихъ ученія; именно онъ заставляетъ апостоловъ учить, что существуютъ два начала, а это отвергается церковію²⁾). Въ предисловіи къ дѣяніямъ апостола Андрея въ тѣхъ же кодексахъ неизвѣстный авторъ сообщаетъ намъ, что кромѣ Священнаго Писанія, кромѣ каноническихъ апостольскихъ дѣвій, въ его рукахъ были отдѣльныя сказанія о каждомъ апостолѣ. Въ частности, онъ нашелъ книгу о дѣяніяхъ апостола Андрея, которая вслѣдствіе своего многословія (то есть, ради рѣчей, влагаемыхъ въ уста апостола и содержащихъ еретическія мнѣнія), иными осуждается, какъ апокрифическая; поэтому онъ нашелъ нужнымъ сократить ее, извлекая только то, что относилось къ фактамъ и чудеснымъ дѣйствіямъ апостоловъ, и опуская остальное. Такимъ образомъ онъ надѣялся и доставить удовольствіе читателямъ, и устранить основанія порицателей³⁾). Подобный приѣмъ, усвоенный и многими другими средневѣковыми писателями, не только очень простъ, но и могъ

1) См. у Тило и Тисендорфа *Acta apostol. apocrypha*, p. XLIII: *Ut autem mirabilia illa atque virtutes quae in apocryphis scripta sunt sanctorum apostolorum vel esse vel potuisse esse non dubium est, ita disputationes assertionesque illas sensuum malignorum ab haereticis constat esse insertas* (Туррибій). Слова изъ письма Іеронимова или псевдо-Іеронимова буквально повторены въ сѣдующей ссылкѣ.

2) *Volo sollicitam esse fraternitatem vestram de Leucio quodam, qui scripsit apostolorum actus--: qui de virtutibus quidem quas per eos dominus fecit vera dixit, de doctrina vero multa mentitus est. Dixit enim docuisse duo principia, quod execratur ecclesia Christi*. Ср. Thilo, l. c.; Tischendorf, l. c., p. XLIII₅₃.

3) Запутанный и многословный текстъ въ подлинникѣ можетъ быть читаемъ въ prolegomena къ изданію актовъ Андрея и Матеія у Тило.

казаться совершенно правильнымъ. Предполагалось, что еретики не могли всего выдумать, что существовали нѣкогда вполне православныя книги, въ которыхъ всѣ назидательныя исторіи уже были изложены совершенно безукоризненно, что существовали дѣянія и хожденія апостоловъ, описанныя или самими апостолами, или ихъ учениками, которыя потомъ подверглись искаженію и злонамѣренной порчѣ со стороны еретиковъ. Стоило только очистить эти сочиненія отъ лишней и вредной примѣси, чтобы возстановить ихъ въ первоначальной чистотѣ и возвратить имъ 58 тотъ авторитетъ, который принадлежалъ имъ первоначально. Лучшимъ и древнѣйшимъ образцомъ такого рода опытовъ считается апостольская исторія, приписываемая Авдію, Вавилонскому епископу, и относимая къ VI вѣку¹⁾. Тѣ части этого сочиненія, которыя изложены болѣе подробно и содержатъ дѣянія апостоловъ Андрея, Іоанна и Ѳомы, составляютъ не болѣе какъ сокращеніе соотвѣтствующихъ апокрифическихъ сказаній Леуція Харина, при чемъ опущено все, что могло казаться еретическимъ, соблазнительнымъ или же слишкомъ несообразнымъ. Первоначальный видъ гностической легенды и слѣды гностическихъ идей²⁾ гораздо болѣе сохранились въ тѣхъ апокрифическихъ редакціяхъ, которыя составляютъ въ настоящее время сборникъ Тишендорфа. Но и здѣсь мы имѣемъ почти всегда редакціи позднѣйшія, уже прошедшія чрезъ православныя руки и горнило, подвергшее ихъ значительному очищенію. Именно акты св. Андрея, относящіеся къ его проповѣди и мученической смерти въ Ахаіи, если ихъ сравнить съ тѣмъ, что читалъ въ нихъ нѣкогда Еводій, служатъ наиболѣе разительнымъ тому доказательствомъ.

Апокрифическія сказанія, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является апостоль Андрей, въ настоящее время извѣстны слѣдующія: 1) Дѣянія Андрея и Матеія въ странѣ анеропофоговъ; 2) Дѣянія святыхъ апостоловъ Петра и Андрея; 3) Дѣянія и мученіе святаго апостола Андрея. Первый памятникъ давно извѣстенъ и находится во всѣхъ новыхъ сборникахъ апокрифическихъ апостольскихъ дѣяній. Второй въ первый разъ былъ на-

1) <См. Lipsius, Die apocryph. Apostelgesch., I, 117 сл.>

2) <Ср. С. Schmidt, Die alten Petrusakten, 74. 130; Harnack, Die Chronologie der altchr. Litt., II, 170 слл. 175.>

печатанъ, но не вполнѣ — Вугомъ (Woog) по рукописи Бодлеевой библіотеки. Издатель не рѣшился сообщить въ печати то, что показалось ему слишкомъ нелѣпымъ и зазорнымъ. Затѣмъ Тило перепечаталъ въ своемъ изданіи актовъ св. Андрея и Матеія неполный отрывокъ Вуга. Въ изданіи Тишендорфа онъ наконецъ явился вполнѣ, то есть, на столько, на сколько полна была рукопись. А она не только не имѣетъ конца, но — чего не замѣтили названные издатели — представляетъ значительный пропускъ въ срединѣ, обнаруживающійся совершенною неясностію и безсвязностію разсказа. Къ счастью, пропускъ можетъ быть восполненъ при помощи русской редакціи сказанія, изданной въ «Памятникахъ отреченной русской литературы» г. Тихонравова. Уже другими было замѣчено, что напечатанное здѣсь «Хожденіе апостоловъ Петра, Андрея, Матеія, Руфа и Александра» есть переводъ отрывка, напечатаннаго Тишендорфомъ; слѣдуетъ прибавить только, что переводъ этотъ, сдѣланный весьма неумѣло и не имѣющій окончанія, указываетъ на существованіе другихъ болѣе полныхъ греческихъ списковъ хожденія, чѣмъ рукопись Бодлеевой библіотеки. Третье сказаніе — «Дѣянія и мученіе св. апостола Андрея», изложено въ формѣ посланія пресвитеровъ и діаконовъ Ахейской церкви, бывшихъ очевидцами событія, но несомнѣнно представляетъ передѣлку сочиненія, авторомъ котораго считался Леуцій Харинъ. Оно было издано Вугомъ и затѣмъ перепечатывается въ разныхъ новыхъ изданіяхъ¹⁾. Сверхъ того, существуютъ (въ изданіи Тишендорфа) весьма краткіе отрывки изъ актовъ Павла и Андрея и актовъ Варѳоломея, въ которыхъ также является на сценѣ и апостоль Андрей. Мы считаемъ полезнымъ ближе ознакомиться съ содержаніемъ этихъ сказаній; всѣ они, за исключеніемъ актовъ Павла и Андрея, находятся въ очевидной взаимной связи и первоначально составляли, повидимому, одно цѣлое, обозначаемое заглавіемъ «Хожденія» или «Дѣянія апостола Андрея».

1) Presbyterorum et diaconorum Achaiae de martyrio S. Andrae epistola eu-
cyclicae. — Cura C. Chr. Woog, Lipsiae, 1749. Здѣсь присоединенъ и вышеозна-
ченный отрывокъ хожденія Петра и Андрея.

1. Хожденіе въ страну анеропофаговъ (или Мирмидонянъ)¹⁾.

(Это наиболѣе длинное сказаніе мы передаемъ въ извлеченіи, стараясь однако удержать всѣ подробности и важныя частности).

Матѳію выпалъ жребій идти въ страну анеропофаговъ (по нѣкоторымъ спискамъ: кромѣ анеропофаговъ, ему достались также страны Мидянъ и Парянь). Люди этой страны не ѣли хлѣба и не пили вина, но питались человѣческимъ мясомъ и пили человѣческую кровь. Всякаго человѣка, который приходилъ въ ихъ городъ, они задерживали, лишали зрѣнія и поили очарованнымъ напиткомъ, дѣйствіе котораго заключалось въ томъ, что человѣкъ лишался человѣческаго сердца и разума и начиналъ ѣсть сѣно и траву, подобно животнымъ. Матѳій, послѣ своего прибытія въ страну, подвергся общей участи, но съ тѣмъ только различіемъ, что послѣ принятія напитка ни сердце, ни умъ его не измѣнились, и онъ продолжалъ славить Бога и молиться къ Нему. За горячею молитвою послѣдовало утѣшеніе и подкрѣпленіе; въ темницѣ, гдѣ заключенъ былъ апостоль, возблисталъ свѣтъ и раздался голосъ, обещающій избавленіе послѣ двадцати-семи дней заключенія, то есть, за три дня до того рокового срока, въ 60 который для всякаго захваченнаго пришельца наступала очередь послужить пищею анеропофаговъ. Въ этотъ день палачи пришли въ темницу и, прочитавъ дощечку, прикрѣпленную къ рукѣ Матѳіа, съ обозначеніемъ времени его поступленія, какъ это всегда дѣлалось ради болѣе легкаго расчета времени, сказали: «Еще три дня, и мы выведемъ его изъ темницы и съѣдимъ его». Матѳій, притворившійся спящимъ, слышалъ это.

Но въ этотъ же день Господь явился апостолу Андрею, который находился въ другой странѣ (не названной въ нашемъ источникѣ), и повелѣлъ ему идти во владѣнія анеропофаговъ, гдѣ его брату грозила опасность черезъ три дня лишиться жизни. Андрей сначала отказывался, считая невозможнымъ поспѣть въ такой короткій срокъ; но Господь, напомнивъ ему о своемъ всемогуществѣ, назначилъ ему утро слѣдующаго дня для прибытія

1) <Acta apostolorum apocrypha -- ed. R. A. Lipsius et M. Bonnet, II, 1 p. 65 sqq.>

къ морскому берегу (слѣдовательно, Андрей училъ на другомъ берегу того моря, на которомъ находилась и страна людоедовъ), гдѣ онъ долженъ былъ найти готовый корабль, а самъ вознесся на небо.

Андрей явился въ назначенное время на берегу, вмѣстѣ со своими учениками, и увидѣлъ небольшое судно съ тремя корабельщиками; онъ не догадался, что это былъ Господь съ двумя ангелами, принявшими человѣческой видъ. Вступивъ въ разговоръ съ кормчимъ, то есть, съ самимъ Господомъ, Андрей узналъ, что онъ нашелъ себѣ попутчиковъ, и получилъ позволеніе вступить на корабль. Онъ счелъ, однако, нужнымъ заранѣе объяснить, что ни онъ, ни его товарищи не въ состояніи уплатить перевозной платы и даже не имѣютъ при себѣ пропитанія. На вопросъ кормчаго, выражавшій удивленіе, Андрей отвѣтилъ, что онъ ученикъ Христа, который далъ двѣнадцати избраннымъ имъ апостоламъ заповѣдь не брать съ собою въ путь ни денегъ, ни хлѣба, ни сумы, ни одежды. Послѣ того кормчій принялъ путниковъ на свой корабль съ большею радостію, чѣмъ бы, по его словамъ, это было въ отношеніи ко всякому имущему человѣку. Затѣмъ онъ велѣлъ принести три хлѣба, чтобы странники могли подкрѣпить себя пищею; но ученики Андрея, при видѣ бурнаго моря, смутились и не могли воспользоваться приглашеніемъ, не могли даже промолвить слова въ отвѣтъ на него. Тогда кормчій посоветовалъ Андрею оставить отроковъ, незнакомыхъ, очевидно, съ моремъ, на сухомъ пути до возвращенія корабля изъ плаванія. Но, когда Андрей обратился съ такимъ предложеніемъ 61 къ своимъ спутникамъ, то они не захотѣли отстать отъ своего учителя и такимъ образомъ сдѣлаться чуждыми благъ, которыя далъ имъ Господь. Въ ободреніе имъ Андрей рассказываетъ исторію укрощенія бури Иисусомъ. Во время плаванія Андрей вступаетъ въ разговоръ съ кормчимъ и выражаетъ удивленіе къ его необыкновенному искусству въ управленіи кораблемъ; шестнадцать разъ онъ плавалъ по морю и теперь ѣдетъ въ семнадцатый, а такого искусства еще не видывалъ. Съ своей стороны, кормчій спрашиваетъ объ Иисусѣ: «Мы слышали», говоритъ онъ, — «что онъ явилъ свое божество предъ своими учениками, но отчего не увѣровали въ него Іудеи? Можетъ быть, онъ не сотворилъ

знаменій предъ ними?» Андрей свидѣтельствуеть объ испѣленіи слѣпыхъ, глухихъ и прокаженныхъ, о насыщеніи пяти тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами и двумя рыбами: все это совершилось въ виду всего народа. «Но, быть можетъ, онъ не далъ знаменій предъ архіереями, и оттого они не увѣровали въ него?»—«Нѣтъ, и предъ архіереями онъ сотворилъ знаменія, и не только явно, но и тайно». Настоятельные разспросы кормчаго заставили Андрея рассказать исторію съ двумя каменными сфинксами, которые стояли во храмѣ, одинъ по правую, другой по лѣвую сторону, и о которыхъ Христось сказалъ, что они представляютъ подобіе Херувима и Серафима на небѣ. Чудо съ сфинксами, сотворенное въ присутствіи четырехъ архіереевъ, состояло въ томъ, что одинъ изъ нихъ, по слову Иисуса, сошелъ внизъ со своего подножія и заговорилъ человѣческимъ голосомъ, обличая невѣріе Іудеевъ и свидѣтельствуя о божественности Христа и о превосходствѣ храма (τὰ ἱερά) предъ синагогой, а когда и это оказалось недостаточнымъ, то сфинксъ, по приказанію Иисуса, отправился въ землю Хананейскую, на поле Мамврійское, и разбудилъ почивавшихъ тамъ двѣнадцать патріарховъ; всѣ они вышли изъ гробовъ, но только трое должны были послѣдовать за нимъ и обличили архіереевъ.

Корабль уже приближался къ твердой землѣ: тогда Христось, который скрывался подъ видомъ кормчаго, склонился главою на одного изъ ангеловъ и какъ бы заснулъ. Андрей, послѣдовавшій его примѣру, погрузился въ глубокой сонъ и въ такомъ состояніи перенесенъ былъ ангелами, по приказанію Господа, на берегъ, гдѣ былъ оставленъ вблизи города анеропофаговъ. Послѣ того Иисусъ удалился съ своими ангелами на небеса.

На другое утро Андрей пробудился и разбудилъ своихъ спящихъ товарищей; теперь онъ понялъ, кто былъ его вчерашній собесѣдникъ, и ученики его, которымъ онъ высказалъ свою догадку, съ своей стороны, припомнили и сообщили ему, что они ничего не слышали изъ его разговора съ кормчимъ, такъ какъ въ это время они были погружены въ глубокой сонъ, и во время этого сна спустились съ неба орлы и унесли ихъ души въ рай на небесахъ. Тамъ они видѣли Христа, окруженнаго ангелами; предъ нимъ стояли апостолы, и Господь говорилъ ангеламъ, чтобы они

во всемъ слушались апостоловъ. Андрей возрадовался великою радостію и сталъ молиться, чтобы Господь простилъ ему то, что онъ принялъ его за простаго человѣка, и чтобы снова явился ему. Моленіе его было услышано: Господь явился ему въ видѣ прекраснаго маленькаго мальчика и сказалъ, что вина его заключается не въ томъ, что онъ не узналъ своего Господа, а въ томъ, что не изъявилъ тотчасъ же готовности идти въ страну аноропофаговъ, и вотъ теперъ онъ самъ увидѣлъ, что для Бога нѣтъ ничего невозможнаго. При этомъ Господь повторилъ повелѣніе идти въ городъ для освобожденія Матеія и предсказалъ Андрею, что его тамъ ожидаютъ большія мученія, которыя онъ долженъ перенести мужественно, помня своего распятаго Учителя.

Андрей вошелъ въ городъ со своими учениками, оставаясь незримымъ для жителей. Онъ достигъ темницы, передъ дверями которой стояли стражи; но послѣ его молитвы, стражи пали на землю мертвыми, а двери сами открылись, когда онъ начерталъ на нихъ знаменіе креста. Войдя въ темницу, Андрей увидѣлъ Матеія сидящаго и поющаго хвалу Богу; апостолы привѣтствовали и цѣловали другъ друга. На вопросъ Матеія: какъ онъ здѣсь очутился, Андрей рассказалъ ему о явленіи Господа. Вслѣдъ затѣмъ онъ замѣтилъ трехъ заключенныхъ вмѣстѣ съ Матеіемъ мужей, которые были наги и ѣли траву. Это зрѣлище поразило Андрея, и онъ воскликнулъ: «Господи, въ чемъ согрѣшили эти люди, что они уподобились безмысленнымъ скотамъ?» Потомъ, обращаясь къ сатанѣ, онъ сказалъ: «Горе тебѣ, діаволу, врагу Бога и ангеловъ его! Чтò тебѣ сдѣлали эти люди, что ты навелъ на нихъ такое наказаніе? Доколѣ ты будешь враждовать на родъ человѣческій? ты вывелъ Адама изъ рая и научилъ людей плотскому преступному совокупленію, вслѣдствіе чего Господь разгнѣвался и послалъ потопъ на землю...» Послѣ этого Андрей сотворилъ молитву, возложилъ руки свои на лица слѣпыхъ людей, находившихся въ темницѣ, и тѣ прозрѣли; потомъ налагалъ руку на сердца ихъ, и въ нихъ воротилось человѣческое чувство. Всѣхъ исцѣленныхъ было 270 мужчинъ и 49 женщинъ; Андрей велѣлъ имъ идти въ нижнюю часть города, гдѣ они найдутъ смоковницу, плодами которой могутъ питаться, пока онъ самъ не придетъ къ нимъ. Освобожденные боялись показаться въ городѣ, думая, что

жители опять схватятъ ихъ, но апостоль успокоилъ ихъ, сказавъ, что даже собаки не будутъ лаять на нихъ. Матей съ своими учениками направился, по указанію Андрея, съ другой стороны города, но вслѣдъ затѣмъ, по повелѣнію того же апостола, явилось облако и перенесло Матея, учениковъ его и учениковъ самага Андрея на гору, на которой находился апостоль Петръ, и тамъ они остались.

Андрей же вошелъ въ городъ, сѣлъ позади мѣднаго столпа, на которомъ стояла статуя, и ожидалъ, что будетъ. Случилось, что палачи пошли въ темницу, чтобы, по обычаю, взять на этотъ день нѣсколько человѣкъ для сѣденія. Но они нашли стражу мертвою, а темницу пустою, и донесли объ этомъ властямъ города. Тѣ были повергнуты извѣстіемъ въ большое смущеніе. Однако они распорядились, чтобы принесены были, по крайней мѣрѣ, группы мертвыхъ стражей, которые и должны были послужить пищею на текущій день. Что же касается будущаго времени, то рѣшено было завтра же собрать городскихъ старцевъ и заставить ихъ метать жребій между собою, пока не наберется семи человѣкъ, необходимыхъ для суточного пропитанія, и такъ поступать въ теченіе неопредѣленнаго времени, доколѣ не представится возможности снарядить юношей въ морской походъ на окрестныя области для захвата плѣнниковъ. Распоряженіе, данное палачамъ, было исполнено, и мертвые стражники были принесены на городскую площадь. Но такъ какъ жители города нуждались не только въ пищѣ, но и въ питьѣ, то нужно было сначала пустить изъ нихъ кровь, какъ это дѣлалось съ убиваемыми иностранцами. По срединѣ города находилось для сего особеннаго рода приспособленіе, устроенное такъ, что кровь убиваемыхъ стекала въ большой бассейнъ, изъ котораго жители города черпали ее и потомъ пили. Но, когда Андрей увидѣлъ приготовления палачей, душа его возмутилась, и по его молитвѣ руки палачей, готовыя поднять сѣкиры на умершихъ уже людей, опустились, и сѣкиры изъ нихъ выпали. Власти города поражены были удивленіемъ и сказали, что, должно быть, здѣсь находятся тѣ волшебники, которые уже освободили узниковъ изъ темницы. Они рассуждали: «Что намъ теперь дѣлать? Пойдемъ и соберемъ старцевъ въ городъ, такъ какъ мы томимся жаж-

64 дою». — Собраны были немедленно старики въ числѣ 217-ти, и по жребію изъ нихъ было выбрано семь человекъ. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ вымолилъ позволеніе замѣнить себя своими собственными дѣтьми, сыномъ и дочерью. Дѣти подняли плачь и говорили служителямъ: «Не убивайте насъ въ такомъ юномъ возрастѣ, но оставьте насъ до болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, и тогда убейте насъ». «Ибо въ этомъ городѣ былъ обычай, что умирающихъ не предавали погребенію, но ѣли ихъ». Служители, однако, готовились уже приступить къ исполненію своего дѣла. Но Андрей снова обратился съ молитвою къ Богу, и опять случилось то же, что и въ первый разъ. Увидѣвъ это, власти заплакали громкимъ плачемъ. Но вотъ, когда они не знали, что дѣлать, явился среди нихъ дьяволъ въ образѣ старика и сталъ имъ говорить: «Горе вамъ, вы теперь умрете безъ пищи. Къ чему вамъ овцы и быки? этого вамъ недостаточно... Въ городъ пришелъ одинъ чужеземецъ, по имени Андрей: ищите и убейте его, а если нѣтъ, то онъ уже не дастъ вамъ дѣлать то, что вы до сихъ поръ дѣлали». Самъ дьяволъ не въ состояніи былъ указать имъ мѣста, гдѣ находился апостолъ, ибо это былъ Амаиль, такъ названный потому, что былъ слѣпъ, особенно въ отношеніи къ святымъ. Онъ слышалъ голосъ Андрея, укорявшій его, но его самого не видѣлъ. Горожане, по внушенію діавола, затворили ворота и стали искать святаго, но тоже не видѣли его. Тогда Господь явился Андрею и сказалъ ему: «Возстань и покажись имъ, чтобъ они узнали силу мою и безсиліе дѣйствующаго въ нихъ дьявола».

Андрей явился предъ толпой и сказалъ: «Вотъ я тотъ, кого вы ищете». Народъ бросился и схватилъ его, чтобы предать его казни. Но явилось сомнѣніе, какой родъ ея слѣдуетъ избрать для преступника: если снять съ него голову, то это не будетъ мученіемъ; если сжечь, то нельзя будетъ воспользоваться имъ для пищи. Тогда одинъ человекъ, по внушенію вошедшаго въ него дьявола, присовѣтовалъ слѣдующее: «Возьмемъ, навяжемъ веревку на шею его и станемъ волочить его по всѣмъ улицамъ и площадямъ города, а когда онъ умретъ, раздѣлимъ его тѣло». Совѣтъ былъ принятъ. Въ продолженіе двухъ дней волочили апостола по всѣмъ улицамъ и площадямъ, такъ что куски его тѣла оставались на землѣ, и кровь текла на нее какъ вода; а на

ночь отводили его въ темницу, связавъ назадъ руки. Здѣсь, вечеромъ на другой день, явился предъ Андреемъ дьяволъ съ семью демонами и насмѣхался надъ его безсиліемъ, даже хотѣлъ убить его; но, увидѣвъ на челѣ его печать, которую далъ ему Господь, демоны испугались и не смѣли приблизиться къ нему, но за то издали всячески издѣвались надъ нимъ, такъ что это 65 было причиною большой печали для апостола и даже слезъ.

На третій день повторились прежнія истязанія, и святой воззвалъ къ Господу: «Господи, зачѣмъ ты оставилъ меня! Вспомни, что ты былъ три часа на крестѣ и воззвалъ къ Отцу, а я подвергаюсь мученіямъ въ продолженіе трехъ дней. Гдѣ слова твои, Господи, которыя ты сказалъ намъ, что ни одинъ волосъ съ головы нашей не пропадетъ? Воззри, чтò сдѣлалось съ моею плотію и моими волосами». Тогда Иисусъ явился Андрею и повелѣлъ ему обернуться назадъ, и Андрей увидѣлъ, что гдѣ пали его волосы и куски тѣла, тамъ выросли большія плодоносныя деревья. Когда же наступилъ вечеръ, то Господь явился ему въ темницѣ и исцѣлилъ всѣ его раны, такъ что онъ сдѣлался здоровъ по прежнему.

Здѣсь же, посреди темницы, Андрей увидѣлъ столбъ, на которомъ стоялъ истуканъ, сдѣланный изъ алебаstra, и обратился къ этому истукану съ заклинаніями во имя креста, предъ которымъ трепещетъ небо и земля. Вслѣдствіе того каменный истуканъ, какъ этого желалъ апостоль, вдругъ сталъ испускать изъ своихъ устъ воду, какъ будто изъ трубы; вода все поднималась, стала затоплять городъ и достигла такой высоты, что многіе потонули. Когда увидѣли это на слѣдующее утро анеропофаги, то они спѣшили спастись бѣгствомъ и стали оставлять городъ. Но по молитвѣ апостола Христосъ послалъ архангела Михаила на огненномъ облакѣ, которое окружило городъ, такъ что никто не могъ отсюда выйти; а между тѣмъ вода внутри достигала уже по горло людямъ. Тогда только жители преступнаго города раскаялись и приняли рѣшеніе идти и освободить чужестранца, и въ то же время стали призывать его Бога, чтобъ онъ остановилъ воду. Андрей тогда повелѣлъ каменному истукану прекратить водоизверженіе, и при этомъ сказалъ ему: «Если граждане этого города увѣруютъ, то я построю церковь и поставлю въ

ней тебя за то, что ты оказалъ мнѣ эту услугу». Когда апостоль вышелъ изъ темницы, то вода стала сбѣгать предъ его стопами, а народъ, видя это, кричалъ: «Помилуй насъ». Явился и тотъ старикъ, который предалъ на съѣденіе собственныхъ дѣтей и также говорилъ: «Помилуй меня». Но апостоль отвѣчалъ ему: «Какъ ты говоришь: помилуй меня, — когда ты не пожалѣлъ своего сына и дочь? Во истину говорю тебѣ: какъ скоро сойдетъ эта вода, ты низвергнешься въ пропасть вмѣстѣ съ 14-ю пала-
 66 лочами, убивавшими людей каждый день». И когда его слово сбылось, то страхъ народа еще болѣе усилился. Апостоль вслѣдъ затѣмъ воскресилъ всѣхъ, которые лишились жизни во время наводненія. Такъ какъ городъ теперь увѣровалъ во Христа, то Андрей начерталъ изображеніе церкви и повелѣлъ выстроить ее. Крестивъ обращенныхъ и преподавъ имъ заповѣди Христовы, Андрей, несмотря на всеобщія просьбы и слезы, оставилъ было городъ. Но на пути встрѣтился ему, въ образѣ отрочати, Христосъ и повелѣлъ ему возвратиться, чтобы провести въ городъ еще семь дней для утвержденія жителей въ вѣрѣ.

Изложенное нами сказаніе передается въ «Апостольскихъ исторіяхъ» псевдо-Авдія въ слѣдующемъ сокращенномъ видѣ¹⁾.

«Послѣ вознесенія Господня, когда апостолы начали проповѣдывать слово Божіе въ различныхъ странахъ, Андрей апостоль началъ возвѣщать Господа Иисуса Христа въ Ахейской провинціи. Въ то же самое время апостоль Матѳѣй, онъ же и евангелистъ, проповѣдывалъ слово спасенія городу Мирмидону; но жители этого города, съ неудовольствіемъ и досадою принимая то, что они слышали о дѣяніяхъ нашего Искупителя, и не желая предать разрушенію свои храмы, выкололи глаза апостолу, обременили его цѣпями и заключили въ темницу съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы по истеченіи нѣсколькихъ дней убить его. Прежде чѣмъ это было исполнено, ангель, посланный Господомъ, сказалъ апостолу Андрею, чтобы онъ поспѣшилъ въ городъ Мирмидонъ и освободилъ своего брата изъ мрака темницы. Онъ отвѣчалъ ему: «Господи, я не знаю пути: куда же я пойду?» Но получилъ въ отвѣтъ: «Иди къ морскому берегу, тамъ

1) <Tischendorf, Acta apostol. apocr. p. XLVIII sq.>

найдешь корабль, и тотчасъ вступи на него, а я буду твоимъ путеводителемъ». Андрей повиновался и, взошедши на отысканный корабль, при вѣяніи благопріятныхъ вѣтровъ счастливо приплылъ къ городу. Вступивъ въ городъ, онъ тотчасъ отправился въ общественную тюрьму; нашедши тамъ Матеѳа вмѣстѣ съ другими узниками, онъ горько восплакалъ и, сотворивъ молитву, произнесъ: «Господи Іисусе Христе, котораго мы съ вѣрностію проповѣдуемъ и во имя котораго переносимъ такъ много!... Отверзи очи раба твоего, дабы онъ могъ идти на проповѣдь слова твоего». И тотчасъ сотряслось это мѣсто, и свѣтъ возсіялъ въ темницѣ, и отверзлись очи апостола, а цѣпи всѣхъ узниковъ сломались, а колодки, въ которыхъ заключены были ихъ ноги, раскололись. Послѣ этого всѣ восхвалили Господа, говоря: «Великъ Богъ, котораго проповѣдуютъ рабы его». Такимъ образомъ выведены были Андреемъ изъ темницы всѣ, которые были въ ней содержимы, и каждый отправился во-свояси; Матеѳъ вмѣстѣ съ ними также удалился. Самъ апостоль Андрей ⁶⁷ остался въ Мирмидонѣ и проповѣдывалъ жителямъ слово Господа, но жители не хотѣли его слушать и, схвативъ Андрея, волочили его со связанными ногами по улицамъ города. Среди этихъ мученій, когда уже текла кровь и волосы вырывались, апостоль обратился съ такою молитвою ко Господу: «Открой, Господи Іисусе Христе, очи сердець ихъ, да познаютъ Тебя, истиннаго Бога, и престанутъ отъ сего злодѣянія, и не поставь имъ этого во грѣхъ, ибо не вѣдятъ, чтò творять». Когда онъ произнесъ эти слова, внезапно напалъ на жителей этого города большой страхъ, такъ что, освободивъ апостола, они признали свой грѣхъ, говоря: «Мы согрѣшили противъ праведнаго». Они склонились къ ногамъ апостола и просили объ отпущеніи ихъ преступленія и объ указаніи имъ пути спасенія. Поднявъ ихъ, онъ сталъ проповѣдывать Господа Іисуса Христа и показалъ чудеса, которыя онъ совершилъ въ этомъ мірѣ, и то, какъ онъ своею кровію искупилъ этотъ міръ, уже погибающій. Такимъ образомъ, снискавъ Господу жителей города, апостоль крестилъ всѣхъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа во отпущеніе грѣховъ. Сотворивъ это, онъ удалился въ свою область.

Въ житіи Андрея, отысканномъ въ Волфенбюттельскихъ

сборникахъ, равно какъ и въ Золотой легендѣ Якова de Vogaigne, повторяется почти буквально та же самая сокращенная повѣсть, съ упоминаніемъ Мирмидона¹⁾. У послѣдняго замѣчается только та отмѣна, что Андрей отправляется для освобожденія Матеѣя не изъ Ахаіи, а изъ Скиѳіи. Далѣе, мы находимъ у Ордерика Виталія, писателя XII вѣка, указаніе на книгу, которая содержала въ себѣ замѣчательныя сказанія объ апостолахъ Андреѣ, остановившія на себѣ вниманіе историка, такъ что онъ счелъ нужнымъ привести изъ нея довольно значительное извлеченіе. Въ книжкѣ, авторъ которой былъ, по словамъ самаго Ордерика, ему неизвѣстенъ, рѣчь шла опять о путешествіи Андрея къ Мирмидонянамъ, а самый разсказъ Ордерика даже своими выраженіями очень близко передаетъ вышеизложенное повѣствованіе Авдія²⁾.

Что касается Авдіева разсказа о путешествіи апостола Андрея къ Мирмидонянамъ, то не смотря на измѣненіе имени, на появленіе имени Матеѣя евангелиста вмѣсто Матеіа, на устраненіе многихъ подробностей, не смотря на то, что въ немъ нѣтъ рѣчи о людяхъ, питающихся человѣческой плотію, и о метаніи жребія, и явленіе Христа обращено въ явленіе ангела,— все-таки нужно признать, что этотъ разсказъ есть простая передѣлка апокрифическаго источника съ намѣреннымъ устраненіемъ всего страннаго и неудобнаго. Что же касается имени города Мирмидона или его жителей Мирмидонянъ, то нужно полагать, оно уже читалось въ самыхъ гностическихъ актахъ, какъ другое названіе анеропофаговъ. Въ апокрифическомъ сказаніи о Матеѣѣ, о которомъ будетъ сказано ниже, тотъ же самый городъ человѣкоядческой, въ которомъ дѣйствовалъ Андрей, именуется Мирною (Μίρνη); но въ позднѣйшихъ греческихъ житіяхъ, которыя встрѣчаются въ Минеяхъ, а равно и у Никифора Каллиста (XIV в.) Мирна замѣняется едва ли не болѣе правильнымъ чтеніемъ Мирмины (Μυρμίνη)³⁾. Въ одномъ краткомъ описаніи святыхъ мѣсть, приложенномъ къ Бордосскому дорожнику (Itinerarium Burdigalense), памятнику приблизи-

1) Вольфенбюттельскіе отрывки см. у Тило и Тишендорфа. I. I.

2) См. Migne, P. L., 188, 159.

3) Ср. Lipsius, Die apokryphen Apostelgeschichten, I, 603 сл.

тельно VI вѣка, упоминается также городъ Мирмидона (Mirmidona), гдѣ апостоль Андрей освободилъ Матѣя, и объясняется, что въ этомъ городѣ, отождествляемомъ впрочемъ съ Синопомъ, всѣ его обитатели имѣли обыкновеніе ѣсть себѣ подобныхъ и что ради того они сидѣли на улицахъ, поджидая, какъ будто въ видахъ гостепріимнаго состраданія, странствующихъ иноземцевъ¹⁾.

Наиболѣе полную и близкую передачу сюжета, изложеннаго въ хожденіи апостола Андрея къ аноропофагамъ, мы находимъ въ одномъ древнемъ памятникѣ крайняго запада, именно, въ англо-саксонской поэмѣ объ Андрѣѣ. Ея издатель, Як. Гриммъ, еще не имѣя въ рукахъ цѣльнаго апокрифа, который тогда не былъ изданъ, пришелъ однако къ убѣжденію, что источникомъ для поэмы служилъ не какой-либо сравнительно краткій рассказъ въ родѣ псевдо-Авдіева, а непременно болѣе пространный и уже заключавшій въ себѣ всѣ существенныя подробности, читаемыя въ поэмѣ²⁾. Теперь оказывается, что за исключеніемъ мелкихъ бытовыхъ красокъ, заимствованныхъ, естественно, изъ окружающей среды, за исключеніемъ ясеневыхъ копій, которыя употребляются даже при ослѣпленіи апостола, и вообще постоянной 69
наклонности любоваться оружіемъ, за исключеніемъ характеристичныхъ для мѣстнаго быта описаній бури и мореплаванія, за исключеніемъ стремленія видѣть въ самыхъ апостолахъ воинственныхъ героевъ, да развѣ еще одного непонятаго мѣста (о сфинксахъ) и распространенія нѣкоторыхъ рѣчей ради стиха, все остальное есть самый точный снимокъ съ греческаго подлинника. Удержаны даже цифры: здѣсь и тамъ семь стражей, пораженныхъ смертію при дверяхъ темницы, 49 женщинъ, превращенныхъ чародѣйскимъ напиткомъ во образъ звѣриныя и потомъ снова возвращенныхъ Андреемъ къ человѣческому чувству и пищѣ. Только число мужчинъ, испытавшихъ ту же участь

1) *Revue Archéologique*, X (1864 г.), 110. *Synope illo tempore Mirmidona dicebatur, et omnes qui ibi manebant homines pares suos comedebant, nammodo tanta misericordia ibi est ut ad strutas (l. stratas) sedeant peregrinos suscipiendos.* Здѣсь же говорится о Корсуни и о мощахъ Климента.

2) См. *Andreas und Helene*. Herausg. von Jacob Grimm. Cassel, 1840, предисловіе. <Ср. *Bibliothek der angelsächsischen Poesie begründet von Grein. Neu bearb. . . . von Wülker*, II, 1, стр. 1 слд.>

и такія благодѣянія, не одинаково: въ одномъ источникѣ 240, а въ другомъ 270. Если бы мы захотѣли повторить изложеніе содержанія поэмы, сдѣланное Яковомъ Гриммомъ, то оказалось бы во многихъ мѣстахъ почти буквальное сходство съ выше-приведеннымъ изложеніемъ гностическаго хожденія. Ради нѣкотораго ознакомленія съ этимъ любопытнымъ памятникомъ, относящимся, по мнѣнію Гримма, къ VIII вѣку или къ началу IX, мы приводимъ только начало его въ нѣмецкомъ переводѣ Грейна¹⁾:

Traun! wir erfuhren wie in der Vorzeit lebten
 zwölf hochberühmte Helden unter des Himmels Sternen,
 Kempen Gottes: in dem Kampf erlag,
 wenn sie die Helmzeichen hieben, ihre Hochkraft nimmer,
 seit sie zerstreut sich hatten, wie ihnen bestimmte das Looss
 der Hochkönig des Himmels, der Herr selber.
 Das waren Wehrmänner weilkund auf Erden,
 kühne Volksführer, im Kriegszug tapfer,
 hochberühmte Helden, wenn Hand und Schildrand
 auf dem Heeresfeld den Helm beschützten.
 Dieser Helden einer war der heilige Mattheus,
 der zuerst bei den Juden das Evangelium
 durch Wunderkunst begann mit Worten zu schreiben;
 dem der erlauchte Herr das Looss bestimmte
 hinaus auf das Eiland, wo der Ausländer keiner
 bisher noch konnte Heimath finden
 und Glück geniessen: grimm ereilte sie
 oft auf dem Heeresfeld die Hand der Mörder.
 All war das Markland mit Mord bewunden
 durch Feindes Falschheit, die Volkstatt der Männer,
 der Helden Heimsitz; nicht hatten dort
 die Bewohner in dem Lande Wassers Trunk
 noch Brodes Speise zum Gebrauche: es genossen Blut und Fell
 das Fleischkleid der Männer, der fernher gekommenen,
 die Leute in dem Lande. So war's ihr Landesbrauch,
 dass ohne Unterschied sie der Ausländer jeden,
 wenn Nahrung ihnen Not war, sich nahmen zur Speise,
 alle die das Eiland von aussen suchten.
 Das war des Volkes friedloses Zeichen,
 der unseligen Stärke, dass sie der Augen Gesicht,
 des Hauptes Gemme hassend und schwertgrimm,
 grausam zerstörten mit der Geere Spitzen.
 Drauf brauten dann die Zauberer bitter zusammen

1) Grein, Dichtungen der Angelsachsen, stabreimend übersetzt, Zweite Ausg., 1863.

durch Arglistkünste unheimlichen Trank,
 der das Bewusstsein der Männer wandte im Busen,
 die innersten Gedanken: es ward umgekehrt der Sinn,
 dass sie nicht jammernd sehnten nach dem Jubel der Männer
 die Grimm gierigen Helden, sondern Gras und Heu
 die vor Mangel an Mundkost müden plagte.
 Da war Mattheus zur weitberühmten Burg
 gelangt in die Stadt: Lärm war dort gewaltig
 in dem Volk der Mermedonier dem frevelvollen и т. д.

Итакъ, и въ этомъ памятникѣ глубокой древности анеропофаги иначе именуются Мирмидонянами—не только въ приведенномъ мѣстѣ, но и постоянно. Сверхъ того, въ одномъ мѣстѣ (стихъ 432-й) земля ихъ названа царствомъ Эѳіоповъ, страною черныхъ людей (Aelmyrgna edhelrice), чтò должно находиться въ той или другой связи съ Эѳіопіей каталоговъ.

2. Хождение въ страну варваровъ ¹⁾.

Случилось, что апостоль Христовъ Андрей вышелъ изъ города челоуѣкоядцевъ (τῶν ἀνθρωποφάγων), и вотъ облакъ свѣтлый восхитилъ его и отнесъ его на гору, гдѣ возсѣдали Петръ, Матѳіей и Александръ. Когда онъ увидѣлъ ихъ, то они привѣтствовали его съ большою радостію. Тогда Петръ говоритъ ему: «Братъ Андрей! Посѣялъ ли ты слово истины въ странѣ челоуѣкоядцевъ, или нѣтъ?» Отвѣчаетъ ему Андрей: «Во истину, отецъ мой Петръ, твоими молитвами. Но много зла сдѣлали мнѣ люди этого города: ибо волочили меня на площади люди этого города въ продолженіе трехъ дней, такъ что моя кровь обагрила всю площадь». Говоритъ ему Петръ: «Мужайся во Господѣ, братъ Андрей, и теперь отдохни отъ труда твоего. Ибо если добрый земледѣлецъ трудомъ своимъ воздѣлаетъ землю, и она приноситъ плодъ, то трудъ его тотчасъ превратится въ радость. Если жъ онъ потрудится, а земля его не принесетъ плода, то онъ часто имѣетъ двойной трудъ». Когда онъ это говорилъ, то ⁷¹ явился имъ Господь Иисусъ Христосъ во образѣ отрочати и рекъ

1) <Acta apostol. apocrypha, ed. Lipsius et Bonnet, II, 1 p. 117 sq.>

имъ: «Радуйся, Петръ, епископъ всей церкви моей! Радуйся, Андрей! Мужайтесь и боритесь сверхъ челоѣчества, сонаслѣдники мои. Во истину глаголю вамъ: вы подвергаетесь трудамъ сверхъ челоѣчества въ мірѣ семъ, но дерзайте: я успокою васъ въ первый часъ отдохновенія въ царствѣ Отца моего. Итакъ, возставъ, идите въ градъ варварскій и проповѣдайте въ немъ; и я съ вами буду въ чудесахъ, бываемыхъ въ немъ чрезъ посредство рукъ вашихъ». И цѣловавъ ихъ, Господь восшелъ на небо.

Петръ же и Андрей, Александръ и Руфъ и Матѣй пошли во градъ варварскій. Когда они приблизились ко граду, Андрей сказалъ Петру: «Отче Петръ, имѣемъ ли мы снова подвергнуться мукамъ въ городѣ этомъ, какъ и въ странѣ челоѣкоядцевъ?» Говоритъ ему Петръ: «Не знаю. Но вотъ предъ нами старецъ, сѣющій на полѣ своемъ. Если мы поспѣшимъ къ нему и скажемъ ему: дай намъ хлѣба, и если онъ дастъ намъ хлѣба, то мы уразумѣемъ, что не подвергнемся мукамъ въ городѣ этомъ. Если же скажетъ намъ, что не имѣетъ хлѣба, то изъ этого узнаемъ, что опять ожидаетъ насъ мученіе». Когда они приблизились къ старцу, то говоритъ ему Петръ: «Радуйся, земледѣлец!» Земледѣлецъ отвѣчаетъ имъ: «Радуйтесь и вы, купцы». Говоритъ ему Петръ: «Есть ли у тебя хлѣбъ, чтобы ты могъ снабдить имъ сихъ отроковъ? такъ какъ мы дошли до крайности» (ὁστέρηθημεν). Отвѣчаетъ имъ старецъ: «Подождите немного и присмотрите за волами и раломъ и нивой, а я пойду въ городъ и принесу вамъ хлѣбы». Говоритъ ему Петръ: «Если ты окажешь намъ страннопріимство, то мы присмотримъ за волами и нивою». Старецъ отвѣчаетъ: «Да!» Говоритъ ему Петръ: «А волы ваши ли? Старецъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, но мы наняли ихъ». Говоритъ ему Петръ: «Иди въ городъ». И пошелъ старецъ въ городъ. И возставъ, Петръ препоясалъ одежду свою и срачицу и говоритъ Андрею: «Не приличествуетъ намъ покоиться и быть праздными, когда старецъ ради насъ трудится, оставивъ дѣло свое». Тогда Петръ, взявшись за рало, началъ сѣять жито. Андрей же былъ позади воловъ и говоритъ Петру: «Отче Петръ! зачѣмъ и ты трудишься, когда мы здѣсь». Тогда Андрей, взявши у Петра рало, сталъ сѣять говоря...

(Здѣсь слѣдуетъ пропускъ въ греческомъ текстѣ¹⁾, восполняемый русскою редакціей хожденія, которая и слѣдуетъ):

И рече къ Петру: «Брате, что трудъ возлагаеши? Ты бо еси пастырь и отецъ всѣмъ намъ, то ли ты трудитися хочещи?». И 72
пріимъ Петръ пшеницу и благослови ю и сѣяше на селѣ старче. Руфъ же и Александръ и Матѣи бѣша одесную воловъ жожаху, и благословиша и рѣша: «Приди роса небесная благая, и вѣи вѣтръ добрый, и облакъ да оброситъ, и да придуть и почиють на нивѣ сей». И абіе по словесѣхъ сихъ скоро сѣянная нива прозябе, и бысть исполнена съ класемъ. И пришедъ старецъ съ хлѣбы и видѣ ниву возрастшу. И положи хлѣбы, скоро паде къ ногама ихъ и рече: «Владыки, бози вы есте?». И рече ему Петръ: «Возстани, человекче. Мы нѣсмь бози, но посланники есмы Божіи. Избра насъ Богъ и дарова намъ ученія благая, да научимъ человекѣ. Аще кто приметъ ученіе, смерти избудеть (и) жизнь вѣчную получить во царствіи небеснемъ. Аще хочещи и ты быти причастникъ Божій, а нашъ другъ, то шедъ накажи жену свою и дѣти своя въ заповѣдехъ Божіихъ пребывати, — и внидеши во царствіе Божіе». И рече имъ старецъ: «Аще вся сія соблюду, могу ли азъ таковая чюдеса творити, яко же вы творите на нивѣ моей?». И рече Петръ: «Право глаголю тебѣ: аще соблюдеши вся сія, и сотвориши, еже хочещи». И рече старецъ: «Азъ печали не имамъ о сихъ чудесѣхъ. Но оставляю вся сія и пойду по васъ, аможе вы идѣте». И рече ему Петръ: «Не тако есть, но шедъ дай волы у кого взялъ еси, и возвѣсти женѣ своей и дѣтемъ, яже видѣвъ и разумѣвъ благодать Божію въ насъ, и устрои домъ свой; мы же шедъ почиємъ въ дому твоємъ, да почивъ и идемъ во градъ». Тогда старецъ, пріимъ снопъ нивы тоя и обѣси на рамѣ своемъ и поимъ волы, поиде во градъ, апостоли же поидоша въ домъ его. И видѣша гражене носяща снопъ и глаголаша ко старцу: «Откуда обрѣте нынѣ снопъ класенъ, скажи намъ, — яко и нѣсть нынѣ время жатвѣ». Онъ же не отвѣща имъ ничтоже, подвизашеся борзо въ домъ свой и тщашеся на устроеніе дому своего апостоломъ Христовымъ: того ради не отвѣще-

1) <Т. е., въ текстѣ Оксфордскаго кодекса, изданномъ у Тишендорфа; полный греч. текстъ изъ Ватиканскаго кодекса издалъ Бонне, op. cit. p. 119, 12 sqq.>

ваше ни ко единому ихъ. И няша его твердо и бѣдоша ко старѣйшинамъ града того. Они же видѣша чудо и удивишася, и рече: «Гдѣ еси взялъ?» Онъ же не хотя имъ повѣдати. Они же претяху ему глаголюще: «Аще не повѣси право, то злою смертію умрети имаши, гдѣ еси обрѣлъ снопъ класень не во время жатвѣ». Онъ же рече имъ: «Азъ не убоюся смерти вашей; азъ бо во истинну обрѣтохъ благодать. Да аще хотите разумѣти истинну отъ мене, приведу къ вамъ пришедшая ко мнѣ чловѣки. Яко быша на нивѣ моей, и азъ орахъ, они же пришедше со страны и просиша у мене
73 хлѣба. Азъ же имъ рѣкохъ: поблюдите рала моего и волу; азъ шедъ во градъ и принесу вамъ. И яко азъ придохъ на ниву мою и принесохъ имъ хлѣбъ, и обрѣтохъ пшеницу созрѣвшу, и бысть класъ. Азъ же то видѣхъ чудо и молихся имъ, дабы почили въ дому моемъ. И аще хотите ихъ видѣти, пождите ту, они бо почиваютъ въ дому моемъ, и азъ приведу ихъ къ вамъ». И тако отиде отъ нихъ. И приде дьяволъ всѣя въ сердца старѣйшинамъ, и собращася вси, глаголюще другъ ко другу: «О горѣ намъ! сіи чловѣцы отъ Галилеянъ суть и оскверняютъ чловѣцы; отъ ереси Назарянина суть, и разлучаютъ мужа отъ жены, а жены отъ мужей. Да бы не вошли въ градъ нашъ!» Ини же глаголаху: «Токмо пять мужей; да шедъ убьемъ ихъ». Ини глаголаху: «Мы слышахомъ, имѣютъ учителя глаголемаго Исуса, и чтѣ хотятъ, то и творятъ, и его же просятъ, и послушають ихъ. И егда прогнѣваемъ я, то погубятъ градъ нашъ безъ останка, или потопись наведутъ на градъ нашъ. И чтѣ сотворимъ чловѣкомъ симъ?» Единъ же отъ нихъ исполнися ереси и рече имъ: «Аще хотите, послушайте мене; и не дадимъ влѣсти имъ во градъ нашъ». Они же глаголаша ему: «Чтѣ имаши сотворити?» Онъ же рече имъ: «Слышите очловѣцѣхъ сихъ, яко ненавидятъ женска полу: да послушайте мене, обрящете блудницу добрѣйшу паче всѣхъ, и ту поставимъ посредѣ вратъ градныхъ нагу, и украсимъ ю бисеромъ и помажемъ главу ея мастію. Они же воззрѣвше на ню и погибнутъ и не внидутъ во градъ нашъ». Они же скоро обрѣтоша жену любодѣйцу и сняша съ нея одежду, и украсиша ю златомъ и бисеромъ, яко научени быша, и поставиша ю посредѣ вратъ градныхъ, удуже хотяще внити апостоли. И приближишася ко вратомъ апостоли, и увѣдяша жену нагу и разумѣвше духомъ

святѣмъ. И рече Андрей: «Видите ли, братія, како вниде сотона въ сердце женѣ сей, да хошетъ насъ искусити? И повелите ми, да пожню ея вашими молитвами». И рече ему Петръ: «Имѣши власть на ней, твори еже хощеша». И ста Андрей глаголя: «Господи Иисусе Христе! Пустя Михаила архистратига, да обисить жену сію за власы на аерѣ, дондеже внидемъ во градъ си, и проповѣдаемъ слово Божіе; и егда изыдемъ изъ града, и да снидеть со аера». И абіе по словесѣхъ сихъ восхити ю ангель и повѣси за власы. И увидѣша гражене то чюдо и удившася глаголюще: «Оле видѣхомъ чюдо велико». Тогда возопи гласомъ великимъ глаголюще: «Да не имуть покоя князи града сего, яко предаша мя на муку сію, азъ бѣхъ недостойна со всѣмъ градомъ симъ видѣти апостоля Христовыхъ, входящихъ во градъ сей. Отпущаю (?) грѣхи вѣрующимъ въ ня. Да изыдутъ ношю изъ града сего, яже мы обрѣтохся живущей блудно, въ пагубѣ азъ отъ днешняго дне. Апостоли Господни, помолитесь о мнѣ, да избуду отъ страсти сія, се бо апостоли Христови многихъ свобожаете отъ страстей, и всякъ недугъ и всяку язву исцѣляете въ людѣхъ. Молитесь о мнѣ и свободите мя отъ многихъ грѣховъ, да отбѣжу отъ тмы прелести и похоти діаволя и приду въ дивный его свѣтъ...»

(Еще слѣдуетъ нѣсколько строкъ, очень дурно переведенныхъ, и затѣмъ русская редакція прерывается; мы возвращаемся къ греческому тексту).

Тогда многіе изъ народа увѣровали во Христа ради слова жены той и, припадая къ ногамъ апостоловъ, поклонялись имъ. Они же возлагали руки на нихъ и больныхъ въ городѣ исцѣляли, слѣпымъ же подавали зрѣніе, глухимъ слышаніе, демоновъ изгоняли. Весь народъ славилъ Отца и Сына и Святаго Духа.

Быль же въ городѣ одинъ богачъ по имени Онисифоръ. Увидѣвъ знаменія, бываемыя чрезъ апостоловъ, онъ говоритъ имъ: «Если я увѣрую въ Бога вашего, то получу ли я силу сотворить знаменіе, какъ вы?» Отвѣчаетъ ему Андрей: «Если отречешься отъ всего имѣнія твоего и отъ жены своей и отъ дѣтей своихъ, какъ и мы отречлися, тогда и ты будешь творить знаменія». Услышавъ это, Онисифоръ исполнился ярости и, взявъ свой поясъ (λέντιον = linteam, περίωμια), бросилъ его на шею Андрея и сталъ

бить его, говоря: «Ты—чародѣй (магъ), какъ ты заставляешь меня оставить жену мою, дѣтей и имѣніе?» Тогда Петръ, обратившись и видя, что онъ бьетъ Андрея, говоритъ ему: «Человѣкъ, перестань бить Андрея!» Говоритъ ему Онисифоръ: «Вижу, что ты разумнѣе его. Итакъ, скажи мнѣ, долженъ ли я оставить жену мою, дѣтей и имущество: что ты на это скажешь?» Отвѣчаетъ ему Петръ: «Одно слово рѣку тебѣ: удобнѣе есть верблюду войти чрезъ иглиныя уши, чѣмъ богатому войти въ царствіе Божіе». Услышавъ это, Онисифоръ еще болѣе исполнился гнѣва и ярости и, взявъ поясъ съ выи Андрея, набросилъ на выю Петра и такимъ образомъ волочилъ его, говоря: «Во истину ты великій волшебникъ (μάγος), болѣе того; ибо не входитъ верблюдъ сквозъ отверстіе иглы. Если же ты покажешь мнѣ это чѣдо, то я увѣрю въ Бога вашего, и не только я, но и весь городъ; если же нѣтъ, то сильно будешь наказанъ посреди города». Услышавъ это Петръ очень опечалился и потомъ, вставъ и воздѣвъ руки къ небу, молился говоря: «Владыко Господи Боже нашъ! Услышь меня въ часъ сей; (иначе) они уловятъ насъ на словахъ твоихъ. Ибо ни пророкъ, ни патріархъ не глаголали, возвѣщая объясненіе ихъ, дабы мы узнали это толкованіе; они же теперь требуютъ отъ насъ сего толкованія съ дерзновеніемъ. Итакъ, ты, Господи, не презри насъ, ибо ты еси воспѣваемый отъ херувимовъ».

Когда онъ сказалъ это, явился Спаситель, въ образѣ отрочати двѣнадцатилѣтняго, нося на себѣ полотняную бѣлую одежду (ἁθύμιον), и рекъ имъ: «Дерзайте и не бойтесь, избранные мои ученики, ибо я съ вами есмь всегда. Пусть будетъ принесена игла и (приведенъ) верблюдъ». И, сказавъ это, вознесся на небеса. Былъ въ этомъ городѣ одинъ торговецъ (πανταπώλης), увѣровавшій въ Господа чрезъ апостола Филиппа. Услышавъ это, онъ побѣжалъ и сталъ искать иглы, имѣющей большое отверстіе, желая сдѣлать угодное апостоламъ. Узнавъ это, Петръ говоритъ: «Сынъ, не ищи большой иглы; ибо не изнеможетъ у Бога всякъ глаголь. Но лучше принеси намъ тонкую иглу». Когда жъ игла была принесена, и вся толпа городская собралась на зрѣлище, Петръ взглянувъ увидѣлъ идущаго верблюда и сказалъ, чтобы подвели его. Тогда онъ утвердилъ иглу въ землю и воскликнулъ громкимъ голосомъ:

«Во имя Иисуса Христа, распятаго при Понтіи Пилатѣ, повелѣваю тебѣ, верблюдь, пройти черезъ иглиныя уши». Тогда отверстіе иглы отворилось на подобіе воротъ, и верблюдь прошелъ черезъ оное, и весь народъ видѣлъ это. Говорить опять Петръ верблюду: «Войди опять черезъ иглу». И вошелъ верблюдь во второй разъ. Онисифоръ, увидѣвъ это, говоритъ Петру: «По истинѣ, ты великій волшебникъ; и я не повѣрю, если не пошлю самъ и принесу иглу и (приведу) верблюда». И, призвавъ одного изъ отроковъ своихъ, говоритъ ему тайно: «Иди и доставь мнѣ сюда верблюда и иглу. Найди также жену оскверненную и, принудивъ ее, приведи сюда; ибо люди эти суть волшебники». Но Петръ, духомъ своимъ узнавъ тайну, говоритъ Онисифору: «Пошли, приведи верблюда и женщину, и принеси иглу». Когда жъ это было исполнено, то Петръ, взявъ иглу, укрѣпилъ ее въ землю; а женщина сидѣла на верблюдѣ. Тогда говоритъ Петръ: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа распятаго повелѣваю тебѣ, верблюдь, чтобы ты вошелъ черезъ эту иглу». Тотчасъ отверзлось отверстіе иглы и сдѣлалось какъ ворота, и вошелъ черезъ него верблюдь. И говоритъ Петръ верблюду: «Войди опять черезъ него, дабы всѣ видѣли славу Господа нашего Иисуса Христа, и да увѣруютъ въ него нѣкоторые». Тогда верблюдь снова вошелъ черезъ иглу. Онисифоръ, увидѣвъ это, воскликнулъ, говоря: «Во истину, великъ Богъ Петра и Андрея, и я отнынѣ вѣрую во имя Господа нашего 76 Иисуса Христа. Итакъ, послушай нынѣ рѣчей моихъ, Петръ. Я имѣю нивы, виноградники и поля; имѣю двадцать-семь литръ золота и пятьдесятъ литръ серебра; имѣю также многихъ рабовъ. Отдаю бѣднымъ все, что есть у меня, только чтобы и я могъ сотворить чудо, какъ и вы». Петръ же опечалился, какъ бы силы не оказались для него не дѣйственными, такъ какъ онъ не принялъ еще печати во Христѣ. Когда онъ объ этомъ размышлялъ, голосъ съ неба говоритъ ему: «Повелѣваю тебѣ, сдѣлай ему что онъ хочетъ, и я исполню его желаніе». Говорить ему Петръ: «Иди, сынъ, сотвори, какъ и мѣ»... Онисифоръ подошелъ и сталъ предъ верблюдомъ и иглой и сказалъ: «Во имя...»

На этомъ кончается¹⁾ отрывокъ изъ дѣяній апостоловъ Петра

1) <Ho ср. Acta apost. apocr. ed. Lipsius et Bonnet, II, 1, p. 126 sq.>

и Андрея во градѣ варварскомъ. Дальнѣйшія приключенія апостоловъ въ варварской странѣ остаются для насъ совершенно неизвѣстными. Мы знаемъ только, что городѣ варвавовъ не былъ послѣднею гранью путешествія апостола Андрея въ далекихъ фантастическихъ странахъ, гдѣ жили челоуѣкоядцы и варвары. Изъ коптскихъ отрывковъ «Дѣяній Варѣоломея», изданныхъ Цоегой и перепечатанныхъ Тишendorфомъ¹⁾, мы знакомимся съ новымъ театромъ хожденій Андрея и его странниковъ.

3. Хожденіе въ страну Хазареновъ.

«Господь, явившись Варѣоломею, повелѣваетъ ему идти къ Пароянамъ, расположеннымъ къ сѣверу отъ Македановъ или Хазареновъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ приходитъ къ Андрею и повелѣваетъ ему, чтобъ онъ изъ земли Варвавовъ направился къ Казаренамъ, отстоящимъ на сорокъ дней пути, и оттуда отправился съ Варѣоломеемъ къ Пароянамъ и Еламитамъ, и между прочимъ сказалъ: «Я пошлю вамъ челоуѣка изъ земли Кинокефаловъ (собачьихъ головъ), у котораго голова песья, и при его посредствѣ увѣрюютъ въ меня».

Изъ другаго (втораго) сборника: «Андрей съ учениками Руфомъ и Александромъ отправляется изъ города Варварскаго въ область Кадареновъ (sic) и приходитъ къ морю, гдѣ на берегу является ему китъ, поглотившій нѣкогда Иону; онъ поглощаетъ его вмѣстѣ съ его учениками и, скрывъ въ утробѣ своей въ продолженіе трехъ дней, переноситъ къ берегу Кадареновъ изъ области города Рохонъ» (Rochon).

Изъ перваго сборника: «Андрей, высаженный на берегу Кадареновъ близъ города Іериха (Jericho, то есть, Рохонъ по дру-
77 гому списку), полагаетъ, что онъ еще находится въ землѣ Варвавовъ, пока не узналъ точнѣе о положеніи мѣстѣ съ прибытіемъ Варѣоломея, направляющагося въ Македанъ изъ Іериха, гдѣ онъ проповѣдывалъ евангеліе».

Изъ втораго кодекса: «Андрей и Варѣоломей изгоняютъ идоловъ изъ города, которымъ правилъ проконсулъ Галліонъ, и,

1) <Аpostalypses аpostolyphae, p. XLIX sq.>

трижды брошенные въ огонь, выходятъ невредимыми. Послѣ того они разсѣкаются посредствомъ пилъ, и послѣ сожженія раздробленныхъ частей пепель ихъ повергается въ море, гдѣ онъ поглощается китами; послѣ того идолы возвращаются въ городъ. По истеченіи трехъ дней Богъ заставляетъ кита, чтобъ онъ изрыгнулъ апостоловъ».

Изъ втораго сборника въ концѣ: «Когда народъ сидѣлъ въ театрѣ, кинокефаль, названный христіаниномъ, пожираетъ двухъ львовъ и наводитъ на всѣхъ такой ужасъ, что они начинаютъ бѣжать изъ города; но тѣ же апостолы окружаютъ городъ огненною стѣною, чтобы никто не могъ выйти. Тогда тѣснимые и кинокефаломъ, и огнемъ, жители съ мольбами обращаются къ апостоламъ, по повелѣнію которыхъ кинокефаль обращается въ отрока смиреннѣйшаго нрава. Варооломей даетъ ему имя Пистось (Вѣрный), обѣщая ему небесное царство и безсмертную славу, ибо при помощи его этотъ народъ былъ обращенъ къ вѣрѣ,—и держитъ рѣчь къ народу, что они спасутся, если, оставивъ идоловъ, исповѣдуютъ Святую Троицу. Тотчасъ весь народъ принимаетъ вѣру къ негодованію жрецовъ идольскихъ».

4. Мученіе Апостола Андрея въ Ахаіи.

Если существовало особое сказаніе о томъ, что апостоль Андрей совершилъ на пути отъ Понта въ Ахаію, изложенное въ формѣ разсказа его учениковъ, то отъ него не дошло до насъ никакихъ остатковъ. Впрочемъ можетъ быть, что страны, лежавшія на пути отъ Чернаго моря въ Грецію, были тѣ самыя области анеропофаговъ и другихъ свирѣпыхъ или чудовищныхъ людей, о которыхъ идетъ рѣчь въ сохранившихся отрывкахъ Андреевой саги, и что именно приключенія въ этихъ областяхъ были описаны очевидцами, тогда какъ въ другихъ отдѣлахъ разсказъ былъ веденъ отъ имени самого апостола. Только въ послѣдней части хожденій Андрея, именно въ сказаніи объ его мученической смерти въ Ахаіи ¹⁾, сохранилась та форма, которая первоначально

1) <Acta apost. apocr. ed. Lipsius et Bonnet, II, 1, p. 1 sqq.>

78 существовала въ сочиненіяхъ Леуція Харива. Это сказаніе носитъ такія надписанія, которыя прямо указываютъ на принадлежность его къ болѣе обширному цѣлому. Въ надписаніяхъ говорится о «Дѣянiяхъ» и смерти апостола Андрея, или о «Хожденiяхъ и мученiи» апостола Андрея, а въ самомъ сказанiи мы читаемъ только о послѣдней его судьбѣ или о концинѣ въ Патрахъ Ахейскихъ. Притомъ даже въ границахъ теперешняго содержанiя, обнимающаго одну Ахаію, настоящая редакція апокрифа все-таки многое оставляетъ недостаточно мотивированнымъ и темнымъ, то есть, указываетъ на очевидные пробѣлы, особенно въ началѣ.

Пресвитеры и діаконы церквей Ахаіи, обращенные къ истинной вѣрѣ апостоломъ Андреемъ, въ формѣ окружнаго посланiя ко всѣмъ церквамъ Христовымъ на востокѣ, западѣ, сѣверѣ и югѣ пишутъ о томъ, что они видѣли собственными глазами: Проконсулъ Ахаіи Егеатъ (Αἰγεάτης), вошедши въ городъ Патры, сталъ принуждать вѣрующихъ къ идолослуженiю. Апостоль Андрей, увидѣвъ это, явился къ нему съ обличенiемъ и проповѣдью. Долгая бесѣда апостола съ проконсуломъ кончилась тѣмъ, что послѣдній приказалъ заключить Андрея въ темницу. Но это вызвало волненiе во всей провинціи; народная толпа, собравшаяся со всѣхъ сторонъ, грозила проконсулу убійствомъ и пыталась освободить апостола, выломавъ двери его темницы. Апостоль умирилъ возстанiе, напомнивъ народу о христіанскомъ долготерпѣнiи, тишинѣ и покорности и о маловажности земнаго страданiя въ сравненiи съ вѣчнымъ. На другое утро Егеатъ снова приказалъ привести къ себѣ Андрея и уже съ своей стороны старался склонить его къ перемѣнѣ вѣры, такъ какъ его примѣръ долженъ былъ несомнѣнно подѣйствовать на обольщенный имъ народъ и повести къ возстановленiю поклоненiя идоламъ. «Не оставалось ни одного города въ Ахаіи, въ которомъ храмы не были бы покинуты и не запустѣли», жаловался проконсулъ. Отвѣтъ на безумное приглашенiе, сопровождаемое разными приманками и обѣщанiями дружбы и почестей, былъ таковъ, какого и слѣдовало ожидать. Раздраженный проконсулъ подвергнулъ апостола пыткамъ и разнымъ истязанiямъ, а когда это не подѣйствовало, сталъ грозить распятiемъ на крестѣ и потомъ дѣйствительно привелъ угрозу

въ исполненіе. Приведенный къ орудію казни, Андрей обратился къ кресту съ восторженнымъ привѣтствіемъ, снялъ съ себя одежду, раздѣлилъ ее между братіей вѣрующихъ и пригласилъ палачей исполнить ихъ дѣло. Согласно съ приказаніемъ, полученнымъ отъ проконсула, палачи не пригвоздили къ кресту рукъ и ногъ апостола, а только привязали ихъ веревками, потому что Егеатъ хотѣлъ, чтобы послѣ долгихъ мученій тѣло еще живаго апостола было растерзано псами.

Вися на крестѣ, Андрей улыбнулся, и это замѣтилъ Стратоклъ, находившійся среди двадцатитысячной толпы вѣрующихъ, бывшихъ зрителями казни. Нужно сказать, что выше не было никакого упоминанія о Стратоклѣ, и только послѣ узнаемъ мы, что это былъ братъ проконсула, обращенный Андреемъ къ вѣрѣ во Христа. Теперь онъ спросилъ своего учителя о причинѣ его улыбки и получилъ въ отвѣтъ, что причина ея была мысль о тщетѣ усилій Егеата... Затѣмъ послѣдовала бесѣда съ окружающимъ народомъ, и она продолжалась въ теченіе трехъ сутокъ, при чемъ никто изъ вѣрующихъ не думалъ уходить. На четвертый день народъ снова возмутился и, явившись къ проконсулу, требовалъ освобожденія праведнаго мужа, неправильно осужденнаго на казнь. Егеатъ сначала упорствовалъ, но грозный видъ двадцатитысячной толпы, готовой перейти къ насилию, испугалъ его, и онъ далъ обѣщаніе исполнить волю народную, даже самъ отправился ко кресту съ этою цѣлію. Апостоль былъ предупрежденъ о приближеніи Егеата и о его намѣреніи. Жены, находившіяся около креста, въ числѣ коихъ была и Максимила, опять выше не упомянутая, возрадовались; но апостоль обратился къ пришедшему проконсулу съ воззваніемъ, что онъ пришелъ напрасно и не можетъ освободить того, кто уже давно свободенъ. Палачи, а за ними и вѣрующіе, пытались снять его со креста, но не могли этого сдѣлать, потому что руки ихъ были поражены безсиліемъ. Вслѣдъ затѣмъ апостоль обратился къ Богу съ молитвой о дарованіи ему кончины, такъ какъ пришло время тому. Возблисталъ свѣтъ, какъ будто молнія, и это продолжалось въ теченіе получаса, пока апостоль не испустилъ духа. Послѣ кончины апостола Максимила при помощи Стратокла сняла тѣло апостола и ночью предала его погребенію въ собственной гроб-

ницѣ и съ великою честію. «Она была въ разводѣ съ Егеатомъ ради его звѣрскаго нрава и незаконнаго поведенія; избравъ жизнь честную и спокойную, она прилѣпилась къ любви Христовой и блаженно проводила жизнь съ братіей».

Егеать старался отклонить ее отъ этого обѣщаніями отдать въ ея власть все свое имущество, но когда это не произвело дѣйствія, то задумалъ принести цезарю жалобу на нее и на весь народъ. Но прежде чѣмъ онъ исполнилъ свое намѣреніе, онъ погибъ жалкимъ образомъ, низвергнутый съ высокаго мѣста диаволомъ. Братъ его, Стратокль, велѣлъ похоронить его вмѣстѣ съ самоубійцами и ничего не захотѣлъ взять изъ оставшагося наслѣдства.

Изъ вышеупомянутаго мѣста въ сочиненіи Еводія «О вѣрѣ» противъ Манихеевъ¹⁾, а также на этотъ разъ изъ псевдо-Авдія, мы отчасти можемъ судить о томъ, что именно опущено изъ первоначальной редакціи сказанія, которое мы представили въ краткомъ, но точномъ извлеченіи. Мы приводимъ слова Еводія, а потомъ отрывокъ изъ Авдія въ подлинномъ, латинскомъ текстѣ:

«Adtendite in actibus Leuci, quos sub nomine apostolorum scribit, qualia sint quae accipitis de Maximilla uxore Egetis. quae cum nollet marito debitum reddere, cum apostolus dixerit: uxori uir debitum reddat, similiter et uxor uiro, illa subposuerit marito suo ancillam suam, Eucliam nomine, exornans eam, sicut ibi scriptum est, adversariis lenociniis et fucationibus et eam nocte pro se uicariam subponens, ut ille nesciens cum ea tamquam cum uxore concumberet. ibi etiam scriptum est, quod cum eadem Maximilla et Iphidamia simul issent ad audiendum apostolum Andream, puerulus quidam speciosus, quem uult Leucius uel deum uel certe angelum intellegi, commendauerit eas Andreae apostolo et perrexit ad praetorium Egetis et ingressus cubiculum eorum finxerit uocem muliebrem quasi Maximillae murmurantis de doloribus sexus feminei et Iphidamiae respondentis. quae colloquia cum audisset Egetes, credens eas ibi esse, discesserat.»

Небольшой, приводимый ниже отрывокъ изъ Авдія Вавилон-

1) <De fide contra Manich. (Corp. Vindob. vol. XXV), cap. 38, p. 968, 24 sqq.>

скаго относится къ началу дѣятельности апостола въ Ахаіи: «Interea dum haec fierent apud Patras, contigit ut abeunte Proconsule in Macedoniam, Maximilla uxor verbis salutaribus instructa, in tantum beato apostolo adhaereret, ut reversus Praeses parum abfuerit, quin uxorem et magnam insuper hominum multitudinem in praetorio cum apostolo audientes verbum salutis invenisset. Quod praesentiens beatus apostolus flexit genibus, ne patiaris, inquit, Domine, ingredi proconsulem in hunc locum donec omnes egrediantur exinde. Quod cum fecisset, antequam Proconsul praetorium fuisset ingressus, accidit illi voluntas purgandi ventris: cumque secessum petisset et moras innecteret, s. apostolus singulis manus imponens et consignans cruce, eos abire permissit, novissime autem se signans et ipse discessit. Maximilla autem jam et antea et post illa tempora saepe domum, ubi apostolus morabatur, cum aliis christianis ingrediebatur et verbum Domini audiebat. Qua ex re factum est, ut rarius marito suo commisce-retur. Quod ille aegre ferens et caussam in apostolum conjiciens, Andream accersit...»

Далѣ совершенно сходно съ апокрифомъ.

81

Нужно прибавить, что и позднѣйшія повѣствованія о смерти апостола Андрея не только во всемъ главномъ согласны съ апокрифическимъ сказаніемъ, но даже часто обнаруживаютъ подробности, которыя въ немъ первоначально должны были непременно стоять на своемъ мѣстѣ, и только послѣ, въ нашей редакціи сказанія, изгладились. О Максимиллѣ, напримѣръ, большею частію прямо говорится, что она, послѣ своего обращенія Андреемъ, отказалась раздѣлять брачное ложе со своимъ супругомъ Егеатомъ, и что это именно было прямою причиною гоненія со стороны послѣдняго: черта, которая, какъ извѣстно, носитъ еще слѣдъ гностической тенденціи.

Что касается Матеѳа, который былъ виною путешествія апостола Андрея во градъ челоукоядцевъ, то послѣдняя судьба его разсказана въ особомъ апокрифѣ, носящемъ заглавіе «Дѣяніе и мученичество св. Матеѳа апостола» ¹⁾: такъ значитъ во всѣхъ изданіяхъ и въ рукописяхъ, хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что

1) «Acta apost. apocr. ed. Lipsius et Bonnet, II, 1, p. 217 sqq.»

рѣчь идетъ о томъ же самомъ лицѣ, которое въ другомъ хожденіи называлось Матѳеємъ. Для насъ важно здѣсь только начало. Когда св. апостолъ и евангелистъ находился въ уединеніи на горѣ, ему явился Христосъ и сказалъ ему: «Нынѣ, Матѳѣй, возьми этотъ жезлъ мой, сойди съ горы и ступай въ Мирну (Μίρνην), городъ челоуѣкоядцевъ, и посади его (то есть, жезлъ) въ землю у преддверія той церкви, которую основали ты и Андрей: какъ скоро ты его посадишь, онъ превратится въ большое и высокое дерево, и растянутся вѣтви его на 30 локтей, и плодъ каждой вѣтви будетъ отличенъ отъ другихъ на видъ и на вкусъ, и съ вершины дерева будетъ стекать медъ во многомъ количествѣ, а отъ корня его выйдетъ большой источникъ, наполющій окрестную страну, и въ немъ будутъ мыться аноропофаги и вкушать отъ плода деревьевъ виноградъ и медъ, и измѣнятся тѣла ихъ, и видъ ихъ превратится въ такой, какъ у другихъ людей, и устыдятся наготы тѣлъ своихъ, и одѣнутся въ одежды отъ ягнятъ овечьихъ (ἀπὸ τῶν κριῶν τῶν προβάτων), и уже не будутъ ѣсть всякую нечистоту». Когда апостолъ Матѳѣй пришелъ во градъ челоуѣкоядцевъ, то ему на встрѣчу вышли епископъ Платонъ, поставленный, очевидно, ранѣе апостоломъ Андреемъ, и духовенство (клиръ). Матѳѣй исполнилъ повелѣніе Господа относительно жезла и сталъ крестить обращающихся. Онъ крестилъ жену царя, по имени Фулвану, и его сына, называемаго Фулваномъ, въ водѣ источника, изшедшаго изъ-подъ корня того чудеснаго древа, которое выросло изъ посаженнаго въ землю жезла. Царь, тоже по имени Фулванъ, былъ раздраженъ собственно не крещеніемъ своей жены и родныхъ, а тѣмъ, что они послѣ того сдѣлались неразлучны съ Матѳеємъ.—Опускаемъ дальнѣйшія подробности и замѣтимъ только, что апостолъ Матѳѣй скончался вслѣдствіе мученій въ этой самой странѣ челоуѣкоядческой.

III.

157 Позднѣйшія сказанія объ апостолѣ Андрѣѣ, явившіяся въ средѣ православныхъ церковныхъ писателей, при несомнѣнномъ родственномъ отношеніи различныхъ житій и похвалъ къ источникамъ апокрифическимъ, имѣютъ характеръ, однако, совершенно

ной, и самыя задачи ихъ измѣняются. Главный интересъ опять, какъ въ каталогахъ, становится историческимъ или географическимъ. Авторы апокрифовъ фантастическою оболочкою разсказа облекали извѣстныя религіозныя идеи, стараясь сдѣлать ихъ болѣе привлекательными и популярными; не смотря на всѣ передѣлки и очищенія, слѣды гностическихъ ученій и догматовъ и до сихъ поръ остаются въ памятникахъ этого рода. Для церковныхъ позднѣйшихъ писателей наиболѣе важное значеніе имѣли предполагаемые факты первоначальной христіанской исторіи, вопросы о томъ, въ какихъ именно странахъ и какимъ народамъ проповѣдывали апостолы Христа. При рѣшеніи этихъ вопросовъ они не имѣли нужды отвергать, что апостолы дѣйствительно проповѣдывали въ тѣхъ странахъ, на которыя такъ или иначе указывалось въ сочиненіяхъ, хотя и еретическихъ, но за то идущихъ изъ самой глубокой древности,—тѣмъ болѣе, что каноническая книга Дѣяній, говоря преимущественно о двухъ апостолахъ, пробуждала любознательность относительно другихъ, но не давала средствъ къ ея удовлетворенію. Мы знаемъ, что пріемъ для пользованія гностическими актами выработанъ и указанъ былъ еще въ самой глубокой древности; еретическія мнѣнія должны считаться искаженіемъ и прибавкой, а сообщаемые факты 158 вѣрными, исключая, впрочемъ, тѣ, которые казались слишкомъ уродливыми или странными. На основаніи такого воззрѣнія подлежала измѣненію и сказочная географія апостольскихъ хожденій, что сдѣлать было не трудно. Не смотря на всю фантастическую обстановку, въ хожденіяхъ все-таки проглядываетъ намѣреніе локализовать театръ событій въ мѣстахъ, не чуждыхъ современному географическому представленіямъ. Анеропофаги были хорошо извѣстны со временъ Геродота; Плиній, Мела, Солинь, Аммианъ Марцелинъ, затѣмъ Адамъ Бременскій продолжали разсказывать объ этихъ жителяхъ Европейской Скандинавіи, что они питаются человѣческимъ мясомъ. Страна варваровъ первоначально носила, быть можетъ, какое-нибудь другое, болѣе специальное названіе и во всякомъ случаѣ находилась по сосѣдству съ анеропофагами. Изъ коптскихъ отрывковъ мы узнаемъ, что въ хожденіи Андрея говорилось не только о странѣ Казареновъ или Кадареновъ, но и о людяхъ съ песьими головами. Ки-

вокефалы, которые имѣли голову на груди и вмѣсто человѣческаго голоса лаяли по собачьи, позднѣе считались обитателями страны, сосѣдней съ Русью; по свидѣтельству Адама Бременскаго ихъ часто приводили въ Россію въ видѣ плѣнниковъ; другіе, впрочемъ, находили ихъ въ Африкѣ. Еще Тацитъ зналъ о Геллузіяхъ и Оксіонахъ, которые имѣли лица человѣческія, а тѣла дикихъ звѣрей и обитали гдѣ-то на сѣверѣ, по сосѣдству съ Сарматами и Финнами. По одному позднѣйшему объясненію, Оксіанами, по рѣкѣ Оксу, назывались жители Согда или Согдіи, Хазары и Херсонцы (Tzet. Chiliad., XIII, v. 90, p. 484 Kiessling). Геллузія можетъ быть отождествляема съ Евлисіей Проконія (de bello Goth., IV, 4 p. 501, 17 Haug.), которая граничила съ землею Сагидовъ или Саковъ и простиралась до Меотійскаго озера и рѣки Дона. Все это вмѣстѣ давало въ результатѣ Скиѳію, какъ Европейскую, такъ и Азіятскую, и, можетъ быть, уже Скиѳію того преданія, о которомъ говоритъ Евсевій Кесарійскій, есть только ученое и общее выраженіе, замѣняющее анеропофаговъ съ ихъ сосѣдями. Саки и Согдіане каталоговъ могли быть также переводомъ на ученый языкъ болѣе популярныхъ и болѣе сказочныхъ терминовъ въ родѣ песьихъ головъ или тому подобнаго. Труднѣе объяснить появленіе въ спискахъ Дороея и Епифанія Эѳіопія, притомъ въ смыслѣ Колхиды. Но мы должны а priori полагать, что Эѳіопія, такая же страна чудесъ и ужасовъ, какъ и далекій сѣверъ за Чернымъ моремъ, была не придумана авторами каталоговъ, а взята ими еще изъ 159 гностическаго хожденія, гдѣ она была бы совершенно на своемъ мѣстѣ. Дѣйствительно, въ англо-саксонской поэмѣ объ Андреѣ Мирмидонія именуется страной черныхъ людей или Эѳіоповъ — нужно полагать, на основаніи древняго греческаго подлинника. Когда представлялся вопросъ о дѣйствительномъ мѣстонахожденіи этой Эѳіопіи, то найти отвѣтъ было уже довольно легко. Конечно, ея нельзя было искать въ Африкѣ или даже въ южной Азіи (Аравіи или Индіи), потому что это противорѣчило бы всѣмъ другимъ даннымъ о хожденіи апостола Андрея въ странахъ припонтійскихъ. Кстати существовали темныя преданія о черныхъ людяхъ на востокѣ азіятскомъ, и въ частности въ Колхидѣ. Уже Гомеръ говорилъ, что Эѳіопія раздѣляется на двѣ: одна — тамъ,

гдѣ восходитъ солнце, другая—тамъ, гдѣ заходитъ. Извѣстна была Эѳіопія, изъ которой приходилъ Мемнонь на помощь Троянамъ. Эта Эѳіопія была въ Колхидѣ, гдѣ, по свидѣтельству Геродота, жили люди, имѣющіе черный цвѣтъ лица и курчавые волосы; и во многомъ другомъ они такъ были похожи на Египтянъ и ихъ сосѣдей Эѳіоповъ Африки, что Геродотъ, а за нимъ и Діодоръ, считаютъ ихъ колоніей египетскою, а новые изслѣдователи—остаткомъ или частію темноцвѣтнаго племени Кушитовъ. Такимъ образомъ полусказочная Эѳіопія гностической легенды при помощи нѣсколько ученаго толкованія могла превратиться въ совершенно опредѣленную мѣстность. Эѳіопы, которыхъ посылалъ апостоль Андрей, жили тамъ, гдѣ находился Великій Севастополь, «градъ Апсаръ», рѣка Фазисъ. Самое объясненіе вышней или первой Эѳіопіи взято, повидимому, изъ того или другаго географическаго краткаго руководства—изъ того же самаго, которымъ пользовался авторъ Пасхальной хроники въ своемъ списокѣ странъ и народовъ, происшедшихъ отъ сыновъ Ноевыхъ, потому что буквальное тожество выражений не можетъ быть случайнымъ¹⁾. Итакъ, гностическая сага была въ общихъ чертахъ локализована по извѣстнымъ соображеніямъ ученаго характера, и совершилось это въ очень древнее время. Но она же сдѣлалась достояніемъ народныхъ преданій въ странахъ, не только искони христіанскихъ, но и въ тѣхъ, куда христіанство пришло послѣ IV вѣка. Мы видимъ, что когда позднѣйшіе писатели житій приступаютъ къ изложенію хожденій апо- 160
стола Андрея, то они обязаны пользоваться не только письменными источниками, то есть, каталогами и апокрифами, но и устными разсказами жителей. Все побережье Чернаго моря уже было полно легендарными воспоминаніями о пребываніи двухъ братьевъ-апостоловъ, Петра и Андрея. На основаніи другаго преданія, можетъ быть—наиболѣе древняго, по которому два брата, Петръ и Андрей, подѣлили между собою всю вселенную,

1) Въ Пасхальной хроникѣ (I р. 61, 3 Вопп.) говорится слѣдующее: «По ту сторону Каппадокійцевъ направо живутъ Армяне, Иверы (Грузины), Верраны (Βερρανοί — Irganı, то есть, нужно думать — Осы или Осетинцы), Скионы (Σκιδόνες), Колхи и Воспоріаны; затѣмъ такъ называемые Саллы или Саниты, простирающіеся до Понта, гдѣ находится укрѣпленіе Апсаръ и Севастополь и гавань Исса и рѣка Фазисъ».

при чемъ Петру достался западъ, востокъ Андрею, — главная роль въ этихъ воспоминаніяхъ остается за Андреемъ, какъ и въ каталогахъ Понть, Галатія и Вионнія, приписываемыя сначала Петру, усваиваются затѣмъ отдѣльно Андрею. Эти мѣстные преданія, иногда не совсѣмъ согласныя между собою, позднѣйшіе агиографы должны были, однако, примирять со своими письменными источниками, уже снискавшими авторитетъ несомнѣнности, а также и соглашать ихъ взаимно. Любопытные слѣды такого примиренія противорѣчій мы находимъ въ житіи апостола Андрея, написанномъ монахомъ Епифаніемъ¹⁾, который, по его собственному указанію, жилъ въ концѣ VIII вѣка или же не позднѣе первой половинны IX в. Онъ зналъ, что челоуѣкоядцы были въ Скиѳіи, но въ то же время слышалъ отъ жителей Синопса, что апостоль Матеій освобожденъ былъ Андреемъ изъ темницы именно въ ихъ городѣ: и вотъ онъ помѣщаетъ Синопъ въ Скиѳіи. Притомъ, повидному, не одинъ Синопъ присвоивалъ себѣ честь считать своими предками анеропофаговъ, но и другіе греческіе города, какъ, напримѣръ, Никея. Почти каждый городъ около Чернаго моря, въ которомъ была старинная церковь въ честь апостола Андрея или уважаемая по древности икона съ его изображеніемъ, уже хвалился посѣщеніемъ Первозваннаго апостола.

Мы представляемъ сказаніе Епифанія въ извлеченіи, имѣющемъ характеръ буквального перевода въ тѣхъ мѣстахъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ нашей темѣ.

Въ короткомъ предисловіи авторъ говоритъ, что такъ какъ до него никто еще не написалъ житій святыхъ апостоловъ, то онъ рѣшился собрать о нихъ свѣдѣнія изъ сочиненій очевидцевъ и богоносныхъ мужей, именно: Климента Римскаго, Евагрія Сицилійскаго и Епифанія Кипрскаго. Послѣдній, по словамъ нашего писателя, уже пользовался въ своемъ сочиненіи о 70 апостолахъ не только устными преданіями, но и апокрифами: примѣръ приведенъ, конечно, для того чтобы служить оправданіемъ и образцомъ...

По вознесеніи Христа и послѣ избранія Матеія на мѣсто

1) <Migne, P. G., 120, 216 sqq.>

Іуды, апостолы провели нѣсколько времени въ Антиохіи и въ 161
 другихъ городахъ, потомъ прибыли въ Синопъ, городъ Понтій-
 скій, лежащій въ области такъ называемыхъ Скиѳовъ,
 какъ и самъ Петръ говорить въ своемъ вселенскомъ посланіи,
 Повтъ и Галатію. Въ этомъ городѣ было большое количество
 Іудеевъ, и господствовали многія ереси; а жители отличались
 варварскими и жестокими обычаями, вслѣдствіе чего были назы-
 ваемы человѣкоядцами (анѳропофагами). Апостолы Петръ и
 Андрей, прибывъ сюда, не вошли однако въ городъ, а посели-
 лись на мысу одного пустыннаго острова, находящагося въ раз-
 стояніи шести миль отъ него. «Я, Епифаній монахъ и пресви-
 теръ», говорится въ житіи, — «вмѣстѣ съ Іаковомъ монахомъ
 были на этомъ островѣ и нашли здѣсь часовню (εὐκτήριον) св.
 апостола Андрея, и при ней двухъ монаховъ, Теофана и Симеона,
 а въ ней икону апостола Андрея, изображенную на мраморѣ
 цвѣтнымъ воскомъ (εἰς μάρμαρον ὑλογραφομένην) и достойную
 большого удивленія. Монахъ Теофанъ, старецъ болѣе семидесяти
 лѣтъ, показалъ намъ, сверхъ того, сѣдалища (каедры) апосто-
 ловъ и мѣста ихъ успокоенія на камняхъ. А объ иконѣ онъ раз-
 сказалъ, что при Константинѣ Кавалинѣ (то есть, Копронимѣ,
 † 775) приходили сюда иконоборцы съ намѣреніемъ ее изгла-
 дить (соскоблить), но не смотря на всѣ усилія, ничего не могли
 сдѣлать. Мы имѣемъ преданіе, что икона написана еще при
 жизни апостола, и отъ нея бываютъ многія исцѣленія. Петръ и
 Андрей проповѣдывали Христа людямъ, которыя приходили къ
 нимъ изъ города. Когда потомъ Матеѳій отправился вслѣдствіе
 какой-то потребности въ городъ, то Іудеи схватили его, продер-
 жали въ темницѣ три дня и на слѣдующій день хотѣли убить его.
 Но Андрей, оставивъ гору, ночью вошелъ въ темницу, двери
 которой отворились передъ нимъ сами собою. Онъ освободилъ
 Матеѳія и другихъ узниковъ, вмѣстѣ съ нимъ заключенныхъ, а
 потомъ въ продолженіе семи дней скрывалъ ихъ внѣ города, въ
 разстояніи приблизительно одной мили отъ него, на берегу мор-
 скомъ, гдѣ находилась роща смоковничныхъ деревьевъ, очень
 мало доступная, а сверхъ того — и пещера. На восьмой день
 Андрей крестилъ освобожденныхъ имъ узниковъ и далъ имъ на-
 ставленіе: «Чада мои, избѣгайте скиѳскихъ ересей, не имѣйте

общенія съ Еллинами въ ихъ идольскихъ трапезахъ и не внимайте Иудеямъ». Послѣ того, взявъ съ собою Матѳея, онъ ушелъ на востокъ... Св. Епифаній Кипрскій говоритъ, что, по преданію, которое онъ имѣлъ, апостоль Андрей училъ Скиѳовъ, Косогдіанъ (и Согдіанъ) и Горсиновъ—въ Севастополѣ Великомъ, гдѣ находится укрѣпленіе (градъ) Апсаръ и гавань Исса и рѣка Фазисъ, и гдѣ живутъ Ивиры (Грузины), и Сусы, и Фусты, и Аланы. Имѣя въ рукахъ такія памятные записи (*ταῦτα ἡμεῖς ἐπὶ χεῖρας ἔχοντες τὰ ὑπομνήματα*) и бѣгая общенія съ иконоборцами, — мы прошли страны и города до Веспора и при этомъ съ великою любовію разспрашивали о мѣстныхъ святыхъ и о томъ, нѣтъ ли гдѣ какихъ мощей. Такимъ образомъ мы сами нашли многое; а если мы сами не достигли, то усердно и тщательно разспрашивали другихъ, съ кѣмъ встрѣчались, и слушали ихъ съ удовольствіемъ. Въ Синоцѣ тамошніе жители показали намъ мѣсто пребыванія апостоловъ Петра и Андрея, каедру, икону, темницу, которую отверзъ Андрей, рощу и берегъ, гдѣ онъ крестилъ освобожденныхъ; тамъ же мы узнали о дикомъ правѣ тогдашнихъ, а впрочемъ даже и нынѣшнихъ его жителей. Другое рассказали намъ граждане Амиса»...

Андрей, оставивъ Синопъ, съ учениками своими и съ Матѳеємъ прибылъ въ приморскій городъ Амисъ (слѣдуютъ проповѣдь и чудеса апостола Андрея и его спутниковъ); а изъ Амиса отправился въ Трапезунтъ, городъ Лазики, гдѣ живутъ люди неразумные и скотски невѣжественные. Отсюда онъ перешелъ въ Иверію (Грузію) и, многихъ просвѣтивъ здѣсь ученіемъ, отправился приморскою дорогою въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи.

Послѣ Пасхи, отпразднованной въ Іерусалимѣ, апостолы разошлись по разнымъ областямъ, Андрей же вмѣстѣ съ Іоанномъ учили въ Ефесѣ. Тогда Господь сказалъ Андрею: «Ступай въ Вивинію: я буду съ тобою куда ты ни пойдешь, потому что тебя ожидаетъ Скиѳія». Андрей, взявъ своихъ учениковъ, отправился въ Лаодикію, городъ мирной Фригіи (*τῆς Φρυγίας Παχάτιανῆς*), и оттуда въ Одиссополь, городъ Мисіи, гдѣ поставилъ епископомъ Апіона. Затѣмъ онъ прибылъ въ Никею, которая тогда имѣла видъ села и не была ограждена стѣнами, чѣмъ сдѣлалъ

только императоръ Траянъ. Жители были горды, вѣроломны и полны лжи, оттого проповѣдь апостола встрѣтили смѣхомъ и поруганіями. У нихъ былъ идолъ Аполлона Губителя, который выражалъ людей злыми чарами, лишавшими ихъ дара слова и чувства слуха. Апостоль говорилъ имъ, что, если они не примутъ вѣры Христовой, то не освободятся отъ болѣзней и бѣснованія; но они по прежнему остались въ заблужденіи. Не подалеку отъ селенія на высокой каменной горѣ гнѣздилися змѣй, пожиравшій путниковъ. Узнавъ объ этомъ, апостоль отправился и своимъ желѣзнымъ жезломъ разбилъ ему голову. Точно такъ же онъ сокрушилъ идолъ Артемиды, около котораго 163 обнаруживали свою силу злые духи и не давали никому приблизиться; на мѣстѣ идола апостоль поставилъ крестъ, и скала очистилась отъ демоновъ. У язычниковъ былъ праздникъ, во время котораго народъ, собиравшійся во множествѣ, приносилъ жертву идоламъ. Но во время жертвоприношенія бѣсы овладѣвали людьми съ такою силою, что они пожирали другъ друга. Андрей крестнымъ знаменіемъ укротилъ бѣснующихся. Дальнѣйшій путь апостола лежалъ въ Никодимію, а изъ нея въ Халкидонъ.

«Изъ Халкидона апостоль Андрей Чернымъ моремъ отплылъ въ Гераклею. Наставивъ здѣсь нѣкоторыхъ жителей, онъ прибылъ въ Кромну, нынѣ именуемую Амастридой, и нашель здѣсь немногихъ учениковъ, у которыхъ и оставался. Городъ былъ полонъ Іудеевъ. Услышавъ, что прибылъ Андрей, отвершій темницу и выведшій узниковъ, они собрались и хотѣли зажечь домъ, въ которомъ онъ находился. Потомъ, схвативъ Андрея, били его камнями, волочили и кусали, какъ псы, его тѣло. Одинъ изъ нихъ откусилъ совсѣмъ палець на правой рукѣ апостола. Вслѣдствіе того жители и до сего дня называются чело-вѣкоядцами (анеропофагами)»¹⁾.

1) Судя по этому, и жители Амастриды заявляли притязаніе на происхождение отъ челоукоядцевъ, или людоедовъ. Но сличеніе греческаго текста съ его древними переводами и передѣлками обнаруживаетъ здѣсь пропускъ нѣсколькихъ словъ, въ которыхъ говорилось о прибытіи апостола Андрея изъ Амастриды опять въ Синопъ. Впрочемъ, уже самое указаніе на отверстую темницу и освобожденныхъ узниковъ заставляло бы въ этомъ догадываться.

Слѣдуетъ новое посѣщеніе Трапезунта и обратное путешествіе въ Иерусалимъ, а далѣе третье путешествіе апостола по берегамъ Чернаго моря.

«Послѣ пятидесятницы Андрей, Симонъ Кананитъ, Матѣй и Ѡаддей оставались у Авгара, а прочіе обходили города, уча и творя чудеса, и прибыли въ Иверію и въ Фазисъ, а чрезъ нѣсколько дней въ Сусанію. Въ этомъ народѣ женщины властвовали надъ мужчинами. Женская природа доступна убѣжденію, и потому онѣ скоро оказали послушаніе. Матѣй оставался въ этой странѣ, училъ и творилъ многія чудеса.

«А Симонъ и Андрей отправились въ Саланію (читай: Ала-
нію) и въ городъ Фусту. Сотворивъ многія знаменія и многихъ обративъ, они перешли въ Авасгію (Абхазію) и, вступивъ въ Великій Севастополь, учили слову Божію. Андрей, оставивъ тамъ Симона, съ учениками своими ушелъ въ Зикхію. Зикхи
164 народъ жестокій и варварскій и до нынѣ на половину не вѣрующій. Они хотѣли убить Андрея, но увидѣли его убожество, кротость и подвижничество, и тогда оставили намѣреніе. Апостоль, покинувъ ихъ, пришелъ къ верхнимъ Сугдеямъ. Это люди кроткіе и доступные вѣрѣ; они съ радостію приняли слово проповѣди. Отъ нихъ апостоль пришелъ въ Воспоръ, находящійся по ту сторону Понта, городъ, до котораго и мы достигали. Жители его, увидѣвъ чудеса, которыя творилъ Андрей, скоро оказали послушаніе, какъ они сами намъ рассказывали. Они показали намъ ковчегъ, имѣющій надпись Симона апостола, закопанный въ основаніи храма св. апостоловъ (это очень большой храмъ) и содержащій въ себѣ частицы мощей; отъ нихъ они дали и намъ нѣчто. Есть и другая гробница, имѣющая надпись Симона Кананита, въ Никонсісѣ Зикхійскомъ: она также съ мощами.

«Изъ Воспора Андрей прибылъ въ Ѡевдесію (Ѡеодосію), городъ многолюдный и образованный, въ которомъ царемъ былъ Савроматъ. Увѣровали здѣсь немногіе. Оставивъ ихъ, апостоль отправился въ Херсонъ, какъ (жители Херсона) намъ рассказали. А Ѡевдесія нынѣ не имѣетъ даже слѣда человѣческаго. Херсаки (Херсонцы) же народъ коварный, и до нынѣшняго дня туги на вѣру, лгуны и поддаются влеченію всякаго вѣтра. Ан-

дрей, пробывъ у нихъ довольно дней, воротился въ Воспоръ и, нашедши корабль херсонскій, переплылъ въ Синопъ».

Изъ Синопа путь лежалъ въ Византію, въ предмѣстьи которой Аргирополѣ Андрей поставилъ епископомъ Стахія. Хожденіе кончается Пелопоннисомъ и городомъ ахейскимъ Патрами. Страданіе апостола рассказано сходно съ другими источниками.

Житіе, написанное Елифаніемъ, представлявшее сводъ существовавшихъ до него преданій объ апостолѣ Андрѣ, пользовалось большимъ уваженіемъ какъ въ греческой, такъ и въ другихъ православныхъ церквахъ. Нѣсколько передѣланное и сокращенное его изложеніе читается теперь въ греческихъ Минеяхъ ¹⁾ и принадлежитъ, нужно думать, подобно многимъ другимъ сокращеннымъ и передѣланнымъ житіямъ, знаменитому агіографу X вѣка Симеону Метафрасту, какъ объ этомъ и прямо свидѣтельствуетъ Аляцій, наибольшій авторитетъ въ вопросахъ этого рода. Здѣсь также принимаются три путешествія апостола Андрея къ берегамъ Понта, прерываемыя празднованіемъ Пасхи въ Іерусалимѣ, и первая проповѣдь начинается Амисомъ (Ἀμισός), съ опущеніемъ Синопа, о которомъ говорится только послѣ и однажды. Въ Синопъ апостолъ приходитъ изъ Амастриды ¹⁶⁵ вмѣстѣ съ Петромъ. На основаніи «древнихъ сказаній» (λόγοι παλαιοί) повѣствуется о его мученіи въ этомъ городѣ. Синопіяне были люди дикіе и жестокіе, только по наружному виду и образу похожіе на людей, а въ остальномъ — совершенные звѣри. Они были приведены въ ярость тѣмъ, что Андрей освободилъ здѣсь изъ темницы Матѳіа; они волочили апостола по землѣ, и нѣкоторые изъ нихъ порывались въ своемъ бѣшенствѣ коснуться зубами его тѣла (слѣдовательно, описываются смягченные нѣсколько анеропофаги). Но здѣсь не сказано прямо, что палецъ апостола былъ откушенъ однимъ изъ дикарей, а только замѣчено, что онъ былъ отсѣченъ. Путешествіе по восточному и сѣверному берегамъ Чернаго моря, то есть, пребываніе апостола въ землѣ Алановъ, Авасговъ, въ Севастополѣ Великомъ, у Зикховъ и Воспоріанъ, а также въ Херсонѣ, ничѣмъ не отличается отъ рассказа въ первоначальномъ источникѣ; прибавлено только, что

1) <Подъ 30 ноября.>

въ Воспорѣ находились иконы святыхъ, сдѣланныя изъ воска (*ἀρχαῖοις μνηστροφόμενοι χηρῶ*) и поражавшія своимъ необычайнымъ совершенствомъ, такъ что трудно было считать ихъ произведеніемъ искусства или рукъ человѣческихъ; и сверхъ того точнѣе, но едва ли правильнѣе объяснено о двухъ ковчегахъ, что одинъ изъ нихъ заключалъ въ себѣ останки Симона Зилота, а другой—Симона Кананита, но за то опущено указаніе, что другой гробъ находился въ Никопсисѣ, а не въ Воспорѣ. Херсонъ—городъ знаменитый и многочисленный, но жители его къ истинной вѣрѣ неблагоприкладны (*οὐκ εὐπαγῆ*), а воспріимчивы къ обычнымъ ересямъ.

При чтеніи житія, написаннаго Епифаніемъ, нѣтъ особенной необходимости останавливаться на подробностяхъ и частностяхъ развитія географической темы по отношенію къ прежнимъ болѣе общимъ показаніямъ о хожденіяхъ апостола Андрея, такъ какъ мотивы этого развитія довольно прозрачны и отчасти объяснены выше. Историческія, этнографическія и топографическія замѣтки, сообщаемыя авторомъ, лично посѣтившимъ сѣверные берега Чернаго моря въ концѣ VIII или въ первой половинѣ IX вѣка, имѣли бы высокую важность сами по себѣ, если бъ онѣ были сколько-нибудь подробнѣе и не ограничивались бы простымъ перечисленіемъ посѣщенныхъ странъ и городовъ, съ очень немногословною характеристикою жителей оныхъ. Епифаній сообщаетъ мало данныхъ, которыя могли бы содѣйствовать разъясненію мрака, предшествующаго началу русской исторіи и появленію Русскаго народа почти въ тѣхъ самыхъ странахъ, о которыхъ онъ говорилъ. Не смотря на то, что нашъ путешественникъ посѣтилъ Керчь и Корсунь, у него нѣтъ ни самаго названія Руси, ни какого-либо намека на нее, хотя бы подъ другимъ наименованіемъ. Впрочемъ, сила аргумента а silentio, который могъ бы заключаться въ этомъ обстоятельстве, значительно ослабляется тѣмъ, что онъ молчитъ также и о Хазарахъ. Очень возможно, что притязанія жителей Синопа на родство съ анеропофагами, освободивъ вѣрнаго иконопочитанію пресвитера отъ необходимости отыскивать другихъ потомковъ этого свирѣпаго народа, косвеннымъ образомъ повредили русской исторіи, и что иначе онъ не ограничился бы — если не въ путешествіи, то хотя бы въ со-

бираніи свѣдѣній—Воспоромъ (Керчью) и Крымомъ, а заглянулъ бы внутрь Скиѳіи. Все-таки мы не должны пренебрегать и тѣми скудными данными о припонтійскихъ странахъ и городахъ, какія вообще могутъ быть отысканы въ источникахъ, подобныхъ сочиненію Епифанія или родственныхъ съ этимъ сочиненіемъ, такъ какъ они могутъ пригодиться при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Ради этихъ цѣлей, въ связи, впрочемъ, и съ литературно-историческими, мы посвящаемъ еще нѣсколько страницъ отрывку Епифанія о хожденіи апостола Андрея по Черноморскимъ областямъ и приводимъ его сначала въ старинномъ славянскомъ переводѣ, представляющемъ нѣкоторыя дополненія къ выписываемому параллельно греческому тексту, а потомъ въ грузинской обработкѣ, могущей служить географическимъ комментариемъ. Нужно пожалѣть, что славяно-русскія переводныя редакціи Епифаніева житія, входившія въ составъ нашихъ Миней, до сихъ поръ остаются не изданными ¹⁾, и что русскій переводъ рукописнаго, и по всѣмъ признакамъ, очень древняго грузинскаго житія, составленнаго по Епифанію, явился безъ всякихъ объясненій, даже самыхъ первоначальныхъ и необходимыхъ ²⁾. При настоящемъ положеніи дѣла трудно рѣшить, откуда ведутъ свое начало и кому принадлежатъ дополненія противъ греческаго подлинника, встрѣчающіяся въ славянскомъ переводѣ, тѣмъ болѣе, что мы не можемъ поручиться и за вполне внимательное и научное отношеніе къ своему дѣлу самихъ издателей греческаго текста. Въ этихъ изда- 167
ніяхъ есть пропуски; такъ, напримѣръ, жители Амастриды превратились въ челоуѳкоядцевъ только потому, что пропущено было нѣсколько словъ, говорившихъ о прибытіи апостола изъ Амастриды въ Синоць. Въ другихъ спискахъ могли быть дополненія, сдѣланныя или позднѣйшими переписчиками, или кѣмъ другимъ. Что касается грузинскаго житія, то древность этой передѣлки съ греческаго доказывается, повидимому, уже тѣмъ, что въ немъ

1) Приводимый славянскій переводъ найденъ былъ въ одной рукописи С-Петербургской духовной академіи о. архимандритомъ Арсеніемъ, отъ котораго, при любезномъ посредничествѣ В. И. Ламанскаго, мы и получили благосклонное разрѣшеніе имъ воспользоваться.

2) Переводъ грузинскаго житія явился въ Христіанскомъ Чтеніи (1869 г.) съ единственнымъ замѣчаніемъ, что онъ сдѣланъ съ рукописи Давидгареджійскаго монастыря.

идеть рѣчь о Готахъ тамъ, гдѣ въ подлинникѣ стоятъ Скибы. Сверхъ того, оказывается, что это житіе послужило отчасти источникомъ для статьи объ апостолахъ Андрѣ въ грузинской хроникѣ царя Вахтанга ¹⁾.

Переводная редакція, входившая въ составъ русскихъ Миней ²⁾, начинается словами: «святому Епифану глаголющу» и т. д.; слѣдовательно, въ ней опущено вступленіе автора и описаніе перваго пребыванія апостоловъ въ Синопѣ, во время котораго Матей былъ освобожденъ Андреемъ изъ темницы. Въ грузинской обработкѣ, авторомъ которой можетъ быть считаемъ неизвѣстный пресвитеръ Романъ, назвавшій себя въ концѣ житія, опущено введеніе, но за то рассказъ начинается Синопомъ, а съ другой стороны, вовсе не приведена ссылка на Епифанія Кипрскаго и сопровождающія ее объясненія. Дѣлать отсюда какія-либо заключенія относительно состава греческаго подлинника было бы рискованно. Прибавимъ еще, что русская редакція, сколько можно судить по образцу, находящемуся въ нашихъ рукахъ, не отличалась правильностію въ передачѣ собственныхъ именъ, какъ это обнаруживаетъ уже самое начало. Греческія географическія названія частію не разобраны, частію совсѣмъ искажены — но, повидимому, не безъ вліянія какихъ-то постороннихъ элементовъ, находившихся въ самомъ греческомъ подлинникѣ ³⁾.

1) Статья объ Андрѣ въ этой хроникѣ составлена, какъ замѣчено ея переводчикомъ, академикомъ Броссе, изъ двухъ половинъ: первая часть представляетъ, повидимому, мѣстныхъ грузинскія преданія, вторая ведетъ свое начало отъ греческаго житія. Академикъ Броссе предположительно указывалъ на сочиненіе Никиты, «человѣка Божія и большаго философа», жившаго въ концѣ V вѣка, на книгу хожденій апостола Андрея, переведенную съ греческаго св. Евоиміемъ и хранящуюся на Афонѣ, и проч. Нужно повторить сожалѣніе, что древнѣйшія грузинскія житія еще не изданы; но источникомъ второй части статьи объ Андрѣ въ хроникѣ было житіе, указанное нами.

2) «Подъ 30-мъ ноября подъ заглавіемъ: «Дѣяніе святому апостолу Андрѣа и Матѣеа. Дѣяніе и конецъ святаго Андрѣа»».

3) «В. Н. Бенешевичъ, принявшій на себя трудъ отыскать рукопись, изъ которой сообщенъ былъ архим. Арсеніемъ Василью Григорьевичу этотъ текстъ, пришелъ къ заключенію, что онъ взятъ изъ рукописи Спб. Дух. Академіи *Собр. 1336 XV—XVI в.*, содержащей вторую половину ноябрьской Миней; изъ всѣхъ академическихъ списковъ Миней это наиболѣе подходящій къ печатному тексту В-ія Г-ча, а кромѣ того, на немъ встрѣчаются карандашныя пометки, совпадающія съ напечатанными В-мъ Г-чемъ выдержками. Но В. Н. Бенешевичъ нашелъ и болѣе исправный, болѣе близкій къ греческому подлиннику

Святому Епифану, архіепископу Кѳпрьску, глаголющу блаженаго Андрея учити Скоуфы и Согдіаны игоравазгоушна в Севастіи же градѣ велицѣмъ, идеже есть съвокупленіе Ансару и Уззикху и кефалазусѣ рѣка, идеже живутъ Ивери и Сѳси и Фѳластои и Олани. Симъ при прѣвѣ имуще и бѣжаше общеванію икоборецъ — — —

походяще мѣста и грады до Воспора многою любовію иска-

Τοῦ δὲ ἁγίου Ἐπιφανίου ἐπισκόπου Κύπρου λέγοντος ὡς ἐκ παραδόσεως ἔχειν τὸν μακάριον ἀπόστολον Ἀνδρέαν διδάξει Σκύθας, Κοσογδιανούς καὶ Γορσινούς ἐν Σεβαστοπόλει τῇ με- 168 γάλῃ, ὅπου ἐστὶν ἡ παρεμβολή Ἀψάρου καὶ Ἰσσοῦ λιμῆν καὶ Φάσις ποταμὸς, ἐνθα οἰκοῦσιν 10 Ἰβήρες καὶ Σούσοι καὶ Φοῦστοι καὶ Ἄλανοί· ταῦτα ἡμεῖς ἐπὶ χεῖρας ἔχοντες τὰ ὑπομνήματα καὶ φεύγοντες τὴν κοινωνίαν τῶν εἰκονομάχων — — — 15 λοιπὸν περιερχόμενοι χώρας καὶ πόλεις μέχρι Βοσπόρου πολλῶ

текстъ того же славянскаго перевода, озаглавленный «Дѣяніе и конецъ св. апостола Андрѣя Первозваннаго», въ другой рукописи той же библиотеки, именно въ сборникѣ *Кирилл. 53/1130* XV в., а также въ однородномъ сборникѣ *Кирилл. 47/1124* XV в. Эти сборники описаны Н. К. Никольскимъ: Описание рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, составленное въ концѣ XV вѣка, стр. 279—287 и 241—247. — Для тѣхъ же выдержекъ Н. П. Поповъ сообщил намъ сличенія соответствующихъ частей рукописей Московской Синодальной библиотеки: *Успенскаго списка № 988* Макарьевской Миней-Четви за ноябрь и рукописи № 799 Милютинской Миней за тотъ же мѣсяць. По замѣчанію Н. П. Попова, текстъ абсолютно одинаковый съ текстомъ Успенскаго списка, но вслѣдствіе поврежденія листовъ неполный даетъ другой списокъ Макарьевскихъ Миней, именно № 176. Соответствующую выписку изъ рукописи Московской Дух. Академіи *Волокол. № 194* (592) XV—XVI в., также содержащей Минейю за ноябрь, доставилъ намъ Г. А. Воскресенскій. Вообще рукописи, чтенія которыхъ для этого текста намъ известны, распадутся въ отношеніи къ нему на двѣ группы: одну составляютъ Кирилл. 53/1130 (ее мы будемъ обозначать сокращеніемъ *К*) и Милютинская Минейя (*М*), а другую — Успенскій списокъ (*У*), *Сѳ.* 1336 (*С*) и *Волокол. 194* (*В*). Въ общемъ *К* и *М* ближе прочихъ стоятъ къ греческому подлиннику. Въ нѣсколькихъ случаяхъ только *К* сохраняетъ собственные имена подлинника безъ сильныхъ извращеній, хотя есть и такія мѣста, въ которыхъ правильныя чтенія, сохраненныя рукописью *М* и остальными, въ рукописи *К* пропущены или подверглись другимъ видамъ поврежденія. Мы печатаемъ текстъ по рукописи *С*, т. е., почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ данъ былъ В-мъ Г-чемъ, сохраняя и сдѣланныя первымъ издателемъ поправки, но устраняя тѣ отступленія отъ рукописи, которыя вызваны были, повидимому, неточностью копій, доставленной В-ю Г-чу; а въ примѣчаніяхъ приводимъ болѣе или менѣе значительные варианты другихъ списковъ. П. Н.).

хомъ о домашнихъ святыхъ
идеже кде суть мощи¹⁾.

πόθω διερχόμενοι ἡρευνῶμεν
περὶ τῶν ἐγγυωρίων ἁγίων καὶ
εἰ ποῦ ἐστὶ λείψανον. <Migne,
Patr. gr. 120, 221 BC.>

Этотъ небольшой отрывокъ можетъ служить образчикомъ не одной только неисправности списка, чтò очевидно, но и какой-то странности самаго первоначальнаго перевода. Непонятная Иго-равазгусія <или Игоравазгусня>, быть можетъ, скрываетъ въ себѣ Горсиновъ, стоящихъ въ греческомъ текстѣ, и Авазговъ (Абхазовъ), надписанныхъ въ немъ на верху въ видѣ объясненія и слитыхъ переводчикомъ въ одно слово. Сами по себѣ Горсины могутъ быть объясняемы только Хорсиною (Χορσινῆ), областью, принадлежавшею, по свидѣтельству Страбона, къ древней Иверіи, то есть, Грузіи, и лежавшею около рѣки Кура. Въ Кефалазѣ, можетъ быть, скрываются Лазы. Остальныя искаженія можемъ оставить безъ объясненія. Нѣсколько исправимъ та часть перевода, которая для насъ имѣеть наибольшій интересъ и заключаетъ въ себѣ вставки, о которыхъ мы упомянули выше. Такъ какъ собственно для нихъ мы и приводимъ текстъ, то отмѣчаемъ ихъ квадратными скобками, а въ остальномъ позволяемъ себѣ легкія измѣненія явно невѣрныхъ чтеній.

И по пентикостіи Андреа и
Симонъ Кананитъскыи и Мат-
ѳеа и Ѡаддей и съ прочими
оученикы Ѡаддей оста ту у

Καὶ μετὰ τὴν πεντηκοστὴν
Ἀνδρέας καὶ Σίμων ὁ Κανανίτης
καὶ Ματθαῖος καὶ ᾠαδδαῖος ἔμει-
ναν ἐκεῖ πρὸς Αὐγαρον· οἱ δὲ

1) <Эта часть славянскаго текста начинается въ С на л. 204б, въ В на л. 549б, въ У на л. 1272б, въ К на л. 10, въ М на л. 1715. — 1 епифанію К | 2 кипръ К: глаголющоу ВУ, глаголющу яко отъ преданія имѣти КМ | 3 блаженаго андреа УМ, блаженаго аѣла андреа К: учити СУМ, оулѣти К | 3 сл. скѣфы УМ | 4 сл. игоравазгусія М, игоравазгоусія К, игоравазгы: сил (но сил зачеркнуто) В | 7 и оузыкхоу В, низ зикху М | 9 филастей В, фоустои К | 10 первь В, првь К, первь М | 11 сл. бѣжаще общеванія иконома К | 15—18 словъ походяще — мощи нтъ нитъ съ СВ за утратою соответствующихъ листовъ | 18 идеже СУМ, иже К.>

Авгара. Друзіи по градомъ ходяще и учаще и чудеса дѣюще, сидоша въ Иверію и къ Фасу и потомъ въ Сѣсанію. Моужи же языка того подъ женскою властію бѣаху. Вѣроимна бо женьска вещь, и скоро послушаша. [И придоша въ Химаръ градъ: тужде день есть покой многострастнику Максиму]. Оста же Матѳеа въ странахъ тѣхъ съ ученикы, творя чудеса многа. Симонъ же и Андреа идоста въ Аланію и въ Θύστъ градъ. И многа чудеса творивша, и многы научивша идоста въ Авазгію. И влѣзша въ Севастъ градъ и учаща слову Божію, и мнози пріаша [Касози]. Андреа же, оставивъ Симона съ ученикы, самъ иде въ Зикхію. Жестоци же чловѣци и люти и до нынѣ невѣрни полма. Хотяху Андреа убити, аще быша не вѣдѣли его не имуща имѣнія и кротость и страсть ему. Таче оставивъ я, иде въ Сугду горню. Чловѣци же ти смѣрени кротци и съ радостію пріаша слово. И прииде въ Оспоръ [Корчевъ] градъ обону страну Понта противу Амиса. Тужде и мы доходихомъ [и Колѣнадіа епископа и Георгіа намѣстника, иже отъ

5 λοιποὶ διερχόμενοι τὰς πόλεις διδάσκοντες καὶ θαυματουργοῦντες κατῆλθον εἰς Ἰβηρίαν καὶ εἰς τὸν Φάσιν καὶ μεθ' ἡμέρας εἰς Σουσανίαν. Οἱ δὲ ἄνδρες τοῦ 10 ἔθνους ἐκείνου ὑπὸ τῶν γυναικῶν ἐκρατοῦντο (εὐπειθῆς δὲ ἡ γυναικεία φύσις) καὶ ταχὺ ὑπήκουσαν.

15 Ἐμείνε δὲ ὁ Ματθαῖος σὺν μαθηταῖς εἰς τὰς χώρας ἐκείνας διδάσκων καὶ ποιῶν θαύματα πολλά. Ὁ δὲ Σίμων καὶ Ἀνδρέας ἀπῆλθον εἰς Σαλανίαν (sic) 20 καὶ εἰς Φοῦσταν πόλιν. Καὶ πολλὰ θαύματα ἐργασάμενοι καὶ πολλοὺς μαθητεύσαντες ἀπῆλθον εἰς Ἀβασγίαν. Καὶ 25 εἰσελθόντες εἰς Σεβαστόπολιν τὴν μεγάλην ἐδίδαξαν τὸν λόγον 169 τοῦ θεοῦ. Ὁ δὲ Ἀνδρέας καταλείψας τὸν Σίμονα ἐκεῖ σὺν μαθηταῖς αὐτὸς ἐξῆλθεν εἰς 30 Ζηκχίαν. Οἱ δὲ Ζηκχοὶ σκληροὶ ἄνθρωποι καὶ βάρβαροι καὶ ἕως τοῦ νῦν ἄπιστοι ἡμῖσις. Ἐμελλον δὲ τὸν Ἀνδρέαν φονεῦειν, εἰ μὴ ἐώρων τὴν ἀκτημοσύνην 35 καὶ τὸ πρᾶον καὶ τὴν ἄσκησιν αὐτοῦ. Καὶ λοιπὸν ἀφείς αὐτοὺς κατῆλθεν εἰς Σουρδαίους τοὺς ἄνω· οἱ δὲ ἄνθρωποι εὐπειθεῖς καὶ ἡμεροὶ, καὶ μετὰ χαρᾶς ἐδέ- 40 ξαντο τὸν λόγον. Καὶ ἦλθεν εἰς Βόσπορον πόλιν πέραν τοῦ Πόν-

прѣданія повѣдаху намъ многа чудеса Андреова]. Въ Оспорови же видѣвше чудеса, яже творяше Андреа, скоро послушаша, яко и тѣ намъ сповѣдаху, и никогда расколъ о вѣрѣ приаша. Показаша же намъ [иконы Христовы и многы святыхъ, воскомъ лѣаны зѣло дивны, яко рещи не сотворишася отъ руку человекю] и намъ (ларь ?), написаніе имущъ Симона апостола, въ основаніи погребена въ церкви святыхъ апостолъ, имущъ мощи. И даша намъ отъ нихъ. Есть же другый гробъ въ Никоѣ Зикхіистѣ, написаніе имущъ Симона Канааничьскаго, и тѣ имыи мощи. Андреа же отъ Вооспора сниде въ Θεудесію градъ, имуща царя Савромата. Мало же отъ нихъ вѣроваша. И оставивъ ю свиде въ Херсонъ градъ, яко же тѣ намъ повѣдаху. А Θεудесія днесъ градъ ни стопа человекъ въ ней есть. Худовѣрно же племя Херсоняне до днешняго дъне, и не крѣпко на вѣру, лжи, въсе му вѣтру поддающеюся. Андреа же, сотворивъ дъни многы, обратися Въспоргъ и обрѣтъ корабль Херсонескъ прѣиде въ Синопъ. [И алфа-

του, εἰς ἣν καὶ ἡμεῖς ἐφθάσαμεν.

Κάκεινοι θεωρήσαντες τὰ θαυ-
45 μάσια ἃ ἐποίησεν αὐτῷ ὑπήκουσαν, ὡς αὐτοὶ ἡμῖν διηγούντο.
Ἔδειξαν δὲ ἡμῖν

50

λάρακα ἐπιγραφὴν ἔχουσαν Σί-
μωνος ἀποστόλου εἰς θεμέλια
55 κελωσμένην ναοῦ τῶν ἁγίων ἀποστόλων πάνυ μεγάλου, ἔχουσαν λείψανα· καὶ ἔδωκαν ἡμῖν ἐξ αὐτῶν. Ἔστιν δὲ καὶ ἕτερος τάφος εἰς Νικόφιαν τῆς Ζηκχίας
60 ἐπιγραφὴν ἔχων Σίμωνος Κανανίτου, καὶ αὐτὸς ἔχων λείψανα.

Ὁ δὲ Ἀνδρέας ἀπὸ Βοσπόρου κατήλθεν εἰς Θεудέσιαν τὴν πό-
65 λιν πολυάνδρον καὶ φιλόσοφον, ἔχουσαν βασιλέα Σαυρομάτην. Ὅλιγοὶ δὲ ἐξ αὐτῶν ἐπίστευσαν. Καὶ καταλιπὼν αὐτοὺς ἀπῆλθεν εἰς Χερσῶνα, ὡς αὐτοὶ ἡμῖν διηγῆσαντο. Ἦ δὲ Θεудέσια σήμερον οὐδὲ ἴχνος ἀνθρώπου ἐν αὐτῇ ἔχει. Εὐπερίστατον δὲ ἔθνος οἱ Χέρσακες καὶ ἰσχυροὶ μέχρι τῆς σήμερον πρὸς πίστιν, ψευ-
75 στὰι καὶ παντὶ ἀνέμῳ περιφερόμενοι. Ὁ δὲ Ἀνδρέας, ποιήσας παρ' αὐτοῖς ἡμέρας ἱκανάς, ὑπέστρεψεν εἰς Βόσπορον, καὶ εὐρών

витарь Андреевъ Херсо- πλοῖον Χερσακινὸν ἐπέρασεν εἰς
няне сътвориша, Сино- 80 Σινώτην. <Patrol. gr. 120,
піаны творяще челоувѣко- 241 D sq.>
ядца] ¹⁾).

Относительно вставокъ въ русскомъ текстѣ можно ограни-
читься двумя-тремя замѣчаниями. Изъ житія св. Максима Испо-
вѣдника, пострадавшаго при Константинѣ Погонатѣ, дѣйствительно 170
извѣстно указанное мѣсто его смерти, названное тамъ Схимариемъ,
градомъ Аланіи (Σχιμαρίον, Alaniae castrum Schemarium: см. АА.
SS. Aug. III, Acta SS. Maximi et duorum Anastasiorum, cap. VI
§ 53, p. 130), а въ письмѣ спутника Максимова упоминается
также и градъ Фуста (in castro Phustas) въ предѣлахъ Апсиліи
и Мисиміаны. Далѣе, славянскій текстъ, повидимому, умножаетъ
очень скудный списокъ Керченскихъ епископовъ однимъ новымъ
именемъ, но едва ли только не испорченнымъ, намѣстникъ же

1) <Эта часть текста начинается въ С на л. 2136, въ В на л. 5656, въ У на л. 1279, въ К на л. 276, въ М на л. 1748. — 3 сл. и Фаддей и со прочими оученики Фаддей оста У, и Фаддей и (и опуск. М) с прочими оученики (ученики М) снисдоша въ (во М) едесѣ (едес М) Фаддей (и Фадей М) же оста КМ, В. Г. Вас(имлевскій) напечаталъ: и Фаддей осташа | 5 Авгара Вас., лоудра СВУКМ: друзіи СВУМ, а друзіи К | 8 сл. и къ фасоу и потомъ въ сѣсанію опускаеть К | 11 вѣроимна бо СУ, вѣроимна бо 8 нихъ (но 8 нихъ надписано надъ строкой) В, вѣра имъ бѣ К, вѣра имъ М | 14 тужде СВУК, иже М: день С, днь ВУ, до днесъ М, и до две К | 14 сл. многострадалсмоу К, многострадалу М | 20 Фоустъ К | 21 сътворивша К, сотворивша М | 21 сл. науочиша КМ | 23 вѣнисдоша К: и опуск. К | 25 Касози опуск. КМ | 26 остави К | 28 люти СВУМ, люти тамо К | 29 полъма В, весма КМ | 32 страсть его М, страданіе его К | 32 сл. таче оставивъ я СВМУ, таже оставивъ вса К | 33 въ Сугду Вас., всегдоу КМ, всердоу СВУ | 34 сл. смирени (смирни М) кротци ВМ, кротци и смѣрени К | 37 Корчевъ опуск. КМ | 39 тужде СВУК, идже М | 39—41 иколоупадіе епискоупъ и георгіе намѣстникъ К | 49 сл. христовы СВУК, іе христовы М | 50 многихъ КМ | 52 сотворитися Вас. | 53 роукъ чѣвкы

К: имамъ СУ, имамъ В, ламъ М, и К. А. А. Шахматовъ: «Надо, кажется, читать ламъ. Ср. съ майской Успенской Миней № 175 (18) XII в. л. 172 об.: медь въкыдавше въ ламъ, вложиша тѣло въ нь и л. 231 об.: и хода из лама излѣзи». | 54 имоуще В и Вас. | 56 погребевъ М | 57 имоуще В | 59 есть же и другой ВУМ | 60 Никопсѣ Зикхистѣ Вас., никопсази хийстѣ М, ніко азихистѣ К, никопазилійстѣ У, никопѣ азилістѣ СВ | 60 сл. написанія имоущъ К | 61 сл. кананигьскаго ВК | 67 ю СВУ, я КМ | 68 градъ СВУ, сеи градъ КМ | 70 сл. ни стопа челоувѣча въ ней есть СВУ, опоустѣ ни стопа челоувѣча въ ней есть М, опоустѣ до конца яко не единогоже живоущаго имѣти К | 72 и до К | 73 сл. всякому КМ | 74 впадающу М, подпадающе К | 76 въ воспоръ ВУМ: и опуск. К | 77 обрѣте К.>

долженъ быть разумѣемъ Византійской. Впрочемъ, самое важное, именно время, когда оба они жили, должно быть оставлено безъ ближайшаго опредѣленія. Мѣсто объ иконахъ должно было находиться въ греческомъ текстѣ, потому что нѣчто подобное читается въ греческой передѣлкѣ Епифаніева сочиненія Метафрастомъ. Въ замѣткѣ объ алфавитарѣ едва ли заключается какой глубокой смыслъ. Позволяемъ себѣ догадываться, что тутъ разумѣется просто канонъ или какое другое стихотворное церковное произведеніе въ честь апостола Андрея, съ акростихомъ по порядку буквъ алфавита (см. словарь Дюканжа sub v. ἀχρόστιχον). Въ такомъ случаѣ, слова эти, пожалуй, не могли принадлежать первоначальному автору, который считалъ Синопіанъ анеропофагами не со словъ другихъ постороннихъ лицъ, а по ихъ собственнымъ преданіямъ.

•Переходимъ къ грузинскому житію ¹⁾. Оно, какъ замѣчено, начинается Синопомъ. Въ этомъ городѣ находилось множество Іудеевъ и язычниковъ. Последніе, по свирѣпости и дикости своей, почитались даже отъ многихъ людоѣдами. Не подалеку отъ города лежалъ островокъ, на которомъ пріютились апостолы и поучали всѣхъ приходящихъ. Нынѣ на этомъ мѣстѣ,—говоритъ составитель или переводчикъ житія Романъ,—находятся двѣ церкви, высѣченныя въ скалахъ, и въ одной изъ нихъ есть образъ апостола Андрея, высѣченный (?) тоже на мраморной доскѣ, и т. д. Разсказъ объ освобожденіи Матѳея Андреемъ помѣщается здѣсь же и не представляетъ никакихъ дополненій или измѣненій противъ того, что уже намъ извѣстно.

Затѣмъ идетъ рѣчь о пребываніи апостоловъ Петра и Павла въ городѣ Мисоновъ, близъ береговъ Понта: нужно разумѣть Амисъ Епифанія (Ἄμισος); здѣсь сооружена была апостоломъ Андреемъ церковь и доселѣ всѣмъ извѣстная. Далѣе апостолъ посѣтилъ Транезонтъ, городъ, лежащій въ землѣ Мингрельцевъ (= πόλις τῆς Λαζικής), и послѣ краткаго пребыванія въ немъ, замѣтивъ грубое невѣжество жителей, отправился въ Карта-

1) <Ср. И. А. Джаваховъ, Проповѣдническая дѣятельность ап. Андрея и св. Нины въ Грузіи (въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1901 г., янв., отд. II), стр. 101 слл. и Ф. Жорданія, Описаніе рукописей Тифл. Церк. Музея, Тифл. 1903, кн. I, стр. 390 сл.>

линію¹⁾. Тамъ находясь долгое время въ городахъ ея: Нигліѣ, Кларджетѣ и Артапанколосѣ, онъ просвѣтилъ многихъ крещеніемъ. Отселѣ Андрей перешелъ въ Сомхетію и потомъ удалился въ Іерусалимъ на Пасху²⁾. Послѣ праздника Пасхи, Андрей вмѣстѣ съ Іоанномъ находились въ Ефесѣ. Здѣсь явился блаженному Андрею Христосъ и сказалъ ему: «Спѣши немедленно въ Вивинію, не бойся. Я съ тобою, доколѣ шествуешь; еще же земля Готеовъ (= ἡ Σουθία) ожидаетъ тебя». Слѣдуетъ путешествіе въ Лаодикію, въ мисійскій городъ Одиссъ, и пребываніе въ Никеѣ.

Изъ Никеи, чрезъ Никомидію и Халкидонъ, апостоль направляется въ Ираклію и потомъ въ Амастриду, въ которой остается долгое время. Амастрида есть городъ обширный и великолѣпный. Апостоль Андрей поставилъ въ ней епископомъ Пальма, о которомъ говорятъ жители сего города, что онъ написалъ много божественныхъ поученій, но въ послѣдствіи пожаръ, истребившій городъ, истребилъ и домъ, въ которомъ хранились его писанія, и тѣмъ лишились мы великой духовной пользы.

Изъ Амастриды апостоль отправился рѣкою, Парөніемъ называемою, въ городъ Хараконъ, который окруженъ двумя рѣками: съ южной стороны, такъ называемая рѣка Ликъ или Волкъ, по вредной быстротѣ ея теченія, а съ сѣверной — рѣка Лусія. Обѣ сія рѣки соединяются вмѣстѣ и образуютъ Парөень, рѣку глубокую, широкую и удобную для судоходства. Здѣсь, въ особенности въ лѣтнее время, бывало большое стеченіе народа. Въ городѣ многіе обратились. Апостоль избралъ для вѣрныхъ мѣсто молитвы и воздвигъ знаменіе креста, а впослѣдствіи жи-

1) Въ грузинской хроникѣ Требизондъ также названъ городомъ въ землѣ Мингрельской, что, по объясненію г. Броссе, значить только, что этотъ главный городъ Лазики былъ населенъ народомъ, имѣющимъ одно происхожденіе съ Мингрельцами: см. *Histoire de la Géorgie trad. par Brosset*, I, p. 56. «Ср. Н. Я. Марръ, *Антиохъ Стратигъ, Плененіе Іерусалима Персами въ 614 г.*, Спб. 1909, § 14, стр. 25.»

2) Въ грузинской хроникѣ (*Histoire de la Géorgie*, I, 60): «A Nigal, dans le Clardjeth, à Artahan, à Cola, où il resta très longtemps... De-là il traversa Clardjeth, les terres de la Parthie, et l'Arménie et alla célébrer la Pâque à Jérusalem». Вмѣсто Кларджета акад. Броссе предлагаетъ читать въ первомъ случаѣ Djawaketh и указываетъ, что всѣ мѣста находятся въ южной Сомхетіи; въ Нигалѣ онъ находитъ Nialis-Qour.

тели соорудили церковь во имя апостола, съ изображеніемъ на стѣнѣ его образа, совершенно сходнаго съ подлинникомъ, при которомъ совершаются чудеса и понынѣ.

Изъ Харакона, о которомъ ничего не сказано въ греческомъ подлинникѣ, апостоль опять приходитъ въ Синопъ. Здѣсь, а не въ Амастридѣ, какъ въ греческомъ текстѣ, случилось происшествіе, подавшее поводъ называть Синопіянъ перстоѣдами.

Отправившись къ берегамъ Повта, апостоль посѣтилъ село, называемое Залихонъ, затѣмъ Амасію, жители которой приняли его съ радостію и водворили въ томъ же городѣ, въ которомъ онъ жилъ прежде, ибо сей городъ давно уже былъ просвѣщенъ апостоломъ (итакъ, это тотъ же городъ Мисоновъ, то есть, Амись?).

Слѣдуетъ новое посѣщеніе Трапезунта, а далѣе Неокесаріи и города Самосать, лежащаго на границѣ Пароянъ или Арменіи. Изъ Самосать апостоль отправился въ Іерусалимъ на Пасху.

Третье и послѣднее путешествіе апостола Андрея въ припонтійскихъ странахъ изложено по Епифанію, но съ измѣненіями въ названіи странъ и мѣстностей, могущими служить комментариемъ къ вышеприведенному греческому тексту. Съ этою цѣлю мы приводимъ описаніе этого путешествія вполнѣ.

По совершеніи праздника, апостоль (Андрей) вышелъ изъ Іерусалима, въ сопровожденіи Симона Кananита, Матеія, поставленнаго вмѣсто Іуды Искаріотскаго, и Фаддея, въ городъ Едессъ. Тамъ Фаддей остался у владѣтеля Авгаря, которому посланъ былъ нерукотворенный образъ Христа... Блаженный Андрей съ остальными спутниками посѣщалъ города и села. Они вездѣ поучали народъ и творили чудеса; наконецъ достигли до земли Карталинской, прошли часть земли Таотской дорѣвки, называемой Чорохомъ, безпрестанно проповѣдуя Спасителя (= въ греч. Иверія и рѣка Фазисъ). Апостолы посѣтили Сванетію (= *Σουανίαν*), въ княженіе нѣкоей жены, которая приняла проповѣдь¹⁾. Здѣсь остался Матеій съ прочими учени-

1) Histoire de la Géorgie, I, 61: «Ils arrivèrent ainsi au pays de Géorgie, traversèrent les contrées voisines du Tao, jusqu'au Dchorokh, firent le tour des villages - - et atteignirent en prêchant le Souaneth, où alors régnait une femme,

ками, а великій Андрей съ Симономъ отправился въ землю Осетинцевъ (εις Σαλαμίαν, то есть, Ἀλαμίαν) и достигъ города, Фостифоромъ называемаго (= Φοῦστα), гдѣ они послѣ дивныхъ чудесъ просвѣтили многихъ.

Оставивъ Осетию, они посѣтили Абхазію и остановились въ городѣ Севастѣ, называемомъ нынѣ Сухумомъ, жители котораго приняли слово Божіе. Блаженный Андрей въ семъ городѣ оставилъ Симона Канаanita съ прочими учениками, а самъ отправился въ землю Джихетскую (Ζηχίτζα). Обитатели этой страны, Джихи (Ζηχιοί), были жестоки сердцемъ, погружены въ дѣлахъ нечестія, и потому они не приняли проповѣди апостола, а искали случая умертвить его, но благодать Божія сохранила его. Блаженный, видя ихъ грубость, жестокосердіе и непреклонность, удалился; посему Джихетцы до сего времени остаются въ невѣрїи. Отселѣ отправился апостоль Христовъ въ страну, называемую верхнимъ Суадагомъ (εις τοὺς Σουδαίους τοὺς ἄνω)¹⁾, нынѣ необитаемую; жители ея съ радостію приняли проповѣдь апостола.

Спустя нѣсколько времени, апостоль посѣтилъ приморскій

qui accueillit la prédication des apôtres. Matatha resta avec les autres disciples dans ces régions; mais le grand S. André et Siméon pénétrèrent dans l' Oseth, et atteignirent une cité nommée Postaphor et Bosphore, où ils firent de grands miracles. Ayant converti et baptisé beaucoup de monde, ils partirent de-là et entrèrent en Aphkhaseth. Arrivés dans la ville de Sebaste, aujourd'hui Tzkhoun (Сухумъ), ils y prêchèrent la parole de Dieu - Le bienheureux André y laissa Simon-le-Cananéen avec les autres disciples et s'éleva vers le Djiketh, dont les habitans étaient farouches - c'est pourquoi maintenant encore ils persévèrent dans l'infidélité. Le tombeau de Simon-le-Cananéen est à Nicopsia, entre l'Aphkhaseth et le Kadjet, à la frontière de la Grèce, où il est mort». См. примѣчанія ак. Броссе къ этому пути; нѣкоторыя изъ нихъ, именно относительно Босфора, должны быть устранины при сличеніи съ первоначальнымъ источникомъ. <Въ грузинскомъ текстѣ самаго Хождения названіе Босфора приводится лишь ниже, какъ въ греческомъ. См. Сабининъ, Грузинскій Рай, Спб. 1882, стр. 36. Тамъ же вмѣсто Сванетїи читается: «страна Сосангеловъ или Сосангцевъ». Н. Я. Марръ.> Отожествленіе Севастополя съ Сухумомъ (старый Сухумъ — во внутренности страны) признается не совсѣмъ точнымъ, потому что Севастополь есть древнѣйшая Диоскуриада, и слѣдовательно находился тамъ, гдѣ теперь мѣстечко Iskourtché или Isgaour, близъ рѣки Кодора (Kodor). Анакофія, Никопсисъ, Анакопи (= греч. ἀνακοπή) между Бомборами и старымъ Сухумомъ при устьѣ Псирста: на одной картѣ указана здѣсь гробница св. Симома и пр.

1) Переводчикъ грузинскаго житія замѣчаетъ, что въ 35 верстахъ отъ Владикавказъ въ Осетїи существуетъ и нынѣ аулъ Суадагъ.

городъ Босфоръ, лежащій близъ земли Таврогунновъ¹⁾. Здѣсь указываютъ гробъ съ надписью имени Симона Зилота; могила же Симона Кananита находится въ городѣ Никополѣ (?), лежащемъ между Абхазіей и Джихетіей (=Никопсисѣ).

Въ Босфорѣ апостоль своєю проповѣдью многихъ обратилъ въ христіанство и утвердилъ въ вѣрѣ. Изъ Босфора онъ отправился въ Θεодосію, городъ обширный и многолюдный, управляемый въ то время правителемъ по имени Савроматомъ. Нынѣ 174 онъ въ развалинахъ и безлюденъ. Малое число изъ жителей сего города увѣровали въ Спасителя, посему апостоль оставилъ его и удалился въ городъ Готевъ, Херсонесъ, гдѣ обитали люди грубые и невѣрные. Онъ пробылъ у нихъ долгое время, обращая ихъ къ вѣрѣ.

Оставивъ Херсонесъ, апостоль въ другой разъ посѣтилъ Босфоръ, утверждая жителей въ вѣрѣ, а отсюда Чернымъ моремъ отправился въ городъ Синопъ.

По поводу посѣщенія Византіи замѣчено, что здѣсь апостоль построилъ въ мѣстечкѣ, называемомъ Акрополисомъ, церковь во имя Пресвятой Богородицы, которая доннынѣ находится вблизи вратъ городскихъ, называемыхъ Авгенопомъ, а самая церковь называется Армасономъ.

Другія греческія житія св. апостола Андрея, между прочимъ упоминаемая въ библиотечныхъ каталогахъ похвала Арсенія Керкирскаго, остаются, сколько намъ извѣстно, не изданными, и потому намъ слѣдуетъ отмѣтить только двухъ писателей, имѣющихъ отношеніе къ нашей темѣ, то есть, Никиту Давида Пафлагонскаго и позднѣйшаго (XIV в.) церковнаго историка, патріарха Никифора Каллиста. Оба они объясняли себѣ пребываніе апостола въ землѣ анеропофаговъ нѣсколько иначе, чѣмъ Епифаній.

Никита Давидъ Пафлагонскій, извѣстный своєю біографіей патріарха Игнатія и враждою къ памяти Фотія, жилъ въ концѣ IX и началѣ X столѣтія и оставилъ намъ, между прочимъ,

---

1) Названіе Таврогунновъ замѣняетъ, вѣроятно, греческое: Тавроскиевы, и въ такомъ случаѣ означало бы, какъ всегда у Византійцевъ XI—XII вѣка, Русскихъ. Если бы оно стояло въ самомъ житіи Епифанія, то это имѣло бы извѣстную важность. Впрочемъ, земля Тавроскиевовъ, находящаяся подъ властію Готовъ, упоминается въ житіи св. Іоанна Готскаго.

цѣлый рядъ похвальныхъ рѣчей въ честь двѣнадцати апостоловъ и нѣкоторыхъ изъ семидесяти. Этотъ родъ сочиненій относился болѣе къ области церковнаго краснорѣчія, чѣмъ историческаго повѣствованія, и по понятіямъ того времени, особенно же самого Никиты, требовалъ прежде всего возвышенной, то есть, искусственной фразеологіи, пышныхъ восклицаній и звонкихъ періодовъ, а относительно фактовъ — позволялъ ограничиваться одними общими указаніями и намеками. Тѣмъ не менѣе, по этимъ намекамъ и указаніямъ видно, что фактическая основа, которая облекается словесною пышною одеждою, заимствована въ рѣчахъ Никиты изъ той же самой, намъ извѣстной апокрифической литературы, хотя въ иныхъ случаяхъ, нужно думать, уже не прямо.

Въ похвалѣ апостолу Андрею для насъ важны слѣдующія два мѣста. Сказавъ, что послѣ сошествія Св. Духа апостолы разсѣялись по разнымъ странамъ, ораторъ обращается къ Андрею:

«А ты, наиболѣе для меня достойный почитанія, Андрей: ты, достойнобожественная вещь, истиннаго мужества образецъ, 175 твердости адамантъ, терпѣнія статуя (*ἀνδριάς*), послѣ камня камень (*μετὰ τὴν πέτραν πέτρα*), тотчасъ послѣ Христа несокрушимое церкви основаніе! Получивъ въ удѣлъ сѣверъ, ты обходилъ Иверовъ (Грузію) и Сарматовъ, Тавровъ и Скиѳовъ, всякую страну и городъ, которые лежатъ на сѣверѣ Евксинскаго Понта и которые расположены на его югѣ¹⁾.

«Какъ прежде противу Христа поднялась іудейская рука, такъ противъ Андрея воздвиглась рука скиѳская: стремительная ярость царей, человѣкоубійственное устремленіе князей и звѣрское совозстаніе народовъ; и отсюда — темницы и бичи, волоченія (по землѣ) и разрываніе членовъ (*ἐλκυσμοί τε καὶ μελῶν σπαραγμίς*); и сверхъ того, деревья и камни и сѣкиры и все попавшее въ кровожадныя руки (*ταῖς μακρόνοις χερσίν*) — всякое оружіе направлялось противъ честной его главы.

«Итакъ, обнявъ благовѣстіемъ всѣ страны сѣвера и всю

1) τὸν βορρᾶν κληρωθεὶς, Ἰβηρᾶς καὶ Σαυρομάτας, Ταύρους καὶ Σκιόδας, καὶ πᾶσαν χώραν καὶ πόλιν, ὅσαι τε πρὸς ἄρκτον Εὐξείνου τοῦ πόντου καὶ ὅσαι πρὸς νότον διάκεινται περιῶν (Migne, P. G., 105, 64 C).

прибрежную область Понта въ силѣ слова, мудрости и разума, въ силѣ чудесъ и знаменій, вездѣ поставивъ для вѣрующихъ жертвенники, священниковъ и іерарховъ, онъ приблизился къ оной славной Византіи».

У того же автора въ Похвалѣ апостолу Матѳію, отличае-
мому, конечно, отъ Матѳія, мы читаемъ о немъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Слѣдуетъ удивляться всѣмъ хожденіямъ (τάς περιόδους) блаженнѣйшаго апостола и подвигамъ, которые онъ совершилъ во всѣхъ народахъ во время своего обхожденія, какъ дѣламъ знаменитѣйшимъ и достойнобожественнѣйшимъ; но преимущественно (слѣдуетъ удивляться) тому мужеству, которое онъ явилъ среди живущихъ въ Первой Эѳіопіи, среди этихъ людей, черныхъ тѣломъ, но еще болѣе черныхъ смысломъ и душою, ни въ чемъ не отличающихся отъ сыроданныхъ звѣрей» и т. д.¹⁾

Что касается Эѳіопіи, въ которой проповѣдывалъ Андрей, то Никита Пафлагонянинъ не даетъ никакихъ ближайшихъ опредѣленій объ ея мѣстонахожденіи. Очень вѣроятно, что онъ разумѣлъ здѣсь ту же самую Эѳіопію восточную, о которой говорится у него въ похвалѣ апостолу Вареоломею²⁾, или которая ознаменована была проповѣдію Ѳомы, и слѣдовательно, какъ 176 указано въ надлежащемъ мѣстѣ другой Похвалы, сосѣдила съ Индіей или даже въ ней находилась³⁾. Скиѳская же рука, поднявшаяся противъ Андрея, безъ сомнѣнія—не есть рука жителей Синопа, такъ какъ выше упомянуты Скиѳы и Тавры. Нельзя съ увѣренностію утверждать, что Никита Пафлагонянинъ, сопоставляя эти два слова, думалъ ужъ объ извѣстномъ ему «Скиѳскомъ народѣ Русь», какъ это было бы несомнѣнно относительно какого-либо позднѣйшаго византійскаго писателя⁴⁾;

1) <Ibid. col. 280.>

2) <Ibid. col. 208 A.>

3) <Ibid. col. 136 sqq.>

4) У Анны Комнины и у Киннама Ταῦροι καὶ Σχόδα: просто означаютъ Русскихъ: это своего рода ἐν διὰ δουρί. Равнымъ образомъ и другая описательная форма: οἱ περὶ τὸν Ταῦρον Σχόδα — едва ли заключаетъ въ себѣ какое-либо опредѣленное указаніе на гору Тавръ, а скорѣе должна быть отнесена на счетъ византійской привычки выражаться кудрявыми оборотами, считае-
мыми за болѣе классическіе.

но во всякомъ случаѣ его Скиѣы будутъ находиться на сѣверной сторонѣ Понта и, слѣдовательно — въ теперешнихъ русскихъ предѣлахъ.

Никифоръ Каллистъ въ своей церковной исторіи, излагая отдѣлъ объ апостольской проповѣди, допускалъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пользованіе апокрифическими хожденіями. Пребываніе апостола Матеѣя въ Мирминѣ (Μυρμίνη), городѣ анеропофаговъ, рассказано¹⁾ прямо по извѣстному намъ отреченному источнику, изъ котораго мы привели выше начальныя строки (о деревѣ, выросшемъ изъ жезла). Но и отличаемый отъ Матеѣя апостоль Матѣй, прибывъ въ Первую Эѣіопію, очень много пострадалъ отъ звѣрства и ненависти тамошнихъ неразумныхъ народовъ (разумѣются тѣ же анеропофаги), и т. д.²⁾ Наконецъ, прямо упомянута и область анеропофаговъ, доставшаяся въ удѣлъ апостолу Андрею и помѣщаемая на сѣверѣ Чернаго моря: «Апостолу Андрею по жребію досталось идти къ язычникамъ, именно въ Каппадокію, Галатію и Виѣнію; обопедши оныя, онъ посѣтилъ также страну, которая называется страню Анеропофаговъ, и пустыни Скиѣскія по обопмъ берегамъ Евксинскаго Понта — сѣверному и южному»³⁾.

IV.

Тѣ изъ греческихъ писателей, которые, подобно Никитѣ Палагонскому и Никифору Каллисту, помѣщали анеропофаговъ, посѣщенныхъ апостолами Андреемъ и Матѣіемъ (= Матѣемъ), въ сѣверной Скиѣи, разумѣли, конечно, ту Скиѣю, которая 177 была наиболѣе извѣстна въ ихъ времена, и если бы мы могли потребовать отъ нихъ прямого объясненія, то, вѣроятно, они назвали бы Россію. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что другое названіе для земли анеропофаговъ, тоже очень древнее, было извѣстно Византійцамъ X и XI вѣковъ и прилагалось прямо къ землѣ Русской, хотя сначала служило для обозначенія

1) <Niceph. Call. II, 42 (Migne, PG., 145, 865 B).>

2) II, 40 (col. 865 A): 'Ο δ' αὖ γε Ματθίας - τῇ πρώτῃ Αἰθιοπία προσβαλὼν καὶ τῇ θηριωδίᾳ καὶ ἀπεχθεῖα τῶν ἀλογίστων ἐκείνων ἐθνῶν πλείστα πικρονηκώς.

3) <II, 39, col. 860 C.>

Болгаръ за то время, когда они обитали на востокъ Азовскаго моря. Это любопытное названіе есть Мирмидоняне и Мирмидонія. Уже много разъ были приводимы слова болгарскаго переводчика Малалы: «сіи Ахиллеусъ имый воя своя, иже нарицахуся тогда Мурмидонесъ, нынѣ Болгаре», но только князь П. П. Вяземскій (Замѣчанія на слово о Пльку Игоревѣ, стр. 121) замѣтилъ, что отождествленіе Мирмидонянъ и Болгаръ находится уже въ греческомъ текстѣ Малалы, слѣдовательно, древнѣе поселенія Болгаръ во Фракіи, гдѣ все-таки никогда и никѣмъ не предполагалось существованія Мирмидонянъ греческихъ: настоящая родина послѣднихъ — островъ Эгина и Фессалія¹⁾.

Болгары названы Мирмидонянами не потому, что они поселились на мѣстахъ жительства греческихъ Мирмидонянъ, воевавшихъ подъ Троею съ Ахиллесомъ; напротивъ того, имя Мирмидонянъ перенесено на старинную родину Болгаръ: обстоятельство, находящееся въ связи съ древнимъ распространеніемъ культа Ахиллеса на сѣверѣ Чернаго моря и около Мэотійскаго озера, съ существованіемъ нѣсколькихъ мѣстъ, посвященныхъ этому культу, каковы Ахиллеонъ Страбона (XI, 494) около Керченскаго пролива, безлюдное мѣстечко Левки въ Тавридѣ (Ammian. Marcell., XXII, 8, 35) и знаменитый Ахиллесовъ дромъ, или бѣгъ, около Днѣпровскаго устья, откуда, полагаютъ, пошло названіе Руси Дромитами. Городъ Мирмикіонъ (Μυρμικήιον), находившійся въ сосѣдствѣ съ Ахиллеономъ на Мэотійскомъ озерѣ и упоминаемый Страбономъ и Арріаномъ, рѣка Мермодасъ (Μερμύδας), впадавшая въ то же Мэотійское болото и раздѣлявшая земли Сираховъ и Амазонокъ, о которой упоминаетъ въ нѣсколько сомнительномъ мѣстѣ одинъ Страбонъ (XI, 504), — для Грековъ, производившихъ своихъ Мирмидонянъ отъ муравьевъ (μύρμηξ, -ηκος), одинаково могли служить поводомъ къ дальнѣйшему развитію темы о предполагаемомъ пребываніи Ахиллеса въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ и о личномъ установленіи имъ бѣга на Тендерской косѣ²⁾. Образовалось мнѣніе, что не только Мирми-

1) У Малалы въ изложеніи Троянскаго похода читается (Chronogr., p. 97, 19 sq. по Боннск. изд.): ὁ Ἀχιλλεύς, ἔχων ἴδιον στρατὸν τῶν λεγομένων Μυρμιδόνων τότε, νυνὶ δὲ λεγομένων Βουλγάρων.

2) Ammian. Marcellin., XXII, 8, 41: gracile litus Achilleos vocant indigenae dromon, exercitiis ducis quondam Thessali memorabilem.

доняне жили или поселились въ странахъ примэотійскихъ, по что и самъ Ахиллесъ происходилъ оттуда. Левъ Діаконъ, византійскій писатель X вѣка, утверждаетъ (р. 150, 4 sqq.), дѣлая не совсѣмъ для насъ понятную и, конечно, неточную ссылку на Арріана¹⁾, что Ахиллесъ былъ собственно Скиѣ, родомъ изъ Мирмикіона, и даже по всѣмъ признакамъ—Тавроскиѣ, то есть, Русскій: свѣтлые волосы, голубые глаза, пѣшій бой и нѣкоторыя другія черты служили тому доказательствомъ. Наоборотъ, по-гребальные обычаи Руси, показавшіеся Льву Діакону сходными съ языческими еллинскими, вели свое начало, по его мнѣнію, отъ спутниковъ Ахиллеса, то есть, отъ Мирмидонянъ. Несмотря на нѣкоторую запутанность и неотчетливость представлений, замѣчаемую въ этихъ объясненіяхъ, нужно все-таки полагать, что въ глазахъ Льва Діакона Мирмидонія находилась въ тѣхъ же областяхъ, какъ и у Малалы, и что теперь древніе Мирмидоняне уже считались предками Русскихъ, а владѣнія Русскихъ около Азовскаго моря—Мирмидоніей²⁾. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ XI вѣкѣ имя Мирмидонянъ, на ряду съ другими унаслѣдованными отъ классической древности названіями, служило для обозначенія Русскихъ. Такъ, Атталиота, одинъ изъ наиболѣе свѣдущихъ и разумныхъ византійскихъ писателей, жившій въ концѣ означеннаго столѣтія, рассказываетъ, что часть Узовъ (=Торковъ, Половцевъ), вторгнувшись въ предѣлы имперіи и разбитыхъ на-голову Греками, перешла обратно на сѣверную сторону Дуная и потомъ покорила князю Мирмидонянъ, который и поселилъ ихъ въ своихъ городахъ³⁾. Идетъ ли здѣсь рѣчь о томъ поселеніи Узовъ или Гузовъ, которому обязаны своимъ происхожденіемъ Гуцулы Галиційскіе, или о другомъ какомъ изъ торкскихъ поселеній въ Кіевской Руси,—этого мы положительно не знаемъ, но что никакой другой князь, 179

1) У Арріана нѣтъ тѣхъ словъ объ Ахиллесѣ, на которыя ссылается Левъ Діаконъ, но въ другихъ периплахъ читаются слова: τοῦ στομίου τῆς Μαιώτιδος λίμνης ἤτοι Ἀχιλλείου κόμη (Anonymi Periplus Ponti Euxini, § 92 p. 422, 44 Muller), что, быть можетъ, было бы достаточно для Льва Діакона.

2) Можетъ быть, тутъ слѣдуетъ припомнить и Черную Болгарію, на которую только недавно обратили вниманіе наши изслѣдователи.

3) Attaliota, p. 87, 14: καὶ τοὺτους φασὶ τῶ τῶν Μυρμιδόνων ἄρχοντι προσρῆναι καὶ παρ' αὐτοῦ διασπαρῆναι ταῖς ἀμφ' αὐτὸν πόλεσι.

кромѣ русскаго, не можетъ быть здѣсь разумѣемъ, это вполне очевидно ужь изъ указанія на сѣверъ Дуная.

Если имя Мирмидонянь встрѣчается и въ другомъ мѣстѣ, уже на самомъ югѣ Балканскаго полуострова, то оно опять-таки у Византійцевъ прилагается къ Славянскому племени, и, нужно думать, перешло сюда вмѣстѣ съ нимъ съ далекаго сѣвера. Въ одномъ греческомъ житіи, редакція котораго относится къ половинѣ XII вѣка, славянскіе Милинги, поселившіеся съ давняго времени въ Лаконіи, слѣдовательно, сосѣди Мессинскихъ Кривичей, названы Мисмидонянами, то есть, безъ сомнѣнія—Мирмидонянами¹⁾. Можетъ быть, они же первоначально осмѣивались и въ одной шутовой и забавной критской пѣснѣ, недавно напечатанной. О *μέρμηγκας*, заглавіе пѣсни, значить муравей и напоминаетъ Мирмидонянь, и въ другой своей формѣ—*μελιγκοῦνι*—названіе муравья, было бы еще ближе къ Милингамъ или Мелингамъ. На всякій случай мы приводимъ самую пѣсню²⁾:

Ὁ μέρμηγκας.

Ἀπάντηξέ μ' ὁ μέρμηγκας,
Σέρβου ἑγίε, Σέρβης ὑγίε,
Ἐσέ σελάκι μου, καλέ,
Κ' εἶχε τ' ἀτζὶ στριμμένο,
Τὸ μπράτσο σηκωμένο,
Ὀβρόεϊκα ντυμένος,
Τούρικ' ἀρματωμένος,
Κ' ἦτον καὶ μέρμηγκας.
Κ' εἰς τῆ Συρίαν ἐπήγανε,
Σέρβου ἑγίε, Σέρβης ὑγίε,
Ὅγιά νά πολεμήση,
Γιὰ ἰδέε τὸ μέρμηγκα.

1) Въ житіи св. Никона Метанонте (Покайтесь): онъ жилъ въ концѣ X столѣтія и въ началѣ XI, а его любопытное и подробное жизнеописаніе, изданное только въ латинскомъ переводѣ, по всѣмъ признакамъ, первоначально составлено было современникомъ. Въ немъ читается: *Maligni quidam spiritus ex ethnicorum gente, quos indigenae Milingos pro Mysmidonibus vocant, homines cruentos et latrociniis innutritos incitarunt, ut monasterii pecora -- praedarentur.* См. Martène et Durand, *Veter. Scriptor. Ampliss. Collect.*, VI, 879. <Греческій текстъ житія издалъ въ 1906 г. Сп. Лампросъ въ 3-мъ томѣ своего журнала *Νέος Ἑλληνομνημῶν*. Тамъ, стр. 200, 27 сл. читается: *Τελχίνες τινες καὶ βάσκανοι δαίμονες ἐξώρησάν ποτε ἐνίους τῶν τὴν χώραν λαχόντων τῶν Ἀθριῶν, οὓς δὴ καὶ Μιληγγούς καλεῖν εἰώθησαν ἀντὶ Μυρμιδόνων οἱ ἐγχώριοι, ἄνδρες αἰμοφορεῖς (αἰμοχαρεῖς? Lampr.) καὶ -- μηδὲν ἄλλο εἰδότες ἢ μόνον τὸ ληστεύειν -- ἐφ' ᾧ -- τὰ ἐκεῖσε θρέμματα τῆς μονῆς διάρπαγμα ποιῆσαι ἔσπευδον.*>

2) *Jannaraki, Ἄσματα χρητικά*, стр. 104.

Ἐν τῇ στρατῇ τοῦ συναπαντοῦν
 Σαρακηνοὶ καὶ Μῆδροι,
 Σέρβου ἑγὲ, Σέρβης ἑγὲ,
 Σαράντα Γιανιστάρου.

То есть:

180

Встрѣтился со мною муравей (Мерминка),
 Сербина сынъ, Сербянки сынъ¹⁾,
 На полѣ моемъ, прекрасный!
 И онъ имѣлъ бедро вывихнутое
 И руку поднятую,
 По-еврейски одѣтый,
 По-турецки вооруженный,
 А былъ притомъ и муравей (Мерминка).
 И отправился онъ въ Сирію,
 Сербина сынъ, Сербянки сынъ!
 Для того чтобы тамъ воевать:
 Посмотри-ка на муравья!
 На улицѣ съ нимъ встрѣтились
 Саракины и Мавры,
 Сербина сынъ, Сербянки сынъ!
 И сорокъ Янычаровъ.

Предоставляя знатокамъ объясненіе этой странной пѣсни о воинственномъ муравѣѣ, мы замѣтимъ только, что примѣсь одного сравнительно новаго имени Янычаровъ къ другимъ болѣе стариннымъ (Саракинамъ и Маврамъ) еще не даетъ основанія считать ее слишкомъ молодою и не помѣшаетъ думать, что ее распѣвали на Критѣ въ тотъ еще періодъ, когда византійскія войска ходили на борьбу съ невѣрными въ Сирію, а славянскіе обитатели южнаго Пелопонниса составляли привилегированное населеніе, обязанное одною военною службою императору, какъ это было до покоренія Франками «дрома Мѣлингговъ» (τῶν Μελιγγῶν ὁ δρόμος=ὁ Μελιγγῶν ὁ δρόγγος; см. Морейскую хронику).

Какъ бы то ни было, Мирмидоняне-Болгары Іоанна Малалы, замѣчанія Льва Діакона о родствѣ Руси съ Ахиллесомъ или его дружиной и выраженіе, употребленное Атталіотою для обозначенія русскаго князя, объясняютъ себя взаимно и объясняютъ

1) Слова эти имѣютъ видъ припѣва (refrain) и стоятъ въ звательномъ падежѣ.

для насъ значеніе Мирмидоніи и, слѣдовательно, Мирмины (или Мурмены), замѣняющей въ разныхъ изложеніяхъ извѣстнаго намъ апокрифа, а отчасти и въ самомъ апокрифѣ страну анеропофаговъ. Самое знакомство Атталіоты съ книжнымъ, мертвымъ и все-таки необычнымъ у историческихъ писателей терминомъ есть, вѣроятно, плодъ начитанности въ церковной литературѣ апостольскихъ хожденій, очищенныхъ отъ еретической первоначальной закваски. Въ такомъ случаѣ приходилось бы допустить, что не одинъ только Атталіота, но и другіе его современники безъ всякихъ дальнихъ разсужденій предполагали, что въ числѣ странъ, посѣщенныхъ апостоломъ Андреемъ, находилась и Россія, и что именно эта страна разумѣлась подъ извѣстными названіями въ церковной литературѣ.

Въ письмѣ византійскаго императора Михаила VII Дуки, которое, какъ мы доказали въ одной изъ своихъ предыдущихъ статей, было предназначаемо для русскаго князя Всеволода Ярославича, секретарь императора, современникъ Атталіоты, Михаилъ Пселль, говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Духовныя книги достовѣрныя и исторіи научаютъ меня, что наши государства оба имѣютъ одинъ нѣкій источникъ и корень, и что одно и то же спасительное слово было распространено въ обоихъ, что одни и тѣ же самовидцы божественнаго таинства и его вѣстники провозгласили въ нихъ слово Евангелія».

Объясняя послѣднія слова, мы замѣтили, что въ нихъ заключается указаніе на какое-то церковное преданіе, которое, съ одной стороны, не было общераспространеннымъ свѣдѣніемъ или убѣжденіемъ, такъ что при указаніи на него требовалось сослаться на достовѣрныя исторіи, а съ другой — не было основано на прямомъ свидѣтельствѣ Священнаго Писанія, такъ что въ подтвержденіе его нельзя было указать просто на священныя книги, а только на духовныя. Мы приняли, что въ грамотѣ содержится прямая ссылка на преданіе объ апостолѣ Андрѣѣ, который здѣсь представляется не только основателемъ Константинопольской церкви, но и первымъ провозвѣстникомъ Евангелія въ русскою землѣ¹⁾. Теперь мы можемъ прибавить только то за-

1) (См. выше, стр. 49 сл.).

мѣчаніе, что, быть можетъ, выраженіе «*ἱερατικαὶ βιβλῶν*» всего скорѣе шло къ такого рода литературѣ, какую представляли обращавшіяся въ православной церкви исправленные «хожденія» апостоловъ.

Что касается русскаго сказанія, внесеннаго въ нашу первоначальную лѣтопись, то оно находится, конечно, въ связи съ указанными сейчасъ учеными мнѣніями Византійцевъ XI вѣка и ведетъ свою родословную отъ тѣхъ же гностическихъ хожденій, которыя нами выше были изложены¹⁾. Странными представляются не основная тема сказанія и не ея мотивы, а только ея 182 развитіе и подробности, едва ли объяснимыя изъ дошедшихъ до насъ апокрифическихъ источниковъ. Какъ скоро признано было несомнѣннымъ путешествіе апостола Андрея по русской землѣ, то уже было вполне естественно привести его на то мѣсто, гдѣ потомъ явился Кіевъ, мать городовъ русскихъ, если бы даже и не было для этого какого-либо особеннаго повода или въ древнемъ храмѣ въ честь Первозваннаго, или же въ древнемъ обычаѣ ставить кресты на горахъ и возвышенностяхъ. Въ Византіи, мы знаемъ, былъ древній крестъ, сдѣланный, по преданію, руками апостола и имъ самимъ поставленный на извѣстномъ мѣстѣ (Codin., *De aedificiis*, p. 119 = *Scriptores originum Constantinopolitanarum* rec. Th. Preger, II, p. 271, 5 sqq.); очень возможно, что въ XI—XII вѣкахъ подобное же преданіе существовало въ русскомъ народѣ, среди кіевского населенія. Наивный эпизодъ о новгородскихъ баняхъ и о жестокомъ обычаѣ париться молодыми прутьями, будто бы поразившемъ апостола, было бы возможно объяснить или своего рода простодушнымъ рационализмомъ, сдѣлавшимъ баню изъ того источника, который вытекъ изъ-подъ жезла, посаженнаго апостоломъ Матвѣемъ въ землѣ Мирмидонянъ, и который послужилъ цѣлебною банею для анеропофаговъ, или же признать здѣсь совершенное искаженіе и только глухой отголосокъ этой частной черты въ

---

1) Что сказаніе не принадлежитъ самому составителю первоначальной лѣтописи, а существовало до него, это видно изъ другихъ мѣстъ въ той же лѣтописи, гдѣ говорится, что тѣломъ апостолы не были въ русской землѣ, и которыя, слѣдовательно, представляютъ прямое противорѣчіе сказанію.

апокрифъ, повѣствующемъ о спутникѣ св. Андрея. Путешествіе апостола въ землю Варяговъ, представляемую на пути изъ Новгорода въ Римъ, могло бы быть считаемо за домысль русскаго книжника, вызванный неудачнымъ толкованіемъ слова Мирмина (= Мирмидоніи), то есть, отождествленіемъ Мирминской или, по другому произношенію, Мурманской страны съ Урманами или Мурманами, упомянутыми въ лѣтописи въ числѣ Варяжскихъ народовъ и соотвѣствующими Норвежцамъ. Всѣ такія догадки были бы, однако, болѣе или менѣе излишни въ виду того важнаго соображенія, что до насъ дошли или не всѣ «хожденія» апостола Андрея, или далеко не въ полномъ видѣ, и что нѣкоторыя изъ утраченныхъ редакцій или же частей ихъ могли быть извѣстны на Руси XI—XII вѣковъ. Статья «О началѣ Русскія земли и созданіи Новаграда», читаемая въ русскомъ хронографѣ позднѣйшей редакціи¹⁾, служитъ нѣкоторымъ подтвержденіемъ такому соображенію. Здѣсь мы находимъ разсказъ о князьяхъ русскихъ 183 Халохѣ и Лахернѣ, о томъ, какъ они, съ безчисленнымъ количествомъ «русскихъ вой», ходили подъ стѣны Константинополя, при чемъ храбрый Лахернъ былъ убитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ была выстроена Лахернская (= Влахернская) церковь Богородицы, а Халохъ раненый возвратился во-свояси съ оставшимися въ живыхъ русскими воинами. Затѣмъ авторъ статьи переходитъ къ характеристикѣ русскаго быта, современнаго этимъ князьямъ, жившимъ много лѣтъ послѣ Александра Македонскаго, но ранѣ построенія Влахернскаго храма императоромъ Маркіаномъ и его супругою Пульхеріей: «Живуще тогда отнюдь погани яко скоть, не имуще закона. О нихъ же свидѣтельствуеть въ хоженіи своемъ блаженный Андрей Первозванный, яко отнудъ невѣгласи тогда и погани быша. Въ сихъ же, рече, тогда княжиша два брата, единому имя Діюлесь, а другому Дидалакхъ, невѣгласи же боги ихъ нарицаху тогда за то, иже пчелы имъ налѣзше и борти верхъ древія устроиша» (Изборникъ, стр. 446). Ученый авторъ сочиненія о хронографахъ, соглашаясь

1) См. А. Н. Попова, Изборникъ славянскихъ и русскихъ статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи, стр. 442 и сл. Ср. Обзоръ хронографовъ, II, 204.

въ этомъ съ другими изслѣдователями, признаеть, что помимо произвольныхъ вымысловъ, основанныхъ на весьма незамысловатыхъ генеалогическихъ олицетвореніяхъ, въ «Повѣсти» сохранился и слабый отголосокъ русскихъ народныхъ преданій (Обзоръ хронографовъ, II, 205). Слѣдуетъ признать также, что сочинитель «Повѣсти» тѣмъ или другимъ путемъ былъ знакомъ съ нѣкоторыми византійскими источниками, не всѣмъ доступными. Онъ прямо ссылается на греческую исторію, говоря о каганѣ сыроядцѣ, въ которомъ слѣдуетъ признать предводителя Печенѣжской орды, перешедшей изъ-за Дуная (Истеръ) въ предѣлы Восточной имперіи, по имени Кегена, хотя онъ и былъ современникомъ императора Константина Мономаха. Этимологія, объясняющая названіе знаменитаго Влахернскаго храма въ Константинополѣ, равнымъ образомъ принадлежитъ первоначально греческимъ источникамъ. Замѣтка о Скияскомъ князѣ Влахернѣ, убитомъ на мѣстѣ построенной послѣ Влахернской церкви, читается въ греческомъ Ватиканскомъ спискѣ хроники Амартола, при разсказѣ о нашествіи Руси на Цареградъ въ 865 году, и отсюда перешла въ славянскіе и русскіе хронографы (Изборникъ, стр. 4, 136; ср. 1, 168¹⁾). Но нашъ авторъ знаетъ не 184 одного Лахерна, а также и Халоха, который тоже долженъ принадлежать византійскому источнику и отчасти напоминаетъ Хамуха, «древняго мужа», сообщившаго свое имя одной мѣстности въ Зикхій (Χαμούχ): послѣдній извѣстенъ только изъ одной замѣтки, находящейся въ концѣ сочиненія Константина Багрянороднаго объ управленіи имперіей (р. 269, 10). Итакъ, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ предположеніи, что авторъ «Повѣсти о началѣ Русскія земли» въ самомъ дѣлѣ имѣлъ въ рукахъ тотъ источникъ, на который онъ ссылается, то есть, какое-то хожденіе апостола Андрея въ такой редакціи, гдѣ рѣчь ведена была

1) Намartol., p. 737 ed. Muralt: Εἰς τὸν ἐν Βλαχέρναις τῆς Θεοτόκου καταλαβόντες ναὸν . . . τὴν δὲ προσωνομίαν ταύτην προσείληφεν ἀπὸ τινος ἀρχηγοῦ Σκιδίου Βλαχέρνου καλουμένου ἀνακραθέντος ἐκείσε. Козинъ De aedif. p. 95 sq. (= Script. orig. Constantinop. rec. Preger, II, not. ad. p. 242, 4) въ числѣ другихъ этимологій приводитъ и ту, по которой названіе произошло отъ гробницы нѣкоего Влаха (Βλάχου τινός), находившейся на мѣстѣ позднѣйшаго храма.

отъ имени апостола, или другими словами—въ наиболѣе древней, до насъ уже не дошедшей формѣ апокрифическихъ сказаній такого рода. Это не было хожденіе въ страну анеропофаговъ или Мирмидонянъ, потому что имена князей—Диулесь и Дидалакхъ не соотвѣтствуютъ Мирменскимъ Фулванамъ (Φουλβανός), упомянутымъ въ дѣяніяхъ Матеѳа (=Матеѳа). Слѣдуетъ ли думать о хожденіи «въ страну варварскую», одинъ отрывокъ котораго, сохранившійся только въ русскомъ переводѣ, уже приведенъ былъ нами во второй главѣ,—мы тоже не въ состояніи утверждать положительно.

Достоверно, а также и важно для насъ только то, что въ русской старинной литературѣ есть слѣды такихъ сказаній объ апостолахъ Андреѣ, какія намъ теперь уже недоступны, и что эти сказанія, подобно хожденію въ землю анеропофаговъ, могли быть относимы къ Скиѳіи, и потому, съ нѣкоторымъ правомъ, приурочивались позднѣе къ русской землѣ. Если бы такихъ памятниковъ дошло до насъ большее количество, то, безъ сомнѣнія, разъяснилось бы наиболѣе простымъ и удовлетворительнымъ образомъ многое, что теперь затрудняетъ и сводитъ съ прямой дороги любознательнаго историка и пытливаго изслѣдователя старины¹⁾. Въ частности мы можемъ думать, что не только русское сказаніе о путешествіи апостола Андрея по русской землѣ, внесенное въ нашу лѣтопись, основано прямо на какомъ-либо не дошедшемъ до насъ изводѣ «хожденія», но что и въ византійской литературѣ иныя понятія о русской землѣ и нѣкоторые термины
185 для ея обозначенія поддерживались знакомствомъ съ апокрифами, и что не только Мирмидонія, но и самый Самватасъ (названіе Кіева у Константина Багрянороднаго), надъ которымъ мы столько ломаемъ головы, имѣютъ или имѣли бы свое на-

1) Между прочимъ, нужно пожалѣть, что, сколько намъ извѣстно, остается не изданною исландская сага объ апостолахъ Андреѣ; если она и не представляетъ ничего особеннаго по своему содержанію, то во всякомъ случаѣ было бы любопытно познакомиться съ ея географическими терминами. <Andréassaga издана Unger'омъ въ Postulasogur, Christian. 1874, p. 318—412. По содержанію она сводится почти исключительно къ пересказу чудесъ, совершенныхъ апостолами. См. F. Jónson, Oldnorske og oldisl. Litt. hist. II (1901), 877 sq., E. Mogk, Gesch. d. norw.-isl. Lit.², 1904, p. 334 (Grundriss. ed. Paul II² p. 888) Θ. Б.>

стоящее объясненіе въ географической номенклатурѣ отреченныхъ книгъ ¹⁾).

1) Находится ли въ какой связи съ сказаніями о хожденіяхъ апостола Андрея преданіе о мученикахъ Иннѣ, Римнѣ и Пиннѣ, рѣшить невозможно. Это преданіе дошло до насъ только въ краткомъ изложеніи греческихъ Миней, и притомъ въ двоякой редакціи. Въ одной, болѣе краткой (см. венеціанское изданіе Миней ζ и *Synaxarium ecclesiae Constantinopolit.* ed. H. Delehaye, col. 407, 23 sqq.), говорится весьма неопредѣленно, что эти святые «были изъ одной сѣверной страны (ὄβοι ὑώρας τινός τῆς κατ' ἄρχον ὑπάρχοντες), и схваченные идолопоклонствующими варварами, были представлены князю страны, который осудилъ ихъ за исповѣданіе Христа на смерть отъ льда». Затѣмъ описывается самый родъ казни: они привязаны были къ деревьямъ, вбитымъ посреди проруби въ замерзшей рѣкѣ, и такъ какъ это было во время особенно лютой зимы, то они скоро замерзли. Въ другой, болѣе пространной редакціи, которая уже находится въ мѣсяцесловѣ Василия, мѣсто и время событія обозначены точнѣе: «Эти святые были изъ Скиеи, изъ страны сѣверной, ученики св. апостола Андрея. Уча объ имени Христа, они обратили многихъ варваровъ къ истинной вѣрѣ и крестили ихъ. За это были схвачены княземъ варваровъ» и т. д. Самые имена святыхъ (Ἰννᾶς, Πιννᾶς, Ῥιμνᾶς) не даютъ ключа къ рѣшенію возникающихъ вопросовъ, хотя Болландистамъ они напоминали ниже-нѣмецкое (голландское?) нарѣчіе. Надписи придунайскихъ областей (*Corpus inscriptionum Latinarum*, t. III) даютъ намъ слѣдующія подобозвучныя названія: Еппа, *Oppalonis filia*, и Еппа, *Rui filia* (№ № 3793, 3821 и 3802), а также Еппо, *Secconis filius* (№ 3861); все это въ верхней Панноніи около Савы (вблизи Любляны); *Remtia L. filia*, только однажды въ Далмаціи (№ 3125), *Pinnius* (№ 571) въ Греціи и (№ 6243²) на керченской амфорѣ и *Pinnia* (2308) въ Далмаціи, наконецъ Епена (въ Мезіи на Сербской Моравѣ № 6316): послѣдняя форма соотвѣтствуетъ болѣе чтенію славянскихъ переводовъ статьи минологія (Епенѣ, Ниринѣ и Пиннѣ). На сколько это подтверждаетъ предположеніе, что подъ сѣверною страной или Скиеіей нужно разумѣть придунайскую Малую Скиею, — представляется судить читателямъ (Ср. арх. Сергія, Полный мѣсяцесловъ Восточной церкви, прим. къ 20-му января и приведенную тамъ ссылку изъ сочиненія Филарета Черниговскаго). Нѣкоторое отношеніе къ нашему предмету, можетъ быть, имѣетъ и краткое сказаніе о мученикѣ Дасіѣ, помѣщаемое въ Минейхъ подъ 20-мъ ноября, и тоже въ двухъ редакціяхъ, хотя событіе относится ко времени (Диоклетіана и) Максимиана. Здѣсь разсказывается, что въ городѣ придунайскомъ Доростолѣ былъ обычай ежегодно во время одного праздника приносить въ жертву Кроносу юнаго и красиваго воина; тотъ, на кого падалъ жребій, въ продолженіе 30 дней пользовался самымъ роскошнымъ содержаніемъ и уже затѣмъ былъ закалаемъ (См. F. Simonet въ *Anat. Boll.* XVI, 11 сл. и XXVII, 369 сл.). Имя Дасія (Δάσιος) часто встрѣчается въ придунайскихъ надписяхъ (*Dasius* и *Dassius*).